This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 30 NOV 1966

LSoc. 3977.4 (6)

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ XVI.

МОСКВА.

1892.

L Soc 3977.44

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

5997

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ XVI.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1892.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Московскаго Университета.

ОГЛАВЛЕНІЕ XVI-го ВЫПУСКА.

Стр.

Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка, читанныя ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго Университета **Романомъ Брандтомъ**. Выпускъ I. Фонетика..... .... 1—146

Дохмій. Глава изъ греческой метрики. Изслѣдованіе **Я. Денисова** ..... 1—179

2 Soc 3977.44 (16)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
7 DEC 1938

ЛЕКЦІИ

по

ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКѢ

РУССКАГО ЯЗЫКА,

читанныя ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго Университета

Романомъ Брандтомъ.

Выпускъ I.

ФОНЕТИКА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предметомъ издаваемыхъ теперь лекцій служитъ литературный русскій языкъ, который въ нихъ освѣщается діалектологіей и исторіей, а также сравненіемъ съ ближайшими (иногда и съ болѣе дальними) родичами. Въ отличіе отъ извѣстныхъ Лекцій Алексѣя Ивановича Соболевскаго, здѣсь предлагаются лекціи не по исторіи русскаго языка, а по его историко-сравнительной грамматикѣ.

Печатаются настоящія лекціи почти безъ дополненій противъ того, какъ они дѣйствительно читались: значительное распространеніе, думается мнѣ, легко могло бы придать задуманному университетскому учебнику характеръ справочной книги.

Романъ Брандтъ.

Гласные звуки.

Для гласныхъ звуковъ русскаго языка большое значеніе имѣетъ удареніе: только ударяемые гласники отличаются явственностью и опредѣленностью; при отсутствіи же ударенія совпадаютъ между собой два, а иногда и три звука. На явственности ударяемыхъ гласниковъ основано извѣстное школьное правило, что, когда мы сомнѣваемся, какую употребить гласную букву, то должны подобрать другую форму того же слова, съ удареніемъ на сомнительной буквѣ: можно напр. усумниться, слѣдуетъ-ли писать тя́ну́, те́ну́, или ти́ну́, но 2-е лицо «тя́нешь» показываетъ, что нужно писать *я*.

Господство ударяемыхъ гласниковъ и ослабленіе безударныхъ есть явленіе довольно новое, развившееся въ XIV—XVI столѣтіи. Впрочемъ надо помнить, что хронологія языка отличается вообще большою неточностью: вѣдь письмо всегда только приблизительно передаетъ выговоръ словъ, и иная особенность, хотя не выражается на письмѣ, тѣмъ не менѣе можетъ существовать въ живой рѣчи. Ослабленіе безударныхъ гласниковъ—черта южно-великорусскаго говора и литературной рѣчи; эту особенность раздѣляетъ и нарѣчіе бѣлорусское. Напротивъ того нарѣчію малорусскому и сѣверно-великорусскому говору она почти чужда.

Въ обзорѣ гласныхъ звуковъ я буду отмѣчать съ одной стороны ихъ качественныя особенности, а съ другой—ихъ происхожденіе. Чтобы дать болѣе ясное представленіе о звукахъ русскаго языка, я при письменномъ изображеніи его словъ буду пользоваться не общепринятымъ правописаніемъ, а фонетическою транскрипціей. Обратимся прежде всего къ ударяемымъ гласникамъ, къ безударнымъ мы перейдемъ впослѣдствіи.

Звукъ а́ не требуетъ замѣчаній насчетъ качественныхъ своихъ особенностей [1]. Что же до его происхожденія, то русское *а* происходитъ 1) изъ праславянскаго а—таковое *а* мы имѣемъ, напримѣръ, въ словахъ ба́ба, са́н. [2]. 2) Звукъ *а* является тамъ, гдѣ въ старославянскомъ языкѣ былъ а [3]; а именно юсу узкому соотвѣтствуетъ *а* съ предшествующей мягкостью [4]. Эта мягкость иногда можетъ теряться, т. к. иные согласники, бывши первоначально мягкими, впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвердѣли; и въ такихъ случаяхъ мы на мѣстѣ а находимъ просто *а*. 'А мы имѣемъ напр. въ глаголѣ с'а́ду, соотвѣтствующемъ старославянскому садж; въ существительномъ м'а́са, равномъ старославянскому мясо. Здѣсь въ обоихъ примѣрахъ мы видимъ *а* съ предшествующимъ мягкимъ согласникомъ. Простое *а* на мѣстѣ а, безъ предшествующей мягкости, мы находимъ послѣ шипящихъ *ж* и *ш*. (О ч и щ рѣчь будетъ ниже). Мы имѣемъ, напримѣръ, существительное жа́ла, основная форма котораго будетъ жало; имѣемъ прилагательное ша́ткій, находящееся въ связи съ церковно-славянскимъ шатати са. (Русскій глаголъ шата́ться въ примѣръ не годится, потому что *а* въ немъ безударное). *А* безъ предшествующей мягкости въ соотвѣтствіе а является также и послѣ согласнаго дифтонга ч, обозначать который я буду черезъ т͡ш, такъ какъ оба эти звука, тѣсно соединенные, слышатся въ нашемъ дифтонгѣ. Изъ указанныхъ элементовъ первый всегда мягокъ, а второй обыкновенно бываетъ среднимъ. (Средній выговоръ я буду обозначать точкой). Итакъ, русское ч состоитъ изъ

---

[1] О нѣкоторыхъ оттѣнкахъ его удобнѣе будетъ поговорить въ другомъ мѣстѣ.

[2] Удареніе русскихъ словъ я, при писаніи на доскѣ въ аудиторіи, а также и въ литографическомъ изданіи этихъ лекцій, обозначалъ отвѣсной чертой, такъ какъ обыкновенные знаки, ´и` (акутъ и грависъ) имѣютъ особыя значенія въ другихъ славянскихъ языкахъ. Но въ настоящемъ изданіи, чтобы не отливать новыхъ буквъ, я пользуюсь акутомъ.

[3] Въ виду того, что праславянскіе звуки почти всегда совпадаютъ со старославянскими, я обыкновенно буду выводить русскія слова изъ старославянскихъ.

[4] Мягкость я буду обозначать апострефомъ.

т+ш̀. При такомъ произношеніи слогъ ча находитъ подобное же отраженіе какъ жа и ша, т. е. представляетъ отсутствіе мягкости, напр. т͡ш̀ас̀т̀, равное староцерк. часть. Но не вездѣ одинаково произносятъ ч, въ нѣкоторыхъ говорахъ ч мягко, т. е. представляетъ т̀+ш̀. При такомъ выговорѣ ч не стоитъ уже на ряду съ ж и ш, а подходитъ подъ общее правило. Сказанное про ч относится и къ согласному трифтонгу щ, который есть или ш̀т͡ш̀, или же ш̀т͡ш̀, а у иныхъ звучитъ и какъ простой, но протяжный согласный—какъ ш͡ш̀: паш̀т͡ш̀а́да, или паш̀т͡ш̀а́да, или же паш͡п̀а́да=староцерковному *поштада, праславянскому *пощада. Въ извѣстномъ смыслѣ къ исключеніямъ принадлежитъ и тотъ случай, когда а предшествуетъ ј, т. е., напримѣръ, какое-нибудь слово ја́дра (беру множественное число, а не единственное, чтобъ имѣть *а* подъ удареніемъ), соотвѣтствующее староцерковному ядра. Здѣсь звуку *а* предшествуетъ мягкій согласникъ ј, но всетаки самому а соотвѣтствуетъ одинъ только звукъ *а*, потому что ј на лицо и въ староцерковномъ языкѣ.

Есть нѣкоторые случаи, гдѣ русское *а* съ предшествующей мягкостью находитъ себѣ соотвѣтствіе въ староцерковныхъ формахъ съ ѣ. Такъ, при нашемъ нарѣчіи пр̀а́мо мы находимъ староцерковное прѣмо; русской глагольной формѣ пама́н̀ьт соотвѣтствуетъ староцерковная помѣнеть; русское прилагательное рум'а́нъй соотвѣтствуетъ староцерковному роумѣнъ. Но при глагольной формѣ помѣнеть мы встрѣчаемъ также форму помянеть. Староцерковное роумѣнъ по-сербски будетъ ру̀мен, румѐна, -о; а сербское *е*, если оно проходитъ по всѣмъ говорамъ сербскаго языка, предполагаетъ или основное е, или а, но не ѣ: если бы тутъ былъ ѣ, то при формѣ ру̀мен должны бы существовать (въ западныхъ говорахъ) разновидности ру̀м*ј*ен и -*и*н. Итакъ серб. ру̀мен свидѣтельствуетъ объ основномъ роуманъ. За то польскій языкъ здѣсь предполагаетъ ѣ: по-польски rumiany, а польское 'а соотвѣтствуетъ славянскому ѣ, на мѣстѣ же а было бы 'ą или 'ę: rumiąny или rumięny [1]. Такимъ образомъ праславян-

[1] Почти тожественныя фонемы rumiany и рум'а́нъй представляютъ поучительный примѣръ, что сходство можетъ иногда указывать на первоначальное различіе.

скія созвучія ѧм ѧн въ разсматриваемыхъ словахъ имѣли при себѣ разновидности ам, ан, и русскія *'ам, 'ан* можно возводить къ послѣднимъ.

Мы видѣли случаи, въ которыхъ русскіе слоги ја, жа, ша, ⁀тша произошли изъ праславянскихъ сочетаній съ а; не слѣдуетъ однако думать, чтобъ эти слоги всегда имѣли такое происхожденіе. Существуютъ также слова въ родѣ ја́гъда, равнаго основному ягода, гдѣ *а* восходитъ къ праславянскому а и къ славяно-литовскому ō—по-литовски это слово будетъ ůga, что̀ предполагаетъ славяно-литовское *ōgā. Далѣе, въ такихъ слогахъ, какъ ја, жа, ша, ⁀тша, а славянскій и вмѣстѣ съ тѣмъ русское *а* стоитъ очень часто вмѣсто ѣ. Мы имѣемъ, напр., глаголъ бояти са, 2-е лицо настоящаго боишн са; глаголъ стояти, 2-е л. стоишн — эти глаголы образованы такъ же, какъ летѣти, имѣющій 2-е л. летишн, но только въ неокончательномъ они послѣ j вмѣсто ѣ представляютъ а. Подобнымъ же образомъ и послѣ шипящихъ мы встрѣчаемъ а вмѣсто ѣ, напр. лежати, 2-е лицо лежишн—лежати вмѣсто *легати. Въ литовскомъ языкѣ мы здѣсь находимъ *е* у з к о е, предполагающее ē, напр. нашему сѣдати въ литовскомъ соотвѣтствуетъ sėdė́ti. Подобное же *а* вмѣсто ѣ является и въ цѣломъ рядѣ существительныхъ, напр. въ словѣ жа́ба, которое имѣетъ соотвѣтствіе въ сербскомъ—ж а́ б а (съ *а*: если бы тутъ въ праславянскомъ языкѣ былъ а, то Сербы произносили бы ж *е* б а) и въ польскомъ żaba (а не żęba или żąba). Таково же слово ш а́ л ъ ⁀с ⁀т, находящееся въ связи съ сербскимъ ш а́ л а шутка (не ш *е* л а), съ польскимъ szalony безумный (не szęlony или szą lony); далѣе слово ⁀тш а́ ш а, сербское ч а́ ш а и польское czasza. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что указанныя слова представляютъ *а* вмѣсто *ъ*, но точнѣе говорить, что *а* замѣняетъ тутъ *ē*, которое при другихъ условіяхъ дало бы *ъ*. Притомъ уже Праславяне послѣ j и шипящихъ употребляли *а* вмѣсто *ē*, и русскіе унаслѣдовали г о т о в о с *а*.

Такъ какъ русскій звукъ *а* съ предшествующей мягкостью можетъ соотвѣтствовать или основному а, или ѧ, то, при этимологическомъ толкованіи русскихъ словъ, надо себѣ всегда ставить вопросъ, чему соотвѣтствуетъ данное *а*. Замѣтимъ, что въ корняхъ *а* съ предшествующей мягкостью (именно, съ предшествующими мягкими

согласными, т. е., за исключеніемъ созвучій ја, жа, ша, т͡ша) происходитъ изъ ѧ, и только въ суффиксахъ мы имѣемъ также древнее *а* съ предшествующей мягкостью, напр. русское слово з̓им̓ла́ соотвѣтствуетъ староцерковному ꙁемлꙗ.

Замѣна ѧ черезъ *'а*—замѣна древняя; вторичнымъ однако слѣдуетъ считать отвердѣніе (въ большей или меньшей степени) нѣкоторыхъ согласныхъ. Первоначально слогамъ съ ѧ соотвѣтствовали всегда мягкіе слоги: мы знаемъ, что *ч* можетъ быть мягкимъ, первоначально же оно всегда было таковымъ, точно такъ же и *ж, ш*. Такъ, напримѣръ, ж а́ л а первоначально звучало ж̓а́ л о, ш а́ т к ъ й—ш̓а́ т к о й. Что ѧ издавна былъ утраченъ русскимъ языкомъ это явствуетъ изъ первыхъ памятниковъ русскаго письма. Какъ извѣстно, въ памятникахъ XI столѣтія—въ Остромировомъ Евангеліи (1056—57 гг.), въ обоихъ Изборникахъ Святославовыхъ (1073 и 1076 г.) и въ Служебныхъ Минеяхъ за октябрь и ноябрь мѣсяцы (1095—97 гг.)—мы имѣемъ уже случаи смѣшенія буквы ѧ съ буквами а и ꙗ. Напр. діаконъ Григорій въ послѣсловіи пишетъ: «поуахъ писати», между тѣмъ какъ нужно было написать «поуѧхъ»; да и въ самомъ текстѣ Евангелія, при списываньи южно-славянскаго подлинника, онъ нерѣдко ошибался насчетъ употребленія буквъ ѧ, а и ꙗ. Можно, правда, привести нѣкоторыя соображенія въ пользу существованія въ русскомъ языкѣ, въ болѣе раннюю пору, посовыхъ гласныхъ,но эти доводы носятъ характеръ сомнительный. Они будутъ изложены ниже.

Что касается письменнаго знака ѧ, то онъ сохранялся въ русскомъ письмѣ на ряду съ ꙗ и даже употреблялся предпочтительно передъ нимъ; ѧ преобладаетъ также въ церковныхъ книгахъ новой редакціи; изъ его скорописной разновидности вышла буква *я* гражданскаго письма́ и печати.

Обратимся теперь къ звуку *е*. *Е* есть звукъ средній между *а* и *и*, и какъ таковой можетъ занимать приблизительно середину между ними, или же приближаться болѣе къ *а*, или болѣе къ *и*. Въ русскомъ языкѣ существуютъ д в а *е*—одно болѣе близкое къ *а*, другое болѣе близкое къ *и*; кажется, въ нѣкоторыхъ, хотя и рѣдкихъ, случаяхъ встрѣчается еще *е* среднее, одинаково далекое какъ отъ *и*, такъ и отъ *а*. Звукъ *е* болѣе близкій къ *а* буду обозначать посредствомъ ӓ и называть *е* широкимъ. Широкое *е* тоже-

ственно съ нѣмецкимъ *e* въ словѣ Aehre (колосъ), и съ французскимъ è, напр. въ словѣ père: примѣромъ на такое *e* можетъ служить слово м̀ ä л. Узкое *e* равно нѣмецкому *e* въ словѣ Ehre (честь), французскому é, напр. въ словѣ bonté (доброта); такое *e* представляетъ напр. слово м̀ e л̀. (Узкое *e* буду выражать перевернутымъ *э*).

Двоякость звука *e* въ русскомъ языкѣ впервые была указана академикомъ Як. Карл. Гротомъ, въ статьѣ, помѣщенной въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ 1847-мъ году, и перепечатанной потомъ въ сборникѣ его грамматическихъ работъ, въ его «Филологическихъ разысканіяхъ». Статья эта озаглавлена «О произношеніи буквъ е, ѣ и э». Уже изъ приведеннаго заглавія видно, что указанная особенность звука *e* одинаково относится къ этому звуку, какъ бы онъ ни изображался на письмѣ. Позже Грота, но независимо отъ него, пришелъ къ тому же заключенію другой академикъ, извѣстный спеціалистъ по санскритскому языку—Бётлингъ (Böthlingk). Статья Бётлинга, въ которой онъ между прочимъ разсматриваетъ занимающій насъ вопросъ, озаглавлена «Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ» и напечатана въ Ученыхъ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ по 1-му и 3-му отдѣленіямъ, томъ I; она же появилась на нѣмецкомъ языкѣ во французско-нѣмецкомъ изданіи Академіи, Bulletin historico-philologique, v. IX, подъ заглавіемъ: «Beiträge zur russischen Grammatik».

Условія появленія въ русскомъ языкѣ того или другого *e* очень просты; тогда какъ во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ только изъ практики можно узнать, гдѣ будетъ ä, а гдѣ e, въ русскомъ языкѣ для этого существуетъ общій законъ, не допускающій исключеній. Я здѣсь дамъ свою формулу, впрочемъ почти совпадающую съ формулой Бётлинга. (У Грота мы находимъ неудовлетворительное опредѣленіе, потому что онъ въ указанной статьѣ говоритъ вмѣсто звуковъ о буквахъ). Формула моя слѣдующая: передъ мягкими согласными, въ числѣ которыхъ находится также легкій j, или, если употребить другой терминъ—*i* неслого́вое (звукъ, для котораго въ русской азбукѣ существуетъ знакъ й), является e, въ другихъ случаяхъ—ä. Значитъ, ä является пе-

редъ твердыми согласными и въ исходѣ [1]. Это можно видѣть уже на приведенныхъ выше примѣрахъ (мäл, мел): въ первомъ случаѣ мы передъ твердымъ согласнымъ находимъ ä; во второмъ, передъ мягкимъ—е. Возьмемъ затѣмъ, какъ примѣръ на ä въ изглашеніи, нарѣчіе в д ä [2]. Сопоставимъ еще нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, какъ при чередованіи согласныхъ твердыхъ и мягкихъ мѣняется звукъ *е*. Произнося въ именительномъ падежѣ дäла, мы въ мѣстномъ говоримъ (в) дéли, далѣе: анä сäла, но анѝ сéли. Подобнымъ же образомъ является звукъ ä въ именительномъ падежѣ слова свäт, а мѣстный будетъ (ф) свéти, точно также уменьшительная форма этого слова будетъ свéтьк. Возьмемъ еще мѣстоименіе «этотъ» въ женскомъ родѣ: напр. ʲäта дáма, но во множественномъ числѣ будетъ ʲéти дáмы. Въ появленіи е передъ мягкими согласными мы должны видѣть родъ уподобленія: мягкій согласный содержитъ въ себѣ элементъ средненёбный, элементъ j, а согласный j ближайшій родичъ гласнаго *и*; поэтому-то *е* передъ мягкими согласными приближается къ *и*, приближаясь вмѣстѣ съ тѣмъ къ j.

Я приводилъ примѣры на ä и е, оставляя въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи звука *е*; и дѣйствительно, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, оно почти безразлично.

Судя по письму, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ исключеній изъ нашего закона, но всѣ они мнимыя. Таково, напр., слово в е р х ъ, гдѣ какъ будто является е передъ твердымъ *р*, тогда какъ въ дѣйствительности тутъ *р* мягкій, и произносятъ вéр'х; иногда правда, слышится и твердый *р*, но тогда говорятъ уже вäрх, съ широкимъ *е*. Впрочемъ, второе произношеніе надо считать провинціализмомъ, или же искусственнымъ примѣненіемъ къ письму. Подобныя же исключенія представляютъ слова въ родѣ м е ч ъ, л е щ ъ, гдѣ твердость обозначается только на письмѣ, а въ произношеніи ея не существуетъ. Мы произносимъ мéт͡ш или мéт͡ш

---

[1] Исходомъ или изглашеніемъ называется послѣдній звукъ въ словѣ.

[2] Въ словѣ г д ѣ слышится своеобразный звукъ г, который я обозначаю черезъ ɣ. Это обозначеніе было изобрѣтено Шегрéномъ для Осетинскаго языка и потомъ употреблено Бётлингомъ для Якутскаго, а также, въ вышеупомянутой статьѣ о русской фонетикѣ.

и во всякомъ случаѣ первая часть звука *ч*, непосредственно примыкающая къ звуку *е*,—мягкая (т̇). Слово лещъ мы произносимъ л̇еш̇т̇ш̇, или л̇еш̇т̇ш̇, или л̇еш̇ш̇; опять-таки первая часть сложнаго согласнаго мягкая. Подобныя же мнимыя исключенія представляютъ прилагательныя в̇е́ш̇н̇ьй и пр̇е́ж̇н̇ьй, гдѣ *ш* и *ж* подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго сами мягки, хотя мягкость на письмѣ не обозначается. Съ другой стороны существуютъ слова̀, въ которыхъ пишется мягкій знакъ, но передъ «мягкою согласною» приходится читать ä: въ этихъ случаяхъ ерь имѣетъ только этимологическое значеніе. Такъ напр. въ словѣ п-л-ѣ-ш-ь, равномъ пл̇ä ш; въ велительномъ наклоненіи глагола у т ѣ ш и т ь—у-т-ѣ-ш-ь=у т̇ä ш, или отъ глагола рѣзать—р-ѣ-ж-ь=р̇ä ш. Отмѣтимъ еще нѣсколько случаевъ колебанія, подобныхъ замѣченному въ словѣ в е р х ъ. Таково количественное числительное с е м ь: одни произносятъ с̇ä м, другіе—с̇е м̇; таково же порядковое числительное п е р в ы й: одни говорятъ п̇ä р в ъ й, другіе — п̇е́р̇в ъ й. Подобнымъ же образомъ слышится к а н̇ä ш н а, съ твердымъ *ш* и съ *ä*, или же к а н̇е́т̇ш̇н а (либо к а н̇е́т̇ш̇н а), съ *ч* и съ *е*. Слово н̇ä т, когда къ нему примыкаетъ частица л̇ и можетъ сохранять твердое *т*, тогда будетъ н̇ä т л̇и; если же *т* уподобляютъ элю и произносятъ его мягко, то *е* будетъ узкое—н̇е́т̇л̇и. Кажется, уподобленіе нерѣдко бываетъ неполное, такъ что *т* примѣняется къ л̇, но не дѣлается собственно мягкимъ, а только сред̇нимъ, въ такомъ случаѣ получается и *е среднее*, не широкое, но и не узкое: н̇е́т̇л̇и.

Звукъ *е* въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіи есть звукъ *умягчительный*. (Выраженіемъ «умягчительный» я хочу сказать, что данному гласному предшествуетъ всегда мягкій согласный). Въ зачинѣ, т. е. будучи первымъ звукомъ слова, *е* имѣетъ передъ собой всегда согласный элементъ—точнѣе говоря, *е* начальнымъ звукомъ никогда не бываетъ. И въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы пишемъ э, слово не начинается съ гласнаго элемента, а съ легкаго j или неслоговаго і, который я буду обозначать маленькою буквою й, напр. ᵘä! ᵘä х! ᵘä т ъ т, ᵘе́т̇и, ᵘе й! Тоже самое и въ пришлыхъ словахъ, напр. ᵘä х а, ᵘä р а. Здѣсь, правда, иногда слышится *е* чистое, но только при очевидномъ желаніи произнести по иностранному. Легкій j передъ звукомъ *е* въ началѣ слова, какъ само

собой разумѣется, встрѣчается рѣдко: вѣдь немногія слова на письмѣ начинаются съ буквы э. Происходитъ это оттого, что еще въ праславянской рѣчи зачинное *е* приняло *призвукъ j*, такъ что слова, которыя въ родственныхъ языкахъ начинаются со звука *е*, у Славянъ начинаются съ j: при греческомъ ἐστί мы находимъ славянское **есть**, русское j е с т ь. Призвукъ ' въ русскомъ языкѣ, также и въ другихъ новославянскихъ языкахъ является и передъ *ъ*, который, слѣдуетъ думать, въ староцерковномъ и въ основномъ славянскомъ языкѣ призвука не имѣлъ. Мы видимъ по-русски глагольную форму j ā м и при ней инфинитивъ j е с т ь; но предполагаемыя ими праславянскія формы **ѣмь, ѣсти**, должно быть, j не содержали, потому что вмѣсто **ѣ** (изъ праязычнаго ē) послѣ j и другихъ мягкихъ согласныхъ являлся **а**. Да мы, дѣйствительно, и находимъ при **ѣмь, ѣсти** господствующія въ староцерковномъ языкѣ разновидности **имь, ѣсти**. Изъ существованія рядомъ такихъ фонемъ, какъ **имь, ѣсти** и **ѣмь, ѣсти**, легко объясняются j ā м, j е с т ь: огласовка идетъ изъ однихъ фонемъ, а призвукъ—изъ другихъ. Впрочемъ, если **ѣ**, какъ думаетъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ, былъ восходящимъ дифтонгомъ i é, то призвукъ можно объяснять фонетически изъ перваго его элемента.—Какъ исключеніе изъ общаго закона, мы имѣемъ звукъ *е* б е з ъ п р е д ш е с т в у ю щ е й м я г к о с т и послѣ шипящихъ *ж*, *ш* и послѣ согласнаго дифтонга т͡с. Эти звуки передъ *е* бываютъ средними—ни мягкими, ни твердыми, напр. ж е с т ь, ш е с т ь, т͡с е л ь, прилагат. т͡с а л ъ й. Подобнымъ же образомъ произносятъ т͡ш е с т ь (но также и т͡ш е с т ь), ш͡т ш е л ь (но также ш͡т ш е л ь или ш ш е л ь). Еще мы находимъ звукъ *е* съ предшествующими средними согласными, когда слово начинающееся съ *е* примыкаетъ къ твердому исходу предшествующаго слова. Такія соединенія являются тогда, когда мѣстоименіе э т о т ъ примыкаетъ къ предлогу съ твердымъ изглашеніемъ, напр. аб' а т ъ м, с е́ ѣ ь м (*б* и *с*, примѣняясь къ *е*, умягчаются, но незначительно); то же самое въ такихъ соединеніяхъ какъ а н а с л ы-

---

' Призвукъ—терминъ Я. К. Грота; обыкновенно говорятъ «придыханіе», но послѣдній терминъ страненъ, да и неудобенъ, такъ какъ мы его употребляемъ въ другомъ смыслѣ.

шыт̇ ӓха. Вѣроятно слѣдуетъ думать, что, когда развивался такой выговоръ, въ зачинѣ еще не было легкаго j.

Въ нарѣчіи малорусскомъ звукъ *е* *неумягчительный*: предшествующій ему согласный довольно твердъ, хотя нѣсколько мягче, чѣмъ передъ *а*, *о*, *у*. Малорусская рѣчь не знаетъ также, или знаетъ не въ такомъ явственномъ видѣ, примѣненіе звука *е* къ слѣдующему согласному, напр. слово д̇ен̇ по-малор. будетъ д̇ен̇; слово б̇е́р̇ьк—б̇е́р̇ев; слово ат̇ӓт͡с—от̇е́т̇с̇. Довольно значительная твердость согласныхъ передъ *е* должна считаться вторичнымъ явленіемъ; въ этомъ убѣждаетъ насъ существованіе сокращенной формы велительнаго наклоненія, гдѣ вмѣсто окончанія *те* является одно *т*, но *мягкое*. Староцерковной формѣ берѣте! соотвѣтствуетъ по-малорусски б̇ер̇и́т̇е! и б̇ер̇и́т̇! Очевидно, основная форма представляла окончаніе *те* не столь твердое, какъ въ настоящее время. Нельзя впрочемъ думать, чтобы мягкость въ основномъ русскомъ передъ *е* была такъ сильна, какъ у современныхъ Великороссовъ и Бѣлоруссовъ.

Обратимся теперь къ происхожденію звуковъ ӓ и е. Эти звуки соотвѣтствуютъ тремъ староцерковнымъ звукамъ: є, ѣ, ь. Ь въ русскомъ языкѣ или нѣмѣетъ, оставляя по себѣ мягкость, или проясняется въ *е*. Впрочемъ мягкость впослѣдствіи могла иногда утратиться, а *е*—подвергнуться вторичному измѣненію. Полное совпаденіе указанныхъ основныхъ звуковъ имѣетъ мѣсто передъ мягкими согласными: передъ ними є, ѣ и ь совпали въ одномъ звукѣ е. Что дѣйствительно существуетъ полное совпаденіе, въ этомъ легко убѣдиться на примѣрахъ. Сравнимъ, напр., выраженіе «а лѣнь» съ существительнымъ «олень»—и то и другое звучитъ одинаково: ал̇е́н̇. Подобнымъ же образомъ можно сравнить сочетаніе «а день» съ велительнымъ «одѣнь»!—то и другое въ фонетической транскрипціи будетъ ад̇е́н̇. Передъ согласными твердыми нѣтъ совпаденія трехъ гласныхъ, а совпадаютъ только два—е и ь. Є и ь передъ твердыми согласными расширились въ *о*, причемъ, конечно, мягкость предшествующаго согласнаго сохранилась, т. е. происходитъ, какъ обыкновенно выражаются, «переходъ *е* въ *ё*». Такимъ образомъ основная фонема теплъи даетъ по-русски т̇о́плъй; основная фонема пьсъ—п̇о́с. (Не слѣдуетъ думать, чтобы ь *прямо* измѣнялся въ *о*: здѣсь *о* вторичное, изъ *е*). Превративъ передъ

твердыми согласными древніе е и ь въ *о*, русскій языкъ сохранилъ въ такомъ положеніи ѣ: л̇ä с, н̇ä г а, б'ä л ъ й и т. д., такъ что наше ä, можно сказать, соотвѣтствуетъ основному ѣ. Есть однако случаи, гдѣ ä имѣетъ иное происхожденіе: 1) этотъ звукъ встрѣчается въ словахъ пришлыхъ, напр. мäтъ, кад̇äт; 2) ä бываетъ на мѣстѣ древняго е въ книжныхъ словахъ, подъ вліяніемъ церковнаго языка и правописанія. Такимъ образомъ мы имѣемъ выговоръ п р̇ и д̇ м̇ ä т, по-польски przedmiot, да и по-русски тотъ-же корень въ чисто-русскомъ словѣ п а м̇ о т представляетъ разширеніе; п а д̇ ä ш (грамм. терминъ), но п а д̇ о ш. Книжнымъ приходится считать и произношеніе н̇ ä б а coelum, рядомъ съ н̇ о́ б а palatum. Можно удивляться, что слово нäба имѣетъ книжный выговоръ; но, вѣроятно, дѣло въ томъ, что въ народѣ и въ просторѣчіи это слово приходится употреблять почти исключительно съ предлогами, т. е. безъ ударенія (н а́ н е б о, п о́ н е б у и т. д.), такъ что книжное вліяніе, на первый взглядъ невѣроятное, все-таки можетъ быть допущено [1]. 3) Мы имѣемъ ä на мѣстѣ исконнаго є или ь вслѣдствіе вторичнаго отвердѣнія согласныхъ, т. е. въ такихъ словахъ, гдѣ во время разширенія *е* въ *о* за звукомъ *е* слѣдовалъ мягкій согласникъ, отвердѣвшій только позднѣе; впослѣдствіи *е* передъ такою вторичною твердостью также разширилось, но уже не въ *о*, а въ *ä*. Основная фонема **отьць** должна была дать первоначально фонему о т̇ е́ т̇͡с, по-малорусски дѣйствительно такъ и говорятъ; впослѣдствіи согласный дифтонгъ т̇͡с отвердѣлъ, а *е* разширилось въ *ä*, и получилось а т̇ ä т̇͡с. **Окьца** имѣетъ въ род. пад. множ. ч форму **окьць**; опять-таки по-русски сначала было (уцѣлѣвшее у Малороссовъ) о в̇ е́ т̇͡с, а отсюда вполнѣ понятенъ выговоръ а в̇ ä т̇͡с. Таково же числительное с̇ ä м (рядомъ съ с̇ е м̇). Сюда же можно отнести такія прилагательныя, какъ у т̇͡ш ä б н ъ й, т̇͡с ы л̇ ä б н ъ й: суффиксъ здѣсь былъ перво-

[1] Въ народной рѣчи встрѣчается также н ё б о coelum: н ё б о Ол., до н ё б а Вят. Колосов. Обзор. звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варшава 1878, стр. 74. Такъ и въ Скопинскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи (по сообщенію Евг. Ѳед. Будде) произносятъ н ё б а.

начально ьнъи и поэтому звукъ *б* долженъ былъ быть мягкимъ, отвердѣніе произошло лишь подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго согласника—основная фонема оуъьынъи. Еще 4) не восходитъ къ древнему ѣ ä въ междометіи ⁱä!, которое употребляется и само по себѣ, и въ сочетаніи съ другими словами, какъ ⁱä в а! ⁱä т ъ т. Отсутствіе тутъ разширенія можно легко объяснить тѣмъ, что слитіе такихъ соединеній въ одно цѣлое произошло довольно поздно, послѣ того какъ законъ о разширеніи пересталъ дѣйствовать; въ самомъ же междометіи сохраненіе *е* оправдывается тѣмъ, что за нимъ не слѣдовало твердаго согласнаго. Можно бы, пожалуй, сослаться и на то, что разширяемому *е* всегда предшествуетъ средненебный элементъ (j или мягкій согласникъ), какового здѣсь первоначально не было. Срв. выше, стр. 10.

Мы видѣли, что великорусское ä до извѣстной степени представляетъ слѣдъ древняго ѣ. Малорусская рѣчь еще съ бо́льшей отчетливостью сохранила память о ѣ, именно въ видѣ *умягчительнаго и*, напр. і́нс, мі́ра (исконное *и* по-малорусски—неумягчительно). Вмѣсто *и* замѣняющаго ѣ существуетъ въ сѣверномъ говорѣ малорусской рѣчи слогъ *је*, а также своеобразный дифтонгъ *ие*, съ ударе́ніемъ на *и*. О звуковыхъ особенностяхъ малорусскаго нарѣчія можно найти свѣдѣнія въ статьяхъ Алдр. Афан. Потебни́, проф. Харьковскаго Университета. Одна статья, озаглавленная: «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій» напечатана въ «Филологическихъ Запискахъ» въ 1865 г. Она вышла отдѣльнымъ оттискомъ вмѣстѣ еще съ одной статьей (О полногласіи), подъ общимъ заглавіемъ: «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка». Другая его статья помѣщена въ тѣхъ же Филологическихъ Запискахъ, въ 1870 г. и озаглавлена: «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи» [1].

---

[1] Отмѣчу здѣсь еще «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія» П(авла) Житецкаго. Кіевъ 1876 и Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache von Dr. Emil Ogonowski. Lemberg 1880. Обстоятельныя свѣдѣнія объ одномъ изъ сѣверно-малорусскихъ подрѣчій содержатся въ книгѣ «Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Константиновскаго уѣзда Сѣдлецкой губерніи. Составилъ по собраннымъ лично матеріаламъ Н. Янчукъ. Москва 1885».

Въ виду малорусскаго і на мѣстѣ древняго ѣ естественно думать, что въ общерусскомъ языкѣ ѣ, существованіе котораго предположить необходимо, былъ гласный узкій; былъ ли онъ дологъ, это помоему сомнительно. Можно допустить, что древній выговоръ уцѣлѣлъ, какъ областной, въ Олонецкой губерніи, гдѣ, по словамъ Алексѣя Александровича Шáхматова [1], ѣ звучитъ какъ е и передъ твердыми согласными, т. е. не только говорятъ м̀е́р̀ѝт, но и м̀е́р а вмѣсто м̀а̂р а. При предположеніи, что общерусскій звукъ соотвѣтствовавшій древнему ѣ былъ е, мы можемъ себѣ объяснить, почему ѣ не подвергся разширенію въ о. Приходится думать, что напр. праславянская форма сѣ́ла (рус. с ё л а) первоначально представляла е узкое—с̀е́ла; а причастная форма сѣлъ представляла ѣ, т. е. ä—с̀а̂ л а. Можно предполагать, что форма с̀е́ л а въ основномъ русскомъ пріобрѣла ä и стала звучать с̀а̂л а, а отсюда уже великорусское с̀о́ла [2]; причастная же форма с̀а̂ л а, обратилась въ с̀е́ л а, изъ чего Великороссы сдѣлали с̀а̂ л а. Итакъ основная форма с̀е́ л а не прямо дала русскую форму с̀о́ л а; точно также и причастная форма с̀а̂ л а не сохранила праславянскій звукъ ѣ, а вернулась къ нему послѣ нѣкотораго отступленія.

Обратимся теперь къ звуку и.

Обыкновенное великорусское и есть звукъ острый, можно сказать мягкій. Хотя научной грамматикѣ приходится возставать противъ школьной терминологіи, въ которой являются «мягкія гласныя *я*, *ю*», но звукъ и есть ничто иное, какъ гласный j, и можетъ быть мягокъ самъ по себѣ. Понятно, мягкое и вмѣстѣ съ тѣмъ *умягчительно*, т. е. предшествующій ему согласный бываетъ всегда мягкимъ: н̀и́ в а, н̀и́ в а, л̀ и с т. Подобно тому, какъ слова не начинаются со звука е, такъ они не начинаются и со звука и: передъ зачиннымъ и слышится всегда легкій іотъ, напр.

---

[1] Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV в. Спб. 1886 г.

[2] Какъ переходную ступень отъ ä къ о, мы, вмѣстѣ съ Шахматовымъ (по его литографированнымъ лекціямъ, читаннымъ въ осеннее полугодіе 1890 года), должны предполагать ö.

ᵏи́ва [1]. Также и внутри слова, гдѣ буква *и* стоитъ послѣ гласныхъ, ея звуку предшествуетъ легкій ј, напр. глаголъ поить, произносится паᵏи́т̇. Но звукъ *и* расходится со звукомъ *е* въ томъ отношеніи, что весьма рѣдко сочетается съ іотомъ явственнымъ; такой ј встрѣчается передъ *и* только въ нѣкоторыхъ формахъ мѣстоименія 3-го лица: въ формахъ јим (тв. пад. ед. ч.), јих (род. и мѣстн. мн.), јим (дат. мн.), ји́ми (тв. мн.); но и здѣсь иные произносятъ ᵏи. Чаще сочетаніе ји встрѣчается внутри слова, напр. въраб'ји́, у суд̇ји́.

Мягкое *и* самое обыкновенное въ великорусской рѣчи, однако оно не единственное. Существуетъ нѣсколько оттѣнковъ этого звука, которые болѣе или менѣе приближаются къ родственному широкому звуку *ы*. (Болѣе широкій выговоръ я буду обозначать посредствомъ надписанія надъ *и* маленькихъ *ы* — и). Такой средній выговоръ является въ началѣ слова, когда оно примыкаетъ къ твердому исходу предшествующаго. Напр. произносятъ: аб̇ и́ви, над̇ и́с̇т̇ьнъйу, к̇ и́жытсы. Тотъ же выговоръ является послѣ согласнаго дифтонга т̇ш̇ и трифтонга ш̇т̇ш̇ въ томъ случаѣ, когда послѣдній элементъ ихъ есть средній (если же произносить послѣдній элементъ мягко, то *и* будетъ узкое), напр. т̇шист, ш̇т̇ш̇ит. Еще болѣе широкій звукъ, который почти совпадаетъ со звукомъ *ы* и который можно назвать узкими ера́ми, мы встрѣчаемъ послѣ *ж*, *ш*, напр. жыр, шыт̇. Послѣ тс, напр. въ словахъ тсы́пка, м̇ьд̇итсы́на слышатся даже настоящіе *ы*.

Существованіе указанныхъ оттѣнковъ можно лучше всего провѣрить посредствомъ рифмы: подобравъ слова, которыя, рифмуясь между собой, представляютъ колебаніе между указанными четырьмя звуками. Слово т̇ш̇иш не рифмуется чисто на слово т̇иш, съ другой стороны не рифмуется и на слово мыш, представляющее чистые ы. Сравнимъ еще существительное ш̇т̇ш̇ит съ одной стороны съ существ. гран̇и́т, а съ другой стороны съ существ. быт. Еще

[1] Срв. выше, стр. 8.

сопоставимъ слова ц͡сы́пка и ры́пка; ши́ла и мы́ла; мужы́к и бык. На то, что слоги русскаго письма ши, жи, ци, чи, щи не соотвѣтствуютъ произношенію, первый обратилъ вниманіе протоіерей Герасимъ Павскій, въ своихъ Филологическихъ наблюденіяхъ надъ составомъ русскаго языка. Первое разсужденіе (Санктпетербургъ 1841), стр. 127, § 111, хотя онъ впадалъ въ преувеличеніе, когда говорилъ, что во всѣхъ этихъ слогахъ слышатся ы. Ошибка Павскаго была исправлена Я. К. Гротомъ [1].

Что касается грамматической роли звуковъ *и* и *ы* въ ихъ различныхъ оттѣнкахъ, то вообще можно сказать, что *и* узкое и широкое равны основному *и*, а *ы*—основнымъ *ы*. Исключенія составляютъ съ одной стороны слоги *ги*, *ки*, *хи*, которые замѣняютъ староцерковные и праславянскіе гы, кы, хы. Съ другой стороны ы соотвѣтствуютъ основному и въ слогахъ ши, жи, напр. теперь мы имѣемъ форму нажы́ съ ы, первоначальная же славянская форма была ножи́; подобнымъ же образомъ пишы́!, а въ праславянскомъ было пиши́! Настоящіе ы являются на мѣстѣ и въ слогѣ ц͡сы, напр. а ц͡сы́, форма которая въ праславянскомъ звучала отьц̀и́.

Между тѣмъ какъ великорусская рѣчь сохранила, хотя и не безъ отступленій, древнеславянскую двойственность широкаго и узкаго *и*, т. е. звуки *ы* и *и*, малорусское нарѣчіе стерло эту двойственность. Въ малорусскомъ произношеніи *и* и *ы* совпали въ *и* среднемъ между *ы* и *и*, въ *и* твердомъ или широкомъ, это тоже самое *и*, которое мы въ довольно рѣдкихъ случаяхъ видѣли въ великорусскомъ языкѣ, и для котораго я употребляю знакъ *и*. Сравнимъ сущ. мы́ло (великорусск. мы́ло, -а) съ прилаг. мы́ла (мы́лъйа).

Впрочемъ, областная малорусская рѣчь знаетъ различіе между *и* и *ы*; такъ, въ сѣверной части малорусскаго нарѣчія, напр. у

---

[1] Въ статьѣ «О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка». Филол. разысканія, 1 изд., стр. 305—306, во 2-мъ—277—278.

Малороссовъ Гродненской губерніи есть звукъ *ы*, есть онъ и въ западной его части, у Малороссовъ Карпатскихъ. Малорусской рѣчи не чуждо и умягчительное *и*, но оно не равно древнему *и*, каковое соотвѣтствіе встрѣчается лишь какъ весьма рѣдкая мѣстная особенность, обыкновенно же происходитъ изъ ѣ, о чемъ я уже упоминалъ. Въ бо́льшей части малорусскихъ говоровъ такое *и* есть постоянная замѣна древняго ѣ; мы видимъ, напр. малорус. і и с равное великорусскому і а́ с, основному лѣсъ. Иногда такое *и* происходитъ также (при особыхъ условіяхъ) изъ основного *е* и рѣже—изъ *о*, о чемъ подробнѣе будетъ говорено впослѣдствіи.

Подобнымъ же образомъ, какъ значительную твердость согласныхъ передъ малорусскимъ *е* мы признали явленіемъ вторичнымъ и предположили, что въ основномъ русскомъ слоги со звукомъ *е* были довольно мягки, и что впослѣдствіи въ великорусскомъ они получили еще бо́льшую мягкость, а въ малорусскомъ поотвердѣли, такъ мы должны видѣть вторичный выговоръ и въ слогахъ со звукомъ *и*. Опять-таки въ малорусской рѣчи можно указать нѣкоторые слѣды мягкости передъ *и*, а именно въ инфинитивѣ, который кончается по-малорусски или на слогъ т҃и, или же на т҃, напр. б р а́ т҃ и представляетъ среднее, довольно твердое *т*, но при немъ существуетъ разновидность б р а т҃ съ мягкимъ *т*. Очевидно, основная форма представляла здѣсь довольно мягкое *т*, которое въ одномъ случаѣ стало среднимъ, а въ другомъ—совсѣмъ мягкимъ.

Перехожу теперь къ звуку *о*.

По происхожденію звукъ *о* можетъ соотвѣтствовать 1) основному о; 2) основному ъ; 3) онъ можетъ быть вторичнымъ измѣненіемъ звука *е* въ великорусской рѣчи; причемъ это *е* можетъ имѣть свое обыкновенное двоякое происхожденіе, т. е. а) равняться исконному *е*, или б) быть прояснившимся ь. Примѣрами пусть служатъ слѣдующія слова: 1) исконное *о* представляетъ слово д о м, основное домъ; 2) *о* изъ ъ—сон, основное сънъ. Разновидностью этого *о* можно считать *о* вставочное, явившееся по примѣру органически бѣглаго *о*, напр. а г о́ н҃ вм. огнь изъ огнь. 3) Звукъ *о* какъ плодъ расширенія является послѣ согласныхъ мягкихъ, въ томъ числѣ и j; также и послѣ нѣкоторыхъ соглас-

ныхъ, которые первоначально были мягкими и лишь впослѣдствіи въ бóльшей или меньшей степени отвердѣли. Мы имѣемъ *о*, какъ разширеніе исконнаго *е*, въ слѣдующихъ словахъ: j ó л к а, основное *ѣлъка; м о т, основное медъ; т͡ш ó л к а, первоначальное *тєлъка; ж ó н к а—женъка. Примѣрами на *е* вторичное могутъ служить слова л ó н, основное лънъ, и ш ó л, основное шьлъ. Объ этомъ разширенномъ *е* я сейчасъ скажу подробнѣе.

Въ статьяхъ по русской фонетикѣ академика Я. К. Грота мы встрѣчаемъ утвержденіе будто звукъ *а* подъ удареніемъ иногда переходитъ въ *о*. Но приводимые имъ примѣры надо толковать иначе. Мы дѣйствительно, встрѣчаемъ *о* вмѣсто *а* въ нѣкоторыхъ глаголахъ, напр., при 1-мъ лицѣ j а п л а т͡ш у́, 2-е будетъ т ы п л о́ т͡ь ш, выговоръ п л а́ т͡ь ш слышится рѣже. Подобныя же формы встрѣчаются и у другихъ глаголовъ: въ областной рѣчи (иногда впрочемъ и у людей образованныхъ) слышится выговоръ п а с о́ дь ш, п р̓и г л о́ с̀ ь ш, п а д о́ р̓ ь ш, в о́ р̓ ь ш и т. п. Эти формы легко и удобно объясняются подражаніемъ тѣмъ многочисленнымъ глаголамъ, гдѣ мы имѣемъ исконное *о*, перешедшее въ 1-мъ лицѣ въ *а*, напр. j а н а ш у́—т ы н о́ с̀ ь ш. Объясненіе это само собой напрашивается и весьма естественно [1]).

Разсмотримъ теперь въ подробностяхъ р а з ш и р е н і е *е* въ *о*. Это разширеніе происходитъ п о д ъ у д а р е н і е м ъ, п е р е д ъ т в е р д ы м ъ с о г л а с н и к о м ъ. Мы имѣемъ выговоръ с̀ о́ л а при ед. ч. с̀ и л о́ и прилагательномъ с̀ е́ л̀ с к ъ й; подобнымъ же образомъ въ уменьшительномъ словѣ п т͡ш о́ л к а развился *о*, но основное для него п т͡ш и л а́ не имѣетъ *о*, а представляетъ неявственное *и*; производное п т͡ш е́ л̀ н̓ ь к опять таки *о* не имѣетъ. Подобнымъ же образомъ при существительномъ л ó т стоитъ производное л е́ д̀ н̓ ь к, гдѣ передъ мягкимъ согласнымъ является *е*; основная форма будетъ ледьникъ. Мы уже видѣли раньше, что

[1]) Печатно оно было высказано Халанскимъ, въ статьѣ, помѣщенной въ I т. Русс. Филол. Вѣстн., и озаглавленной: «Черты народнаго говора Щигровскаго уѣзда Курской губерніи».

точно такъ же, какъ передъ мягкими согласными, не происходитъ разширенія и передъ дифтонгомъ т͡с, хотя онъ и твердъ; какъ примѣръ на это я приводилъ слово а т̓ а̓ т͡с (не а т̓ о́ т с) и объяснилъ его тѣмъ, что въ старинномъ языкѣ т͡с было мягко и это спасло звукъ *е* отъ разширенія, впослѣдствіи же произошло разширеніе въ ӓ. На ряду съ дифтонгомъ т͡с стоятъ шипящіе *ж* и *ш* — они тоже встарину были мягкими, и мы ожидали бы, что они должны препятствовать разширенію, однако мы видимъ существительныя г р а б̓ о́ ш, п а д̓ о́ ш [1]), j о́ ш. Въ формѣ 2-го л. ед. ч. мы имѣемъ также разширеніе передъ окончаніемъ *ш*: ᵘ и д̓ о́ ш. Это тѣмъ страннѣе, что дифтонгъ т͡с у великороссовъ рѣшительно отвердѣлъ, между тѣмъ какъ мягкіе шипящіе *ж* и *ш* продолжаютъ существовать въ областной рѣчи: естественно думать, что *ж* и *ш* отвердѣли позднѣе, чѣмъ т͡с, и если передъ т͡с разширенія не произошло, то тѣмъ болѣе его не должно бы быть передъ *ж* и *ш*. Въ виду этого я склоненъ считать *о* передъ шипящими не самороднымъ, а подражательнымъ. Что касается глагольныхъ формъ, то ихъ легко признать неорганичными и предположить подражаніе 2-го лица 3-му л. ед. ч. и 1-му мн.: ᵘ и д̓ о́ т, ᵘ и д̓ о́ м. Также и для существительныхъ п а д̓ о́ ш, г р а б̓ о́ ш, j о́ ш мнѣ такое объясненіе кажется возможнымъ: колебанія въ родѣ с̓ и л о́ — с̓ о́ л; в̓ и д у́, в̓ и л а́ — в̓ о́ л были настолько привычны, что по ихъ образцу къ косвеннымъ падежамъ г р а б̓ и ж а́, п а д̓ и ж а́, j и ж а́ и т. д. могли образовать новый именительный — г р а б̓ о́ ш, п а д̓ о́ ш, j о́ ш. На это объясненіе нельзя возражать, что при такомъ вторичномъ появленіи *о* мы должны имѣть *о* и на мѣстѣ ѣ: должны бы говорить с м̓ о́ х; потому что тутъ всѣ падежи другъ друга поддерживаютъ, а въ нашихъ существительныхъ только именительный полагаетъ удареніе на *е*. Впрочемъ возраженіемъ можетъ служить слово г р ѣ х, имѣющее также наклонное удареніе [2]): г р ѣ х а́, г р ѣ х у́ и т. д. —

[1]) Грамматическій терминъ п а д̓ а̓ ш представляетъ ӓ, объясняемое книжнымъ вліяніемъ.

[2]) Наклоннымъ удареніемъ (по Гроту) называется удареніе, падающее на падежныя окончанія, гдѣ они есть.

если къ родит. ј и ж а́ образованъ именит. ј о ш, то почему къ родит. г р̀ и х а́ не образованъ именит. г р̀ о́ х? Но слово г р ѣ х могло находиться подъ охраной церковнаго употребленія. Однако для слова м ъ л а д̀ о́ ш, род.-д̀ о́ ж ы я объясненія не нахожу.

Законъ разширенія звука *е*, или перехода *е* въ *jo*, былъ указанъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія Александромъ Христофоровичемъ Востоковымъ. Въ 1808-мъ году вышла книга Борна «Краткое руководство къ россійской словесности», въ которой Востоковъ помѣстилъ грамматическія замѣчанія о русскомъ языкѣ. Востоковъ выставилъ законъ, что превращеніе *е* въ *о* происходитъ передъ твердыми согласными и въ концѣ словъ; и это принято за нимъ повторять. Но мнѣ думается, что въ исходѣ разширенія быть не должно, такъ какъ разширеніе есть слѣдствіе примѣненія къ слѣдующему согласному, а конечному звуку не къ чему примѣняться. Правда, законъ Востокова на первый взглядъ кажется вполнѣ вѣрнымъ: мы имѣемъ цѣлый рядъ существительныхъ на *о* вмѣсто древняго *е*, напр. слова б ы т̀ ј о́, к а п̀ ј о́, к а л̀ т͡с о́ вмѣсто древнихъ **бытие, копие, кольце**; такимъ же образомъ мы говоримъ х ъ р а ш о́ вм. х о р о ш е́ и т. д. Однако въ областной рѣчи въ такихъ словахъ иногда встрѣчается *е*, напр. въ новгородскомъ разнорѣчіи сѣверо-великорусскаго говора формы х ъ р а ш о́, к а л̀ т͡с о́ звучатъ х о р о ш е́, к о л ь ц е́ [1]). Эти формы необходимо признать самородными, т. е. произошедшими фонетически— явиться путемъ подражанія онѣ не могли, такъ какъ заимствовать *е* было неоткуда. Съ другой стороны, формы на *о* легко могутъ быть подражательными: онѣ могли заимствовать *о* у словъ твердаго различія, какъ о к н о́, с е л о́, к р а с н о́. Нѣтъ впрочемъ необходимости указанныя явленія считать вполнѣ чуждыми звуковой подкладки. Дѣло въ томъ, что настоящій исходъ существуетъ только въ паузѣ; въ живой, связной рѣчи исходъ одного слова такъ тѣсно примыкаетъ къ зачину слѣдующаго, что никакого исхода нѣтъ. Конечный гласникъ обыкновенно, значитъ, не есть дѣйствительно конечный, а имѣетъ за собой начальный звукъ слѣ-

[1]) Даль. О наречіяхъ велико-русскаго языка. Толковый словарь изд. 2, стр. XLV.

дующаго слова. Принявъ это въ соображеніе, мы можемъ то явленіе, которое я назвалъ неорганичнымъ, признать отчасти органическимъ. Можетъ быть, наше к а л̓ т͡с о́ развилось фонетически въ выраженіяхъ въ родѣ **кольцє моѥ**, гдѣ *е* имѣетъ за собой твердый согласный; при обратномъ порядкѣ, **моѥ кольцє**, *е* должно было сохраниться, точно такъ же и въ выраженіи **кольцє ѥго**, гдѣ за *е* слѣдуетъ мягкій согласный. Такимъ образомъ мы скажемъ, что конечное *е* въ иныхъ случаяхъ фонетически измѣнялось въ *о*, въ другихъ сохранялось, но что подъ вліяніемъ словъ твердаго различія окончаніе *о* в о з о б л а д а л о и вытѣснило *е*. Указанныя соображенія уже изложены мною печатно въ статьѣ «Нѣкоторые вопросы славянской грамматики» (Ж. М. Н. Пр. 1888 года, мартъ), въ первомъ ея отдѣлѣ, написанномъ въ отвѣтъ Алексѣю Ивановичу Соболевскому на его разборъ русской части «Сравнительной морфологіи славянскихъ языковъ» Миклошича въ переводѣ Николая Шлякова, изданномъ подъ моей редакціей.

Отъ нашего звукового закона мы видимъ нѣкоторыя отступленія, которыя нуждаются въ оправданіи. Бываютъ, 1) отступленія, которыя можно объяснять книжнымъ вліяніемъ; таково, напр., слово к р̓ ä с т, которое должно бы звучать к р̓ о с т, и дѣйствительно въ народной рѣчи мы встрѣчаемъ выговоръ х р̓ о с т [1]). Подобное же *е* представляетъ вполнѣ книжное слово к л̓ и в р̓ ä т. 2) Въ другихъ словахъ мы сохраненіе звука *е* можемъ объяснять такимъ же образомъ, какъ передъ т͡с, т. е. позднѣйшимъ отвердѣніемъ. Таково, напр., прилагательное с у д̓ ä б н ъ й, для котораго основная форма есть **сѫдьбьнъи**; таково прилаг. л̓ ä с н ъ й, основная форма **льстьнъи**. Таково же прилаг. у т̓ ш̓ ä б н ъ й, основ-

---

[1]) Чередованіе *к* и *х* въ этомъ словѣ восходитъ ко временамъ давнишнимъ. Я объясняю его себѣ вліяніемъ съ одной стороны греческаго названія Спасителя—Χριστός, а съ другой—романо-германскаго выговора Kristus вм. Christus. (Слово **крьстъ** выводятъ изъ имени Христа, причемъ переходъ значенія легко можно принять такой: Христосъ, затѣмъ распятіе, а потомъ всякій крестъ).

ная форма оуҭьбьнъи. Это слово иногда, однако, приходится слышать въ формѣ у т͡ш̇о́бнъй, причемъ форма у т͡ш̇а̂бнъй— органическая, а у т͡ш̇о́бнъй — вторичная. И существительное у т̇͡ше́б'н̇ьк надѣляютъ иногда звукомъ *о*, т. е. говорятъ у т̇ш̇о͡б'н̇ьк. Подобный же выговоръ, какъ въ словѣ у т̇ш̇о́б'н̇ьк, мы имѣемъ въ прилаг. т̇о́мнъй, основная форма тьмьнъи; мы органически ожидали бы здѣсь произношенія т̇а̂мнъй, которое дѣйствительно встрѣчается въ областной рѣчи: мы видимъ такое произношеніе этого прилагательнаго въ онежскихъ былинахъ, записанныхъ А. Ѳ. Гильфердингомъ. Въ такомъ соотношеніи, какъ у т̇͡ш̇а̂бнъй и у т̇͡ш̇о́бнъй, находится литературный выговоръ с̇м̇а̂ртнъй и простонародный с̇м̇о́ртнъй. Исключенія изъ нашего закона 3) являются еще въ нѣкоторыхъ словахъ, сложенныхъ съ отрицаніемъ; мы видимъ такимъ образомъ ӓ, а не *о* въ словахъ н̇а̂друк, н̇а̂мът̇͡ш̇, н̇а̂дъръс̇ьл̇ [1]). Такимъ же образомъ ӓ является въ предлогѣ б'а̂з, въ б'ӓзна, б'а̂стълът̇͡ш̇, въ выраженіи б'а̂згъду (напр. безъ году недѣля). Изъ указанныхъ словъ нѣкоторыя могутъ считаться книжными, напр. бездна, недругъ, но едва ли это можно сказать про всѣ, такъ что указанныя слова представляютъ большое затрудненіе. Для нихъ, вѣроятно, слѣдуетъ предполагать вторичное образованіе послѣ того, какъ расширеніе *е* уже совершилось, или же вторичный переносъ ударенія на отрицаніе и предлогъ. Исключенія, совершенно непонятныя, представляютъ существ. ш̇а̂ст и прилаг. ш̇͡т̇ш̇а̂дръй; отчего не шо́ст и не ш̇͡т̇ш̇о́дръй? [2]).

Кромѣ дѣйствительныхъ исключеній существуетъ немалое количество мнимыхъ — слова̀, въ которыхъ употребляютъ букву *е*, тогда какъ слѣдовало бы ставить *ѣ*, напр. блескъ, вредъ, членъ, мелкій, запретъ, опека—малор. опі́ка, ноч-

---

[1]) Срв. также нѣсколько ниже, подо мнимыми исключеніями.

[2]) Слово къралʼа̂ва можно, кажется, оправдать тѣмъ, что оно несовсѣмъ народное, и что на него вліяли къралʼвие́т̇ш̇ и къралʼа̂вна (*кралѥвьна).

л е г ъ — малор. ночлíг (ночлíб, ночлíба: родит. падежъ я привожу потому, что въ именит. въ закрытомъ слогѣ і могло явится и на мѣстѣ нашего *е*), въ Лаврентьевскомъ спискѣ Начальной Лѣтописи встрѣчается написаніе этого слова черезъ ѣ (Собол., Лекціи, стр. 56, во 2 изд. 64) [1]). Таково же отрицаніе н е въ словахъ: н е к о г д а, н е к о м у, въ составъ которыхъ вошла глагольная форма нѣ, доселѣ употребляемая въ видѣ н ѣ т у, н ѣ т ъ, т. е. нѣ тоу (**мѣсть тоу**). Потебня даже и пишетъ эти слова черезъ ѣ. Сюда же слѣдуетъ отнести такія выраженія, какъ нѣ был (**мѣсть былъ**), нѣ спал (**мѣсть сълалъ**), нѣмълът (**мѣсть младъ**). Можетъ быть эта же глагольная форма нѣ, смѣшиваемая съ отрицательной частицей н е, вызвала такія слова, какъ нéдругъ, нéмочь: недругъ можетъ быть приводимъ въ связь съ выраженіемъ **мѣсть дроугъ**, немочь—съ выраженіемъ н ѣ т ъ м о ч и.

Какъ съ одной стороны мы видимъ случаи сохраненія звука *е*, гдѣ ожидали бы разширенія, такъ съ другой стороны мы встрѣчаемъ *о*, гдѣ бы должно было сохраняться *е*. Въ этихъ случаяхъ надо видѣть подражаніе родственнымъ формамъ съ органическимъ разширеніемъ. Дѣйствительно, всѣ исключенія этого рода, указанныя Гротомъ, находятъ себѣ подобное объясненіе. Мы говоримъ,: напр. т̀ó т̓а, т̓ó т̀ьн̓ка, гдѣ передъ мягкимъ согласнымъ слышится *о*, но этотъ выговоръ находитъ оправданіе въ подражаніи формѣ т̀ó т к а, съ органическимъ разширеніемъ. Р у б л̓ó в̓ ъ к, вмѣсто ожидаемаго р у б л̀é в̓ ъ к, очевидно, руководится своимъ первообразнымъ р у б л̀ó в ъ й. Подобнымъ же образомъ мѣстные падежи—(на) к л̀ ó н̀и, (на) т̑ш̑ъ р н а з̓ó м̀и—не имѣютъ фонетическаго права на звукъ *о*, но ничто не мѣшаетъ предположить самородный выговоръ к л̀é н̀и, т̑ш̑ъ р н а з̓é м̀и, и выводить *о* изъ другихъ падежей, гдѣ за нимъ идутъ твердые согласные (к л̀ ó на, -у и т. д.). Подобнымъ же образомъ 2 л. мн. ч. в и д̀ó т̀и легко могло заимствовать *о* у другихъ лицъ, напр. у 1-го л. мн. ч., гдѣ форма в и д̀ ó м образована органически. Прилагат. з̓ и л̀ ó н̓ ь н к ъ й

---

[1]) Сюда же относится уменьшительное имя к о л ы б é л о ч к а отъ к о л ы б é л ь, гдѣ наставка есть ѣль.

вмѣсто фонетическаго з'и л'е́н'ь н'к ъ й образовано подъ давленіемъ органической формы з'и л'о́н ъ й. Подобнымъ же образомъ и слово л'о́д'н'ь к (провинціализмъ вм. л'е́д'н'ь к) заимствовало свое *о* отъ органической формы л'о́т. Также существ. к ъ р а л'о́ т͡ш'ь к руководствовалось формой к ъ р а л'о́ к. При этомъ становится понятна та двойственность, на которую обратилъ вниманіе Потебня, что передъ звукомъ т͡ш то является разширеніе, то нѣтъ, такъ что рядомъ съ к ъ р а л'о́ т͡ш'ь к стоитъ уменьшительнос отъ к а л'т͡с о́—к а л'е́т͡ш'к а: послѣднее сохранило органическій выговоръ, такъ какъ ему неоткуда было заимствовать разширеніе [1]). Подражательнымъ измѣненіемъ слѣдуетъ объяснять и тѣ случаи, въ которыхъ *ё* слышится на мѣстѣ древняго ѣ. Въ грамматикѣ приводятся слѣдующія слова, гдѣ буква *ѣ* должна читаться за *ё*: звѣзды, с ѣ д л а, г н ѣ з д а, ц в ѣ л ъ, п р і о б р ѣ л ъ, н а д ѣ в а н н ы й, п о з ѣ в ы в а т ь. Къ причастію н а д ѣ в а н н ы й можно прибавить однокоренное съ нимъ существ. п о д д ѣ в к а.

Изъ указанныхъ исключеній нѣкоторыя не совсѣмъ вѣрно сюда отнесены. Прежде всего слѣдуетъ опустить прошедшее время т͡с в о л, такъ какъ соотвѣтствующій глаголъ въ старославянскомъ языкѣ есть **цвисти-цвьтж** (съ болѣе слабой огласовкой), и только существ. **цвѣтъ** имѣетъ ѣ; русскій ѣ въ написаніи глагола ц в ѣ с т и можетъ объясняться подражаніемъ на письмѣ существ. ц в ѣ т ъ. Впрочемъ, въ малорусской рѣчи существуетъ форма ц в і т у́. Но, хотя бы инфинитивъ ц в ѣ с т и, наст. ц в ѣ т у, имѣлъ ѣ (з а и м с т в о в а н н ы й въ такомъ случаѣ у существ. ц в ѣ т ъ), мы все же можемъ считать произношеніе т͡с в о л отраженіемъ первоначальнаго **цвьлъ**.

---

[1]) Затрудненіе представляетъ слово т' о́ ш' т' ш а. Впрочемъ этому слову слѣдовало бы звучать не т' е́ ш' т' ш а, а т ш т ш а́ (вѣдь мужская форма этого имени, т е с т, встарину имѣла *е* бѣглое): д. б. *о* по акцентнымъ соображеніямъ (по извѣстнымъ образцамъ п ч е л а—п ч о л ы, ж е н а—ж о н ы) прежде всего вставилось во множ. ч., а потомъ уже, для устраненія необычнаго созвучія т' ш' т' ш', вошло и въ единств. (Серб. т а́ ш т а вм. *т ш т а просто заимствовало *а*-ъ у мужской формы т а́ с т, родн. т а́ с т а).

Нѣсколько иного рода оговорку слѣдуетъ сдѣлать относительно слова с ѣ д л а. Слово с ѣ д л о въ староцерковномъ звучало седьмо; значитъ, корень тутъ представляетъ не ту огласовку, что въ глаголѣ сѣсти. Надо однако, замѣтить, что и въ этомъ случаѣ все-таки можно видѣть исключеніе изъ нашего закона: за звукомъ д слѣдовалъ ь, и подъ его вліяніемъ *д* было по-русски мягко и мягкость его должна была помѣшать разширенію звука *е*, и мы все-таки должны бы ожидать фонемы с ѣ д л а. Впрочемъ и польскій языкъ разширяетъ здѣсь *е*, представляя выговоръ siodło. Вѣроятно, намъ утрату звука ь и уподобленіе мягкаго *д* твердому *л* слѣдуетъ отнести къ довольно ранней порѣ, такъ что звукъ *д* былъ уже твердымъ въ то время, когда происходило разширеніе [1]).

Вмѣсто двухъ исключенныхъ нами примѣровъ, въ которыхъ мы признали *ѣ* плодомъ ошибочной орѳографіи, мы можемъ прибавить одно слово, къ которомъ надо бы писать *ѣ*, а пишутъ *е*; это— в е д р о, мн. ч. вёдра (кѣдро, по-польски wiadro, а не wiodro).

Что касается объясненія дѣйствительныхъ исключеній указаннаго рода, то, конечно, надо видѣть въ нихъ подражаніе развившемуся въ другихъ словахъ органическому колебанію. Такъ, з в ѣ з д а развила форму з в ёз д ы по примѣру с е л о́—с ёл а, ж е н а́—ж о́ н ы.

Впрочемъ для слова п р і о б р ѣ л ъ можно подобрать иное объясненіе; можно думать, что глаголъ п р і о б р ѣ с т и въ народномъ сознаніи сблизился съ глаголомъ б р е с т и-б р е д у, и, какъ говорятъ «набрёл», «забрёл», такъ стали говорить «пріобрёл».

Изъ указанныхъ словъ иныя въ областной рѣчи (отчасти, и въ употребленіи образованныхъ людей) представляютъ формы органическія: такъ, многіе настаиваютъ на томъ что выговоръ з в ѣ́ з д ы есть провинціализмъ, неправильность, а надо говорить з в ѣ́ з д ы.

Къ нашимъ исключеніямъ, существующимъ въ литературной рѣчи, прибавлю еще нѣсколько изъ рѣчи областной.

---

[1]) Малорус. с і д л о́ я склоненъ выводить изъ с е д ь л о, какъ л і д изъ л е д ъ; хотя можно допустить также, что оно представляетъ примѣненіе (въ живой рѣчи, а не только на письмѣ) къ глаголу с і д і т и.

Въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ можно указать не мало случаевъ, гдѣ вмѣсто *ѣ* употребляется *ё*; на нихъ я останавливаться не буду, отмѣчу только довольно распространенныя въ народѣ прошедшія глаголовъ побѣжать, прибѣжать, которыя соотвѣтствовали бы неокончательному бѣчь, — паб'óк, пр̓иб'óк. Иного рода исключеніе, именно исключеніе мнимое, слѣдуетъ видѣть въ народномъ выговорѣ прошедшаго къ глаголу ослѣпнуть — осл̓óп; по-славянски этотъ глаголъ звучитъ—**осльпнѫти**, элевое причастіе **осльплъ**. Это, значитъ, такое же исключеніе, какъ т͡св̓óл: *ѣ* внесенъ въ глаголъ изъ прилагат. слѣпой, а народная рѣчь осталась при старинѣ. Подобнымъ же образомъ, какъ паб'óк и пр̓иб'óк, получили *'о* двѣ формы, которыя должны бы имѣть *'а*; это—запр̓óк и тр̓óс къ запрячь и трясти. Вмѣсто запр̓áт͡ш (**запрѧшти**) мы говоримъ запр̓éт͡ш; очевидно, изъ большинства формъ, гдѣ, 'а не имѣетъ ударенія, внесли *е* и въ инфинитивъ, а потомъ въ прошедшемъ явилось *'о*—запр̓óк; точно такъ же вмѣсто тр̓áс появилось тр̓óс [1]). Гротъ рядомъ со словами тр̓óс и запр̓óк ставитъ также нарѣчіе тр̓ит̓óвъдн̓и вмѣсто третьяго дня; но тутъ мы имѣемъ замѣну *'а* черезъ *'о* только съ точки зрѣнія правописанія: русскимъ окончаніемъ прилагательныхъ въ родительномъ падежѣ слѣдуетъ считать ово, а не аво. Это ово, которое ясно слышится въ первой своей части подъ удареніемъ (гн̓идóва), слѣдуетъ приписать и прилагательнымъ съ безударнымъ окончаніемъ (дóбрава); соотвѣтственно тому, при мягкомъ окончаніи — ево, такъ что нарѣчіе тр̓ит̓óвъдн̓и представляетъ правильное разширеніе *е*, а вовсе не превращеніе *а* въ *о*.

Вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ происходитъ разширеніе въ сѣверно-великорусской рѣчи, вопросъ трудный. Матеріалы объ этомъ (по большей части заимствованные у Колосова) можно найти у Богородицкаго въ его «Курсѣ грамматики русскаго языка», въ Рус. Фил. Вѣстн. XVII т. Повидимому, сѣверно-великорусская

---

[1]) Таково же д. б. и слово дёсны (см. мой Разборъ Этимологическаго словаря Миклошича. Дополненія, стр. 53=Р. Ф. В., т. XXI, стр. 217, а м. б. и стёганый, застёгивать, застёжка.

рѣчь представляетъ разширеніе *е* передъ твердыми согласниками въ ударяемомъ слогѣ (наравнѣ съ южно-великорусскою и литературною), да еще въ предударномъ, напр. с̇л̇оза́, в̇осна́, с̇остра́, р̇обро́, жона́, гор̇ова́т̇, п̇р̇ин̇осу́, зап̇орла́. Правда, разширеніе весьма нерѣдко и въ слогахъ слѣдующихъ за ударяемымъ, но въ нихъ его можно чуть ли ни всегда считать подражательнымъ: нпр. по́л̇о вм. по́л̇ä по образцу д̇а̇ло, у́тро; бо́т̇ш̇ок по образцу ла́вок, н̇и́ток; бу́д̇от, ска́жот по образцу [2]ид̇о́т, н̇ес̇о́т. Кромѣ того въ связной рѣчи подобные случаи отчасти могутъ быть вызваны положеніемъ передъ ударяемымъ слогомъ слѣдующаго реченія: выраженія по́л̇о бра́тнино, ш̇е́ст̇ бо́т̇ш̇ок во́тк̇и, он бу́д̇от в го́род̇ä представляют тѣ же звуковыя условія, какъ цѣльныя реченія сл̇оза́, гор̇ова́т̇. Склоняясь съ одной стороны ко мнѣнію, что разширеніе происходило лишь въ ударяемомъ и въ предударномъ слогѣ, я съ другой стороны считаю вѣроятнымъ, что первоначально разширеніе зависило исключительно отъ твердости слѣдующаго согласнаго [1], и что только впослѣдствіи появившееся здѣсь *ö* [2] при однихъ акцентныхъ условіяхъ развивалось въ *о*, а при другихъ опять переходило въ *е*: произнести здѣсь рѣшительный судъ трудно.

Въ малорусской рѣчи разширеніе происходитъ гораздо рѣже, чѣмъ въ великорусской: оно имѣетъ мѣсто послѣ шипящихъ. Такимъ образомъ изъ основныхъ шьлкъ, жьрло, жена, чело, человѣкъ выходитъ шовк, жо́втий, жона́, чоло́, чолові́к. Когда мы въ другихъ случаяхъ вмѣсто ожидаемаго *е* видимъ *о*, то слѣдуетъ думать, что *о* явилось не фонетически, а вслѣдствіе примѣненія однихъ формъ къ другимъ, напр. jоѕо́ должно быть получило свое *о* отъ формы твердаго окончанія тоѕо́. Такъ же, какъ малорусское jоѕо́, можно толковать и сѣверновеликорусское jово́, хотя въ этомъ нѣтъ надобности.

Разширенное *е*, какъ мы уже видѣли, существуетъ также въ языкѣ польскомъ. Нѣкоторыя польскія явленія могутъ служить

---

[1]) См. выше, стр. 19.

[2]) См. выше, стр. 3.

поучительной параллелью къ явленіямъ русскимъ. Мы отмѣтили, что сущ. к ѣ о н нѣкогда въ мѣстномъ падежѣ должно было произноситься (на) к ѣ ѐ н̀ ӓ. Такъ какъ русская азбука первоначально не имѣла буквы ё (которою и теперь рѣдко пользуются), то по написанію памятниковъ трудно провѣрить, гдѣ было *е*, гдѣ *ё*, а кромѣ того форма (н а) к ѣ ѐ н̀ ӓ намъ можетъ показаться странною. Но мы изъ польскаго языка видимъ, что подобныя формы могли существовать. Польскій языкъ встарину при именительныхъ żona и miód (род. miodu) въ мѣстномъ падежѣ имѣлъ żenie и miedzie, и только впослѣдствіи появился новопольскій выговоръ żonie и miodzie.

Польскій языкъ представляетъ также аналогію замѣнѣ ѣ черезъ 'о: ѣ по-польски превращается въ однихъ случаяхъ въ ie, въ другихъ (передъ твердыми зубными: t, d, s, z и ł, да еще передъ r)—въ *ia*; но есть случаи, гдѣ вмѣсто ожидаемаго *ia* появляется *io*; напр. къ слову pieśń уменьшительное должно бы звучать piasnka или piasenka, въ дѣйствительности же мы находимъ выговоръ piosnka и piosenka: очевидно, здѣсь такое же подражаніе случаямъ органическаго разширенія *е*, какъ и въ русскомъ.

Окончивши обзоръ ударяемыхъ гласныхъ русскаго языка, присоединю къ нему еще замѣчанія о нѣкоторыхъ тонкостяхъ произношенія, которыхъ мнѣ казалось неудобнымъ касаться ранѣе.

Какъ мягкость или твердость слѣдующаго согласника отражается на звукѣ *е*, дѣлая его то широкимъ, то узкимъ, такъ она отражается и на другихъ гласникахъ. Наблюденіе это было сдѣлано упомянутымъ выше акад. Бётлингомъ. Правда, Гротъ отвергъ мнѣніе Бётлинга, однако напрасно: хотя оттѣнки произношенія въ этомъ случаѣ гораздо тоньше, чѣмъ при звукѣ *е*, но они все-таки существуютъ. Если сопоставить нарѣчіе р а́ н а съ его сравнительную степенью р а́ н̀ ш ы, то оказывается, что во второмъ случаѣ *а* нѣсколько приближается къ *е*, т. е. что передъ твердымъ согласнымъ мы имѣемъ *а* ш и р о к о е, а передъ мягкимъ—у з к о е. Подобнымъ же образомъ, при сравненіи существительныхъ х о́ р и х о́ р́ (хорёкъ), оказывается, что *о* во второмъ случаѣ приближается къ *ô*. Точно такъ же мы имѣемъ двоякое *у*: сущ. п у т' отличается отъ сущ. п у́ т (п-у-д-ъ) не только мягкостью звука *т*, но также сравнительною узостью звука *у*, кото-

рый смахиваетъ на ü. Мягкость или твердость слѣдующаго согласника естественно должна отражаться также на звукахъ *ы* и *и*: *ы* въ среднемъ родѣ ед. ч. б ы́ л а и во множ. ч. б ы́ л'и не совсѣмъ одинаковы. Такимъ образомъ мы должны предположить (хотя это слухомъ трудно уловить), что отмѣченные нами четыре оттѣнка, отъ самыхъ широкихъ *ы* до самаго узкаго *и*, каждый могутъ распадаться еще на два оттѣнка, смотря потому, слѣдуетъ ли за нимъ твердый или мягкій согласникъ. Существованіе узкихъ *а*, *у*, *о*, *ы* можно провѣрить, если начать произносить слова и не договаривать ихъ, останавливаясь на наблюдаемомъ звукѣ: вслушиваясь, можно опредѣлить по началу словъ, предполагается ли твердое произношеніе или мягкое. Напр. по первому слогу *ба*- можно узнать, имѣлось ли въ виду сказать б а́ б а, б а́ л о в е н ь, вообще какое-нибудь слово со слѣдующимъ твердымъ согласнымъ, или же какое-нибудь б а́ н я, б а́ с н я. Подобнымъ же образомъ по слогу д у- можно узнать, собирались ли сказать д у́ - л а, или же д у́ - л'и.

Суженіе гласнаго *а* въ говорѣ сѣверновеликорусскомъ (напр. у Ярославцевъ, Вятчанъ, Олончанъ), когда звукъ *а* и сзади и спереди имѣетъ мягкій согласный, идетъ далѣе, такъ что *а* п р е в р а щ а е т с я въ *е*, напр. наше з'а т' звучитъ з'є т', п р'а́ н'ь к'и—п р'е́ н'ь к'и, г р'ас'—г р'є с'.

Суженіе есть явленіе весьма извѣстное въ нѣмецкомъ языкѣ: тамъ при ед. ч. Hand мы имѣемъ множ. Hände — старонѣмецкія формы были hant, henti; подобнымъ же образомъ имѣется прилагат. schön, старонѣмецкая форма котораго была skoni; имѣется глаголъ füllen, готская форма—fulljan. Принято говорить о вліяніи послѣдующаго i, j, но такое вліяніе одного звука черезъ другой не можетъ быть допущено, и слѣдуетъ думать, что здѣсь передъ i, j произошло умягченіе (въ извѣстной степени) согласнаго, а затѣмъ суженіе гласнаго передъ мягкимъ согласнымъ. Въ языкѣ русскомъ суженіе не пошло такъ далеко, какъ въ нѣмецкомъ, и *а*, *о*, *у* только приблизились къ *ä*, *ö*, *ü*, за исключеніемъ сѣверновеликорусскаго говора, въ которомъ мы видѣли полное суженіе *а* въ *е*.

Обратимся теперь къ гласнымъ б е з у д а р н ы м ъ. При отсутствіи ударенія русскіе гласные бываютъ неявственны: *а* и *о* въ

такомъ случаѣ совпадаютъ въ одномъ звукѣ, который болѣе или менѣе подходитъ къ *а*, но иногда бываетъ весьма неявственнымъ и смахиваетъ на *ы*. Совпаденіе звуковъ *а* и *о*, извѣстно подъ именемъ «аканья» и составляетъ особенность говора южновеликорусскаго и нарѣчія бѣлорусскаго, тогда какъ сѣверно-великорусскій говоръ и малорусское нарѣчіе сохраняютъ безударное *о* [1]. Употребленіе *о* вм. *а* явленіе отнюдь не исконное: нельзя никоимъ образомъ думать, вслѣдъ за Максимовичемъ, чтобы въ этомъ случаѣ южновеликорусская и бѣлорусская рѣчь была архаичнѣй сѣверновеликорусской и малорусской; однако же аканье довольно раннее явленіе—оно не новѣе XIV столѣтія.

Такъ какъ южновеликорусская рѣчь (вмѣстѣ съ тѣмъ и литературная) превращаетъ безударное *о* въ *а*, то въ ней вовсе не должно бы быть *о* безударнаго; есть однако случаи, въ которыхъ слышится такое *о*, видимо утратившее удареніе лишь въ позднѣйшее время. Это такія слова, которыя въ однихъ случаяхъ имѣютъ до сихъ поръ удареніе на *о*, а въ другихъ становятся прислонками (энклитиками). Таково личное мѣстоименіе онъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ он бы́л, да ра́зви та́м он?, во́т он. И средній родъ этого мѣстоименія, ано́, сохраняетъ свое *о*, когда становится энклитикой, напр. въ выраженіи ано вы́шла; таковъ же родительный пад. јиво́ въ выраженіи «на јиво ма̇ст̇ä». Таковы еще мѣстоименія — указательное т̣от, то и относительныя хто, што, рядомъ съ которыми стоятъ вопросительныя хто́ што́, съ полнымъ удареніемъ; ихъ род. падежи: таво, каво; т̑ш̇ыиво и мѣстные ф том, ф ком, ф т̑ш̇ом. Таковы еще союзы: штобы, но, междометіе вот.

Утверждаютъ, что въ говорѣ сѣверно-великорусскомъ существуетъ явленіе обратное аканью, т. е. не только сохраняется безударное *о*, но даже происходитъ иногда превращеніе въ *о*

---

[1]) Однако не вездѣ окаютъ одинаково: ярославцы (впрочемъ м. б. не всѣ) произносятъ явственное *о* только въ предударномъ и въ конечномъ слогѣ, въ другихъ же слогахъ безударное *о* чуть-ли не совпадаетъ съ литературнымъ. На этотъ счетъ не сдѣлано еще достаточно точныхъ наблюденій.

безударнаго *а*. Колосовъ въ своемъ «Обзорѣ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка» приводитъ около тридцати словъ, представляющихъ-де такой переходъ; при томъ онъ замѣчаетъ, что *о* вмѣсто *а* появляется только въ отдѣльныхъ словахъ и нигдѣ не составляетъ правила. Почти постоянно слышится *о* въ одномъ лишь корнѣ р о б вмѣсто р а б, откуда глаголъ р о б и́ т ь (также р о́ б и т ь), сущ. р о б о́ т а; да еще въ предлогѣ р а з -, который почти постоянно является въ формѣ р о з -. (Замѣчу, впрочемъ, насчетъ предлога р а з -, что для архангельскаго разнорѣчія показанія Колосова не подтверждаются показаніями Подвысоцкаго. Въ «Словарѣ областнаго архангельскаго нарѣчія» Подвысоцкаго мы видимъ довольно часто предлогъ раз-, хотя нерѣдко встрѣчаемъ и роз-; также рядомъ съ глаголомъ р *о* б и́ т ь мы тамъ находимъ р *а* б о́ т а т ь). Полагаю, что въ такъ называемый с п о р а д и ч е с к і й переходъ звуковъ, т. е. въ фонетическое измѣненіе въ однихъ словахъ, тогда какъ въ другихъ тотъ же звукъ при тѣхъ же условіяхъ остается безъ перемѣны, вообще вѣрить не слѣдуетъ. И «переходъ» безударнаго *а* въ *о* отчасти оказывается мнимымъ. Такъ относительно предлога р о з - слѣдуетъ сказать, что р а з - въ литературномъ языкѣ едвали не есть просто искусственное правописаніе, явившееся подъ вліяніемъ староцерковнаго языка; вѣдь мы говоримъ р о́ з ы с к, р о́ з в а л ь н и, р о́ с т е п е л ь и т. д., и раз- подъ ударе́ніемъ представляетъ только сущ. р а́ з у м, которое такъ звучитъ и въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ; гдѣ, однако является прилагат. р о з у́ м н о й. Кажется, существ. р а́ з у м нѣтъ надобности считать книжнымъ и предполагать, что настоящій русскій выговоръ его былъ бы р о́ з у м. Можно думать, что это одно слово сохранило предлогъ р а з -, который, какъ разновидность къ р о з -, долженъ былъ существовать еще въ общеславянскомъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что Славяне сѣверозападные имѣютъ предлогъ р о з -, а югозападные р а з -; при томъ у Славянъ сѣверозападныхъ встрѣчаются слѣды предлога р а з -, а именно у Словаковъ въ нѣсколькихъ словахъ является raz, напр. rázcesty (распутье: cesta—дорога). Можно думать, что сѣверновеликорусская рѣчь, представляя рядомъ существительное р а́ з у м и прилаг. р о з у́ м н о й, сохранила даже первоначальное соотношеніе этихъ двухъ формъ — раз- какъ

форму ударяемую, а роз- какъ безударную. Впослѣдствіи одни славянскіе языки провели вездѣ одну форму, другіе—другую; русскій языкъ предпочелъ роз, но, какъ остатокъ старины, въ немъ сохранилось сущ. ра́зум. Но, какъ бы то ни было, сѣверновеликорусскій безударный предлогъ роз- не представляетъ перехода *а* въ *о*. Точно также нельзя видѣть подобнаго перехода въ глаголѣ роби́ть: и по-малорусски мы имѣемъ глаголъ роби́ти, и по-польски мы видимъ robić; въ этомъ случаѣ и южные Славяне произносятъ *о* вмѣсто староцерковнаго а, напр. по-сербски роб (рабъ, плѣнникъ) [1]. Подобнымъ же образомъ ничто не мѣшаетъ думать, что слово ракита правильнѣй было бы писать черезъ *о*—рокита. Несомнѣнно уже, что слово паромъ слѣдовало бы писать пором, потому что оно, какъ видно изъ сербскаго пра́м (родъ судна), представляетъ полногласіе. Если мы находимъ вмѣсто литературнаго палата областное полата, то это можетъ быть подведено подъ извѣстный обычай, распространенный во всѣхъ славянскихъ языкахъ—въ заимствованныхъ словахъ безударное *а* передавать черезъ *о*, напр. сотона изъ Σατανᾶς (такъ во всѣхъ старѣйшихъ текстахъ Евангелія); также изъ altare—олътарь (вм. чего и алътарь), по-польски ołtarz. Если мы встрѣчаемъ въ сѣверновеликорусской рѣчи выговоръ налога́ть вмѣсто налага́ть, то это конечно выговоръ вторичный: основная и староцерковная форма этого глагола есть наллагати; лагати—многократный видъ къ глаголу ложити, въ многократномъ же видѣ коренное о усиливается въ а, напр. ходити—каждати, мошти—магати; но легко допустить, что въ глаголѣ налога́ть *о* замѣнило *а* въ угоду формѣ наложи́ть. То же самое происходитъ и въ литературномъ языкѣ, гдѣ въ глаголахъ многократнаго вида мы почти постоянно пишемъ *о* вмѣсто древняго *а*; очевидно, на письмѣ мы дѣлаемъ тоже самое, что сѣверные великороссы дѣлаютъ въ живой рѣчи.

---

[1] Извѣстно, что и въ одномъ староцерковномъ памятникѣ (въ Супрасльской рукописи) не разъ пишется робъ вмѣсто рабъ; тамъ же нѣсколько разъ встрѣчается предлогъ роз—однако это д. б. плодъ посторонняго вліянія.

Безударное *е* въ литературномъ произношеніи болѣе или менѣе совпадаетъ съ безударнымъ *и*. Вслѣдствіе этого совпаденія замѣчается колебаніе въ правописаніи: такъ уменьшительный суффиксъ -енька нерѣдко пишется черезъ *и* -инька, напр. Олинька, Катинька, Петинька; и наоборотъ вмѣсто окончанія -инскій иногда пишутъ -енскій, напр. Екатерин*е*нскій (Екатерина — екатерининъ — екатерининскій). Впрочемъ говоръ южновеликорусскій и нарѣчіе бѣлорусское обыкновенно превращаютъ безударное *е* не въ *и*, а въ *а*, понятно, съ сохраненіемъ предшествующей мягкости. Такимъ образомъ вмѣсто литературнаго б'ьр̓игу́ мы встрѣчаемъ б'ир̓абу́ [1]; такимъ же образомъ прилагат. з'ьл̓ина́ является въ видѣ з'ил̓ана́, с̓истра́ въ видѣ с̓астра́. Естественно бы думать, что указанная двойственность—то расширеніе первоначальнаго звука *е* въ *а*, то суженіе его въ *и*,—находится въ зависимости отъ слѣдующаго согласнаго, и соотвѣтствуетъ двойственности звука *е* ударяемаго. Однако, какъ выяснено Потебнею, этого не замѣчается: можно указать много случаевъ, гдѣ передъ твердымъ согласнымъ слышится *и*; та́къ слово человѣ́къ мы имѣемъ въ видѣ т̓ш̓ *и*лав'а̂к, а не т̓ш̓*а*лав'а̂к; также и н̓*и*ра́дъс̓т̓*и*н, гдѣ мы видимъ даже два случая *и* передъ твердымъ согласнымъ; наоборотъ глагольная форма веселю произносится в̓ис̓ал̓у́; подобнымъ же образомъ встрѣчается выговоръ ут̓е́р̓*а*м̓и съ *а* вмѣсто *и* передъ мягкимъ *м*. Потебня на основаніи этихъ явленій даже отвергаетъ двойственность ударяемаго *е* въ литературной рѣчи, на счетъ которой онъ, конечно, неправъ: существованіе узкаго и широкаго *е* подъ удареніемъ подлежать сомнѣнію не можетъ, но указанное Потебней явленіе южновеликорусской фонетики заставляетъ насъ сомнѣваться въ той связи, въ которую намъ хотѣлось бы поставить чередованіе безударныхъ *и* и *а* съ чередованіемъ ударяемыхъ *е* и *ä*. Нѣкоторыя исключенія, впрочемъ, находятъ себѣ естественное и простое объясненіе. Такъ, для объясненія выговора в̓ис̓*а*л̓у́, легко можно допустить, что само-

---

[1] Въ начальномъ слогѣ здѣсь м. б. и нѣтъ разницы отъ литературнаго произношенія; также и въ приводимомъ черезъ строку з'ил'ана́.

родная форма была бы в и с и л у́, но что *а* идетъ здѣсь изъ прилагательнаго в ѣ́ с а л, ср. р. в ѣ́ с а л а, ж. р. в и с а л а́; выговоръ у т ѣ́ р а м и можно оправдать ссылкой на остальные падежи, гдѣ *е* стояло передъ твердымъ согласнымъ, напр. именит. т ѣ́ р а м. Подобнымъ же образомъ слово н *и* р а́ д а с т и н позволительно объяснять вліяніемъ такихъ словъ, какъ н и р а́ х а, гдѣ отрицаніе примыкаетъ къ мягкому согласному. Есть однако случаи, для которыхъ подобныхъ объясненій указать нельзя, напр. почему т͡п *и* л а в а́ к, а не т͡ш *а* л а в а́ к? Кажется, въ виду этихъ случаевъ приходится отказаться отъ сдѣланнаго предположенія.

Занимающій насъ вопросъ, по даннымъ Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи, представленнымъ Х а л а н с к и м ъ (въ I книгѣ Рус. Фил. Вѣстн.), разобранъ Я г и ч е м ъ—въ V томѣ «Архива славянской филологіи» помѣщена статья Ягича, заглавіе которой по-русски можно передать такъ: «О перегласовкѣ гласныхъ *е*, *ъ*, *а* въ славянскихъ языкахъ» [1]. Ягичъ приблизительно подтверждаетъ законъ, указанный самимъ Халанскимъ во вводныхъ замѣчаніяхъ къ щигровскимъ пѣснямъ. Вотъ этотъ законъ: *а* является р я д о м ъ с ъ у д а р я е м ы м ъ с л о г о м ъ, т. е. въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударяемому и непосредственно за нимъ слѣдующемъ. Хотя въ подтвержденіе этого закона можно сослаться на отмѣченные уже примѣры, но приведу еще нѣкоторые, которые послужатъ къ нимъ дополненіемъ. Мы имѣемъ прилаг. м а д о́ в а й; существ. б'а р о́ з а, сущ. б'ѣ́ р а х. Примѣромъ на *и*, которое, значитъ, является въ слогахъ, не сосѣдящихъ съ ударяемыми, можетъ служить еще н и л а н а́.

Какая бы, спрашивается, могла быть причина появленія *а* изъ *е* въ слогахъ, сосѣдящихъ съ ударяемымъ? Можно бы предполагать, что тутъ не настоящее *а*, а глухой гласникъ съ предшествующей мягкостью—именно, легко допустить, что слогъ сосѣдній съ удареніемъ станетъ особенно слабымъ, и гласникъ его обратится въ глухой, неявственный. Впрочемъ, можно предположить и обратное—что слоги сосѣдніе съ ударяемымъ также имѣ-

[1] Die Umlautserscheinungen bei den Vocalen e, ê, ę in den slavischen Sprachen.

ютъ на себѣ нѣкоторое удареніе, отличаются большей силой, чѣмъ другіе, такъ что развитіе *и* въ другихъ слогахъ обусловливается большею глухостью. Первое предположеніе на первый взглядъ гораздо правдоподобнѣй, но мы сейчасъ увидимъ одно соображеніе, говорящее въ пользу второго толкованія, правда, только на половину—по скольку дѣло идетъ о слогѣ предударномъ.

Мы уже отмѣтили, что безударные слоги не всѣ отличаются одинаковой неявственностью. Для южновеликорусскаго говора Потебня старался опредѣлить, при какихъ условіяхъ безударные гласники звучатъ яснѣе, при какихъ глуше. То же самое для литературной рѣчи сдѣлалъ Богородицкій. Богородицкій изложилъ свой взглядъ во «Введеніи въ изученіе русскаго вокализма», помѣщенномъ въ VII томѣ Рус. Фил. Вѣстн., а затѣмъ подробнѣе въ разсужденіи: «Гласные безъ ударенія въ обще-русскомъ языкѣ», напечатанномъ въ Казанскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1884-й годъ. Выводы Потебни и Богородицкаго, добытые независимо другъ отъ друга, оказываются почти тожественными. Изложу ихъ своими словами. Мы можемъ различать въ безударныхъ слогахъ выговоръ 1) довольно ясный; его мы находимъ въ слогѣ предударномъ, напримѣръ въ словахъ краса́, раса́. Подобнымъ же образомъ въ глагольной формѣ пі*и*ту́ мы на мѣстѣ древняго *е* имѣемъ довольно ясный звукъ; также повелит. глагола сѣ͡тш (**сѣшти**)—с*и*кі́ представляетъ довольно явственное *и* на мѣстѣ ѣ.

2) Мы находимъ выговоръ довольно глухой. Такой выговоръ свойственъ открытому конечному слогу, т. е. конечному слогу, кончающемуся на гласный звукъ. Значитъ, довольно глухимъ будетъ *а* въ какихъ-нибудь словахъ нѝва, вы́дъ͡тша; такой же звукъ мы видимъ въ концѣ существ. средняго рода на безударное *о*, напримѣръ та̀ла, сло́ва. Подобнымъ же образомъ слышится довольно глухое *е* въ словѣ поля̀. (Впрочемъ, вмѣсто по́ля̀ чаще говорятъ по́ля*а*, но такой выговоръ не слѣдуетъ объяснять фонетически, а подражаніемъ мягкаго различія твердому).

3) Существуетъ выговоръ весьма глухой. Выговоръ этотъ свойственъ всѣмъ слогамъ, кромѣ указанныхъ ранѣе—предударныхъ

и конечныхъ открытыхъ. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ весьма глухой выговоръ въ конечномъ закрытомъ слогѣ: напр. слово ла́път̇ представляетъ на мѣстѣ *о* глухой звукъ, который я обозначилъ буквой *ъ* [1]; точно такой же звукъ на мѣстѣ древняго *а* представляетъ инфинитивъ ка́път̇. Глухой звукъ на мѣстѣ *а* мы видимъ также въ словѣ по́вър, съ которымъ сопоставимъ созвучное съ нимъ го́вър; сопоставимъ еще глагольную форму спо́р̓ьм и существ. въ предложномъ соединеніи — смо́р̓ьм. Теперь возмемъ примѣры на другіе слоги, т. е. на слоги предшествующіе ударяемому, но не прямо. Напр., въ глаголѣ пъл̇уб'и́т̇ предлогъ по звучитъ пъ, точно также предлогъ за въ сущ. зъбытјо́ является въ видѣ зъ; велительное б'ьр̓иг̓и́ представляетъ въ первомъ слогѣ вмѣсто *е* глухой узкій — сравнимъ съ нимъ сущ. б'ьт̇уг̓и́, гдѣ тотъ же звукъ замѣняетъ *и* [2]). Еще нѣсколько примѣровъ: къ̇лъкала́, зъстръхава́т̇, нъ пъхърана́х, п̇ьр̓ьв̇ис̇т̇и́, ьс̇п̇ьп̇ил̇и́т̇. Примѣры на слоги, слѣдующіе за ударяемымъ. Мы можемъ повторить здѣсь слово, служившее намъ примѣромъ на открытый конечный слогъ, слово вы́дът̇ш͡а, сравнить съ нимъ вы́бъры. Сравнимъ еще глагольныя формы второго лица множ. числа глаголовъ молоть и дѣлить: м̇е́л̇ьт̇ӓ (-ти) и д'е́л'ьт'ӓ (-т̇и). Подобнымъ же образомъ произносятъ: за́мъръс̇к̓и, су́тълъка, вы́гнънъйа, ска́зънъйа, пра́в̇ьд̇н̇ьт͡са, вы́д̇ьл̇ьт̇ӓ (-т̇и).

На то́, что не всѣ безударные слоги одинаково слабы, еще до Богородицкаго и Потебни обратилъ вниманіе Гротъ, хотя онъ не разработалъ этого вопроса подробно, а выставилъ только общее положеніе и указалъ нѣкоторые примѣры. Замѣчаніе Грота было сдѣлано имъ въ статьѣ «По поводу нѣмецкой брошюры о русскомъ удареніи» Кайслера (Kayssler). Гротъ здѣсь говоритъ, что «не всѣ неударяемые слоги равны между собой по степени крат-

---

[1]) Здѣсь, значитъ, вторичнымъ образомъ приблизительно возстановился праславянскій ъ.

[2]) Однако, по первому пункту: он п*а*л'у́б'ьт, з*а*бы́т', б'*и*р'е́т'ш͡, б'*и*т'у́к.

кости». Это положеніе Гротъ подтверждаетъ примѣрами, представляющими сопоставленіе слоговъ предударныхъ и поударныхъ; онъ подбираетъ случаи, въ которыхъ одинъ и тотъ же слогъ то предшествуетъ ударяемому слогу, то слѣдуетъ за нимъ, и указываетъ на то, что поударный слогъ одного слова не можетъ служить предударнымъ въ другомъ словѣ. Наиболѣе удачный примѣръ—слова̀ мы́шка и камы́ш; слогъ ка въ первомъ реченіи слишкомъ кратокъ, чтобы служить начальнымъ слогомъ реченія камыш. Это то же самое, что высказано Богородицкимъ и Потебней, именно, что слогъ предударный сильнѣй поударнаго. Гротъ предлагаетъ произнести нѣсколько разъ подъ рядъ: мышка — мышь и мышь—камышъ, причемъ должно обнаружиться указанное несоотвѣтствіе слоговъ конечныхъ и начальныхъ: если бы его не было, то оба выраженія должны бы совпасть. Еще такой же опытъ Гротъ предлагаетъ произвести надъ словами ра́но и нора́; тѐлка и котѐлъ, то́поль и пальто́.

Мы отмѣтили, что предударный слогъ отличается большей силой сравнительно съ другими безударными. Это и есть то соображеніе, которое можно привести въ оправданіе своеобразной его огласовки въ южновеликорусскомъ говорѣ. Значитъ, разсматривая какое-нибудь слово п̓ил̓ана́ изъ пелена́ можно сказать, что предударный слогъ потому пріобрѣлъ своеобразную огласовку, что онъ сильнѣе другихъ безударныхъ. Однако для слога поударнаго такого соображенія нѣтъ: онъ стоитъ на ряду со слогами безударными, и въ немъ не должно бы быть своеобразной огласовки. Бо́льшая сила предударнаго слога состоитъ, очевидно, въ томъ, что онъ получаетъ нѣкоторое второстепенное удареніе.

Второстепенное удареніе на предударномъ слогѣ едва ли не слѣдуетъ признать чертой древней, праславянской: въ такомъ случаѣ намъ легче понять то отношеніе, которое существуетъ между акцентовками русской и сербской. Сербскій языкъ представляетъ явленіе, которое я въ своемъ «Начертаніи славянской акцентологіи» назвалъ оттяжкой, т. е. тамъ удареніе оттягивается на одинъ слогъ къ началу; такимъ образомъ русскому слову вода́ по-сербски соотвѣтствуетъ во̀да, русскому копы́то—ко̀пито, русскому труби́ть—тру́бити. Это весьма странное явленіе становится болѣе понятнымъ, если предположить, что предударный слогъ

издавна имѣлъ уже нѣкоторое удареніе. Въ сербскомъ языкѣ слова̀ оттяжечной акцентовки представляютъ удареніе двухслогóвое, т. е. кромѣ главнаго ударенія еще второстепенное на слѣдующемъ слогѣ, напр. вòда̏ —на первомъ слогѣ удареніе восходящее, на второмъ — нисходящее; подобнымъ же образомъ въ глаголѣ трýбити первый слогъ имѣетъ удареніе восходящее, второй—нисходящее. Мы, значитъ, можемъ говорить, что въ сербскомъ языкѣ прежнее главное удареніе сдѣлалось второстепеннымъ, а второстепенное стало главнымъ; это измѣненіе болѣе естественно, чѣмъ превращеніе ударяемаго слога въ безударный и пріобрѣтеніе ударенія слогомъ безударнымъ [1].

Не совсѣмъ я согласенъ съ Богородицкимъ насчетъ предударныхъ слоговъ со звукомъ *е*. Богородицкій утверждаетъ, что предударный слогъ настолько силенъ, что въ немъ существуютъ тѣ же оттѣнки, какъ въ слогѣ ударяемомъ, т. е. ӓ передъ твердыми согласными, и е передъ мягкими; также и Бётлингъ въ числѣ своихъ примѣровъ на двойственность звука *е* помѣщаетъ нѣкоторыя слова, гдѣ *е* стоитъ въ предударномъ слогѣ. Богородицкій глагольной формѣ плетý приписываетъ ӓ, а формѣ плети́ — *е*. Тѣмъ болѣе Богородицкій въ этомъ случаѣ видитъ различіе между звуками *е* и *и*. По моему предударное *е* и предударное *и* совпадаютъ, какъ совпадаютъ предударныя *о* и *а*; какъ тѣ являются въ видѣ довольно яснаго *а*, такъ *е* и *и* звучатъ, какъ довольно ясное *и*. Сравнимъ глагольную форму наплетý и выраженіе на плитý; сравнимъ существительныя предѣ́лъ и придѣ́лъ; пѣтýхъ и питýхъ; родит. падежи вѣнцá и винцá; пѣвцá и пивцá; развелáсь и развилáсь; мнѣ кажется, что мы въ этихъ случаяхъ говоримъ безразлично: нъпл̓итý, пр̓ида̑л, питýх, в̓инт͡сá, п̓ифт͡сá, раз̓вилáс. Можетъ быть, однако, произношеніе колеблется, такъ что иные соблюдаютъ тѣ оттѣнки, которые усматриваетъ при указанныхъ условіяхъ Богородицкій; возможно при этомъ, что тутъ сказывается вліяніе письма. Богородицкій даже самъ въ нѣкоторыхъ

---

[1] О сербской акцентовкѣ говорится нѣсколько подробнѣе ниже, по поводу выставленной однимъ ученымъ (Потебнёй) теоріи полногласія.

случаяхъ подозрѣваетъ себя въ подчиненіи книжному вліянію. Но ужъ положительно не правъ Богородицкій относительно *о* въ предударномъ слогѣ, которое будто бы только приближается къ *а*, но не совпадаетъ съ нимъ: множ. число къ слову в а л ъ—в а л ы́ отличается-де отъ множ. числа къ слову в о л ъ—в а̀ л ы́. Эти слова звучатъ одинаково, и при звуковомъ письмѣ, надо писать въ обоихъ случаяхъ в *а* л ы́. Сравнимъ еще мѣстоименіе с а м а́ съ родит. падежомъ сущ. с о м ъ—с о м а́; множ. число п а р ы́ и род. пад. сущ. пор а́—п о р ы́; глаголы п о д р *а* ж а́ т ь и п о д р *о* ж а́ т ь; глагольную форму п о к о л о ч у́ и выраженіе по к а л а ч у́; сущ. о к о́ ш к о и выраженіе а к о́ ш к а [1]).

Кромѣ отмѣченныхъ нами главныхъ оттѣнковъ безударныхъ гласныхъ можно усмотрѣть еще нѣкоторые: иногда являются совсѣмъ неясные гласники, и гласный элементъ бываетъ столь слабъ, что можно говорить о с л о г о в ы х ъ с о г л а с н ы х ъ. По наблюденію Богородицкаго это бываетъ, когда гласный приходится между тожественными, или родственными звуками. Такъ напримѣръ въ указательномъ мѣстоименіи этотъ мы имѣемъ особенно неясный выговоръ ⁱа̀т᾽т (обозначу его маленькимъ ъ); такой же звукъ является въ родительномъ падежѣ прил. н о в ы й—н о́ в ъ в а, въ дат. падежѣ множ. ч. существительнаго д а́ м а—д а́ м ъ м и въ творительномъ д а́ м ъ м̀ и. Совсѣмъ неявственный выговоръ представляютъ также косвенные падежи сущ. х о́ л ъ т—х о́ л ъ д а, х о́ л ъ д у, х о́ л ъ д ъ м, х о́ л ъ д̀ и. Подобнымъ же образомъ женское отчество отъ имени Я к о в ъ звучитъ обыкновенно Ј а́ к ъ і̀ н а. Богородицкій въ этихъ случаяхъ говоритъ о слоговыхъ согласныхъ, причомъ у него оказывается, что всѣ согласные при извѣстныхъ условіяхъ могутъ быть слоговыми. Сохраняя названіе «слоговые согласные», я считаю нужнымъ оговориться, что слоговыхъ согласныхъ, по моему мнѣнію, не суще-

---

[1]) Послѣдній примѣръ считаю особенно вѣскимъ, т. к. однажды произнесенное мною (безо всякой мысли о какой-либо фонетической теоріи) слово о к о ш к о было принято за два слова. Такое же наблюденіе мнѣ удалось сдѣлать надъ указанной выше фонемою р а з в и л а с: одна дама (москвичка) говорила мнѣ, что ея знакомая развилась умственно, а я понялъ, что она развелась съ мужемъ.

ствуетъ, а существуютъ согласные, сопровождаемые минимальными гласными.

Иногда неявственность гласныхъ доходитъ еще до большей степени, а именно до полнаго ихъ изчезновенія: въ иныхъ случаяхъ гласные, сохраняясь на письмѣ, въ произношеніи пропадаютъ. Такъ, слово городовóй произносится обыкновенно въ три слога гърдавóй; слово нáбережная обыкновенно представляетъ не пять слоговъ, а только четыре: нáб'ьржнъйа. Подобнымъ же образомъ выраженіе въ парикѣ иной разъ можетъ звучать ф̓п̓р̓ик̓á; вмѣсто парикмахеръ говорятъ п̓рикмáх'ьр [1]).

Теперь спрашивается, не примѣняется ли къ изложеннымъ нами особенностямъ безударныхъ слоговъ старинное изреченіе: «нѣтъ правила безъ исключенія»; изреченіе, противъ котораго мы въ настоящее время очень предубѣждены, такъ какъ мы не хотимъ признавать, что есть законы съ исключеніями, ни на чемъ не основанными. Кажется, изъ нашихъ законовъ относительно безударныхъ гласныхъ дѣйствительно нѣтъ настоящихъ исключеній, а замѣчается только то вліяніе книги, то вліяніе областныхъ говоровъ, то самаго способа говоренія: когда мы говоримъ съ разстановкой, то произношеніе будетъ явственнѣе, чѣмъ при скороговоркѣ. Для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ исключеній можно подобрать особое оправданіе. Такъ, мы имѣемъ выраженіе пошелъ!, въ которомъ слышится нерѣдко неявственный гласный, т. е. вмѣсто пашóл! выговариваютъ пъшóл! и даже пшóл!, въ одинъ слогъ; вмѣсто пал̓и́! командуютъ п̓ал̓и́! По Богородицкому и Потебнѣ здѣсь въ предударномъ слогѣ *а* должно быть довольно явственно; оправданіемъ же его неявственности служитъ междометный характеръ этихъ словъ. Дѣйствительно, пашóл употребленное какъ прошедшее время представляетъ *а* довольно ясное.

Своеобразному измѣненію подвергается безударное *а*, когда ему предшествуетъ мягкость: оно совпадаетъ со звукомъ *е*, отчасти, значитъ и съ *и*. Возьмемъ напр. прилагательное м̓áвък въ женкомъ родѣ, это будетъ м̓ихкá; съ формой м̓ихкá сравнимъ

[1]) Въ такомъ видѣ («Къ прикмахеру») это слово встрѣчается у Грибоѣдова—Горе отъ ума, Дѣйствіе III, явленіе 2.

женскій родъ прилагательнаго л̇о́бък—л̇ихка́; сравнимъ далѣе существительныя јидро́ и в̇идро́; сопоставимъ еще настоящее время глаголовъ прясть и придти, которые совпадаютъ въ одной фонемѣ пр̇иду́; то же самое у глаголовъ списать и спѣшить—сп̇ишу́. Можетъ быть, однако, выговоръ въ этихъ случаяхъ колеблется. Богородицкій въ своихъ наблюденіяхъ надъ собственнымъ произношеніемъ отмѣчаетъ выговоръ р̇або́й, согласно, значитъ, съ письмомъ; также п̇ат̇и́ отъ п̇ат̇. Самъ врочемъ Богородицкій дѣлаетъ при томъ оговорку, что это чуть-ли не книжное вліяніе, и что онъ, хотя и произноситъ п̇ат̇и́, съ другой стороны отъ числительнаго д̇е́с̇ьт̇ образуетъ д̇ьс̇ит̇и́. Послѣ шипящихъ согласныхъ, первоначально принадлежавшихъ къ мягкимъ, въ настоящее время, вслѣдствіе большаго или меньшаго ихъ отвердѣнія, мы находимъ вмѣсто узкихъ гласныхъ широкіе, напр. слово, которое пишется жара, произносится жыра́; слово, которое пишется шары, звучитъ шыры́. Послѣ согласнаго дифтонга т̇ш̇ и согласнаго трифтонга ш̇т̇ш̇ гласный звукъ менѣе широкъ, т. е. слышатся не узкія *ы*, а широкое *и*; сравнимъ выраженіе начело́ и глагольную форму начало́, то и другое въ фонетической транскрипціи можно передать такимъ образомъ: нът̇ш̇ило́ или нът̇ш̇ило́.

Одинаковую судьбу съ безударнымъ *а* послѣ мягкости, конечно, должно бы имѣть также безударное *о*; однако сочетанія *о* съ *ј* и другими мягкими согласными русскій языкъ не могъ унаслѣдовать отъ общеславянскаго языка: въ общеславянскомъ *о* въ такомъ положеніи превращалось въ *е*. Рядомъ съ какимъ-нибудь словомъ село возникло копьје вмѣсто копьјо. Есть, однако, несомнѣнные случаи измѣненія *ё* безударнаго въ словахъ пришлыхъ, въ словахъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка; та́къ мѣсто для водосвятія называется јирда́н̇ [1]). (Конечно, *о* сначала перешло въ *е*, а потомъ уже *е* сблизилось съ *и*). Подобнымъ же

---

[1]) Слово это, несомнѣнно, происходитъ отъ названія рѣки Іордана. Послѣднее названіе въ непринужденномъ произношеніи само звучитъ не ˡИорда́н, а Јирда́н.

образомъ имя Иванъ въ своей книжной формѣ Іоаннъ при непринужденномъ выговорѣ превращается въ Jиáн (2 слога вмѣсто 3-хъ); изъ имени Іовъ еще встарину сдѣлали Нѥвъ, отсюда— фамилія Іевлевъ, фонетическая транскрипція которой будетъ "И́йьвл̀ьф. Въ словахъ туземныхъ, по сказанному ранѣе, мы не должны бы ожидать перехода *о* въ *е*, а далѣе въ *и*; однако, кажется, такой переходъ все-таки имѣетъ мѣсто. Соболевскій въ статьѣ «Къ исторіи русскихъ акающихъ говоровъ», помѣщенной въ XII томѣ Русскаго Филолог. Вѣстника, указываетъ нѣкоторыя данныя въ пользу того, что южновеликорусское и бѣлорусское превращеніе безударнаго *е* въ *а* не произошло непосредственно, а что между ними лежала переходная ступень *о*. Оказывается, что не только въ сѣверновеликорусскихъ, но и въ южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ памятникахъ встрѣчается употребленіе буквы *о* послѣ шипящихъ, т. е. написанія въ родѣ ч*о*лобитье, наш*о*му вмѣсто ч*е*лобитье, наш*е*му, на основаніи которыхъ Соболевскій и утверждаетъ, что какое-нибудь т̀ш͡*а*ты́ри не восходитъ прямо къ ч*е*тыри, а предполагаетъ переходную ступень ч*о*тыри. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно думать, что та́къ было и послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ, т. е. что теперешнее с̀ало́ не прямо примыкаетъ къ старѣйшей русской и праславянской фонемѣ с̀ӓло́, но что по-русски с̀ӓло́ сначало дало с̀оло́, уцѣлѣвшее у сѣверныхъ великороссовъ, а уже потомъ явился выговоръ с̀ало́. Если это такъ, то мы въ русскомъ языкѣ и въ туземныхъ словахъ имѣемъ случаи превращенія *о* въ *и* при посредствѣ *е*: с̀ӓло́—с̀оло́—с̀ӓло́—с̀ело́—с̀ило́.

Мы поговорили такимъ образомъ о безударныхъ *а*, о, *е*; объ остальныхъ безударныхъ гласникахъ распространяться нечего. Гласника *и* я коснулся въ связи съ *е* и отмѣтилъ, что при отсутствіи ударенія эти два звука совпадаютъ. Прибавлю только, что безударное *и* иногда переходитъ въ легкій іотъ; вмѣсто не иду́ является нейду (н̀ийду́), вмѣсто не име́тъ — нейме́тъ (н̀ийм̀о́т). Особенно часто мы это видимъ у Малороссовъ; тамъ можно, кажется, выставить звуковой законъ, что зачинное *и* становится неслоговымъ и потомъ отпадаетъ; вмѣсто иго́лка у Малороссовъ бо́лка; великорусскому игра́ть соотвѣтствуетъ въ малорусскомъ бра́ти; предлогъ из превращает-

ся въ *з*: при великорусскомъ ⁱⁱ и з̓в̓а̂ с н а мы имѣемъ малорусское з в̓и́ с н о; при великорусскомъ ⁱⁱ из д̓е́р̓ь в а стоитъ малорусское з д е́ р е в а. Сюда же я отношу превращеніе *и* въ *й* внутри слова и въ изглашеніи, т. е. такія формы, какъ велительное наклоненіе з н а й, з н а й т е: хотя бы, какъ иные утверждаютъ, тутъ *и* было неслого́вымъ уже въ староцерковномъ языкѣ, но въ праславянскомъ оно едвали было таковымъ.

Превращеніе слогового і въ неслого́вое слѣдуетъ видѣть и въ существительномъ јийт͡со́, основная форма ꙗнцє. Можно бы, однако, подумать, что й тутъ сохранился отъ старины, и произошло выпаденіе звука ь, такъ какъ древнѣйшая праславянская форма была јайьт͡се́ — вѣдь уменьшительный суффиксъ есть ьце [1]), и только впослѣдствіи йь дало й. Но противъ этого рѣшительно говорятъ род. множ. числа ј и й и́ т͡с и уменьшительное (первоначально уменьшительное второй степени) ј и й и́ т̓͡ш̓ к а: если бы въ основаніи нашего ј и й т͡с о́ лежало ј а й ь ц е́, то мы говорили бы ј а й а̂ т͡с и ј а й е́ т̓͡ш̓ к а. (Такія формы дѣйствительно существуютъ, но только какъ областныя, и ихъ легко признать вторичными: онѣ замѣнили бѣглое *и* обыкновеннымъ бѣглымъ гласнымъ *е*).

У т р а т у безударнаго *и* п о с л ѣ с о г л а с н ы х ъ мы имѣемъ въ инфинитивѣ и въ велительномъ наклоненіи ед. числа, напр. с т а́ т̓ вмѣсто с т а́ т̓ и, с т а н̓ вмѣсто с т а́ н̓ и. Явленіе это повторяется во всѣхъ ново-славянскихъ языкахъ.

Что касается безударнаго *у* и безударныхъ *ы*, то они мало отличаются отъ ударяемыхъ; они и при отсутствіи ударенія довольно явственны. Впрочемъ, второй изъ нихъ, *ы*, какъ мы уже раньше видѣли, иногда совпадаетъ съ безударными *а* и *о*: *а* и *о* при самомъ глухомъ выговорѣ приближаются къ *ы*.

Къ обзору гласныхъ звуковъ русскаго языка въ ихъ настоящемъ состояніи, къ которому я присоединилъ только немногочисленныя справки насчетъ ихъ происхожденія, слѣдуетъ прибавить теперь

---

[1]) «Яйцо» первоначально было уменьшительнымъ къ утраченному въ русскомъ языкѣ ꙗѥ.

нѣсколько экскурсовъ, въ которыхъ мы будемъ идти инымъ путемъ: будемъ исходить отъ основныхъ праславянскихъ звуковъ. Прежде всего я сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія насчетъ глухихъ гласныхъ.

Я отмѣтилъ уже утрату глухихъ въ русскомъ языкѣ и переходъ ихъ съ одной стороны въ *о* и *е*, которыя, конечно, впослѣдствіи могли подвергнуться вторичнымъ измѣненіямъ; съ другой стороны я отмѣтилъ ихъ выпаденіе, при коемъ ъ оставлялъ по себѣ мягкость; далѣе я также отмѣтилъ, что, какъ слѣдъ глухихъ, въ языкѣ сохранилась бѣглость ихъ замѣнителей. Къ этому слѣдуетъ сдѣлать добавленіе, что въ языкѣ существуетъ также неорганичная, вторичная бѣглость: по образцу бѣглости звуковъ *о* и *е*, развившихся изъ глухихъ, сдѣлались въ нѣкоторыхъ случаяхъ бѣглыми *о* и *е* исконныя. Такъ мы говоримъ роф, въ родит. рва, основная форма была **рокъ, рока**; говоримъ лот, лду (лда), основная форма **ледъ, леда**; говоримъ ка́мьнь, род. ка́мня, старославянская же форма была **камы, камене**, а не **камне**; точно также—ко́рьнь, ко́рня вм. **кора, корене**; къ имен. пе́пьл мы образуемъ родит. пе́пла, основная же форма была **пепелъ, пепела**. Подобнымъ же образомъ замѣчается бѣглость въ нѣкоторыхъ словахъ, представляющихъ иную огласовку; такъ мы находимъ ее въ словѣ пъталóк, род. пъталка́, гдѣ бѣглое *о* составляетъ часть полногласія: толок есть другой видъ корня толк, равнаго старослав. **тлък** (**тлъкж-тлъшти**—толкý, толóчь) и по старославянскому пъталóк было бы **потлакъ**. Въ двухъ словахъ мы видимъ бѣглость гласнаго, произошедшаго изъ **ѧ**, это слова заяцъ и колодезь, въ фонетической транскрипціи: зáйьтс͡, род. зáйтс͡а, калóдьтс͡, род. калóттсса [1]), старославянскія формы **зѧцъ, -ѧца** и **кладѧзь, -ѧза**. Первая изъ этихъ формъ сохранилась въ русскомъ правописаніи—въ начертаніи заяцъ; вторая—въ написаніи колодезь, гдѣ однако вмѣсто *я* ставятъ *е*.

Вторичную бѣглость гласныхъ мы можемъ видѣть и въ словахъ пришлыхъ, по крайней мѣрѣ, есть одно заимствованное слово, которое допускаетъ выпущеніе звука *е*, это—игуменъ, греч. ἡγούμενος: вмѣсто родит. игумена образуютъ также игумна.

[1]) Знакомъ ттсс я обозначаю усиленный видъ звука тс.

Въ случаяхъ неорганичной бѣглости мы нерѣдко въ народной рѣчи встрѣчаемъ формы органическія (самородныя). Такъ, въ малорусскомъ нарѣчіи и въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ вмѣсто литературнаго р о в ъ, р в а существуетъ р о в, р о́ в а, вмѣсто і̀ о т, і̀ д у мы у Малоруссовъ находимъ і̀ и д, і̀ е́ д у или і̀ о́ д у. Подобнымъ же образомъ слово к а́ м̀ ь н̀, к а́ м̀ н̀ а мы видимъ въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ въ формѣ к а́ м̀ е н̀,-е н̀ а, и по-малорусски подобнымъ же образомъ—к а́ м̀ и н̀, род. к а́ м̀ е н̀ а. Слово п ъ т а л о́ к въ областной рѣчи тоже является съ постояннымъ *о*: въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ употребляется п о т о л о́ к, род. п о т о л о́ к а; это встрѣчается и въ извѣстномъ выраженіи: «руки въ бо́ки, глаза въ потоло́ки», гдѣ рифма спасла органическую форму.

Для нѣкоторыхъ изъ словъ съ подражательной бѣглостью легко указать частную причину ея появленія: въ словѣ п ъ т а л о́ к усмотрѣли суффиксъ *ок*, произшедшій изъ -ъкъ, и какъ говорятъ п а л о́ к-п а л к а́, с а д о́ к-с а т к а́, с а в о́ к-с а ф к а́, такъ стали говорить и п ъ т а л о́ к-п ъ т а л к а́. Очевидно также, что слово з а я ц ъ вмѣсто необычнаго окончанія я ц пріобрѣло ходячій суффиксъ ец, изъ первоначальнаго ьць, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣглость звука *е*. Правописаніе наше въ этомъ случаѣ поступаетъ весьма странно и непослѣдовательно: уже прот. Павскій въ своихъ «Филологическихъ наблюденіяхъ» совершенно вѣрно замѣчаетъ, что разъ мы пишемъ въ родит. падежѣ й, то не слѣдовало бы писать въ именит. пад. я: надо бы писать или заяцъ, заяца или заецъ, зайца.

И слово к а л о́ д ь т͡с, представляетъ суффиксъ ец въ замѣну древняг суффикса -ась, т.-е. пріобрѣло вмѣсто рѣдкаго окончанія болѣе обычное. Правописаніе однако не признаётъ этого измѣненія: оно упорно держится стариннаго окончанія, слегка исказивъ его въ е з ь. Форма к о л о д *е ц* ъ,-*д ц* а рѣшительно господствуетъ въ живой рѣчи (слышится, правда, и к а л о́ д ь с̀, к а л о́ д ь з̀ а, но чуть ли ни подъ вліяніемъ письма [1]). Форму колодецъ можно указать даже въ литературѣ: употребляетъ ее Пушкинъ въ одной изъ своихъ поэмъ, рифмуя слово к о л о д *е ц* ъ на и н о х о д е ц ъ и х о р о в о д е ц ъ («Домикъ въ Коломнѣ», строфа XIV). Также у

[1]) Впрочемъ, по устному сообщенію одного туляка, такое произношеніе въ Тульской губерніи народное.

Фета, въ стихотвореніи «Я люблю его жарко» встрѣчается выраженіе «Онъ бадья при колодцѣ пустынь». Напротивъ того въ одной народной пѣснѣ (Сахаровъ, «Сказанія русскаго народа», книга III, Русскія народныя пѣсни, стр. 214) поется: «У колóдезя, у студёнова». Вторичная бѣглость попадается и въ другихъ славянскихъ языкахъ. Такъ, наши заяцъ, зайца и камень, камня повторяются въ языкѣ Словенскомъ: zajec, zajca; kamen, kamna.

Въ противуположность подражательной бѣглости, въ русскомъ языкѣ встрѣчается также подражательная постоянность: мы видимъ иногда *о* и *е* тамъ, гдѣ прежде были ъ и ь, и гдѣ эти послѣдніе должны были онѣмѣть. Колосовъ изъ сѣверновеликорусской рѣчи приводитъ глаголъ местить вмѣсто мстить, прил. рожаной, вм. ржаной, левы вмѣсто львы. Весьма распространено въ народной рѣчи склоненіе рот, рóта вмѣсто рта и т. д., напр. «в роту́» вмѣсто литературнаго «во рту́». Уменшительныя же имена рóтик и ротóк даже по литературному представляютъ *о* (*а*) вмѣсто отсутствія гласнаго: органически было бы ртик и рток (род. роткá). Подобное же слово есть пу́говица, которое собственно должно бы звучать пу́гвица; основная форма его пѫгы, пѫгъве, пѫгъвица. Мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ областной рѣчи, въ говорѣ сѣверновеликорусскомъ, въ Архангельской, Вологодской губерніяхъ, ожидаемую фонему пу́гвица. Очевидно, литературное пу́говица явилось подъ вліяніемъ уменьшительнаго пу́говка, гдѣ произошло органическое проясненіе: основное пѫгъвъка. Еще отмѣтимъ постоянность звука *е* въ суффиксѣ ец, когда передъ нимъ стоитъ нѣсколько согласныхъ, напр. чернéцъ, -цá, мертвéцъ, -цá. Эти слова въ малорусской рѣчи являются въ органической формѣ, облегченныя посредствомъ выпуска согласнаго, напримѣръ, т̑шерн̑éт̑с̑, т̑шерт̑с̑á или т̑шен̑т̑с̑á; мерт̑вéт̑с̑, мерт̑с̑á. Подобнымъ же образомъ Малороссы къ слову корнéт̑с̑ (горшокъ) образуютъ род. кор̑т̑с̑á. У словъ на -ец мы имѣемъ еще нѣкоторую неправильность насчетъ проясненія глухихъ: иногда, повидимому, проясняется тотъ глухой, который долженъ былъ онѣмѣть, напр. при именит. жнецъ, основная форма—жьньць, имѣется родит.

ж н е ц а, а должно бы быть ж е н ц а, что̀ и видимъ въ малорусскомъ нарѣчіи: ж н е́ т͡с, ж е н т͡с а́, также ш в е́ т͡с (сапожникъ), род. ш е в т͡с а́, основная форма шьвьць. Да и областная великорусская рѣчь знаетъ подобныя формы; такъ отмѣченъ выговоръ ж е н е́ ц, ж е н ц а́ — изъ этихъ формъ вторая самородная, а первая заимствовала свое *е* изъ косвенныхъ падежей (ж е н е́ ц вм. ж н е ц). Вообще, всѣ указанныя отступленія отъ правила бѣглости объясняются подражательнымъ измѣненіемъ. Наши родительные ж н е ц а́, ж р е ц а́ и т. д., очевидно, основаны на именительныхъ ж р е ц ъ, ж н е ц ъ и т. п. Какое-нибудь «в р о т у́» вмѣсто «в о р т у́», разумѣется, заимствовало свое *о* у именительно-винит. р о т; прилагательное р о ж а н о й взяло свое *о* у существительнаго р о ж ь; глаголъ м е с т и т ь заимствовалъ *е* у существительнаго м е с т ь (которое и само вторичнымъ образомъ провело *е* по всѣмъ падежамъ — род. долженъ бы быть м с т и); уменьшительное р о т и к исходитъ отъ именительно-винительнаго падежа рот; рото́к могло позаимствоваться у косвенныхъ падежей р о т к а́, р о т к у́ [1]). При этомъ подражательномъ измѣненіи имѣло значеніе неудобство нѣкоторыхъ согласныхъ группъ, напр. зачинныхъ созвучій р т, р ж, м с т, благопріятствовавшее примѣненію къ такимъ формамъ, которыя представляли вполнѣ удобныя созвучія р-о-т, р-о-ж, м-е-с-т.

Остановимся теперь на вопросѣ, давно ли въ русскомъ языкѣ утратились глухіе гласные. Между русскими учеными довольно прочно установился взглядъ, что въ старину въ русскомъ языкѣ с у щ е с т в о в а л и г л у х і е, что они только въ историческое время отчасти перешли въ чистые, отчасти онѣмѣли. Въ этомъ смыслѣ высказались Срезневскій, Буслаевъ, Петръ Алексѣевичъ Лавровскій, Потебня, Колосовъ. *Срезневскій* въ своихъ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка» утверждаетъ, что утрата глухихъ поздняя. «Еще въ XIV столѣтіи соотвѣтствующія буквы употреблялись-де довольно правильно, хотя и въ XIII встрѣчаются явные слѣды уклоненія отъ нихъ народнаго выговора». Выраженіе это,

[1]) Точно также какъ р о т о́ к образовано и к а ш е л ёк вм. к а ш л ёк отъ к а́ ш е л ь-к а́ ш л я.

какъ часто бываетъ у Срезневскаго, нѣсколько неясно и неопредѣленно, но несомнѣнно, что онъ признавалъ въ русскомъ языкѣ существованіе глухихъ гласныхъ. Взглядъ его повторилъ Петръ Лавровскій въ «Изслѣдованіи о языкѣ сѣверно-великорусскихъ лѣтописей». *Потебня* склоненъ былъ предположить весьма продолжительное существованіе глухихъ. Такъ, онъ даже въ памятникахъ XVI вѣка, а именно южнорусскихъ, волынскихъ, усматриваетъ слѣды глухихъ, но это слѣды очень своеобразные. Слѣдъ глухого Потебня усмотрѣлъ, напримѣръ, въ написаніи черниговодцкій; здѣсь ъ стоитъ на мѣстѣ исконнаго *о*, и это очевидно только архаизующее правописаніе. Еще мѣньшую цѣну имѣетъ другой случай — написаніе гридоуию вм. гридьню. (Гридинъ, гриднича—производное отъ гридь, гридинъ слуга, придворный). Писецъ, произнося узкій глухой, похожій на *і, е*, пожалуй еще могъ написать, вмѣсто ь, и, е, или даже ѣ, но чтобы вмѣсто ь можно было употребить оу, это дѣло немыслимое. Впрочемъ, хотя Потебня готовъ вѣрить въ продолжительное сохраненіе внутреннихъ глухихъ, онъ полагаетъ, что конечные глухіе въ южновеликорусскомъ и малорусскомъ потеряны ранѣе, уже въ XII в., или около того. Напротивъ того, въ сѣверновеликорусскомъ, по крайней мѣрѣ, въ новгородскомъ нарѣчіи, они де еще въ XII вѣкѣ продолжали существовать.

Очень рѣшительно насчетъ существованія въ старорусскомъ языкѣ глухихъ гласныхъ высказался *Колосовъ*—по его словамъ гласность ъ и ь въ старинномъ русскомъ языкѣ есть прочно установленный научный фактъ.

Утвержденіе, что въ русскомъ языкѣ существовали нѣкогда особые звуки ъ и ь, мы находимъ также у *Буслаева* въ его «Исторической грамматикѣ». Только онъ нѣсколько иначе представляетъ себѣ самые звуки. Онъ говоритъ, что русскій ъ былъ ничто иное, какъ ŏ, тогда какъ основное *о* было ō; русскій ь равнялся ĕ, а основное *е*—ē. Мнѣніе это основано на невѣрномъ положеніи, будто бы *о* и *е* происходятъ изъ двугласныхъ; извѣстно, что *о* и *е* образовались такимъ образомъ у древнихъ Индусовъ, но славянскіе о и е иного происхожденія и соотвѣтствуютъ греч. *о* и ε. Кромѣ того мы, на основаніи славянскихъ языковъ знающихъ количество гласныхъ, можемъ напротивъ того думать, что, если въ общеславянской рѣчи

существовали долгота и краткость, то *о* и *е* были именно краткими. Какъ у Чеховъ, такъ и у Сербовъ *о* и *е* рѣдко бываютъ долгими, если же является долгота, то она явно вторичнаго происхожденія. Мы имѣемъ по-сербски напр., Б о̄ г, но родит. Б о̆ г а; почешски Bůh, старочешское Bóh, род. Boha. Подобнымъ же образомъ по-сербски — л е̄ д, но род. л ӗ д а, по-чешски мы видимъ инфинитивъ nésti, но настоящее къ нему nesu, а у Сербовъ нѐсти, нѐсēм съ ӗ. Слова Бо̄г, Bůh, лē̄д представляютъ продленіе въ закрытомъ слогѣ, и долгота здѣсь вторичная.

Утвержденіе, будто *о* и *е* въ славянскомъ восходятъ къ двугласнымъ, было повторено въ послѣднее время *Житецкимъ*, въ его «Очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія».

Въ противуположность русскимъ ученымъ *Миклошичъ*, къ которому примыкаютъ изъ русскихъ *Бѣлярскій* [1]) и только что упомянутый *Житецкій*, склоненъ отрицать существованіе глухихъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ. Также *Соболевскій* (Лекціи, стр. 45, во 2 изд. 48) отрицаетъ существованіе глухихъ въ историческую пору, хотя (на мой взглядъ безъ надобности) предполагаетъ ихъ для болѣе ранняго времени. Впрочемъ, Миклошичъ дѣлаетъ оговорку, что доказать отсутствіе звуковъ ъ и ь въ Русскомъ языкѣ нелегко, вслѣдствіе того, что буквы ъ и ь въ значеніи гласныхъ несомнѣнно употреблялись въ старинномъ языкѣ, хотя употреблялись вѣроятно подъ постороннимъ вліяніемъ. По моему, именно такъ и слѣдуетъ думать. Русскимъ писцамъ не трудно было отличать ъ и ь отъ о и є: они могли руководствоваться безсознательно (или даже сознательно), простымъ правиломъ, что посредствомъ ъ и ь изображаются *о* и *е* бѣглые. Исключеній изъ этого правила и въ настоящее время очень немного, а первоначально, вѣроятно, ихъ вовсе не было. Если бы намъ теперь вздумалось возстановить употребленіе ъ и ь въ качествѣ гласныхъ, то, конечно, мы могли бы написать черезъ *о* слово к р о в ь, потому что родит. будетъ к р о в и, хотя этимологія требуетъ написанія кръвь, кръви, но первоначально, какъ отмѣчено выше, говорили к р о в ь, к р в и. Подоб-

[1]) О средне-болгарскомъ вокализмѣ, по патріаршему списку лѣтописи Манассія. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. (Судьбы церковнаго языка I). Санктпетербургъ 1858. Стр. 14.

нымъ же образомъ мы слово честь, чести написали бы черезъ *е*, но въ старинномъ языкѣ родительный, конечно, былъ **чсти**. Также и ь, онѣмѣвшій, но оставившій по себѣ мягкость, правильно употреблять было не трудно; хотя въ настоящее время мягкость иногда утрачена, но въ старинномъ языкѣ она должна была существовать вездѣ. Теперь мы не догадаемся написать ь въ словѣ правда, но въ старину, навѣрное, говорили прав'да; родит. падежъ къ существ. конецъ мы не напишемъ съ ь, но первоначально было кон̓ц'а. Въ какомъ-нибудь прилагательномъ съ суффиксомъ **ьнъ**, въ родѣ честный, мы тоже не написали бы ь, но первоначально было **чьстьнъи** и оттуда т͡ше́стной. Важное значеніе для правильнаго употребленія ъ и ь, согласно со староцерковнымъ и праславянскимъ выговоромъ, конечно, имѣло также обученіе письму по староцерковнымъ рукописямъ. И такъ, полагаю, смѣло можно сказать, что въ старину на Руси могли употреблять ъ и ь на своихъ мѣстахъ, хотя бы ихъ не существовало въ живой рѣчи. Иногда, впрочемъ, происходили и ошибки: писали о, гдѣ надо бы написать ъ, напр. сотьникъ, день. Встрѣчается, притомъ въ рукописи XI столѣтія, въ словахъ Григорія Богослова [1]), написаніе **поштєниѥ** вм. **поуьтєниѥ** — очевидно здѣсь еря уже не было, и у успѣло даже перейти въ ш. Въ этомъ же смыслѣ можно толковать одно слово въ Послѣсловіи къ Остромирову Евангелію: дьяконъ Григорій обращается къ тому, **иже горазнѣе сего напише; горазнѣе**, вѣроятно, надо понимать какъ фонетическое написаніе вмѣсто **горазд**ьнѣе. Впрочемъ, можетъ быть, по ошибкѣ здѣсь выпущенъ цѣлый слогъ **дь**, хотя это невѣроятно при тщательности письма дьякона Григорія. Возможно и то̀, что указанное прилагат. имѣло болѣе простой суффиксъ **-нъ**, т. е. звучало не **горазд**ьнъ, а **горазнъ**. (**Д** передъ **н** должно было выпасть).

Насчетъ случаевъ замѣны буквы ъ черезъ о, буквы ь черезъ є, намъ говорятъ Потебня и Колосовъ, что это указываетъ только на близость между звуками ъ и о, ь и є; такъ же, понятно, толкуютъ они и обратные случаи. Я полагаю, что такое толкованіе

---

[1]) Изслѣдованіе и изданіе текста сдѣлано Ант. Сем. Будиловичемъ: «XIII словъ Григорія Богослова».

совершенно неосновательно: на письмѣ вовсе не смѣшиваются буквы сходнаго значенія, а смѣшиваются буквы одного произношенія; напр. звуки *ы* и *и* весьма близки другъ къ другу, но невозможно, чтобы великороссъ написалъ б и к ъ вмѣсто б ы к ъ: такъ можетъ написать малороссъ, у котораго эти звуки слились въ одинъ, или иностранецъ. Подобнымъ же образомъ, хотя ä и е представляютъ довольно тонкіе оттѣнки одного и того же звука, но ни одинъ французъ не напишетъ вмѣсто слова été представляющаго e, ètè съ ä; нѣмецъ не смѣшаетъ словъ Thür дверь и Thier звѣрь, за исключеніемъ тѣхъ нѣмцевъ, которые смѣшиваютъ соотвѣтственные звуки.

Каковы же, спрашивается, свидѣтельства, которыя будто бы доказываютъ существованіе глухихъ гласныхъ въ сѣверновеликорусской рѣчи XIII столѣтія внутри словъ и даже въ исходѣ? Такіе слѣды намъ указываетъ въ сѣверновеликорусскихъ грамотахъ XII—XIV вв. Изм. Ив. Срезневскій; въ приложеніи къ «Мыслямъ объ исторіи русскаго языка» онъ помѣстилъ нѣсколько памятниковъ такого рода. Такова «Вкладная грамота преподоб. Варлаама Хутынскому монастырю»; три «договорныя грамоты Новгорода» XIII в.; «Новгородская купчая» полóвины XIV в. Особенно же богата свидѣтельствами въ этомъ смыслѣ «Договорная грамота Смоленскаго князя Мстислава Давидовича [1]) съ Ригою и Готскимъ берегомъ» (т. е. съ островомъ Готландомъ), 1228—1229 гг. Грамота эта существуетъ въ нѣсколькихъ спискахъ. Срезневскій очень напираетъ на то, что грамоты представляютъ памятники чистонароднаго языка; но по моему здѣсь есть преувеличеніе: конечно, языкъ грамотъ долженъ быть гораздо народнѣе языка священныхъ книгъ или другихъ памятниковъ, переписанныхъ съ южнославянскихъ подлинниковъ, вслѣдствіе чего русскій элементъ проглядываетъ только въ видѣ описокъ; грамоты, конечно, должны быть народнѣе поученій или житій писанныхъ въ Россіи по южнославянскимъ образцамъ; онѣ должны быть народнѣй лѣтописи составленной монахомъ; но все-таки вполнѣ народный языкъ въ

[1]) Мстиславъ Давидовичъ—сынъ Давида Ростиславича, внукъ Ростислава Мстиславича, правнукъ Мстислава Владиміровича, праправнукъ Владиміра Мономаха.

нихъ видѣть нельзя: необходимо думать, что въ старину всякій, какъ и теперь, старался писать по книжному. Вмѣстѣ съ тѣмъ, думаю, всякій въ извѣстной степени и умѣлъ такъ писать, потому что при самомъ обученіи грамотѣ познакомился съ книжнымъ, церковнымъ языкомъ. Впрочемъ, если даже признать существованіе свѣтской чисто-русской письменности, правописаніе ея не могло быть русскимъ, а было основано на церковномъ правописаніи и было полуславянскимъ; вѣдь и до сихъ поръ наше правописаніе не есть чисто-русское. Какія же въ нашихъ грамотахъ встрѣчаются доказательства гласности ъ и ь? А вотъ какія—выберу нѣсколько примѣровъ изъ грамоты Мстислава Давидовича (1228): **дълго**, гдѣ **о** стоитъ вмѣсто **ъ**—**дългъ**; **женъю** вм. **женою**, гдѣ **ъ** написанъ вм. **о**; **сърымъ** вм. **сорому**, два раза **ъ** вм. **о**; **вѣдомъ**, какъ форма средняго рода, т. е. вмѣсто **вѣдомо**. Какъ смѣшивали **ъ** и **о**, такъ смѣшивали **ь**, **є** и **ѣ**; мы читаемъ, напр. **берьго** вм. **берегъ**, вмѣсто **боудѣтъ**—**боудѣтє** (тутъ кромѣ того вмѣсто **є** стоитъ **ѣ**); подобнымъ же образомъ въ формѣ **Смольнѣскъ** является **ѣ** вмѣсто **ь**; такимъ же образомъ въ словѣ **дѣютъ ѣ** написанъ вмѣсто **ь**—**дѣють**. Еще мы встрѣчаемъ написанія **мьсто**, **посль**, гдѣ **ь** замѣняетъ **ѣ**—**мѣсто**, **послѣ**. По моему, уже на основаніи высказанныхъ раньше общихъ соображеній, такое смѣшеніе не доказываетъ существованія глухихъ, а напротивъ ихъ совпаденіе въ большей или меньшей степени съ чистыми. Если писецъ могъ написать **є** и **ѣ** вмѣсто **ь**, то, значитъ, онъ произносилъ ихъ одинаково. Слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что писецъ данной грамоты видимо мудрилъ, хотѣлъ писать похитрѣе. Нѣкоторую искусственность въ правописаніи этого памятника признаётъ и Колосовъ, и признать ее необходимо уже потому, что другіе современные списки [1]) той же грамоты не представляютъ такой путаницы. Нѣсколько затруднять насъ можетъ то обстоятельство, что иногда въ этой грамотѣ является **о** тамъ, гдѣ мы не ожидаемъ никакого звука, такъ мы имѣемъ написанія **берьго**, **дльго**, гдѣ буква **о** стоитъ на мѣстѣ онѣмѣвшаго **ъ**; но разъ писецъ отожествлялъ буквы **ъ** и **о**, то могъ написать и «нѣмой» **о**. Едва-ли въ этомъ случаѣ слѣдуетъ при-

[1]) Всѣхъ списковъ существуетъ 5, существовало даже 6, но одинъ изъ нихъ пропалъ.

бѣгать къ объясненію окончанія **о** изъ древнѣйшаго окончанія именительнаго падежа -os, д. б. утраченнаго еще въ праславянскомъ языкѣ.—При оцѣнкѣ стариннаго соотношенія между буквами **ъ** и **о**, **ь** и **є**, **ѣ** слѣдуетъ принимать во вниманіе и то, что иногда встарину могло происходить проясненіе тамъ, гдѣ впослѣдствіи установилось отсутствіе гласнаго. Выше мы видѣли написаніе **коудате** вм. **коудеть**; весьма возможно, что такія формы дѣйствительно существовали въ старинномъ языкѣ при извѣстныхъ условіяхъ. Мы уже ранѣе отмѣтили, что исходъ реченій тѣсно примыкаетъ къ зачину слѣдующихъ за ними, и что настоящій исходъ существуетъ только въ паузѣ; поэтому и конечные **ъ** и **ь** въ составѣ предложенія могли, даже должны были имѣть одинакую судьбу со срединными. Въ одномъ памятникѣ мы читаемъ, напр., слѣдующее выраженіе **нє ѣ̂ъ ли стронтє свою тварь** (Хрест. Буслаева, Сборникъ «Златая Цѣпь»). Въ этомъ **стронтє** намъ нѣтъ надобности видѣть искусственное употребленіе **є** вмѣсто **ь**, и мы вполнѣ можемъ допустить, что **ь** передъ двумя согласными долженъ былъ по старѣйшей русской фонетикѣ проясниться, и что употребленіе въ такихъ случаяхъ обычнаго окончанія **т** или **т** объясняется позднѣйшимъ примѣненіемъ къ другимъ случаямъ. Возьмемъ еще подобное выраженіе. Мы не разъ въ грамотахъ встрѣчаемъ формулу: **писець** (или **письць**) **книажь псалъ**. (Первоначально, конечно, слово **книажь** представляло **ъ**—**кънажь**, а **пьсалъ** имѣло **ь**). Въ этомъ выраженіи должно было произойти проясненіе конечныхъ глухихъ, примыкающихъ къ группѣ слѣдующихъ согласныхъ: вѣроятно когда-то произносили ***писецє книжє псал**. Возможно также допустить, что формы ***писецє**, ***книжє**, развившіяся передъ группами согласныхъ, иногда употреблялись и помимо этихъ группъ.

Я изъ грамоты 1228 г. привелъ только такіе случаи, гдѣ Срезневскій отмѣтилъ смѣшеніе **ъ** и **о**, **ь** и **є** или **ѣ**, другіе случаи (смѣшеніе **ь** и **о**, **ъ** и **є**), яко-бы тоже свидѣтельствующіе о существованіи глухихъ, для нашего вопроса никакого значенія не имѣютъ. Иногда въ этой грамотѣ вмѣсто **ь** встрѣчается **о**, напр. **w̃идето** вм. **w̃идеть**; эта форма стоитъ въ выраженіи **w̃идето по кърмьнемь**. **W̃идето** вм. **w̃идеть** можно объяснять тѣмъ, что подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго согласнаго произносилось твердое **т** вмѣсто мягкаго, и писецъ поставилъ **о** вмѣсто **ъ**. Что касается употребленіе **ь** въ

дат. пад. **кърмьмємь** вмѣсто ъ, то позволительно думать (если это не простая описка), что писецъ не умягчалъ конечныхъ губныхъ. Пояснимъ это примѣромъ изъ современнаго языка: кто произноситъ въ числит. с е м ь твердый *м*, но знаетъ, что пишется *мь*, тотъ, по этому образцу, можетъ наградить еремъ и сущ. ш л е м ъ. Иначе слѣдуетъ объяснять нѣкоторые случаи, гдѣ является є вмѣсто ъ. Во «Вкладной Варлаама Хутынскому монастырю» мы читаемъ **вдалє Карлмє** вм. **вдалъ Карлмъ**. Форму **Карлмє** можно признать звательнымъ падежомъ въ роли именительнаго, каковое употребленіе встрѣчается въ пѣсняхъ у Малороссовъ и Сербовъ и легко можетъ быть предположено для того періода Великорусской рѣчи, когда звательный сталъ замѣняться именительнымъ, но не былъ еще вовсе забытъ. Что же касается до «**вдалє**», то его естественно толковать, какъ **вдалъ є, вдалъ єсть**, а тогда оно не только не свидѣтельствуетъ о гласности ъ, но свидѣтельствуетъ противъ нея, такъ какъ писецъ написалъ **вдал** безъ ъ. Какъ однако быть со свидѣтельствомъ малорусскаго нарѣчія, на которое особенно напираетъ Потебня? У Малороссовъ въ закрытыхъ слогахъ исконные о и є перешли въ *і*, замѣнители же глухихъ сохранились въ видѣ *о* и *е*; основное **попъ** звучитъ п і п, но основное **съмъ** будетъ с о н, а не с і н; **пєчь**, староцерковное **пешть**, будетъ п і ч, но **дьмь** будетъ д е н ь, а не дінь. Разумѣется невозможно, чтобъ малорусская рѣчь произвела вторичное разграниченіе между ъ и о, ь и є, если бы эти звуки совпали въ общерусскомъ. Но всетаки нѣтъ надобности предполагать въ старорусскомъ существованіе глухихъ—надо только допустить, что, какъ слѣдъ этихъ звуковъ, существовала въ закрытыхъ слогахъ разница между древними ъ и о, ь и є. Эта разница, судя по языкамъ Чешскому и Сербскому, состояла въ долготѣ, и общерусскія формы были: п ō п, п ē̂ш, но с ŏ н, д ĕ̇н. Возможно притомъ, что рано вмѣсто количественнаго различія явилось качественное, т. е. были оттѣнки звуковъ: исконное *о* могло быть ближе къ *у*, нежели вторичное; также исконное *е* могло быть ближе къ *і*, нежели замѣнитель ера. Мое мнѣніе о существованіи въ старѣйшемъ русскомъ языкѣ ō и ē въ соотвѣтствіе основнымъ *о*, *е*, и ŏ, ĕ въ соотвѣтствіе ъ и ь, напоминаетъ мнѣніе Буслаева, но далеко не совпадаетъ съ нимъ: по моему именит. пōп долженъ былъ имѣть

при себѣ родит. пŏпа, сŏн—сна, пе̄т͡ш—пе̄т͡ши, дĕн—днĕ; по Буслаеву же выходитъ пōпŏ, родит. пōпа; сŏнŏ, род. сŏна; пе̄ч, род. пе̄чи; дĕнĕ, родит. дĕнē.

Итакъ мы видимъ, что незачѣмъ приписывать старинному русскому языку особые звуки ъ и ь; однако въ одномъ случаѣ есть вѣроятность, что такіе звуки существовали—именно въ соединеніи съ р и л. Можно думать, что старинный языкъ имѣлъ фонему в ъ л к вм. позднѣйшаго в о л к, т ъ р г вм. позднѣйшаго т о р г, в̓ ь р̓ х вм. позднѣйшаго в̓ е р̓ х, ж̓ ь л̓ т вм. позднѣйшаго ж е л т и далѣе ж о л т. Дѣло въ томъ, что при согласныхъ р и л буквы ъ и ь употребляются съ особенной правильностью, причемъ замѣчается еще явная склонность, въ противуположность староцерковному письму, ставить ъ и ь передъ р и л, а не позади, т. е. писать **вълкъ**, **вьрхъ** и т. д. Такой порядокъ звуковъ признанъ настоящимъ русскимъ порядкомъ; въ этомъ смыслѣ высказались Срезневскій, Колосовъ и Потебня. Колосовъ, между прочимъ, обращаетъ наше вниманіе на то, что въ замѣнѣ о и є черезъ ъ и ь замѣчается нѣкоторая постепенность. Онъ отмѣчаетъ, что «Житіе Бориса и Глѣба», въ рукописи XII вѣка, правильно удерживаетъ ъ и ь въ разсматриваемыхъ случаяхъ, тогда какъ другой списокъ, XIV в., замѣняетъ ихъ по новорусскому способу черезъ о и є. Правда, можно допустить, что старинные писцы при употребленіи сочетаній ър, ъл, ьр, ьл руководствовались довольно простымъ правиломъ, что въ созвучіяхъ ор, ол, єр, єл слѣдуетъ передъ согласными буквами изображать *о* и *е* черезъ ъ и ь. (Постановка этихъ знаковъ впереди плавныхъ, конечно, представляла несомнѣнную уступку русскому выговору). Такимъ образомъ возможно, что написанія ър, ъл, ьр, ьл, не вполнѣ выражали произношеніе, но есть одно вѣское соображеніе въ пользу пониманія Колосова. Если (какъ я теперь дѣлаю) приписывать праславянскому языку слоговые r и l, то теперешній русскій выговоръ т о р г восходитъ къ древнѣйшему tr̥gъ, и въ качествѣ переходной ступени между tr̥gъ и т о р г приходится предполагать фонему съ настоящимъ ъ внутри—т ъ р г: неестественно думать, чтобы r̥ прямо развился въ ор. Это соображеніе говоритъ въ пользу того, что когда-то существовали въ русскомъ языкѣ сочетанія ър, ъл. Подобнымъ же образомъ, какъ твердый r̥ долженъ былъ развиться прежде все-

го въ созвучіе ър, такъ мягкій р̓, въ какомъ-нибудь словѣ vr̓hъ, долженъ былъ дать фонему съ ь — вьр̀х, а потомъ уже теперешнее вѐр̀х. Изображеніе на письмѣ переходнаго выговора можно видѣть въ старорусскомъ написаніи **вьрьхъ** (рядомъ съ **вьрхъ**, **врьхъ**), гдѣ въ такомъ случаѣ второй ь есть «мягкій знакъ». Правда, такое написаніе можно толковать также, какъ сдѣлку между старорусскимъ и староцерковнымъ правописаніемъ: желая угодить и тому и другому, писецъ могъ написать два ь, и впереди, и позади плавнаго. Въ пользу второго толкованія говорятъ такія написанія какъ **търъгъ** вмѣсто **търгъ** или **тръгъ**, гдѣ второй ъ едвали можно считать «твердымъ знакомъ». Выводя *ер* въ такихъ словахъ, какъ в е р х ъ, изъ р̓, при посредствѣ созвучія ьр̀, мы можемъ понять, почему въ нихъ *р* мягкій. (Гротъ безо всякаго основанія утверждаетъ, что мягкость вызвана предшествующимъ *е*). Мягкость въ такихъ словахъ мы видимъ и въ языкѣ польскомъ, гдѣ слово в'ерх звучитъ wierzch съ г шепелявымъ, указывающимъ на основное р̓. Гдѣ русскій языкъ вмѣсто древняго р̓ представляетъ созвучія съ твердымъ р, тамъ надо видѣть позднѣйшее отвердѣніе; какое нибудь прилагательное с̀м̂а р т н ъ й замѣнило первоначальное с̀м̀ѐр̀т н ъ й: т̀ уподобилось звуку *н*, р' уподобилось ставшему твердымъ звуку *т*, и узкое *е* передъ твердымъ *р* стало широкимъ. Отмѣтимъ, однако, что есть нѣкоторыя слова, гдѣ вмѣсто р̓ является слогъ ёр, котораго мы совсѣмъ бы не ожидали. Мы имѣемъ глаголъ м̀о́ р з н у т̀ (староцерковная форма **мрьзнжти**) — мы ожидали бы выговора м̀а́ р з н у т̀, который, правда, существуетъ, но только въ областной рѣчи. Также вмѣсто произношенія т̀͡ш̀о́ р н ъ й должно бы быть т̀͡ш̀а́ р н ъ й. Впрочемъ соотвѣтственно этому мы и по-польски находимъ *marznąć*, *czarny*, какъ *targ*, т. е. съ замѣною р̓, равною г. Приходится думать, что здѣсь уподобленіе произошло еще до утраты слоговыхъ согласныхъ: р̓ перешолъ въ г твердый, который затѣмъ раздѣлилъ судьбу искони твердаго г.

Сторонники существованія въ старинномъ русскомъ языкѣ глухихъ гласныхъ приводятъ нѣкоторые слѣды ихъ въ современномъ языкѣ; однако эти слѣды 1) всѣ являются въ соединеніи со звукомъ г, и 2) принадлежатъ къ тѣмъ случаямъ, гдѣ мы въ основномъ славянскомъ должны предполагать не г и l̓, а с л о г и ръ и

лъ, рь и ль. Это такія слова, въ которыхъ при *р* и *л*, въ соотвѣтствіе староцерковнымъ написаніямъ съ глухими ъ и ь, является въ новославянскихъ языкахъ проясненіе или выпаденіе глухихъ на общемъ основаніи, причемъ гласный стоитъ позади плавнаго; значитъ, напримѣръ, слово к р о ф', основное **кръвь**, п л о т̀—**плъть**, к р е с т—**крьстъ**, п л е в а т̀—**плькати** [1]). Въ нѣкоторыхъ изъ подобныхъ словъ областная рѣчь представляетъ отсутствіе гласнаго, которой имѣется въ обыкновенной рѣчи; такъ, у Карпатскихъ Малороссовъ являются фонемы—т р с т и́ н а, к р т и́ ц я (к р о т ъ), к р т о в и́ н а, к р с т и́ т и, вмѣсто чего также к с т и́ т и. Въ этихъ случаяхъ, кажется, *р* слога не составляетъ, но есть примѣры на *р* с л о г о в о й (или на *р*, предшествуемый глухимъ гласнымъ); у Галицкихъ малороссовъ мѣстами встрѣчаются фонемы въ родѣ: к ъ р в а́ в ы й, к ъ р т о в и́ н а. Видѣть въ такихъ словахъ остатокъ г̣ и л̣ намъ, конечно, не приходится: думать, чтобъ г̣ вторичнымъ образомъ между двухъ согласныхъ превратился въ неслоговый, нельзя; напротивъ, можно легко допустить, что согласный *р* между двухъ согласныхъ сдѣлался слоговымъ. Такимъ образомъ всѣ эти формы предполагаютъ выпаденіе ъ, послѣ котораго и *р* иногда подвергался выпаденію, какъ к с т и́ т и, а иногда становился слоговымъ. Это явленіе замѣчается и въ другихъ языкахъ. Староцерковному **ръжда**, русскому р ж а, представляющему выпаденіе ъ, по-сербски соотвѣтствуетъ р̀ђа. (Удареніе здѣсь оттянуто—первоначально было р ђ а̏; *р*, ставши слоговымъ, впослѣдствіи получилъ и удареніе).

Итакъ, западно-малорусскія слова, яко-бы представляющія слѣдъ слогового *р*, вовсе не представляютъ такого слѣда: онѣ восходятъ къ фонемамъ со слогомъ ръ. Нѣтъ притомъ надобности (какъ хотѣли нѣкоторые ученые) говорить о вліяніи на Карпатскихъ Малороссовъ ихъ сосѣдей, Словаковъ, въ языкѣ которыхъ существуетъ г.

Изъ согласнаго *р* и согласнаго *л*, замѣнившихъ древнѣйшіе слоги ър и ьр, при посредствѣ г̣ и л̣ слѣдуетъ выводить также слоги ir и il, представляющіе, повидимому, приставочное i. Такое i мы

---

[1]) См. мои «Грамматическія замѣтки»—«О слоговомъ р и л у Славян», стр. 92—94. (Въ 1 изд. 94—95=Р. Ф. В., т. VIII, стр. 196—197).

видимъ, напр., въ малорусскомъ іржáти вм. ржáти, ірвáти вм. рвáти, ільнý вм. льну, Ільвíв вм. Львовъ. Подобныя созвучія существуютъ также въ великорусской областной рѣчи, напр. иржá вм. ржа, ильгóта вм. льгóта, ильстéцъ вмѣсто льстецъ. Слѣдуетъ предполагать, какъ переходную ступень, формы съ ṛ и ḷ, гласный элементъ которыхъ затѣмъ прояснился въ і. Это то же самое, что мы видѣли въ сербскомъ словѣ р̀ѣа: и наше іржáти по-сербски р̀зати, ірвáти—р̀вати [1]). Такое же объясненіе, какъ въ только что приведенныхъ словахъ, слѣдуетъ давать для звука і въ бѣлорусскихъ косвенникахъ слова кровь. Кровь побѣлорусски будетъ кроў, род. кр̀ів'й. Я полагаю, что первоначальный родительный кръви [2]), съ выпаденіемъ ъ, далъ прежде всего форму крви, т. е. ту же форму, какая доселѣ живетъ у Поляковъ (krwi); подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго согласнаго *р* сдѣлался мягкимъ — кр̀в'й, потомъ онъ сталъ слоговымъ, и явился выговоръ кр̥̀в'й, подобнымъ же образомъ, какъ у Сербовъ кр̀ви, и наконецъ превратился въ слогъ *ри* — кр̀ів'й. Аналогія съ раньше приведенными случаями неполная: тамъ мы видѣли появленіе гласнаго элемента впереди плавнаго, тутъ онъ появляется позади его.

Обратимся теперь къ вопросу о существованіи въ русскомъ языкѣ *носовыхъ гласныхъ*.

Мы уже отмѣтили, что въ самыхъ раннихъ памятникахъ букву ѫ смѣшивали съ оу, а букву ѧ—съ ѫ и а. Правда, по словамъ Буслаева, русскій языкъ долженъ былъ имѣть нѣкогда юсы, потому что представляетъ чередованіе оу и ѫ съ носовыми согласными, какъ дуть—надменъ, племя—племени; однако это не доказываетъ существованія юсовъ въ русскомъ языкѣ, а только

---

[1]) Что касается несоотвѣтствія въ глаголѣ ржать-рзати звуковъ *ж* и *з*, то его должно объяснять отступленіемъ отъ старины языка русскаго: первоначальною формою надо считать ръzати, наст. ръжєши, глаголъ азово-ітовый, т. е. имѣющій въ инфинитивѣ примѣту а, въ настоящемъ j; русскій языкъ переиначилъ инфинитивъ примѣнительно къ настоящему.

[2]) Что древнѣйшее окончаніе было не ѣ, а є, для насъ теперь безразлично.

существованіе ихъ въ праславянскомъ. Незачѣмъ даже говорить вмѣстѣ со Срезневскимъ, будто *у* и *я*, замѣнившія юсы сохраняли способность превращаться въ *ен* и *ем*: тутъ чередованіе происходитъ лишь по преданію. Иные однако искали въ русскомъ языкѣ остатковъ носовыхъ гласныхъ. Возможность найти такіе остатки по моему надо отвергать уже теоретически: разъ существуетъ звуковой законъ превращенія ѫ въ оу, а ѧ въ ѧ, то всѣ юсы должны были подвергнуться этому измѣненію и изчезнуть. Буслаевъ указываетъ сохраненіе носового произношенія въ словѣ Венгры; но очевидно только по недосмотру, такъ какъ самъ въ другомъ мѣстѣ признаётъ, что это слово заимствовано съ польскаго Węgrzy, гдѣ ę—правильная замѣна ѫ; древняя органическая русская форма была Угре (теперешнее Угры представляетъ намѣренное возвращеніе къ старинѣ). ѧ будто бы сохранился въ глаголѣ бренчáть, при которомъ стоитъ староцерк. форма брѧцати. Однако бренчать надо толковать иначе: въ немъ и звукъ ч не соотвѣтствуетъ староцерк. щ; бренчать, очевидно, въ староцерк. было бы брьньчати, предполагающее какое-нибудь сущ. въ родѣ *брьньць, которое съ брѧцати имѣетъ общій корень брьн. Еще усматриваютъ сохраненіе носового элемента въ малорусск. н̀а, которое является иногда вм. 'а послѣ губныхъ. Существуетъ напр. малорус. выговоръ м н̀ áс о вм. обыкновеннаго м j áс о изъ основного мясо; однако н въ этой формѣ нельзя считать остаткомъ пригнуски: вѣдь онъ не слѣдуетъ за гласнымъ элементомъ и не сопровождаетъ его, а предшествуетъ ему. Кромѣ того фонема м н̀ áс о представляетъ правильную замѣну ѧ черезъ 'а, а н въ ней самъ по себѣ. Надо думать, что въ такихъ созвучіяхъ развился прежде всего j, изъ м̀áсо вышло м j áс о, далѣе j, уподобившись предшествующему носовому согласному, перешелъ въ носовой же мягкій согласный—*н*. Такія же слова, какъ м н̀ áс о, т. е. представляющія слогъ м н̀ а вм. м̀а изъ древняго мѧ, суть: р у м н я́ н и й, м н я́ к и й, м н я́ т а, п о́ л о м н я, і́ м н я (і м н я́), с і́ м н я, п л е́ м н я. Мы такимъ образомъ видимъ, что слѣды носовыхъ гласныхъ, усматриваемые въ русскомъ языкѣ, суть мнимые. Однако въ пользу существованія юсовъ въ старѣйшемъ русскомъ языкѣ можно, вслѣдъ за *Соболевскимъ*, сослаться на нѣкоторыя слова, заимствованныя у Германцемъ. Таково народное названіе В а р я г (произ-

носимое въ старину, вѣроятно, съ ударенiемъ на начальномъ слогѣ). Основная герм. форма этого слова была varing; передача герм. in черезъ русское *'a* весьма странна, и для объясненiя ея удобно предположить, что первоначально Русскiе изъ in сдѣлали ѧ, который затѣмъ уже перешелъ въ *я*. Если это такъ, то надо приписать старѣйшему русскому языку носовые гласные. Но возможно, что слово в а р я г и ему подобныя заимствованы не прямо отъ Норманновъ, а при посредствѣ какихъ-нибудь Славянъ, знавшихъ носовые гласные. Можетъ быть также, что это слово взято у Византiйцевъ, гдѣ оно звучало βάραγγος; греч. га со среднимъ согласнымъ, Русскiе могли передать не только черезъ *ра* но и черезъ *ря*. Вмѣстѣ съ тѣмъ опущенiе носового элемента, который передъ согласнымъ въ старинномъ русскомъ языкѣ не встрѣчался, вполнѣ понятно; это подобно просторѣчному выговору а́ г л и ц к i й вм. а́*н*г л i й с к i й. Такимъ образомъ замѣна герм. in по-рус. черезъ *я* говоритъ отчасти въ пользу существованiя въ русск. языкѣ ѧ. Но не имѣютъ никакой силы тѣ случаи, гдѣ по-русски является оу вм. сканд. un; слово соудъ заливъ, изъ герм. sund, конечно, можно объяснять просто опущенiемъ звука *н*. Такимъ образомъ, по-моему, мнѣнiя Соболевскаго, что въ старѣйшемъ русскомъ языкѣ существовали юсы, нельзя принимать прямо и рѣшительно.

Обратимся теперь къ одному звуковому явленiю, которое помѣщается въ числѣ отличительныхъ примѣтъ русской рѣчи, такъ какъ имъ русскiй языкъ довольно рѣзко отличается отъ прочихъ славянскихъ языковъ. Это—появленiе з а ч и н н а г о *о* вм. инославянскаго *je*, т. е. та особенность, какую представляетъ, напр., слово о л е́ н ь при староцерк. ѥлень, серб. j ѐ л е н, словен. jêlen (съ *е* широкимъ; широкiй выговоръ обозначается иногда циркумфлексомъ), по-чеш. jelen, по-поль. jeleń, также и по-лужиц. jelcń. Такимъ же образомъ слово о́ з е р о въ староцерк. формѣ будетъ ѥзеро, по-серб. jѐзеро, по-словен. jézero, по-болг. é́зеро [1]), по-чеш. jezero, по-поль. jezioro, по-верхнелуж. jězor, по нижнелуж. jazor (у Лужичанъ это слово муж. рода; кромѣ того у Нижнихъ Луж.

[1]) Произносятъ jезеро и эзеро. По-болг. вообще зачинное *е* колеблется между выговоромъ съ j и безъ j.

произошло вторичное разширеніе звука *е* въ *а*). То же явленіе представляетъ слово о́сень, староц. **ѥсень**, серб. је̏се̑н, по-словен. jesén, по-болг. е́сень, по-поль. jesień, по-словац. jesen. (Чехи, а также и Лужичане имѣютъ другое слово). Таково еще слово осётр, которое въ староц. формѣ будетъ **ѥсетръ**, по-серб. јѐсетра (жен. рода). Къ отмѣченнымъ нами словамъ на рус. *о* при инослав. *je* можно прибавить еще нѣкоторыя: мы видимъ старинное **одва**, которое имѣетъ другой обычный видъ — едва. Надо полагать, что вторая форма—книжная, во всякомъ случаѣ въ областной рѣчи существуетъ одва́. Еще сюда относятъ старинный союзъ **оже** что, если, отожествляя его со среднимъ родомъ относительнаго мѣстоим. **иже—ѥже** (ж. р. **ѥже**); но это **оже** можно, вслѣдъ за Соболевскимъ, въ его статьѣ посвященной разсматриваемому нами вопросу [1]), толковать иначе. Соболевскій сопоставляетъ **оже** съ другими старинными союзами: **оть** (при которомъ существуетъ равносильное ему **ать**) чтобы, **оли** даже и **ото**, **осе**, **оно** вотъ. Такимъ образомъ онъ усматриваетъ въ первой части союза **оже** особое мѣстоименіе *о*, которое входитъ въ составъ всѣхъ этихъ словъ, соединяясь съ другими мѣстоименіями; но этому толкованію **оже** и **ѥже** сходны только во второй части, а первая часть различна.

Что-же, спрашивается, древнѣе, русское ли зачинное *о* или инославянское *je*?—На этотъ вопросъ ученые довольно согласно отвѣчаютъ, что *о* вторично. Буслаевъ въ своей «Исторической грамматикѣ» видитъ здѣсь «одинъ изъ случаевъ замѣны мягкихъ гласныхъ церковнославянскихъ твердыми». Срезневскій въ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка» говоритъ о «перемѣнѣ кореннаго **є** въ **о** въ началѣ словъ». Ни тотъ, ни другой, впрочемъ, подробно вопроса не разсматриваетъ; дольше на немъ останавливался Колосовъ. Колосовъ во введеніи къ своему «Очерку исторіи звуковъ и формъ русскаго языка» [2]) высказывается въ такомъ смыслѣ, что инославянская огласовка древнѣе русской, что однако *j*,

---

[1]) Статья Соболевскаго напечатана въ Р. Ф. В., томъ VIII; озаглавлена она: «Русское начальное о=ц.-слав. **ѥ**».

[2]) Изложу здѣсь колосовскую теорію; возраженія же противъ нея приведу ниже, при изложеніи воззрѣній Ягича и Потебни.

вѣроятно, вторичный, а первоначально было просто *е*, изъ котораго можно-де выводить съ одной стороны *о*, а съ другой *je*. Доказательства въ пользу такого взгляда слѣдующія: 1) звукъ *е* является также у Литовцевъ: при рус. о л е́ н ь, староцерк. ѥлень, стоитъ лит. élnis; при о́ з е р о, ѥзеро—ẽzeras прудъ. (Этимъ примѣромъ замѣняю неудачный Колосовскій примѣръ, который намъ встрѣтится ниже); 2) всѣ остальные славян. языки согласуются со староц., а не съ рус.; 3) самъ рус. языкъ представляетъ свидѣтельство о вторичности звука *о* въ собственныхъ именахъ заимствованныхъ съ греч., какъ О л е н а изъ Ἑλένη, О в д о т ь я изъ Εὐδοκία. Примѣры мой — у Колосова приводится неудобный примѣръ олѣи вм. ѥлень, произошедшее-де изъ греч. ἔλαιον [1]). За бо́льшую древность звука *е* рѣшительно высказывается также Я г и ч ъ въ упомянутой уже раньше статьѣ о разширеніи узкихъ гласныхъ («О перегласовкѣ звуковъ е, ѣ, ę»). Ягичъ думаетъ, что основное jelenь могло дать сначала jolenь, а потомъ olenь съ утратой *j*. Конечно, это толкованіе весьма неудобно: 1) приходится допустить разширеніе *е* не передъ твердымъ согласнымъ, а передъ мягкимъ, 2) приходится предположить утрату зачиннаго *j*—также явленіе необычное для рус. языка. Одно изъ затрудненій мы могли бы отчасти устранить, исходя отъ Колосовской безпризвучной формы elenь; но почему тогда произошло разширеніе, которое происходитъ передъ твердыми согласными *послѣ мягкихъ*? Позволительно ли предполагать, что зачинное *е* имѣло ту же судьбу, какъ *е* послѣ мягкихъ? Противъ этого говоритъ междометіе *э* (срв. стран. 12), но не особенно рѣшительно, т. к. оно, именно какъ междометіе, могло быть на особомъ положеніи. Да и построеніе безпризвучной формы elenь нѣсколько неудобно, потому что всѣ славян. языки единогласно указываютъ на *j* (только въ болг. языкѣ мы здѣсь, какъ отмѣчено выше, замѣчаемъ колебаніе). По поводу Колосовскаго «Очерка» разсматриваемый вопросъ былъ опять поднятъ

---

[1]) Слово это является въ такомъ видѣ во всѣхъ славянскихъ языкахъ: въ староцерк. олѣи (хотя тамъ встрѣчается и ѥлеи), въ словен., чеш., польск.—olej, у Нижнихъ Луж.—volej, у Верхнихъ Луж.—volij, по-серб. олај; поэтому естественно думать, что оно взято не съ греческаго, а съ латинскаго (oleum).

Потебнею въ «Замѣткахъ по исторической грамматикѣ русскаго языка» [1]). Потебня здѣсь высказывается въ пользу того, что ни *е* не происходитъ изъ *о*, ни наоборотъ, а что оба восходятъ къ одному древнѣйшему *а*. Лит. *е*, на которое ссылается Колосовъ, можно де признать вторичнымъ варьянтомъ *а*—лит. рѣчь рядомъ съ *е* представляетъ также и *а*: существуетъ колебаніе между erẽlis и arẽlis орелъ, между elkúnė и alkúnė локоть, между esmì и asmì. Примѣры эти не особенно удачны: они не представляютъ такихъ словъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь. Впрочемъ весьма вѣроятно, что тамъ, гдѣ произносятъ arẽlis, alkúnė, asmì, могутъ произнести и *álnis вм. élnis. Насчетъ доказательности лит. словъ со звукомъ *е* для нашего вопроса Потебня, разумѣется, неправъ: если говорить, что какое-нибудь erẽlis есть вторичное лит. измѣненіе основного arẽlis, то этимъ предполагается, что въ славянолит. языкѣ не существовало еще звука *е*, а было, вмѣсто позднѣйшаго *о* и *е*, одно *а*. Больше,—Потебнѣ при его взглядѣ на занимающій насъ вопросъ даже праславянскому приходится приписать вмѣсто *о* и *е* одинъ звукъ *а*; между тѣмъ и по теоріи Гримма, Боппа и Шлейхера, хотя въ праязыкѣ было одно *а* вмѣсто «позднѣйшихъ» *а*, *е*, *о*, но существованіе звука *е* всетаки признавалось для общеславянскаго и уже для славяно-литовскаго. Поэтому выговоръ arẽlis, alkúnė, asmì слѣдуетъ считать вторичнымъ: *е* въ областной рѣчи перешло въ *а*. Кромѣ того эти слова, кажется, представляютъ неточность правописанія: въ нихъ чуть-ли не слышится всетаки *е*, только весьма широкое, близкое къ *а*. Надо такимъ образомъ признать, что литовское *е* говоритъ-таки въ пользу древности инославянской огласовки и противъ русской. Кромѣ того этотъ взглядъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ языкахъ. Такъ можно сослаться на греч. ἔλαφος, равное основному elṇbhos, которое первыми тремя звуками совпадаетъ съ лит. élnis; при ἔλαφος по-греч. мы имѣемъ еще ἐλλός (изъ *ἔλνός) молодой олень; также старонѣм. elah лось своимъ первымъ слогомъ совпадаетъ съ греч. и лит. фор-

[1]) Жур. Мин. Нар. Просв. въ 1873—74 г.; въ 75-мъ г. онѣ вновь появились въ нѣсколько измѣненномъ и дополненномъ видѣ въ Фил. Зап., а также отдѣльнымъ оттискомъ. Онѣ составляютъ первую часть сборника статей «Къ исторіи звуковъ русскаго языка»).

мой и говоритъ въ пользу *е*. Подобнымъ же образомъ находитъ себѣ соотвѣтствіе въ германскихъ языкахъ слово ѣльха, рус. ольха: нынѣшнее нѣмецкое названіе Eller, въ старонѣм. было elira, для котораго можно построить основную форму elisā, совпадающую съ основной формой для слав. ѣльха. Теорія Потебни возобновлена Миклошичемъ. Миклошичъ во второмъ изданіи своей «Сравнительной фонетики», въ 1879-мъ г., также возводитъ русское *о* и инослявян. *je* къ одному древнѣйшему *a*. И еще позднѣе, въ 82-мъ г., Соболевскій въ упомянутой выше статьѣ выставляетъ тоже ученіе. Однако, если Потебнѣ въ 74-мъ г. (при господствѣ старой теоріи праязычнаго вокализма) было позволительно дѣлать подобное предположеніе, то Миклошичъ и Соболевскій, повторяя его, поступили весьма странно и неосновательно.—Потебня кромѣ уже указаннаго дѣлаетъ также другое возраженіе Колосову. Онъ указываетъ на существованіе начальнаго *о* вм. *je* у другихъ Славянъ. Такъ, у Словенцевъ есть слово omela (рус. омёла), въ словацкомъ нарѣчіи чеш. языка—omelie (сущ. собирательное), тогда какъ поль. языкъ представляетъ jemiel или, съ окончаніемъ сходнымъ съ рус. и словен.,—jemioła; въ чеш.—jemela, у Верхнихъ Лужичанъ—jemelina, у Нижнихъ Луж.—также jemelina или hemelina. Слово это мы находимъ также со звукомъ i: въ староц. отмѣчена форма имела, въ болг. является имéла, въ серб. — имела (или мѐла, съ безгласнымъ корнемъ), въ чеш. имѣется собирательное сущ. jmělí, которое, возведенное къ старослав. звукамъ, будетъ имелие. Формы въ родѣ сербскихъ видимо объясняются сближеніемъ этого слова съ глаголами имати (хватать, ловить) и мести. Далѣе Потебня указываетъ на существ. ольха. *Е* въ этомъ словѣ представляютъ только южнослав. языки, причомъ одинъ изъ нихъ колеблется между *е* и *о*: мы видимъ болг. елхá, серб. jóха [1]), а по-словенски jelša, olša и jolša. (Jolša естественно считать плодомъ сдѣлки между первыми двумя форма-

[1]) У Сербовъ мы видимъ *о*, но это *о* не слѣдуетъ отожествлять съ рус. *о*: jóха есть стяженная форма: jельхà дало ближайшимъ образомъ jелхà; *л* по серб. фонетикѣ, имѣя передъ собой гласный и не имѣя его за собой, превращается въ *о*, такъ что изъ jелхà вышло jеохà, затѣмъ съ переносомъ ударенія—jеòха, и наконецъ со стяженіемъ—jóха.

ми). Нѣчто похожее на jolša знаетъ и рус. областная рѣчь: какъ владим. и вят. отмѣчено j о л х а вм. о л ь х а, какъ нижегород. отмѣчено j е л ó х а; эти рус. формы, какъ мнѣ кажется, удобнѣе всего объяснять сближеніемъ со словомъ j ó л к а. Сѣверозап. славяне въ словѣ о л ь х а имѣютъ *о*, какъ Русскіе: Поляки говорятъ olcha и olsza; остальные сѣверозап. славяне употребляютъ съ обыкновенными измѣненіями вторую изъ этихъ формъ: у Чеховъ—olše, у Лужичанъ—volša, въ языкѣ вымершихъ Полабскихъ славянъ—vülsa. Подобное же слово, какъ о л ь х а и о м ё л а, есть словенская множи́нница olita кишки; при немъ стоитъ серб. jѐлито; это слово существуетъ также у Нижнихъ Лужич.—jelito сычугъ (одинъ изъ желудковъ жвачныхъ). Еще Потебня указываетъ на словен. odvaj едва. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ появленіе звука *о* у западныхъ Славянъ мнѣ казалось бы возможнымъ объяснить сближеніемъ начальнаго слога съ предлогомъ *о*,—замѣною не имѣющаго никакого значенія *е* знаменательнымъ *о*: какое-ниб. *edvaj легко было переиначить въ odvaj, усмотрѣвъ въ первой части предлогъ, а во второй числительное; *elita могло разложиться въ народномъ сознаніи на *е*, корень li и суффиксъ ta, послѣ чего *е* могли замѣнить предлогомъ *о*. Какое-ниб. словен. olša, кажется, можно сопоставить съ сущ. lišej лишай, такъ что о л ь х а въ такомъ случаѣ стала бы пониматься, какъ покрытая лишаями. Позволительно такимъ же образомъ объяснять и рус. *о* на мѣстѣ инославян. *е*: можетъ быть, въ какомъ-ниб. словѣ е л е н ь въ первомъ слогѣ усмотрѣли предлогъ и возстановили его въ видѣ *о*. Въ пользу такого нефонетическаго объясненія говоритъ то обстоятельство, что рус. языкъ въ иныхъ словахъ знаетъ зачинное сочетаніе je, въ чистомъ видѣ, или со вторичнымъ измѣненіемъ. Вѣдь существуютъ же слова j е л̓, j ó л к а, j о ш, j и ш̑т̑ш̑ó, косвенные падежи къ мѣстоименью он, она: j и м ý, j и й ó, j é й у, не переходя въ о л̓, ó л к а и т. д. Одно изъ этихъ словъ впрочемъ встарину, какъ будто, подвергалось такому измѣненію: слово ё ж ъ въ спискѣ Даніила Заточника, XV ст., является въ начертаніи ѡжъ (Колосовъ приводитъ его въ примѣръ на рус. *о* при инослав. и литов. *е*—ѥжь и eżỹs); но мы, вслѣдъ за Потебней, лучше будемъ толковать это ѡжъ, какъ попытку изобразить созвучіе jo: писецъ, не желая писать *е* вм. *о*, вѣрно изобразилъ гласный элементъ,

пренебрегши согласнымъ [1]). Относительно словъ ель, ёлка и т. д. я могъ бы сказать, что въ нихъ нельзя было усмотрѣть предлога, и оттого они остались непереиначенными. Впрочемъ надо признаться, что одно изъ этихъ словъ легко могло бы примѣниться къ предлогу—это нарѣчіе ещё, которое могло быть понято, какъ о что; и дѣйствительно существуетъ областная (олонецкая) форма ощё. Но съ другой стороны, кажется, можно допустить, что нарѣчіе ещё чувствовалось въ связи съ глагольною формою есть, и что такая связь могла сохранить его отъ переиначенья.

Противъ третьяго довода Колосова въ пользу первенства звука *е* Потебня не выставилъ возраженій, но противъ этого пункта споритъ Соболевскій, въ упомянутой статьѣ. Соболевскій хочетъ выдѣлить изъ числа занимающихъ насъ случаевъ слова пришлыя. Онъ указываетъ нѣкоторые примѣры появленія начальнаго *о* вмѣсто *е* въ памятникахъ болгарской редакціи. Таково слово **оѳиоплѣнинъ** (Эѳіопъ—Αἰθίοψ) и собственное имя **Орьмини** (описка вм. **Орьмиони**), греч. Ἑρμιόνη. Вмѣстѣ съ тѣмъ [2]) Соболевскій ссылается на мѣстный греческій выговоръ, представляющій *о* вм. начальнаго *е*: существуютъ областныя греч. формы охтро́с и о́рвон вм. ἐχθρός и ἔργον. Однако весьма сомнительно, вправѣ ли мы приводить русскія измѣненія такихъ именъ, какъ Олена, и единичные болгарскіе случаи въ связь съ греч. областнымъ явленіемъ. Еслибы Соболевскій указалъ намъ греческія имена Олени, Овдокіа, тогда, конечно, надо бы принять его взглядъ, но ихъ не встрѣчается. Въ отдѣльныхъ болгар. случаяхъ можно видѣть или описки, или руссизмы, или такое же осмысленье начальнаго *е* въ предлогъ, какое я предположилъ раньше. Впрочемъ насчетъ того, что собственныя имена, въ родѣ Олёна, слѣдуетъ выдѣлять въ особую группу, чуть ли не должно согласиться съ Соболевскимъ. Замѣна зачиннаго *е* или *je* черезъ *о* произошла еще въ доисторическое время, и врядъ ли Русскіе, заимствуя такія имена въ IX—X ст., могли передѣлать ихъ фонетически. Приходится кажет-

---

[1]) Впрочемъ въ пользу существованія, рядомъ съ фонемою ёж, разновидности ож можно сослаться на малорусское ожи́на ежевика.

[2]) Въ той же статьѣ и въ дополнительной замѣткѣ «Къ вопросу о русск. начальномъ *о*=ц.-слав. ѥ.» Р. Ф. В., т. XIII, стр. 140—141.

ся допустить, что выговоръ Олена возникъ по образцу колебанія между формами книжными и народными: употребляя просторѣчное олень при книжномъ јелень, можно было и вмѣсто собственнаго имени Ѥлена произнести на русскій ладъ Олена.

Высказавъ, по поводу возраженій сдѣланныхъ Потебнею Колосову, что начальное *о* при инославянскомъ *je* могло появиться путемъ осмысленія, считаю нужнымъ оговорить, что такое объясненіе удобно далеко не во всѣхъ словахъ, и что едвали не слѣдуетъ въ извѣстномъ смыслѣ принять объясненіе Потебни, Миклошича и Соболевскаго, а именно признать, что *е* и *о* одинаково древни. Конечно, мы не станемъ ихъ возводить къ одному *a*, развившемуся на славянской почвѣ безо всякой причины то въ *е*, то въ *о*, а должны будемъ предположить, что здѣсь сохранилось весьма древнее (праязычное) колебаніе—подобное же колебаніе, какое представляетъ глагольная форма беръ при сущ. ѫ-боръ, греч. φέρω и φόρος, лат. tĕgo и tŏga. На существованіе подобнаго колебанія повидимому указываетъ сущ. лань оленица, стоящее рядомъ съ ѥлень. Такъ какъ при слав. словѣ лакъть, стоитъ лит. alkúnė, при слав. лакати (имѣющемъ, впрочемъ, побочную форму алькати)—álkti, то и лань, возведенное къ основнымъ звукамъ, будетъ olnī. Образованіе это такое же, какъ санскр. vṛkī́ волчица, при vṛ́kas волкъ. Основѣ ѥлен въ словѣ лань противуполагается, значитъ, oln. Колебаніе въ основѣ слѣдуетъ предположить и для самаго слова ѥлень; оно ужъ и было предположено Лескинымъ, въ статьѣ, помѣщенной въ III т. Архива Славянской филологіи—«Слѣды разноступеннаго склоненія въ славянскомъ и въ литовскомъ: Spuren der stammabstufenden Declination im slavischen und litauischen». Отъ слова ѥлень встрѣчаются нѣкоторыя формы, указывающія на согласную основу; мы имѣемъ, напр., род. ѥлене; въ виду этого можно думать, что основа кончалась первоначально на н, и что имен. пад. былъ *ѥлы, какъ камы. Корень тутъ, значитъ, ѥл- и суффиксъ -ен-, но суффиксъ -ен-, какъ видно изъ языка греч. и санскр., есть суффиксъ разновидный, т. е. онъ принимаетъ разный видъ, смотря по падежамъ, по-греч. мы имѣемъ напр. слово λιμήν, въ имен. η, въ род. ε—λιμένος, производное же сущ. λίμνη представляетъ одинъ только ν. Подобнымъ же образомъ санскр. основа rā́džan царь образуетъ имен. rā́džā, вин. rā́džānam,

зват. rádžan, род. rádžńas (вм. an здѣсь просто n, мягкій, въ примѣненіи къ предшествующему dž). Подобное же колебаніе огласовки встрѣчается и въ другихъ суффиксахъ; такъ, извѣстно колебаніе между ēr, ĕr, и r, какое мы имѣемъ въ греч. πατήρ, πατέρα, πατρός и въ санскр. формахъ pitā́, вин. pitáram, дат. pitré. Такія колебанія слѣдуетъ предположить уже въ праязыкѣ, т. е. праязыку слѣдуетъ приписать у нѣкоторыхъ словъ оттѣненіе или разноступенность основы (по-нѣм. Stammabstufung). Итакъ слово **елень** представляетъ основу на другой ступени, чѣмъ литов. élnis: основа слав. **елень** такая же, какъ въ санскр. зват. rā́džan, а въ лит. élnis такая, какъ въ род. rā́džńas. Славянолитовское склоненіе слова **елень** было élō, род. elnós, им. мн. elénes; послѣ Литовцы по всѣмъ падежамъ провели слабую основу eln, Славяне же—сильную elen. Разноступенность намъ приходится предполагать не только въ такихъ случаяхъ, когда имѣется настоящая тема, но и въ такихъ, гдѣ корень служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ темой—она, значитъ, можетъ состоять и въ различной огласовкѣ корня: такое колебаніе было свойственно основной формѣ лат. pēs, pĕdis и греч. ποῦς, ποδός (при πεζός); очевидно въ праязыкѣ было въ однихъ падежахъ *e*, въ другихъ *o* (примѣрно: *pōs, pedós, pódm); Римляне провели по всѣмъ падежамъ *e*, а Греки—*o*. Такое же колебаніе м. б. позволительно предположить и для слова **елень**, которое тогда содержало не только измѣнчивую наставку, но и измѣнчивый корень, и представляло формы olō, elnos, olenes или elenes, подравненіе которыхъ въ разныхъ направленіяхъ породило и русское олень, и инослав. јелень. У нѣкоторыхъ изъ занимающихъ насъ словъ, дѣйствительно можно указать въ родственныхъ языкахъ широкую огласовку корня. Таково слово осень, **есень**, которое существуетъ въ готскомъ языкѣ въ значеніи жатвы и звучитъ asans, род. asanais (т. е. это основа на i=слав. ь); также въ старопрусскомъ мы находимъ assanis осень. Опять мы, значитъ, можемъ построить древнѣйшее склоненіе осы, **есне**, им. мн. **есене** или **осене**. Также и лат. alnus, можетъ быть, позволительно выводить изъ древняго *olnos, въ какомъ случаѣ оно представляетъ въ видѣ ol тотъ же корень, который по-слав. колеблется между *о* и *е* (ольха и **ельха**), а въ нѣм. Eller (eliга) имѣетъ e. Къ только что изложенному объясненію зачиннаго *о* вм. *je* пришелъ и Богородицкій,

который впрочемъ говоритъ объ этомъ лишь мимоходомъ. Мнѣ удалось привести вамъ нѣкоторые доводы, но я всетаки не настаиваю рѣшительно на этомъ объясненіи. Можетъ быть, лучше всего сохранить рядомъ съ нимъ и другое, предложенное мною ранѣе, т. е. въ однихъ словахъ выводить нашу двойственность изъ праязычнаго колебанія, въ другихъ объяснять ее переиначеніемъ.

Перейдемъ теперь къ звуковому явленію, особенно характерному для русскаго языка, помѣщаемому съ полнымъ правомъ въ число отличительныхъ примѣтъ его—къ *полногласію*. Полногласіе есть терминъ, пущенный въ оборотъ Михаиломъ Александровичемъ Максимовичемъ, въ 30-хъ гг. Это названіе основано на невѣрномъ пониманіи самаго явленія: Максимовичъ усматривалъ въ русскомъ языкѣ сравнительно съ другими славянскими языками особенное обиліе гласныхъ, такъ что у него подъ понятіе полногласія подходили и такія слова, какъ волк при чеш. vlk. Въ этомъ смыслѣ онъ видѣлъ полногласіе и въ санскритскомъ языкѣ. Но отказываться отъ термина «полногласіе» незачѣмъ, потому что онъ успѣлъ получить условное, точное значеніе. Передавая своими словами формулировку, данную уже Петромъ Алексѣевичемъ Лавровскимъ, я опредѣляю полногласіе слѣдующимъ образомъ: полногласіе есть своеобразная огласовка плавно-чистыхъ созвучій—появленіе двухъ *о* или двухъ *е* по сторонамъ плавнаго (*р* или *л*), который въ другихъ славян. языкахъ слѣдуетъ за согласнымъ и имѣетъ за собой звуки *а* или *ъ*, либо *о* или *е*. То, что въ другихъ славян. языкахъ рус. полногласію соотвѣтствуетъ сочетаніе плавнаго съ *а* или *ъ*, слѣдуетъ понимать не буквально: звука *ъ* ни въ одномъ славян. языкѣ, кромѣ староцерк. и праслав., не существуетъ, а существуетъ лишь его отраженіе въ томъ или другомъ видѣ, такъ что новославян. языки, представляющіе *ъ* вм. двухъ русскихъ *е*, имѣютъ собственно не *ъ*, а его замѣну. Наконечная огласовка плавно-чистыхъ созвучій, притомъ съ а и съ ѣ, свойственна, какъ извѣстно, языку старославянскому, кромѣ того мы ее видимъ въ языкахъ южнославян. — въ болгарскомъ сербскомъ и словенскомъ, и въ одномъ сѣверозападномъ языкѣ—въ чешскомъ. Такимъ образомъ вмѣсто рус. борода́ является староцерк. брада, болг. брада́, серб. бра́да, словен. bráda, чеш. brada. Русскому голова́ соотвѣтствуетъ староцерк. глава,

болг. г л а в á, серб. г л á в а, словен. gláva, чеш. hlava. Русской формѣ м е р ѣ ж а (сѣть) соотвѣтствуетъ староцерк. мрѣжа, болг. м р é ж а, серб. м р ѣ ж а, словен. mréža, чеш. mříže. Этотъ примѣръ впрочемъ представляетъ то неудобство, что въ болг. и серб. языкахъ является такое измѣненіе *ѣ*, въ которомъ его нельзя отличить отъ *е*. Въ дополненіе возьмемъ еще рус. б é р е г, староцерк. брѣгъ, болг. б р ѣ г ъ (выговар. б р я к), серб. б р ѣ ј е г, словен. brég. (Чеш. břeh могло бы произойти также изъ б р е г ъ). Языки польскій и лужицкій въ обоихъ своихъ нарѣчіяхъ представляютъ *o* вмѣсто староцерк. *а*. Мы вм. брада имѣемъ broda, вм. глава—głowa—такъ по-поль. и по-нижнелужиц., по-верхнелуж. будетъ разница въ согласныхъ—hłowa (произносится ǫ́va). Вмѣсто *ѣ* польскій языкъ представляетъ *е*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конечно, можно бы усмотрѣть и *ѣ*, но въ другихъ совершенно ясно, что основной звукъ для польскаго языка есть *е*. Если мы возьмемъ слово brzeg, то не видно, что̀ лежитъ въ основаніи, но въ соотвѣтствіе русскому б е р ѣ з а мы находимъ поль. brzoza, гдѣ очевидно имѣется основное *е*, потому что изъ *ѣ* вышло бы *а*—*brzaza. (Передъ t, d, n, s, z, ł и г е и *ѣ* подверглись разширенію—первый въ *o*, второй—въ *а*). У Лужичанъ повидимому замѣчается колебаніе: иныя слова указываютъ на *е*, другіе на *ѣ*: брѣгъ по-верхнелуж. будетъ brjóh, по-нижнелуж.—brjog (jo указываетъ на *е*); съ другой стороны мы имѣемъ верхнелуж. brěza (*ě* этимологически есть *ѣ*; произносится въ родѣ i) [1]), въ нижнелуж. находимъ bŕaza: это bŕaza, скорѣе предполагаетъ *е*, нежели *ѣ* [2]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда славянскіе языки представляютъ колебаніе между двойной (полногласной) и двумя видами наконечной огласовки, родственные языки полагаютъ гласный в п е р е д и п л а в н а г о: въ нихъ, позволю себѣ такъ выразиться, является огласовка *срединная*. Такъ одинъ изъ нашихъ примѣровъ—слово г о л о в á существуетъ у ближайшихъ родичей Славянъ, у Литов-

---

[1]) Это е у Верхнихъ лужичанъ (по наблюденію Ф. Ѳ. Фортунатова: Archiv für slavische Philologie, IV, 576) является тамъ, гдѣ у Чеховъ д о л г о т а. Срв. ниже, стр. 72.

[2]) Впрочемъ считаютъ возможнымъ возводить луж. *ě* также къ основному *е*, чѣмъ устраняются указанія на основной *ѣ*.

цевъ: по-лит. — galvà; въ лит. же языкѣ мы находимъ и слово б е р ё з а въ видѣ bérżas (слово это по-лит. муж. рода). Въ лит. языкѣ имѣется и слово г о́ р о д — gardas (значитъ овчарня); это же слово существуетъ въ языкѣ готскомъ, гдѣ звучитъ gards (домъ) [1]).

Противополагая обыкновенно въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ наконечной огласовкѣ староцерковнаго языка свое полногласіе, русскій языкъ однако въ иныхъ случаяхъ и самъ представляетъ наконечную огласовку. Мы говоримъ напр. б р а т, с л а б, какъ въ староцерк., а не б о р о т, с о л о б, какъ можно бы ожидать. Въ такихъ случаяхъ всѣ славянскіе языки между собой согласны. Что у южныхъ Славянъ и у Чеховъ является *a*, разумѣется само собой, но мы находимъ *a* и у Поляковъ и у Лужичанъ: brat, и не brot; słaby, а не słoby. Сверхъ того и родственные языки сходятся со славянскими въ постановкѣ гласнаго: онъ и тамъ стоитъ позади плавнаго. Вспомнимъ извѣстныя параллели къ слову **братъ, братръ**: frater, φράτωρ, готское brothar, литовское brólis, санскритское bhrátar. Слово **слабъ** сродни нѣм. schlaff вялый, безсильный и глаголу schlafen спать, готская форма—slēpan.

Полногласіе есть черта общерусская, одинаково свойственная всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, только въ литературномъ языкѣ она значительно ограничена книжнымъ вліяніемъ; впрочемъ и на народную, особенно на пѣсенную рѣчь приходится допустить книжное вліяніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ полногласіе есть явленіе древнее, исконно-русское—уже въ первыхъ памятникахъ русской письменности мы находимъ слѣды его. Въ послѣсловіи къ Остромирову Евангелію дьяконъ Григорій упоминаетъ о князѣ **Колоднимрѣ** и о **Новѣгородѣ**; въ календарѣ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: **ищи зади перегънжѣ листа дѣкл.** (Въ томъ же словѣ, гдѣ написанъ **ѣ** на

---

[1]) Основное значеніе, очевидно, самое общее: «нѣчто огороженное»— вѣдь г о р о д ъ первоначально былъ «укрѣпленное мѣсто», «крѣпость», поэтому вполнѣ понятно и то́, что это слово у другихъ Славянъ имѣетъ значеніе за́мка: поль. gród, чеш. hrad значатъ за́мокъ, такъ же и словен. grad; серб. гра̑д, хотя получаетъ иногда значеніе города, но обыкновенно значитъ за́мокъ; съ Русскими насчотъ значенія этого слова вполнѣ сходятся только Болгары.

своемъ мѣстѣ, гдѣ употребленъ правильно ѫ, онъ написалъ перевмѣсто староцерк. прѫ-!).

Въ случаѣ разногласія русскаго языка со староцерковнымъ мы всегда будемъ склонны предполагать отступленіе со стороны Русскихъ. Въ такомъ смыслѣ и понималъ полногласіе Добровскій, который въ своихъ «Institutiones linguae slavicae dialecti veteris» выводитъ ороиро изъ ра, не вдаваясь, впрочемъ, въ сколько-нибудь подробное разсмотрѣніе вопроса. Объясненіе русскаго полногласія предложено имъ, хотя также безъ подробной мотивировки, въ другомъ трудѣ, въ «Наброскѣ славянскаго корнеслова» (Entwurf zu einem Etymologikon der slavischen Sprachen). Въ этой книгѣ Добровскій утверждаетъ (приведу его слова въ точномъ переводѣ), что «русское смягченіе вовсе нежосткихъ созвучій, въ родѣ прѣ- въ пере-, указываетъ на смѣшеніе ихъ съ Финнами». Значитъ, Добровскій объясняетъ тутъ полногласіе вліяніемъ Финскаго племени. Конечно, легко допустить, что русская рѣчь могла подвергнуться финскому вліянію; однако же Финны могли бы навязать русскимъ славянамъ только то, что было у нихъ самихъ. Финскіе языки, также и тюркскіе, никогда не представляютъ двухъ зачинныхъ согласныхъ. Соотвѣтственно этому у нихъ измѣняются слова пришлыя; такъ, въ финскій языкъ вошло шведское слово klockare звонарь, пономарь (отъ klocka, равнаго нѣмец. Glocke колоколъ), причемъ стало прозноситься lukkari. Подобнымъ же образомъ Финны заимствовали слово крест и сдѣлали изъ него risti. Впрочемъ у Мадьяръ въ заимствованныхъ словахъ встрѣчаемъ вставочные гласные: такъ слово крьстъ звучитъ kereszt, изъ кладъ сдѣлали bolond. На основаніи мадьярскихъ формъ, которыя м. б., имѣлъ въ виду и Добровскій, можно бы объяснить полногласіе финскимъ вліяніемъ; но въ такомъ случаѣ русскій языкъ вообще не долженъ бы представлять двухъ согласныхъ въ началѣ словъ: зачѣмъ изъ братъ не сдѣлано борот, изъ слабъи—солобой? Зачѣмъ вообще, и помимо плавныхъ созвучій, не устранены зачинныя группы согласныхъ: отчего напр. сохранились глаголы стоять, гнать, не обратившись въ тоять, нать или въ сотоять, гонать? Очевидно, объясненіе Добровскаго надо признать неудовлетворительнымъ.

Къ тому же взгляду на полногласіе, какъ Добровскій, т. е. къ признанію его вторичнымъ измѣненіемъ староцерковной огласовки, склонялся Востоковъ. Не усматривая возможности финскаго вліянія, Востоковъ причину полногласія искалъ въ общихъ русскому народу съ финскимъ климатическихъ условіяхъ, во вліяніи сѣвернаго климата. Мысль эта высказана въ извѣстномъ «Разсужденіи о словенскомъ языкѣ». Однако и взглядъ Востокова, какъ замѣтилъ уже Максимовичъ, не выдерживаетъ критики, такъ какъ полногласіе существуетъ не въ меньшей степени и на югѣ Россіи. Притомъ такая общая ссылка на климатическія условія цѣны не имѣетъ, да и самъ Востоковъ, должно быть, не придавалъ ей большого значенія.

Тотъ же взглядъ мы встрѣчаемъ и у Каткова, въ его магистерской диссертаціи «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка», вышедшей въ 1845 году. Катковъ несовсѣмъ ясно и точно изложилъ свой взглядъ на полногласіе, но изъ сказаннаго имъ можно вывести, какъ его мнѣніе, что основныя славянскія формы сходствовали со староцерковными, т. е. было напр. градъ, изъ чего вышло сначала гродъ, а потомъ городъ. Какъ на доказательство вторичности полногласія Катковъ ссылается на существующее въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ соотвѣтствіе между чешскимъ количествомъ и русской акцентовкой. Катковъ отмѣчаетъ, что 1) русскому ударенію на второй части полногласія соотвѣтствуетъ чешская долгота, напр. корóва по-чеш. будетъ kráva, солóма—sláma, берéза—bříza, молóть (староцерк. млѣти)—mlíti. Когда же 2) ударение приходится на первую часть полногласія, или вовсе на падаетъ на полногласіе, тогда у Чеховъ, по указанію Каткова, является краткость: гóрод по-чешски будетъ hrad, мóлот—mlat, бéрег—břeh, дéрево—dřevo, жóлоб žlab; точно также 3) бородá, слово, гдѣ ударение приходится не на полногласіе, будетъ brada, головá—hlava, сторонá—strana. Впрочемъ изъ третьей части катковскаго правила, т. е. изъ утвержденія, что русскому безударному оро по-чешски соотвѣтствуетъ ră, столько исключеній, что слѣдуетъ отрицать самый законъ. Напр. мы имѣемъ по-чешски brázda при русск. бороздá,

dláto при долото́, vlákno при волокно́ [1]). Законъ Каткова въ нѣсколько иномъ видѣ былъ уже раньше указанъ чехомъ Антономъ Ярославомъ Пухмайеромъ (Puchmayer или Puchmír), въ грамматикѣ русскаго языка, изданной въ 1820-мъ г. (Lehrgebäude der russischen Sprache). Пухмайеръ воспользовался этимъ наблюденіемъ для облегченія Чехамъ произношенія русскихъ словъ: онъ даетъ правило, что въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ чехъ по своему количеству можетъ опредѣлить мѣсто русскаго ударенія — зная свое слово hrad, онъ безошибочно можетъ рѣшить, что по-русски будетъ г о́ р о д, а не г о р о́ д; зная свои kráva, bříza, онъ можетъ сообразить, что по-русски говорится коро́ва, а не ко́рова или к о р о в а́, б е р ёз а, а не б е́ р е з а или б е р е з а́. Катковъ изъ указаннаго звукового соотвѣтствія выводитъ, какъ я уже сказалъ, первенство староцерковной огласовки передъ русской. Доказательство этого первенства онъ усмотрѣлъ въ томъ, что русскому ударенію на второй части полногласія соотвѣтствуетъ долгота. Долгота свидѣтельствуетъ де о первичности ударенія и вмѣстѣ съ тѣмъ о первичности носящаго его гласнаго: напр. изъ того, что чехъ говоритъ kráva съ ā, слѣдуетъ, что въ русскомъ к о р о́ в а первичный звукъ есть второе *о*, а первое представляетъ позднѣйшую вставку. Въ связи съ утвержденіемъ, будто чеш. долгота въ соотвѣтствіе русскому ударенію доказываетъ его первичность, находимъ у Каткова цѣлое ученіе о томъ, что рус. удареніе вообще, или, по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ, замѣняетъ первоначальную долготу—ученіе весьма неосновательное.

Въ первенство староцерк. огласовки плавно-чистыхъ созвучій вѣрилъ также С р е з н е в с к і й; онъ высказывается въ такомъ смыслѣ, не входя однако ни въ какія подробности, въ своихъ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка».

Къ тому же мнѣнію видимо склонялся и М и к л о ш и ч ъ, въ 1-мъ изданіи своей «Сравнительной фонетики», хотя онъ также не вдавался въ подробное разсмотрѣніе вопроса [2]). Миклошичъ

---

[1]) Мимоходомъ сдѣлаю замѣчаніе насчотъ русскаго слова ворота-ворота́: чешскій языкъ говоритъ за большую исконность второй акцентовки, такъ какъ нашему ворота соотвѣтствовало бы *vráta.

[2]) Впослѣдствіи онъ посвятилъ полногласію особую монографію, о которой рѣчь будетъ ниже, т. к. въ ней проводится совсѣмъ иной взглядъ.

дѣлаетъ однако въ этой книгѣ дополненіе къ закону Каткова и Пухмайера, дополненіе, которое вполнѣ опровергаетъ взглядъ Каткова, устраняя и тотъ невполнѣ убѣдительный доводъ, которымъ Катковъ подкрѣпилъ свою теорію полногласія. Оказывается, что чешская долгота въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ не можетъ быть признана прямо праславянской, какъ дѣлалъ Катковъ. Миклошичъ отмѣтилъ, что насчотъ количества плавно-чистыхъ созвучій въ постоянномъ противорѣчіи съ чешскимъ языкомъ находится языкъ сербскій: гдѣ по-чешски долгота, тамъ по-сербски краткость, и, наоборотъ, гдѣ—краткость, тамъ—долгота.

Прежде чѣмъ приводить сербскіе примѣры, необходимо сказать два слова о сербскомъ удареніи. Въ сербскомъ языкѣ существуетъ удареніе односло́говое и двусло́говое, т. е. или удареніе приходится цѣликомъ на одинъ слогъ, или же въ немъ участвуетъ также слѣдующій слогъ. Односло́говое удареніе, когда оно сопряжено съ краткостью гласнаго, обозначается двойнымъ грависомъ, напр. сла̏ва; это односло́говое удареніе краткостное иначе можно назвать рѣзкимъ. Односложовое удареніе долготное обозначается округленнымъ циркумфлексомъ; это удареніе есть нисходящее, т. е. первая часть гласнаго по тону выше второй. Тоже самое существуетъ и при рѣзкомъ удареніи, только тамъ, вслѣдствіе краткости гласнаго, это менѣе замѣтно. Односложовое долготное удареніе представляетъ напр. слово пра̑вда. Двусложовое удареніе также бываетъ краткостнымъ и долготнымъ. Знакъ краткостнаго двусложоваго ударенія, которое я называю въ своей акцентологіи слабымъ, есть грависъ; удареніе это мы можемъ видѣть въ какомъ-нибудь словѣ мѐгла (мгла). Двусложовое долготное удареніе, обозначаемое акутомъ, можетъ быть названо восходящимъ, потому что вторая часть гласнаго въ музыкальномъ отношеніи выше первой, напр. ша́ла шутка. И слабое удареніе есть восходящее, но при краткости восходящее движеніе голоса менѣе замѣтно. Срв. сказанное о рѣзкомъ удареніи [1]). Двусложовость ударе-

[1]) Сербское употребленіе акута и грависа главнымъ образомъ побуждаетъ меня избѣгать этихъ знаковъ въ русскомъ языкѣ и замѣнять ихъ (что сдѣлано въ моемъ Начертаніи славянской акцентологіи) новымъ знакомъ—отвѣсомъ. Срв. стр. 2, пр. 2.

го» и «восходящаго» состоитъ въ томъ, что кромѣ главнаго восходящаго ударенія есть еще весьма сильное второстепенное удареніе на слѣдующемъ слогѣ; удареніе это нисходящее. Какое-нибудь слово м à г л а имѣетъ, значитъ, на начальномъ слогѣ удареніе восходящее краткостное, а на конечномъ слогѣ удареніе рѣзкое, т. е. краткостное нисходящее. Такимъ же образомъ слово ш á л а представляетъ на начальномъ слогѣ удареніе восходящее долготное, на конечномъ — нисходящее краткостное. Возьмемъ далѣе такое слово, гдѣ слогъ со второстепеннымъ удареніемъ будетъ долгій, напр. j ȕ н â к. Здѣсь слогъ j ȕ представляетъ удареніе восходящее краткостное, а н â к—нисходящее долготное [1]).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній отмѣтимъ соотношеніе сербскаго количества съ русской акцентовкой въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ, противорѣчащаго, какъ уже сказано, количеству чешскому. При русскомъ удареніи на второй части, которому у Чеховъ соотвѣтствуетъ долгота, у Сербовъ является удареніе рѣзкое, т. е. нисходящее краткостное: к о р ó в а по-сербски будетъ к р â в а, с о л ó м а—с л̑ â м а, б е р ȅ з а—б р ȅ з а, м о л ó т ь—м л̑ ȅ т и [2]). Напротивъ того русскому удареню на первой части полногласія, которое у Чеховъ находитъ соотвѣтствіе въ краткости, у Сербовъ соотвѣтствуетъ удареніе нисходящее долготное: г р â д, х л â д, б р ȇ г (или, съ разложеніемъ *r* на два слога, –б р ȉ j е г). Русск. безударному о р о, мы видѣли, по закону Каткова у Чеховъ соотвѣтствуетъ краткость, въ дѣйствительности то краткость, то долгота; у Сербовъ мы тутъ постоянно видимъ удареніе восходящее, т. е. долготу: г л á в а, б р á д а, в р á т а [3]).

Итакъ чеш. долготу мы не можемъ признать праславянскою въ виду ея противорѣчія съ сербскою, и она отнюдь не свидѣтельствуетъ о первичности второго элемента въ полногласіи. Петръ

---

[1]) См. у Леонарда Мазинга: Leonhard Masing. Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents. Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. T. XXIII. № 5. St.-Pétersbourg 1876.

[2]) Знакъ л̑ обозначаетъ л м я г к і й.

[3]) Такимъ образомъ сербское восходящее удареніе, подобно чешской краткости (см. выше, стр. 73, пр. 1), говоритъ за первенство произношенія воротá передъ произношеніемъ ворóта.

Алексѣевичъ Лавровскій, взглядъ котораго на полногласіе намъ придется разсматривать впослѣдствіи, пытался, въ статьѣ по этому предмету, отстоять ученіе Каткова противъ Миклошича и устранить противорѣчіе между количествомъ чешскимъ и сербскимъ. Онъ высказывалъ догадку, что Сербы при опредѣленіи своихъ ударенiй смѣшали долготу и удареніе; но это предположеніе совершенно неосновательно: нѣтъ сомнѣнія, что написанію съ грависомъ (простымъ или двойнымъ) соотвѣтствуетъ краткость, а циркумфлексу и акуту—долгота, и что противорѣчіе между чешскимъ и сербскимъ языкомъ дѣйствительно существуетъ.

За первенство староцерковной огласовки высказался также Потебня [1]), въ своей монографіи «О полногласіи». Эта монографія, напечатанная въ Филологическихъ запискахъ за 1864 годъ, въ оттискѣ составляетъ первую часть «Двухъ изслѣдованій о звукахъ русскаго языка» [2]). Потебня въ доказательство вторичности полногласія приводитъ аналогію изъ языка сербскаго. Сербскій языкъ, въ югозападномъ своемъ говорѣ, представляетъ явленіе, на которое мы уже видѣли одинъ примѣръ—слово брȇјег, при другомъ выговорѣ брȇг, въ восточномъ нарѣчіи (въ сѣверозападномъ—брȇг). Потебня говоритъ: какъ ѣ разлагается на ије, такъ, слѣдуетъ думать, и древнее ра разложилось по-рус. на оро, ла—на оло, рѣ—на ере, лѣ—на еле. Что тутъ дѣйствительно есть ближайшая связь, это подтверждается-де соотвѣтствіемъ акцентовки между словами полногласными и словами съ разложившимся ятемъ. По этому поводу Потебня вкратцѣ изложилъ особенности сербской акцентовки. Намъ, чтобы понять сопоставленія Потебни, необходимо отмѣтить, что сербское нисходящее удареніе (какъ краткостное, такъ и долготное) есть удареніе исконное и соотвѣтствуетъ русскому ударенію на томъ же слогѣ: слава—слáва, прâвда—прáвда. Съ другой стороны, удареніе восходящее (краткостное и долготное) есть удареніе оттянутое, приближенное на одинъ слогъ къ началу слова. Какъ остатокъ древняго ударенія, сохраненнаго въ русскомъ языкѣ, является удареніе второ-

---

[1]) Впослѣдствіи измѣнившій свой взглядъ на этотъ вопросъ.

[2]) См. выше, стр. 12.

степенное нисходящее: русскимъ м г л а́, п и л а́ соотвѣтствуютъ серб. м а̀ г л а̏, п и́ л а̏. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ самомъ сербскомъ языкѣ существуютъ нѣкоторыя доказательства того, что м а̀ г л а есть вторичное измѣненіе древняго м а г л а̏, п и́ л а—древняго п ӣ л а̏: такая акцентовка употребляется у приморскихъ Хорватовъ—Хорватовъ-чакавцевъ, прозванныхъ такъ отъ мѣстоименія ч а (=* ъь), вм. котораго у настоящихъ Сербовъ—ш т о [1]). Принимая въ соображеніе вторичность восходящаго ударенія, Потебня указываетъ на стройное соотвѣтствіе между акцентованіемъ сербскаго разложившагося ѣ и русскаго полногласія. Оказывается, что русское г о́ р о д: сербскому г р а̑ д= югозап. (герцеговин.) с н и̏ j е г: восточ. с н е̑ г; рус. б о р о д а́: серб. б р а́ д а, т. е. первоначальному б р а̄ д а̏ = югозап. б и j ѐ д а, первоначальное б и j е д а̏: восточ. б е́ д а, первоначальн. б е̄ д а̏. А такъ какъ ије есть вторичное измѣненіе, плодъ разложенія, то и аналогичное ему по акцентовкѣ полногласіе должно считаться плодомъ разложенія. Впрочемъ аналогія между полногласіемъ и разложеніемъ ѣ, какъ отмѣтилъ уже самъ Потебня, неполная; именно, разложеніе ѣ происходитъ только тогда, когда э́кающіе и и́кающіе говоры представляютъ долготу, а при краткости разложенія не бываетъ, полногласіе же является и тогда, когда у Сербовъ произносится краткій звукъ. Такъ, восточно-сербскія в е̏ р а, д е̏ д по югозап. выговору будутъ в j е̏ р а, д j е̏ д (или со вторичнымъ измѣненіемъ ѣ̏ е̏ д)—разложенія нѣтъ, и только вм. простого *е* слышится *je*. Съ другой стороны сербскому в р а̑ н а соотвѣтствуетъ рус. в о р о́ н а, серб. с л а̑ м а—с о л о́ м а, серб. б р е̏ з а—б е р е̏ з а. Противъ толкованія Потебни, кромѣ его собственной оговорки, можно привести еще одно соображеніе, которое его вовсе опровергаютъ. Дѣло въ томъ, что соотвѣтствіе между акцентовкой рус. и серб., на которое напиралъ Потебня, есть (какъ было извѣстно и самому Потебнѣ) только частное проявленіе общаго соотвѣтствія въ акцентовкѣ, проходящаго по всему серб. и рус. языку. За немногими исключеніями русскій можетъ безошибочно опредѣлить мѣсто сербскаго

[1]) Впрочемъ въ настоящее время мы склонны предполагать, что предударный слогъ издавна имѣлъ нѣкоторое ударе́ніе. См. выше, стр. 37.

ударенія—оно будетъ всегда на одинъ слогъ ближе къ началу, чѣмъ по-рус.; напр. по-рус. к а л а́ ч, к а л а ч а́—по-сербски к о̀ л а̑ ч, к о л а́ ч а; по-рус. д о б р о т а́—по-серб. д о б р о̀ т а; по-рус. ш и р и н а́—по-серб. ш и р и̏ н а. Притомъ это оттянутое удареніе бываетъ двуслогóвымъ, т. е. слабымъ, или же восходящимъ въ тѣсномъ смыслѣ. Когда же ударенію, падавшему на начальный слогъ, некуда было идти, тогда оно и по-серб. оставалось на мѣстѣ, но въ видѣ однослогóваго, т. е. рѣзкаго, или нисходящаго въ тѣсномъ смыслѣ, напр. рус. в ѣ р а по-серб. звучитъ в ј е̏ р а, п и́ ш е ш ь—п и̏ ш е̄ ш. Такимъ образомъ совершенно естественно, что между акцентовкой плавно-чистыхъ созвучій и слоговъ съ *ъ* имѣется соотвѣтствіе, и это соотвѣтствіе вовсе не доказываетъ аналогичности полногласія и разложенія *ъ*. Ничто намъ не мѣшаетъ выставить положеніе обратное Потебнинскому. Тогда какъ Потебня говоритъ, что фонема г р а̑ д съ нисходящимъ удареніемъ, разлагаясь, давала фонему г о́ р о д съ удареніемъ на первой части, мы смѣло могли бы сказать, что основное г о́ р о д подверглось стяженію, и изъ о́ р о явилось р а̑; также изъ первоначальнаго б о р о д а́ по-сербски могло бы выдти б о р о̀ д а, а потомъ со стяженіемъ—б р а́ д а [1]). Я вовсе не предлагаю держаться такого толкованія, но привожу его какъ возможное: въ доказательство, что объясненіе, предложенное Потебнею (оставленное впослѣдствіи и имъ самимъ) не заслуживаетъ признанія.

За первенство старославянской огласовки стоитъ также и Ягичъ. Ягичъ останавливался на этомъ вопросѣ по поводу работы Лавровскаго, въ критическихъ замѣчаніяхъ, помѣщенныхъ въ XIV т. Загребскаго журнала «Труды Югославянской Академіи» (Rad Jugoslavenske Akademije). Потомъ онъ возвращался къ нему въ разборѣ одного нѣмецкаго изслѣдованія о полногласіи, о коемъ рѣчь будетъ ниже. Вторая статья напечатана въ Архивѣ Славянской филологіи, и озаглавлена «О нѣкоторыхъ явленіяхъ славянскаго вокализма» [2]).

---

[1]) Правда в р а̏ н а вм. в о р б́ н а, съ краткостью, несмотря не стяженіе, непонятно; но вѣдь в о р б́ н а и в ј е̏ р а тоже не ладятъ.

[2]) Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus. Arch. f. slav. Phil., B. I. S. 397 - 411.

Къ тому же взгляду склоненъ и Лескинъ, соображенія котораго, такъ же, какъ и соображенія Ягича, приведу впослѣдствіи.

Тогда какъ перечисленные изслѣдователи считали полногласіе явленіемъ вторичнымъ, другіе напротивъ—признавали его древней общеславянской чертой, уцѣлѣвшей въ русскомъ яз.; одинъ даже желалъ возвести его къ самому праязыку. Въ такомъ смыслѣ высказался Максимовичъ, котораго я называлъ уже ранѣе, какъ изобрѣтателя термина «полногласіе». Рядомъ съ именемъ Максимовича можно поставить имя чешско-хорватскаго ученаго (чеха по происхожденію, хорвата по дѣятельности въ Загребскомъ университетѣ)—Гейтлера. Затѣмъ слѣдуетъ назвать во второй разъ Потебню, котораго мы раньше видѣли какъ представителя другого взгляда; и также профессора Берлинскаго университета, противъ котораго полемизировалъ Ягичъ, въ только что названной статьѣ,—Іоганна Шмидта.

Максимовичъ въ этомъ ряду первый. Онъ коснулся вопроса о полногласіи въ своей «Исторіи русской словесности», вышедшей въ 1839 г., а потомъ въ «Начаткахъ русской филологіи» (1848). Я уже говорилъ, что Максимовичъ подъ полногласіемъ понималъ вообще обиліе гласныхъ въ языкѣ, что онъ поэтому видѣлъ полногласіе также въ языкѣ санскр., который по сравненію съ новѣйшими языками дѣйствительно представляетъ избытокъ гласныхъ. Если мы однако сравнимъ количественное отношеніе гласныхъ къ согласнымъ въ староцерк. и санскр., или въ санскр. и греч., то сравненіе выходитъ не въ пользу санскр. Такимъ образомъ въ Санскритѣ нѣтъ полногласія въ смыслѣ Максимовича; нѣтъ въ немъ также полногласія и въ нашемъ болѣе тѣсномъ смыслѣ, хотя Максимовичъ пытался доказать его существованіе нѣсколькими сравненіями. Сравненія эти не выдерживаютъ научной критики, и приводить ихъ почти не стоитъ; указаніе и разборъ ихъ можно найти въ «Замѣткѣ о полногласіи» П. А. Лавровскаго въ VIII т. Извѣстій 2-го отд. Имп. Акад. Наукъ. Максимовичъ между прочимъ утверждаетъ, что рус. сорóка равняется санскр. sāráṅga. Sāráṅga значитъ пестрый, пѣгій [1]), такъ что значеніе не особенно близкое; кромѣ того *о* и *an*, *к* и *g* другъ другу не со-

[1]) Служитъ также названіемъ одной антилопы, одной птицы и т. д.

отвѣтствуютъ: sāráṅga въ переложеніи на слав. звуки было бы **сарѫга**, по-рус. с а р у г а; или пожалуй (т. к. санскритскому ā въ открытомъ слогѣ м. б. иногда соотвѣтствуетъ слав. о)—**сорѫга**, с о р у г а [1]). Другія сопоставленія еще менѣе удачны; такъ напр. слово п т и ц а Максимовичъ сближаетъ съ санскр. pataga; тутъ дѣйствительно есть сродство — корень pat летѣть, д. б., заключается и въ славян. **пътица**, но этимъ сходство и ограничивается: санскр. слово состоитъ изъ patá-s полетъ и ga идти. Еще Максимовичъ кромѣ санскр. яз. ссылается на языкъ мадьярскій, гдѣ онъ указываетъ слова, заимствованныя у Славянъ и представляющія полногласіе, напр. kalasz колосъ, что якобы доказываетъ, что въ періодъ заимствованія такихъ словъ полногласіе существовало также внѣ рус. языка—однако Мадьяры [2]) и изъ **класъ** могли дѣлать kalasz. Еще Максимовичъ приводитъ два-три слова, сохраняющія будто полногласіе у другихъ Славянъ. Таково польск. слово dereń кизильникъ—но это слово надо считать заимствованнымъ у Малороссовъ: настоящимъ польскимъ словомъ оно быть не можетъ, такъ какъ тогда оно звучало бы *dzierzeń.

Взглядъ на полногласіе Максимовича, въ измѣненномъ, болѣе научномъ видѣ, былъ возобновленъ Г е й т л е р о м ъ. Гейтлеръ въ своей «Староболгарской фонологіи» (Starobulharská fonologie, V Praze, 1873) подобно Максимовичу выводитъ наконечную огласовку изъ двойной, причомъ однако, въ виду показаній другихъ европейскихъ яз., считаетъ полногласіе не праязычнымъ явленіемъ, а только п р а с л а в я н с к и м ъ. Слово **жрѣка**, по этой теоріи, первоначально звучало **жерека**, изъ этого вышла прежде всего общеслав., уцѣлѣвшая въ рус. языкѣ, полногласная фонема **жерека**; староцерк. и нѣкоторые другіе славян. языки произвели стяженіе -ерє- въ -рѣ-, и такимъ образомъ возникло **жрѣка**. Самое присутствіе ѣ, по мнѣнію Гейтлера, свидѣтельствуетъ о стяженіи: вѣдь ѣ возникаетъ изъ звуковъ долгихъ, долгота же тутъ вполнѣ понятна, если исходить изъ фонемы съ двумя гласными. Подобнымъ же образомъ Гейтлеръ предполагаетъ древнѣйшую фонему **голва**, изъ чего по-

---

[1]) Что sāráṅga, какъ существ., муж. р., разумѣется, неважно.

[2]) По причинамъ, указаннымъ выше, стр. 71.

праславянски вышло голова, сохраненное русскимъ языкомъ и превращенное староцерковнымъ въ глава, причемъ а опять-таки указываетъ на долготу и вмѣстѣ съ тѣмъ на стяженіе. Гейтлеръ нѣсколько затруднялся появленіемъ вмѣсто двухъ *о* звука *а*, тогда какъ можно бы ожидать *долгаго о*, но оправдывалъ это тѣмъ, что Славяне вообще не знаютъ $\bar{o}$, а имѣютъ на мѣстѣ его *а*. Мы теперь могли бы, если принять теорію Гейтлера, представить дѣло такъ, что olo дало сначала lō, а это $\bar{o}$, какъ и наслѣдственное $\bar{o}$, перешло въ *а*.

По поводу разсужденія Гейтлера вернулся къ вопросу о полногласіи А. Ав. Потебня, въ первой части своего труда «Къ исторіи звуковъ русскаго языка». Потебня отчасти согласился съ Гейтлеромъ, но затруднялся выводить la изъ olo, находя, что olo должно бы дать lo, и предположилъ поэтому, что стяженіе произошло въ такой періодъ, когда не было еще *о*, а было *ă*, т е. онъ строилъ полногласную фонему г*ă*л*ă*в*а*, откуда со стяженіемъ—г*лă*в*а*, а затѣмъ уже глава. Поправка лишняя и неудачная: при современномъ взглядѣ на индоевропейскій вокализмъ мы не вправѣ предполагать фонему г*ă*л*ă*в*а*, а должны предположить г*о*л*о*в*а* [1]).

Еще разъ ученіе Максимовича было возобновлено въ измѣненномъ видѣ Іоганномъ Шмидтомъ, который не зналъ о мнѣніяхъ Гейтлера и Максимовича, и самъ пришелъ къ подобному же взгляду. Іоганнъ Шмидтъ посвятилъ вопросу о полногласіи и сходныхъ съ нимъ явленіяхъ въ другихъ языкахъ 2-ю часть своего изслѣдованія «Къ исторіи индоевропейскаго вокализма» [2]). Полногласіе у Шмидта является подъ санскритскимъ названіемъ svarabhakti. Слово svarabhakti значитъ «частичный гласный» (svara звукъ, гласный; bhakti дѣленіе, отъ корня bhag дѣлить). Этимъ

---

[1]) Нѣкоторымъ словамъ, правда, надо приписать дославянское *а*, напр. основная форма къ прилагат. со́лон, какъ показываетъ сравненіе съ иностранными языками, будетъ *salnos съ *а*, но древнѣйшая праславянская всетаки *solnos.

[2]) Johannes Schmidt. Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus. Zweite Abtheilung. Weimar 1875.

именемъ индійскіе грамматисты назвали гласный, который, по ихъ мнѣнію, вторичнаго образованія, а именно возникъ послѣ r и l, имѣющихъ за собой согласные. Такимъ образомъ Шмидтъ подобно Гейтлеру объясняетъ вторую часть полногласія: первая унаслѣдована отъ древности, а вторая есть вторичный звукъ, развившійся изъ нѣкотораго гласнаго назвука, свойственнаго звукамъ r и l. Полногласныя формы по Шмидту, какъ и по Гейтлеру, возникли въ общеславян. языкѣ. Какъ и Гейтлеръ, Шмидтъ строитъ праслав. žeregbę. Широкой огласовкѣ плавночистыхъ созвучій онъ придаетъ нѣсколько иной видъ, чѣмъ Гейтлеръ—у него является звукъ *a*, склонный къ *o*—gâlâva, изъ этого средняго звука съ одной стороны могъ-де развиться *a*, а съ другой *o*. Послѣдочная огласовка у Шмидта, какъ и у Гейтлера, происходитъ путемъ стяженія, только онъ пытается оправдать странность такого измѣненія, хотя эта попытка цѣны не имѣетъ и похожа больше не поэтическій оборотъ, чѣмъ на серьёзный доводъ: онъ говоритъ, что первый гласный какъ бы просачивается сквозь полувокальные r и l. Предположивъ, какъ и Гейтлеръ, праславянское происхожденіе полногласія, Шмидтъ сталъ искать слѣдовъ его помимо рус. языка. Указанные имъ слѣды полногласія однако не заслуживаютъ такого названія.

Разсужденіе Шмидта вызвало цитованный уже на стр. 78 разборъ Ягича. Ягичъ высказывается въ пользу первичности послѣдочной огласовки у Славянъ. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы онъ доказалъ вѣрность этого взгляда: онъ только привелъ рядъ соображеній противъ Шмидта, съ которыми слѣдуетъ согласиться—съ одними вполнѣ, съ другими—отчасти. Не лишено значенія во первыхъ то обстоятельство, что полногласіе встрѣчается только въ одномъ славянскомъ языкѣ, во всѣхъ другихъ, въ томъ или иномъ видѣ, является послѣдочная огласовка. Даже и самъ русскій языкъ знаетъ полногласіе только внутри словъ, а тамъ, гдѣ сочетанія *р* и *л* со слѣдующимъ согласнымъ имѣютъ передъ собой всего одинъ гласный, который составляетъ зачинъ слова, и рус. языкъ ставитъ согласный позади плавнаго. Литовскому alkúnė порус. соотвѣтствуетъ *л*окоть, а не *ол*окоть; санскр. корню ardh (ṛdhnóti удаваться, преуспѣвать) соотвѣтствуетъ *р*ости, а не *ор*ости. Далѣе Ягичъ указываетъ на то, что мы должны бы ожидать слѣдовъ полногласія особенно въ вымершемъ языкѣ Полабскихъ

славянъ, который представляетъ двоякую огласовку плавночистыхъ созвучій: въ однихъ случаяхъ (при l)—послѣдочную, а въ другихъ (при r)—передовую. Мы видимъ напр. х л а̊ д, в л а̊ с (какой здѣсь былъ гласный, мы не знаемъ, по мнѣнію Шлейхера—широкое *o*, или *a*, смахивавшее на *o*), а съ другой стороны мы находимъ г о р д, с т о р н а. Именно въ такомъ языкѣ естественно бы ожидать и полногласія, но его не оказывается. Правда, Шмидтъ привелъ одинъ или два примѣра полабскаго полногласія, однако они не годятся: какое-нибудь dülan вм. длань не можетъ быть названо полногласнымъ, потому что гласные въ немъ неодинаковы, существенная же черта полногласія—одинаковость гласныхъ. Еще Ягичъ указываетъ на своеобразное передвиженіе акцента въ русскихъ полногласныхъ словахъ, свидѣтельствующее о вторичности полногласія. Обыкновенно при колебаніи ударенія мы видимъ переходъ его съ сосѣдняго слога на сосѣдній, переходовъ черезъ слогъ почти не бываетъ, между тѣмъ въ полногласныхъ словахъ удареніе скачетъ и черезъ слогъ—при им. пад. б о р о д а́ стоитъ вин. б о́ р о д у, при им. г о л о в а́—вин. г о́ л о в у. Послѣдній доводъ впрочемъ надо признать слабымъ, или даже совершенно бездоказательнымъ. Дѣйствительно, онъ говоритъ въ пользу того, что полногласныя слова содержали прежде однимъ слогомъ меньше, чѣмъ впослѣдствіи, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что было когда-то б р а д а́—б р а́ д ъ, мы можемъ сказать, что было б о р д а́ — б о́ р д ъ. Вѣскимъ соображеніемъ въ пользу вторичности полногласія можно считать одно отдѣльное слово, на которое не даромъ напираетъ Ягичъ; это—слово с т о́ р о ж. С т о́ р о ж несомнѣнно сродни лит. sargas, корень sorg, значитъ основная форма будетъ sorgios, откуда въ старо-церк. *сръжь и съ развитіемъ т между с и р, какъ переходнаго звука—стрѣжь. Поэтому если с т о́ р о ж вышло изъ древнѣйшаго стрѣжь, то т въ немъ совершенно понятно, если же основное *сръжь прежде всего дало полногласную фонему, то должны бы говорить с о р о ж. Что касается полногласныхъ словъ указываемыхъ Шмидтомъ въ общеславянскомъ языкѣ (какія это слова, мы сейчасъ увидимъ), то Ягичъ призналъ ихъ существованіе, но указалъ совершенно справедливо, что они говорятъ не въ пользу Шмидтовской теоріи, а противъ нея: если одни полногласныя слова остались полногласными у всѣхъ славянъ, отчего бы

другія, если были таковыми, подверглись измѣненіямъ? По моему однако общеслав. полногласія не существуетъ ни въ одномъ словѣ. Полногласіе будто бы представляетъ слово **желѣзо**. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ иноязычныя формы съ передовой огласовкой: литовскую gelžìs, латышскую dzelze, старопрусскую gelso; въ соотвѣтствіе имъ можно бы ожидать русской формы ж е л ѣ з о, въ дѣйствительности же рус. языкъ представляетъ *ѣ* на второмъ мѣстѣ, и *ѣ* является во всѣхъ славянскихъ языкахъ; значитъ, это не есть полногласіе. Огласовка этого слова впрочемъ вообще представляетъ затрудненія: лит. языкъ имѣетъ еще форму geležìs съ двумя *e*; съ этимъ словомъ роднятъ также, и д. б. основательно, греч. χαλκός, хотя его κ не ладитъ со слав. ж. Мы можемъ, правда, предположить древнѣйшую греч. форму *χαλχός съ двумя придыхательными, изъ которыхъ затѣмъ одинъ утратилъ свое придыханіе, но это не выведетъ насъ изъ затрудненія, п. ч. придыханіе долженъ потерять первый согласный—вышло бы *χαλχός, а не χαλκός, какъ изъ *φεύθομαι—πεύθομαι, а не *φεύτομαι. Впрочемъ окончаніе χος могли просто замѣнить обычнымъ суффиксомъ -κος. (Еще до дѣйствія закона о придыхательныхъ въ сосѣднихъ слогахъ.) Полногласіе Шмидтъ усматриваетъ также въ прилаг. **сѣрый**, которое въ словенскомъ языкѣ существуетъ въ видѣ srêp (вм. svrêp). Опять таки мы имѣемъ **-ерꙑ-** а не **-ере-**, значитъ, и это не есть настоящее полногласіе. Дѣйствительно полногласное созвучіе **-еле-** представляетъ другое прилаг. **пелесъ** темный, сѣрый; однако рядомъ съ **пелесъ** является и **пелѣсъ** съ *ѣ*. Слово это сопоставляютъ съ лит. pálšzas блѣдный, желтоватый. Сюда же относится и лит. названіе мыши — pelẽ. Легко, кажется, можно допустить, что наше прилагат. звучало первоначально **плѣсъ**, и что *e* перенято имъ у какой-нибудь другой однокоренной формы, въ родѣ лит. pelė. Далѣе у Шмидта фигурируетъ слово **ѣлень**, а которомъ мы уже отмѣтили, что оно должно было имѣть нѣкогда разноступенное склоненіе: въ однихъ падежахъ была основа elen, въ другихъ—eln; elen, значитъ, не есть полногласіе, а есть сильный видъ основы, и не произошло изъ eln черезъ Шмидтовскую svarabhakti, а наоборотъ eln развилось изъ elen. Сравнивая съ разнотемностью, проявляющейся у этого слова, санскр. разнотемность какого-ниб. слова radžan—им. rā́džā, род. rā́džńas, вин.

rā̀dž̄ānam, мы легко могли бы предположить, что слав. ѥлень имѣло также нѣкоторыя формы съ ѣ на второмъ мѣстѣ. Вотъ къ подобнымъ формамъ можетъ восходить затрудняющая насъ огласовка слова желѣзо. Желѣзо въ такомъ случаѣ предполагаетъ огласовку ghelēǵh, лит. geležìs—gheleǵh, другая лит. форма gelžìs—ghelǵh, греч. χαλκός—gh l̥ǵh.—Наибольшее сходство со словомъ ѥлень имѣетъ, приводимое также у Іог. Шмидта, слово пелена, которое является въ такомъ видѣ въ староцерк., серб., болгар., хотя въ староцерк. отмѣчена и форма плѣны (мн. ч.); мы по-серб. видимъ п е л ѐ н а, по-болг. п е л е н á; у Словенцевъ однако plenà, уменьшительное plenica. Кажется, не будетъ слишкомъ смѣло предположить для него древнѣйшее склоненіе съ согласной основой; т. е. какой-нибудь имен. pélō, род. pelnós, вин. pelénm̥, при чемъ, значитъ, изъ однихъ падежей идетъ ele, изъ другихъ el, которое по староцерковной фонетикѣ дало лѣ.

Возвращаясь къ возраженіямъ Ягича противъ Шмидта, я долженъ отмѣтить еще одинъ изъ доводовъ послѣдняго, который ему представлялся особенно вѣскимъ. По мнѣнію Шмидта въ нѣкоторыхъ словахъ староцерковная огласовка развивается такъ сказать на нашихъ глазахъ изъ полногласія. Онъ видитъ такое явленіе въ словѣ пладьне: пладьне произошло-де изъ полодьне. Однако формы полодьне не встрѣчается, и предполагать ее вовсе не слѣдуетъ. Вѣдь полъ половина есть слово уковаго склоненія — полъ, род. полоу; значитъ, оно, хотя и могло явиться въ составѣ сложенія въ видѣ поло (такъ какъ по-славянски *о* сдѣлалось обыкновеннымъ «соединительнымъ» гласнымъ), но нѣтъ никакой надобности въ этомъ; органическая же форма была бы полъдьне. Однако и этой формы не встрѣчается. Для объясненія нашего пладьне удобнѣй всего предполагать, что основа была первоначально согласная, а въ такомъ случаѣ плад- вм. полд- представляетъ обыкновенныя условія появленія ла вм. ол: какъ *голва дало глава, такъ и *полдьне дало пладьне. Подобнымъ же образомъ можно толковать, и притомъ рѣшительнѣе, слово четврѣдьневьнъ (эпитетъ Лазаря). Шмидтъ выводитъ -рѣ- изъ -ере-, но совершенно произвольно. По замѣчанію Ягича написаніе -ере- почти не встрѣчается (мнѣ кажется, что оно даже совсѣмъ не встрѣчается), но является колебаніе между -еро-, -еръ-, ерѣ- и даже -ѣрѣ-. Можно думать, что окончаніе пер-

вой части было непонятно для писца; но съ точки зрѣнія сравнительной грамматики, думается мнѣ, эту форму слѣдуетъ считать совершенно ясной, а толковать ее можно такъ же какъ пладьне, т. е. видѣть въ первой части согласную основу четвер-, которая представляла при соединеніи съ д тѣ условія, при которыхъ въ староцерк. возникаетъ вм. ер—рѣ. Меньше еще вѣсу, чѣмъ указанные примѣры, имѣетъ скралоупа рядомъ со скорлоупа. [1]) Нѣкоторымъ словамъ, приводимымъ Шмидтомъ, нельзя впрочемъ отказать въ извѣстной долѣ убѣдительности: таково заимствованное народное названіе σαραχηνός, которое по-слав. является въ формѣ срацинъ; тутъ дѣйствительно, греч. -αρα- замѣнено черезъ -ра-. Можно однако допустить, что изъ греч. σαραχηνός русскіе сдѣлали сороцинъ, а потомъ эту форму, которая могла показаться полногласной т. е. руссизмомъ, передѣлали на церковный ладъ. Еще Шмидтъ сопоставляетъ τέρεμνον со слав. трѣмъ, считая трѣмъ заимствованнымъ изъ греческаго, въ чемъ можно и сомнѣваться; но, конечно, и при общемъ происхожденіи этихъ словъ τέρεμνον представляетъ нѣкоторый доводъ въ пользу первенства полногласія.—Возраженія Ягича вызвали отвѣтъ Шмидта, напечатанный въ XXIII т. Журнала Сравнительнаго языкознанія. Излагать эти возраженія, хотя иныя изъ нихъ и не лишены значенія, нѣтъ надобности, такъ какъ я къ доводамъ Ягича уже присоединилъ нѣкоторыя оговорки, отчасти взятыя у Шмидта.

Соображенія, высказанныя въ пользу послѣдочной огласовки Лескинымъ, я приведу ниже, теперь же перейду къ третьей группѣ взглядовъ на полногласіе, по которымъ разныя славянскія огласовки одинаково древни и не происходятъ одна изъ другой. Представителемъ этого взгляда является Миклошичъ, который раньше склоненъ былъ исходить отъ староцерковной огласовки, но измѣнилъ свои воззрѣнія въ посвященной этому вопросу монографіи: «О происхожденіи словъ старословенской формы trêt и trat», 1878 г. Trêt и trat—это формулы, въ которыхъ r служитъ общимъ знакомъ для обоихъ плавныхъ (r и l), а t—для другихъ согласныхъ. Пользуясь этой формулой, Миклошичъ для обозначенія

---

[1]) Срв. мой Разборъ Миклошичева Этимологическаго словаря, стр. 147 =Р. Ф. В., т. XXIV, стр. 175, пр. 2. Скорлоупа, конечно, руссизмъ.

полногласія пишетъ teret и torot, а соотвѣтственную польско-лужицкую огласовку обозначаетъ посредствомъ tret и trot. Миклошичъ въ указанной монографіи строитъ праславянскія формы съ передовой огласовкой (tert и tort) и изъ нихъ выводитъ троякую огласовку отдѣльныхъ славянскихъ языковъ. Праславянскій выговоръ былъ, по этой теоріи, bergъ, откуда вышло съ одной стороны брѣгъ, съ другой—берегъ, съ третьей—брегъ. Такимъ же образомъ существовало-де праславян. golva, которое породило съ одной стороны глава, съ другой—голова, съ третьей—глова. Какъ и почему произошло такое измѣненіе, Миклошичъ не говоритъ: онъ довольствуется утвержденіемъ, что Славяне не терпѣли плавныхъ *р* и *л* передъ слѣдующимъ согласнымъ и такъ или иначе старались избавиться отъ подобныхъ созвучій. Миклошичъ, значитъ, только высказалъ свой взглядъ, но отнюдь не доказалъ его.

Непосредственную связь между полногласіемъ и инослав. огласовкой отрицалъ также Петръ Алексѣевичъ Лавровскій, въ статьѣ «О русскомъ полногласіи», помѣщенной въ Извѣст. 2-го отдѣл. Имп. Ак. Н. въ V т., въ «Матеріалахъ для сравнительнаго словаря и грамматики русскаго языка и славянскихъ нарѣчій». Толкованіе полногласія у Лавровскаго довольно странное, но я приведу его для полноты нашего обзора. Лавровскій исходитъ изъ предположенія, что въ праязыкѣ были корни со слоговыми r и l, которые обладали способностью къ подъему; путемъ подъема и получался первый звукъ полногласія, т. е. подобнымъ образомъ, какъ корень tvr въ существит. затворъ является въ видѣ твор, корень stl въ существ. столъ—въ видѣ стол, такъ произошелъ подъемъ и въ какихъ-нибудь корняхъ grd, glv, при чемъ появилось первое *о* въ словахъ городъ и голова, звучавшихъ первоначально гордъ и голва. Чехи и Южные славяне утратили, сохраненную русскими, способность къ подъему—у нихъ напр. въ словахъ trh, plný слышны слоговые r и l, которые порусски путемъ подъема переходятъ въ ор и ол: торг, полный. Утративъ способность къ подъему, Чехи и Южные славяне восполнили ее прибавленіемъ къ r и l другихъ гласныхъ—*а* и *ъ*: вм. голва у нихъ явилось глава, вм. борда—брада, подобнымъ же образомъ бръгъ вм. бергъ. Вліяніемъ этихъ инославянскихъ формъ Лавровскій объясняетъ появленіе въ русскомъ

языкѣ второго гласнаго.—Въ этомъ объясненіи есть цѣлый рядъ странностей. Во первыхъ такъ называемый подъемъ (употребленіе корня въ болѣе сильномъ видѣ) зависитъ отъ строенія слова: словамъ при извѣстныхъ окончаніяхъ свойствена болѣе сильная, или болѣе слабая огласовка корня; значитъ подъемъ является при возникновеніи новыхъ словъ. Рус. волк рядомъ съ чеш. vlk, огласовка котораго совпадаетъ съ праславянскою, не представляетъ подъема, а переходъ l (или замѣнившаго его ьл, ъл) въ ol; рус. языкъ вѣдь не унаслѣдовалъ корня vlk и не образовалъ отъ него вновь существ. в о л к. Точно также у Праславянъ существовало, съ той или другой огласовкой, существ. г о л о в а — Русскіе не вновь образовали это слово, и о подъемѣ на русской почвѣ говорить невозможно. Что до второго гласнаго, то замѣна черезъ ъ и ѣ утраченнаго подъема есть предположеніе странное; странно также заимствованіе этихъ гласныхъ: мы, правда, на каждомъ шагу видимъ заимствованіе словъ, но не звуковыхъ особенностей. Если даже допустить заимствованіе, предположивъ напр. для его оправданія смѣшеніе Русскихъ съ другими славянскими племенами, то это вліяніе вѣроятно породило бы фонемы г о л а в а, б о р а д а и б е р ѣ г съ ятемъ, а не извѣстныя намъ полногласныя фонемы съ двумя *o* или съ двумя *e* [1]. Странной представляется также одна подробность въ теоріи Лавровскаго. Лавровскій говоритъ, что слоги er и el, замѣненные у Югозападныхъ славянъ черезъ *рѣ* и *лѣ*, представляютъ подъемъ r и l слоговыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣдніе восходятъ къ слогамъ ri и li. Ri, li, конечно, могли бы чередоваться съ рѣ, лѣ, еслибы *ѣ* тутъ былъ дифтонговый, однако чередоваться со слогами er, el они никакъ не могутъ. Это ученіе Лавровскій взялъ, повидимому, изъ санскритской грамматики, съ которой вѣроятно былъ мало знакомъ. Д. б., ему представлялись такіе случаи какъ tṛtíya третій отъ корня tri. При теоріи Лавровскаго оказывается также необъясненнымъ, почему развилась послѣдочная огласовка у Поляковъ и Лужичанъ, что̀ онъ и самъ отмѣтилъ. Поляки и Лужичане сохраняютъ «подъемъ»: Поляки не говорятъ напр. trg, а targ, между

[1]) Впрочемъ есть всетаки возможность выводить г о л о в а изъ параллельныхъ фонемъ г о л в а и г л а в а, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

тѣмъ у нихъ является выговоръ broda. Хотя такимъ образомъ объясненіе полногласія у Лавровскаго оказывается весьма неудачнымъ, но статья его вполнѣ заслуживаетъ упоминанья потому, что Лавровскій далъ подробное сопоставленіе славянскихъ словъ между собой и со словами родственныхъ языковъ—отмѣтивъ, какія явленія соотвѣтствуютъ полногласію въ другихъ славянскихъ и неславянскихъ языкахъ. Кромѣ того, кажется, и въ самомъ объясненіи есть таки доля правды. Мнѣ представляется невозможнымъ объяснять разнообразныя огласовки плавно-чистыхъ созвучій исключительно звуковымъ путемъ, и я склоненъ допустить здѣсь, въ томъ или иномъ видѣ, подражательное измѣненіе словъ.

Изслѣдователи нашего вопроса, по моему, прекрасно опровергаютъ другъ друга, но ни одинъ самъ не выставилъ убѣдительной теоріи. Весьма странно, какъ мы уже отмѣтили, перестановка, или же прохожденіе гласнаго сквозь плавный, каковыя приходится предполагать при любомъ изъ предложенныхъ объясненій. Одинаково, говорю я, непонятно, какъ форма городъ могла дать гроодъ, изъ чего потомъ грōдъ и градъ, и какъ градъ или грōдъ могло разложиться въ гроодъ, откуда потомъ городъ. Непонятно также, почему глава въ такомъ случаѣ разложилось въ голова, а прилаг. слабъ сохранилось безъ разложенія. Для послѣдняго затрудненія указана однако возможность оправданія Лескинымъ. Лескинъ въ III т. Архива Славянской филологіи помѣстилъ «Замѣчанія къ вопросу о полногласіи» (Bemerkungen zur Svarabhaktifrage). Лескинъ обратилъ вниманіе на аналогію, представляемую однимъ явленіемъ Нижнелужицкаго языка, явленіемъ, которое на первый взглядъ можно бы истолковать въ пользу первенства полногласія, но которое требуетъ иного объясненія. Явленіе это слѣдующее. У Нижнихъ лужичанъ звукъ r, слѣдуя за безголоснымъ смычнымъ согласникомъ, т. е. за звуками k, t, p, превращается въ š: основному просити, русск. просить, но-нижнелуж. соотвѣтствуетъ pšosyś; основному просо—pšoso, основному трохл малость—tšocha, основному кротъ, русск. крот,—kšet, инфинитиву трасти, русск. трясти, соотвѣтствуетъ tśeść (ś—знакъ мягкаго ш). Въ противуположность указаннымъ случаямъ, въ которыхъ r во всѣхъ славянскихъ языкахъ слѣдуетъ за k, t, p, тѣ случаи, гдѣ русскій языкъ представляетъ полногласіе, сохраняютъ звукъ

r, напр. праса, рус. поросёнокъ не будетъ pšose, а prose; староц. страна, рус. с т о р о н а не будетъ stšona, а strona, глаголъ прати, рус. п е р е т ь не будетъ pŕeś, а pŕeś. Это вотъ явленіе можно бы, какъ замѣчаетъ Лескинъ, обратить въ пользу полногласія—сказавъ, что, очевидно, въ то время, когда у Нижнихъ лужичанъ совершался переходъ созвучій kr, tr, pr въ kš, tš, pš, такія слова какъ праса не представляли еще соприкосновенія звуковъ k, t, p съ r, а представляли полногласіе, только впослѣдствіи измѣненное, т. е. когда вм. prosо стали произносить pšoso, говорили еще porose, и лишь позднѣе совершилось выпаденіе перваго *o*, и тогда уже превращенія r не произошло. Однако такое толкованіе было бы ошибочно, потому что можно указать письменный памятникъ XVI столѣтія, гдѣ нѣтъ еще превращенія r послѣ указанныхъ согласныхъ, т. е. пишется prosyś, но уже существуетъ послѣдочная огласовка. Значитъ, объяснять отмѣченную двойственность какъ слѣдъ полногласія не приходится. Лескинъ предлагаетъ видѣть въ разсматриваемыхъ случаяхъ двоякій выговоръ r. Дѣйствительно, можно предполагать, что звукъ r, имѣвшій предъ собой согласные k, t, p, издавна пріобрѣлъ нѣсколько иной оттѣнокъ, чѣмъ въ тѣхъ словахъ, гдѣ не было такого соприкосновенія. Можно, такимъ образомъ, думать, что разсматриваемое явленіе восходитъ къ двоякости праславянскаго r: r въ какомъ-нибудь словѣ трава, гдѣ r издавна стоялъ послѣ t, могъ отличаться отъ r въ словѣ страна, восходящемъ къ дославянскому *storna. Вотъ на этой двоякости, м. б., и основывается та двойственность, которая насъ затрудняетъ въ русскомъ языкѣ: т р а в а, но с т о р о н а и т. п. Конечно, вопросъ о полногласіи и этимъ не рѣшается вполнѣ: мы, правда, поймемъ, что своеобразный r могъ выдѣлить изъ себя новый гласникъ, такъ что какая-нибудь фонема б *о* р *а* д а была бы понятна, но зачѣмъ же б о р о д а: зачѣмъ звукъ *a* измѣнился въ *o*? Непонятна также польская и лужицкая огласовка: зачѣмъ тамъ вмѣсто *a* появляется *o*, вм. *ъ—е*?

Въ виду всего выше изложеннаго, мнѣ казалось бы нужнымъ предположить въ праславянскомъ языкѣ двоякую огласовку занимающихъ насъ созвучій. Это указано въ одномъ примѣчаніи къ первой таблицѣ моего «Начертанія славянской акцентологіи» (стр. 233). Въ виду господствующей во всѣхъ неславянскихъ язы-

кахъ передовой огласовки, древнѣйшему славянскому языку, кажется, приходится вмѣстѣ съ Миклошичемъ приписать такую же огласовку, т. е. предположить фонемы **борда**, **голка**, **беркъ**, **мелко**. Съ другой стороны, однако, согласіе Южныхъ славянъ съ Чехами, языкъ которыхъ вообще довольно далекъ отъ языка Южныхъ славянъ, говоритъ въ пользу того, что и послѣдочная огласовка есть явленіе праславянское, т. е. что кромѣ фонемъ **борда**, **голка**, **беркъ**, **мелко** существовали **брада**, **глака**, **бракъ**, **малко**. Изъ указанныхъ дублетовъ съ удобствомъ можно объяснять существующее разнообразіе—иные Славяне просто сохранили одни изъ дублетовъ (**брада**, **глака** и т. д.); у Поляковъ же и Лужичанъ можно предположить сдѣлку между фонемами **борда** и **брада**, **беркъ** и **бракъ**, породившую сумѣски broda и breg, въ которыхъ постановка гласнаго идетъ изъ одной фонемы, качество—изъ другой. Русскій языкъ, по моему мнѣнію, произвелъ прежде всего ту же сдѣлку, какъ польскій и лужицкій, а потомъ слилъ получившіяся фонемы въ одну, сохранивъ огласовку обѣихъ, такъ, что изъ **борда** и **брода** вышло полногласное *б о р о д а*. Но ка́къ, спрашивается, понять двойственность **брада** и **борда**? Не отстрочиваемъ ли мы только этимъ объясненіемъ наши затрудненія? Вѣдь всетаки формамъ послѣдочной огласовки, не появляющимся внѣ славянскихъ языковъ, приходится приписать вторичное возникновеніе въ общеславянскомъ языкѣ. Однако существуетъ теорія, которая, если справедлива, можетъ насъ вывести изъ затрудненія. Именно, выставлено предположеніе (К р у ш е в с к и м ъ, въ V т. Рус. Фил. Вѣстн., въ работѣ «Къ вопросу о ґунѣ»), что славянскія *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ* соотвѣтствуютъ иногда долгимъ слоговикамъ праязыка, т. е. r̄ и l̄. Пришлось бы, значитъ, предположить въ данныхъ корняхъ колебаніе между огласовкой черезъ *о* и *е* и черезъ долгіе слоговики: построить праязычное склоненіе bhórdhā, родит. bhr̄dhás, изъ чего по-славянски развилось бо́рда, брады́—съ колебаніемъ огласовки по падежамъ, впослѣдствіи устраненнымъ черезъ примѣненіе ихъ другъ къ другу.

При моемъ толкованіи полногласія падаетъ также нѣкоторый свѣтъ на одно весьма загадочное явленіе, которое, впрочемъ, и такъ не вполнѣ выясняется. Я разумѣю то обстоятельство, что староцерковному созвучію лѣ по-русски соотвѣтствуетъ не только *еле*, но и *оло*. *Еле* мы видимъ въ словѣ ж е л е з а́, словенская

форма котораго есть žléza или žlézda, сербская жлијѣзда; видимъ также въ словѣ селезёнка, при которомъ стоитъ старославянское слѧзена (встрѣчается, впрочемъ, также написаніе слезена), и въ словенскомъ мы находимъ slezena, и въ сербскомъ слезѣна (окончаніе -ена по-сербски замѣнено обычнымъ суффиксомъ -ина). Въ большинствѣ случаевъ мы однако видимъ не *еле*, а *оло*: при старославянск. млѣко стоитъ рус. молоко́. Млѣко проходитъ по другимъ славянскимъ языкамъ съ обычной варьяціей. Подобнымъ же образомъ мы имѣемъ форму молóзиво (первое молоко посотёлу), вмѣсто старославянск. млѣзиво съ ѣ; глаг. полóть въ старославянск. формѣ будетъ плѣти; старославянск. длѣто (оно не встрѣчается, но можетъ быть предположено на основаніи серб. дијѣто и словен. dléto), по-русски произносится долото́ [1]). Подобное же явленіе какъ русское *оло* вм. ѣ, замѣчается и у сѣверозападныхъ Славянъ—у Чеховъ, Поляковъ, Лужичанъ. Такъ, слово долото́ находитъ себѣ ближайшее соотвѣтствіе въ языкѣ чешскомъ, гдѣ оно звучитъ dláto; въ польскомъ является фонетически не совсѣмъ ясное—dłuto, уменьшительное dłutko. По-польски u нерѣдко происходитъ изъ *o* при извѣстныхъ условіяхъ, которыя отчасти существуютъ въ уменьшительномъ dłutko, поэтому можно думать, какъ обыкновенно и дѣлаютъ, что dłutko есть неэтимологичное написаніе, и что слѣдовало бы писать, вм. u, ó; въ форму же dłuto u могло зайти изъ уменьшительнаго. Впрочемъ, можно также думать, что слово это заимствовало огласовку черезъ u отъ однокореннаго глагола dłubać долбить, что въ переложеніи на старославянск. звуки будетъ длѣбати. Но, какъ бы то ни было, едвали подлежитъ сомнѣнію, что польское dłuto замѣнило первоначальное dłoto, равное чеш. dláto, рус. долото́. Далѣе мы въ соотвѣтствіе рус. молоко́ по-поль., рядомъ съ mleko, находимъ другое существ.

---

[1]) Въ старославянск. памятникахъ, правда, употребляется это слово въ видѣ длато, но длато можетъ быть просто неправильнымъ измѣненіемъ русской формы на старославянскій ладъ: при томъ согласіи, которое вообще существуетъ относительно огласовки плавно-чистыхъ созвучій между старославянскимъ и другими южно-славянскими языками, едвали можно сомнѣваться, что по-старославянскому было длато, а не длато.

młokos молокососъ [1]). Еще мы въ польскомъ видимъ твердый согласный и широкую огласовку въ соотвѣтствіе рус. м о л о́ з и в о, а именно говорятъ młodziwo. Młodziwo представляетъ явное переиначеніе: dź вм. ź идетъ изъ прилаг. młody, но едвали оттуда же заимствована огласовка: еслибы по-польски основная фонема была mleziwo, то ее не стали бы примѣнять къ мало-похожему прилаг. młody: вѣроятно, было młoziwo. Далѣе мы видимъ въ соотвѣтствіе рус. ж о́ л о б (при староцерк. жлѣбъ, серб. ж л и̏ ј е б, слов. žléb), чешск. žlab, поль. żłób, род. żłobu; также у Лужичанъ (у Верхнихъ, какъ у Нижнихъ)—żłob. И слово ж е л е з а́, которое въ рус. языкѣ представляетъ узкую огласовку, встрѣчается съ огласовкой широкой, рядомъ съ узкою, у Чеховъ; это слово у Чеховъ имѣетъ троякій выговоръ: hlíza, hláza и žláza.

Основная форма въ указанныхъ словахъ, повидимому, представляла *e*; объ этомъ можно заключить уже по такимъ случаямъ, какъ жлѣбъ, ж о́ л о б, гдѣ произошло смягченіе, указывающее на соприкосновеніе согласнаго съ узкимъ гласнымъ. Можно сослаться также на родственные языки: при глаголѣ в о л о́ ч ь, староцерк. влѣшти, стоитъ литов. velkù съ *e*. Въ третьихъ въ этомъ же смыслѣ говоритъ явно заимствованное слово ш е л о м, ш л е м, равное готскому hilms, нѣмецкому Helm. Но, конечно, существованіе передовой огласовки черезъ *e* не мѣшаетъ предположенію, что рядомъ съ нею могли существовать другія формы съ огласовкой послѣдочной.

Для объясненія славянскаго колебанія при звукѣ l между широкимъ и узкимъ гласникомъ I о г. Ш м и д т ъ ссылается на вліяніе твердаго ł. У нѣкоторыхъ Славянъ развился-де твердый ł, и подъ его вліяніемъ произошло разширеніе, т. е. еще въ праславянской рѣчи въ нѣкоторыхъ областяхъ изъ древняго želbъ сдѣлалось żełbъ съ твердымъ ł, который потомъ повліялъ на *e*, и вышло żołbъ. Фонема želbъ, становясь полногласной, дала želebъ, а фонема żołbъ—żołobъ, потомъ со стяженіемъ получилось žlêbъ и žlabъ. Объясненіе это однако не годится. Разширеніе *e* въ *o* никакъ не можетъ считаться явленіемъ праславянскимъ: несомнѣнно, что рус-

[1]) Насчетъ соотношенія польскаго młokos и рус. м о л о к о с о с ъ ср. мой Разборъ Миклошичева Этимологическаго словаря, подъ словомъ Melko.

ское полногласіе древнѣе разширенія; такъ что предполагать форму žołъ и изъ нея žołobъ не приходится. Нѣсколько яснѣе представляется это дѣло при моемъ взглядѣ на полногласіе. Можно предположить колебаніе по падежамъ; такъ отъ слова ж е л е з а́ имен. могъ быть *желѧ, род. глѧ; изъ формы *глѧ мы прямо и будемъ выводить чешское hláza; žláza объяснимъ примѣненіемъ къ тѣмъ падежамъ, гдѣ было ж. Примѣнясь къ такимъ падежамъ, какъ *желѧ, *глѧ могло вм. ā получить ē (ѣ), т. е., сохранивъ долготу, но усвоивъ окраску отъ другихъ падежей, ā могло замѣниться черезъ ē. При полномъ примѣненіи огласовки родительнаго къ именительному, могло возникнуть *желѧ, *глѧ, а далѣе ж е л е з а́. Однако какое-нибь м о л о к о́ можно вывести изъ основного *млеко, род. млака не иначе какъ при содѣйствіи такихъ формъ, какъ *колто, род. клта — безъ нихъ могло бы возникнуть только млако, *млако, *мелко, *мелко.

Остановимся теперь на другой особенности русскаго языка, которая также не повторяется въ инославянскихъ языкахъ. Это есть появленіе звука *о* вм. старопцерковныхъ ы и звука *е* вм. старопцерковнаго ѣ, которое замѣчается передъ *j*. Вмѣсто старопцерк. фонемъ мын!, мык мы имѣемъ по-русски м о й!, м о́ й у, а въ какомъ-нибудь родит. падежѣ людии по-рус. является е—л ю д е́ й. Это превращеніе даже не есть общерусское: оно господствуетъ только въ великорусскомъ нарѣчіи, но не въ бѣлорусскомъ и не въ малорусскомъ. Происходитъ такое измѣненіе въ слѣдующихъ случаяхъ. *О* вм. ы является 1) въ имен. ед. ч. муж. рода членовыхъ прилагат.: з л о й вм. ѕълын, д о́ б р о й вм. добрын. (Основной великорус. формой слѣдуетъ считать д о б р о й, теперешнее д о б р ы й ореографическій славянизмъ, который впрочемъ и фонетически находитъ себѣ оправданіе, такъ какъ ы довольно хорошо изображаютъ тотъ глухой выговоръ, который слышится вм. безударныхъ *о* и *а* въ закрытомъ слогѣ). 2) Мы находимъ такое измѣненіе у нѣсколькихъ глаголовъ, въ настоящемъ времени и въ повелит. наклоненіи; это глаголы: в ы т ь, к р ы т ь, м ы т ь, р ы т ь, н ы т ь. 3) Мы видимъ это измѣненіе въ нѣкоторыхъ родственныхъуказаннымъ глаголамъ существительныхъ; напр. в о й при глаг. в ы т ь, п о р т о м о́ й к а при глаголѣ м ы т ь, з е м л е р о́ й к а при глаг. р ы т ь.

Звукъ *е* вм. и является въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ имен. ед. ч. муж. рода членовыхъ прилагат., гдѣ мы пишемъ *і*, подобно тому, какъ въ твердомъ различіи пишемъ *ы*, но основнымъ великорус. окончаніемъ слѣдуетъ считать *ей*; напр. си́ней, лу́чшей. 2) Въ родит. пад. мн. ч.: люде́й, косте́й и т. д. 3) Въ настоящ. и повелит. глагола брить: брѣю, брѣй, гдѣ, правда, обыкновенно пишутъ *ѣ*, но совершенно произвольно. 4) Въ повелит. глаголовъ бить, вить, пить, шить. И наконецъ 5) въ нѣкоторыхъ существ.: воробе́й, солоне́й, мураве́й, же́ребей, и́ней, змѣй и змѣя́ (въ двухъ послѣднихъ мы пишемъ *ѣ*, но безъ надобности). Изъ указанныхъ случаевъ употребленія *е* вм. и нѣкоторые повторяются и въ малорусскомъ, а именно, мы находимъ сущ. солове́й и род. падежи на *е*: свине́й, діте́й, хотя есть также свини́й и т. п., и у Бѣлоруссовъ здѣсь является *ей*; но въ большинствѣ случаевъ Малороссы и Бѣлоруссы, какъ уже сказано, согласны съ остальными Славянами.

Въ указанной особенности великорусскаго языка видятъ обыкновенно вторичное звуковое измѣненіе. Однако, еслибы совершился переходъ звука ы въ *о* и звука и въ *е* передъ j, то не могли бы существовать такія формы, какъ злы́йа̄, друг'и́йа̄. Мнѣ кажется (по этому вопросу есть моя статейка въ V т. Р. Ф. В.), что *о* и *е* слѣдуетъ выводить изъ ъ и ь, которые первоначально чередовались съ ы и и. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это очень легко допустить; та́къ прилагат. ꙁълъи имѣло древнѣйшую форму ꙁълъи; такъ и для сии̂ни основная форма есть сии̂ьи. Точно также и родит. на ии имѣютъ при себѣ дублеты, представляющіе ьи—людьи. Существительнымъ на *ей*, какъ сълав'е́й, въраб'е́й, естественно приписать первоначальное окончаніе ьи уже вслѣдствіе бѣглости звука *е* (родит. сълав'jа́, въраб'jа́). Также у глаголовъ, представляющихъ *е* вм. и, мы видимъ бѣглость коренного гласнаго—пью рядомъ съ пей; въ томъ же смыслѣ свидѣтельствуютъ настоящ. шью, бью, вью. Особое положеніе занимаетъ повелит. лей при наст. лью; его можно бы объяснить изъ льи; но, такъ какъ обыкновенное наст. въ староцерк. есть лѣѭ и повелит. лѣи (съ ѣ), то здѣсь можно возводить *е* къ ѣ. Въ пользу древности ь въ указанныхъ случаяхъ говоритъ языкъ чешскій: въ старочеш. языкѣ существуютъ формы bju, pju вм. позднѣйшихъ biji,

рііі. Подобнымъ же образомъ я для глаголовъ съ *о* вм. ы предполагаю наст. и повелит. съ ъ—мъкъ, мъни. Можно спросить, конечно, почему тутъ ъ не онѣмѣлъ, находясь въ открытомъ слогѣ. Но сохраненіе ера легко объясняется тѣмъ, что на него падало удареніе, а ударяемый гласный онѣмѣть не могъ. Чередованье ы съ ъ, и съ ь въ корняхъ и суффиксахъ вполнѣ понятно: оно аналогично тому чередованію, которое мы дѣйствительно имѣемъ въ староцерк., напр. въ настоящемъ ѣтъ при инфинитивѣ ѣсти. Кромѣ указанныхъ словъ, въ которыхъ переходъ, по-моему мнимый, совершался передъ j, есть одно слово, гдѣ русскій языкъ представляетъ звукъ *о* вм. ы передъ другимъ согласнымъ; это нарѣчіе нонѣ вм. нынѣ. И здѣсь очень легко предположить колебаніе между ы и ъ, т. е. первоначально между ū и ŭ. Мы дѣйствительно по-греч. видимъ νῦ рядомъ съ νῦν, по-санскр. nū и nŭ. Въ этомъ случаѣ мнѣ кажется было нъıнъ и *нъıнь-ге, и впослѣдствіи стали примѣнять одну форму къ другой и говорить не только нонъче, но и нонѣ, нонѣшній. Слѣдуетъ замѣтить, что противъ моего толкованія можно сослаться на исторію языка: Колосовъ отмѣчаетъ, что ей вм. ій встрѣчается только съ XII или начала XIII вѣка, а ой вм. ый въ XIII, или въ началѣ XIV в. Приблизительно тоже самое говоритъ Потебня: «въ началѣ XIII ст. является ей, которое въ началѣ XIV уже господствуетъ». Мнѣ однако кажется, что эти данныя не мѣшаютъ допустить, что великорусское нарѣчіе своими *о* и *е* восходитъ къ ъ и ь. Писцы могли подъ книжнымъ вліяніемъ предпочитать написанія ы и и—вѣдь еще до недавняго времени у насъ писали злый. Могли такому употребленію буквъ ы и и вм. о и е или же ъ и ь содѣйствовать мѣстные говоры: уроженецъ юга или запада, говорившій, слѣдовательно, языкомъ, который впослѣдствіи развился въ малорусское или бѣлорусское нарѣчіе, конечно, могъ писать *ы* и *и* по свойству своей рѣчи.

Разсмотримъ теперь нѣсколько подробнѣе явленіе, котораго приходилось касаться уже по другимъ поводамъ — малорусское сжатіе или наклоненіе гласныхъ, при которомъ исконные *о* и *е* переходятъ въ *і*. Наклоненіе или сжатіе имѣетъ мѣсто въ закрытыхъ слогахъ: основное колъ даетъ віл, родит. однако волá; таковы же ніс—нóсу, кість—кóсти; лід (ледъ)—

л е́ д у. Это явленіе не во всѣхъ областяхъ Малороссіи вполнѣ одинаково. Прежде всего замѣтимъ, что звукъ *і*, возникающій изъ первоначальнаго *о*, произносится различно: въ говорахъ Галиціи это *і* у м я г ч и т е л ь н о е, значитъ, совпадаетъ съ исконнымъ *ѣ*; напротивъ того на Волыни и въ Подольѣ оно неумягчительно, значитъ, совпадаетъ съ исконнымъ *и*; на Украйнѣ оно вообще умягчительно, но лишь слегка умягчаетъ звуки *н* и *л*. Такимъ образомъ въ словѣ л і й, основномъ лон, слогъ лі не совпадаетъ со слогомъ лі въ словѣ л і с, гдѣ і вполнѣ мягкое, въ словѣ же л і й оно тоже мягко, но въ меньшей степени, съ чѣмъ соединенъ также двоякій выговоръ *л*; такимъ же образомъ въ словѣ н і с (н о с ъ) *и* и *н* мягкія, но мягкость не столь значительна, какъ въ словѣ н і́ м е ц ь. Какъ изъ всякаго звукового закона, такъ и изъ этого закона есть исключенія, которыя однако обыкновенно объясняются очень легко и просто. Есть, вопервыхъ, такіе случаи, гдѣ наклоненію подвергаются прояснившіеся *ъ* и *ь*, напр. слова́ б р о в а́ (староцерк. брѣвьнь), д р о́ в а́ (дрѣва) образуютъ род. мн. б р і в, д р і в. Очевидно, здѣсь происходитъ подражаніе словамъ со звукомъ *о* исконнымъ; точно такъ же объясняется уменьшит. б р і́ в к а вм. органическаго б р о́ в к а. И полногласное *о* сжатію не подвержено; однако здѣсь также есть, но опять-таки рѣдкія, исключенія: та́къ, слово б о р о н а́ можетъ образовать род. мн. б о р о́ н и б о р і́ н; б е р е́ з а—б е р е́ з и б е р і́ з: очевидно и это і плодъ подражанія. Мы находимъ также иногда *і* вм. *о* въ открытыхъ слогахъ; напр. уменьшит. г в і з д о́ к не должно бы имѣть звука і, а должно бы звучать г в *о* з д о́ к; таково же слово к і л о́ к (кол) и родительные г і р о́ к, к і з о́ к; не ожидали бы мы встрѣтить и уменьшительнаго второй степени н і́ ж е ч к а къ слову н о г а́. Однако всѣ эти формы объясняются вліяніемъ ближайшихъ къ нимъ формъ; именно, г в і з д о́ к и к і л о́ к взяли свое *і* у косвенниковъ—г в і з д к а́, к і л к а́, г в і з д к у́, к і л к у́ и т. д.; род. к і з о́ к основывается на законномъ сжатіи въ остальныхъ падежахъ—к і́ з к а, к і́ з к и и т. д.; уменьшит. второй степени н і́ ж е ч к а взяло свое *і* отъ уменьшит. первой степени н і́ ж к а. Есть также нѣкоторыя исключенія въ другую сторону—случаи сохраненія *о* и *е* тамъ, гдѣ мы ожидали бы ихъ превращенія. Это должно отчасти объясняться книжнымъ вліяніемъ. Таково слово Б о г, которое, впрочемъ, встрѣчает-

ся и въ формѣ Біг, напр. дáсть Біг, помогáй Біг, спасúбі. Съ такимъ же книжнымъ *о* является слово год (настоящее малорусское названіе года есть рік—поль. rok), при производномъ погíдчата (дѣти-погодки); таковы же словá Госпóдь, дом (дом по-малорус. хáта), гром, рядомъ съ которымъ есть и грім. Далѣе исключенія представляютъ нѣкоторыя глагольныя формы: ведéш, ведéцця, гдѣ, очевидно, было вліяніе другихъ лицъ, напр. 3-го л. безъ суффикса—ведé.

По сравненію съ другими славян. языками слѣдуетъ считать несомнѣннымъ, что малорус. *і* вм. *о* и *е* восходитъ къ первоначальной долготѣ, т. е. что первоначально происходило въ закрытыхъ слогахъ продленіе, и потомъ уже это количественное измѣненіе повело къ качественному.

Подобное же сжатіе, какъ въ въ малорусской рѣчи, существуетъ въ языкахъ чешскомъ, польскомъ, лужицкомъ и сербскомъ. Притомъ въ сербскомъ языкѣ дѣйствительно является долгота, точно также и въ чешскомъ, только чешская долгота соединена и съ качественнымъ измѣненіемъ гласнаго. Не пускаясь въ подробности, отмѣчу серб. Бо̄г—Бо̄га, лѣ̄д—лѣ̄да (или, употребляя знаки сербскихъ словарей и грамматикъ, Бо̂г—Бо̑га, лѣ̂д—лѣ̑да); по-чешски мы имѣемъ Bůh—Boha. Въ чешскомъ мы видимъ ū, которое по этимологическимъ соображеніямъ обозначается черезъ o͡u, въ болѣе старомъ языкѣ здѣсь былъ дифтонгъ uo, еще раньше—ō.

Также и малорусское сжатіе м. б. проходило черезъ эти ступени. Дѣло въ томъ, что въ областной малорусской рѣчи существуютъ дифтонги уо, уе, уа, уі, также просто у и ў; такіе дифтонги и монофтонги встрѣчаются въ разныхъ областяхъ: въ губерніяхъ Сѣдлецкой, Ковенской, Черниговской, на Угорской Руси. Потебня, Житецкій и Огоновскій, видя въ этихъ звукахъ остатокъ старины и думая, что они представляютъ переходныя ступени отъ ō къ теперешнему і, строятъ длинный рядъ переходовъ. Я затрудняюсь съ ними согласиться и не считаю нужнымъ приводить ту послѣдовательность, въ которой они располагаютъ этотъ переходъ звуковъ. Въ говорахъ, представляющихъ дифтонги вм. *о*, тѣ же дифтонги замѣняютъ и первоначальное *е*, только что предшествующій согласный мягокъ; напр. тамъ, гдѣ говорятъ

вуол вм. віл, тамъ также говорятъ и ѣуод вм. лід. Поэтому указанные ученые и сжатіе *e* проводятъ черезъ тѣ же ступени, какъ сжатіе *o*. Потебня, впрочемъ, дѣлаетъ исключеніе для тѣхъ случаевъ, гдѣ *e* стояло передъ согласнымъ мягкимъ, такъ что трудно предположить разширеніе его въ *o*, напр. ка́мі́й, ка́ме́ня: здѣсь Потебня выводитъ *i* прямо изъ *e*. Мнѣ казалось бы, къ чему склоненъ и Ягичъ, что естественнѣй выводить *i* изъ *e* и *o* безъ посредства дифтонговъ, считая дифтонги побочнымъ явленіемъ областной рѣчи. Но, и не проводя звука *e* черезъ всѣ эти ступени, всетаки можно объяснять ими *i* на мѣстѣ *o*. Въ пользу дифтонговъ говоритъ обычность передъ сжатымъ *o* призвука: подвергшееся сжатію начальное *o* всегда имѣетъ передъ собой *в*, напр. слово окно́ звучитъ вікно́, слово овéць (род. мн.) стоитъ при именит. вівцá; орéл образуетъ род. вірлá. Съ одной стороны не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что звукъ *e* не могъ развиться фонетически передъ *i*, а съ другой—первая часть дифтонга *уо* легко могла перейти въ *в*. Можно думать, что изъ основного ōрлá, которое мы имѣемъ въ серб. языкѣ (имен. ò р а о, род. о́ р л а), развилась форма уорлá, перешедшая сначала, смотря по тому, предшествовалъ ли гласный звукъ или согласный, въ ворлá и ірлá, а затѣмъ, какъ плодъ сдѣлки между этими двумя фонемами, появился выговоръ вірлá. Въ виду показанія другихъ славянскихъ языковъ, мнѣ кажется, надо возводить начатки продленія въ закрытомъ слогѣ звуковъ *o* и *e* къ праславянской порѣ, т. е. надо думать, что подъ конецъ этого періода началось ослабленіе ъ и ь, рука объ руку съ которымъ шло усиленіе другихъ е́ровъ и ерей и продленіе чистыхъ гласныхъ въ предшествующихъ слогахъ—въ реченіяхъ сънъ, дьнь, домъ, ледъ конечный слогъ ослабѣвалъ, а начальный усиливался. Объ этомъ нѣсколько подробнѣй говорится въ моей «Славянской акцентологіи», въ дополнительной главѣ о количествѣ. Предположивъ, что продленіе началось еще въ праславянской рѣчи, естественно думать, что оно должно было существовать и въ основномъ русскомъ языкѣ. Я склоненъ предполагать, что какое-нибудь слово н о с въ основномъ рус. представляло ō; вмѣстѣ съ тѣмъ я думаю, что вмѣсто срединнаго ъ въ такихъ случаяхъ было ŏ напр. с ŏ н; соотвѣтственно тому л ē д представляло ē, а д е н ь—ĕ. (Возможно, конечно, что

въ основномъ русскомъ уже не было долготы, а что она была замѣнена качественнымъ измѣненіемъ гласнаго). Держась такого мнѣнія, я долженъ допустить, что, тогда какъ въ малорусской рѣчи фонемы съ продленными или же нѣсколько измѣненными въ качественномъ отношеніи звуками *о* и *е* продолжали развиваться фонетически и дошли до звука *і*, въ великорусской онѣ были устранены путемъ подражанія: л е д и н о с утратили свои долгія или своеобразныя *о* и *е*, заимствовавъ краткія или обыкновенныя *о* и *е* у косвенниковъ. Такимъ образомъ малорусское сжатіе представляетъ слѣды древняго количества, м. б., правда, не русскаго, а только праславянскаго. Въ пользу того, что долгота существовала и въ самомъ русскомъ, можно сослаться на нѣкоторыя областныя формы. Кое-гдѣ (въ Гродненской и Ковенской губ.) слышится, будто-бы, вмѣсто сжатаго *о* просто ō; если это вѣрно, то въ этомъ можно видѣть глубокій архаизмъ.

Въ обыкновенной русской рѣчи настоящаго к о л и ч е с т в а не существуетъ; мы видѣли, впрочемъ, что безударные гласные представляютъ количественные оттѣнки: что они неодинаково кратки. Существуетъ далѣе, въ областной рѣчи, какая-то д о л г о т а, о которой, однако, свѣдѣнія весьма скудны. Колосовъ въ Вятской губерніи подмѣтилъ случаи долготы, не зависящей, по его мнѣнію, отъ ударенія. Онъ приводитъ напр. глаголъ синѣ́ти, сущ. о́зеро, нарѣчіе пожа́луйста̄, глаг. вози́тѝ. Указанная долгота едва ли можетъ быть признана древнею, потому что сербскій языкъ въ этихъ случаяхъ (по скольку имѣетъ такія слова) представляетъ краткость: језеро, вòзити, гòр-је-ти. Весьма немногочисленныя фразы, приводимыя Колосовымъ, указываютъ на логическій характеръ этого продленія: «не берутъ то вѣдь ӯжъ, молодые-то не берӯтъ», тутъ видимо продленіе представляетъ риторическій пріемъ. Уже несомнѣнно риторическимъ характеромъ отличается та долгота, которая слышится въ обыкновенной русской рѣчи. Такъ, при удивленномъ вопросѣ мы, кажется мнѣ, употребляемъ восходящее ударе́ніе, сопряженное съ долготой: спрашивая напр. «зачѣ́мъ это?» «когда́ это было?» мы протягиваемъ ударяемый гласный и, кажется, повышаемъ голосъ на второй части. Обыкновенно однако русскіе ударяемые гласные—средней длительности. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ словахъ существуютъ ударяемые гласные б о л ѣ е к р а т к і е,

получающіе притомъ удареніе, похожее на рѣзкое удареніе сербскаго языка и на краткостное—нѣмецкаго. Такой выговоръ гласнаго—краткій съ рѣзкимъ удареніемъ—сопряженъ съ усиленіемъ слѣдующаго согласнаго, которое на письмѣ выражается удвоеніемъ согласной буквы. Можно подобрать довольно много прилагательныхъ съ окончаніемъ нный: бра͡ннъй, бр̓ӓ н͡нъй, в̓ис̓е-н̓н͡ьй, со̏н͡нъй, д̓л̓и̏н͡нъй, палы̏н͡нъй, т̓ш̓угу̏н͡нъй. Подобнымъ же образомъ слышится рѣзкое *о* въ словѣ по̏д͡данъй; точно такъ же въ прилаг. низшій (гдѣ мы пишемъ *з*ш, а этимологически должно бы писать *ж*ш, фонетически—*ш*ш) мы имѣемъ *и* съ рѣзкимъ удареніемъ—н̓и̏ш͡шъй; точно такъ же въ прилаг. вы̏ш͡шъй слышатся *ы* съ рѣзкимъ удареніемъ, а въ словѣ бу̏т͡та—*у* съ такимъ же удареніемъ. Само собой разумѣется, что все дѣло въ произношеніи: иногда мы на письмѣ не обозначаемъ усиленія согласнаго, но въ рѣчи соблюдаемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ произносимъ рѣзкое удареніе. Таково слово поручик, этимологическое написаніе котораго было бы -чщикъ, а фонетическое -т̓т̓ш̓ш̓ик, таково нарѣчіе фпро̏т̓т̓ш̓ш̓им. Такое же удареніе является во 2-мъ л. ед. ч. и въ 3 л. обоихъ чиселъ, равно какъ въ неокончательномъ возвратныхъ глаголовъ, такъ что получаются окончанія -ӓт͡тсса, -а̏т͡тса, -и̏т͡тсса, -о̏т͡тсса, -у̏т͡тсса, -ы̏т͡тсса, -и̏с̓с̓а, -о̏с̓с̓а; такимъ образомъ является выговоръ стара̏т͡тсса, гр̓а̏т͡тсса, ръз̓л̓итат͡тсса, ст̓р̓им̓и̏т͡тсса (въ послѣдней фонемѣ совпадаютъ инфинитивъ и однинное третье-личье настоящаго), (он) н̓ис̓о̏т͡тсса, (ани) н̓ису̏т͡тсса, мы̏т͡тсса, (ты) н̓ис̓о̓с̓с̓а, (ты) ст̓р̓им̓и̏с̓с̓а. Также и наоборотъ, когда согласныя буквы удваиваются, но въ произношеніи этого удвоенья не соблюдается, то предшествующій гласный не становится рѣзкимъ—такъ напр. слово классъ, гдѣ мы пишемъ два *с*, но произносимъ одинъ, не имѣетъ рѣзкаго ударенія.

По поводу количества я коснулся вопроса объ удареніи; скажу теперь нѣсколько словъ о его мѣстѣ, чѣмъ и закончу свой очеркъ фонетики гласныхъ. Русское удареніе, какъ извѣстно, не связано

никакими общими законами и можетъ падать на любой слогъ— русская акцентовка, по моей терминологіи, есть разномѣстная-вольная. Въ другихъ языкахъ бываетъ акцентовка одномѣстная; такова чешская, напирающая всегда на начальный слогъ; другія акцентовки, будучи разномѣстными, могутъ быть разномѣстными-связанными, т. е. представляющими ограниченную свободу; такова напр. греческая акцентовка, которая держится въ границахъ конечнаго слога и двухъ ему предшествующихъ, и притомъ связана еще извѣстными количественными ограниченьями. Вольную акцентовку среди славянскихъ языковъ представляютъ еще сербскій, словенскій и болгарскій. Впрочемъ, можно сказать, что и въ русскомъ языкѣ удареніе обыкновенно падаетъ на три послѣдніе слога, какъ въ греческомъ, уже потому, что односложныя, двусложныя и трехсложныя слова составляютъ въ языкѣ большинство, да и во многосложныхъ удареніе не разъ падаетъ на одинъ изъ этихъ трехъ слоговъ. Итакъ, русское удареніе чаще всего приходится на одинъ изъ трехъ конечныхъ слоговъ. Нерѣдко, однако, оно падаетъ на четвертый съ конца, иногда и на пятый; встрѣчается удареніе на шестомъ, на седьмомъ, пожалуй, даже на восьмомъ слогѣ отъ конца, но оно составляетъ уже рѣдкость. На удареніе въ предѣлахъ трехъ конечныхъ слоговъ приводить примѣровъ не стоитъ, такъ оно обычно. На 4-мъ слогѣ имѣютъ удареніе напр. слѣдующія слова: ви́сѣлица, су́кровица, о́колотень, глагольныя формы опи́сываю, отдѣ́лываю, разска́зываю, портня́жничаю, разбо́йничаю, прилагательныя на -и́тельный въ нѣкоторыхъ формахъ, напр. снисходи́тельная, -наго; на пятомъ слогѣ имѣютъ удареніе напр. слова: взя́точничество, вы́брошенные, глагольныя формы (вы) разска́зываете, (что̀ вы) подѣ́лываете. Удареніе на шестомъ слогѣ, еще болѣе рѣдкое, представляютъ напр. о́боротничество, заи́мствованіями, Все́володовичи; такую акцентовку имѣетъ цѣлый рядъ причастій на -ивающійся, -ывающійся, напр. обнару́живающійся, скра́дывающійся, воспи́тывающійся. Еще рѣже встрѣчается удареніе на седьмомъ слогѣ; примѣромъ можно взять, служившее намъ уже раньше примѣромъ, отчество Всеволодовичи въ твор. пад.: Все́володовичами, и нѣкоторые падежи прича-

стій на -и в а ю щ і й с я, -ы в а ю щ і й с я, напр. с к р а́ д ы в а ю щ і е с я. На восьмомъ слогѣ ударе́ніе имѣетъ одно только слово, и то, если не сокращать его окончанія -і е въ -ь е, это—в ы́ б а л л о т и р о в а н і е. Примѣровъ на ударе́ніе на пятомъ, шестомъ и седьмомъ слогѣ съ конца можно подобрать довольно много, однако при этомъ замѣчается, что слова такого рода—книжныя, искусственныя, чаще всего—причастія. Считая отъ н а ч а л а слова, ударе́ніе также чаще всего приходится на первый, на второй, или третій слогъ, рѣже на четвертый, весьма рѣдко на пятый, или на шестой. Ударе́ніе, падающее на четвертый слогъ отъ начала, мы видимъ напр. въ слѣдующихъ словахъ: в о р о т н и к и́, и н с п е к т о р а́, п е р е п л е с т и́, ударе́ніе на пятомъ слогѣ: с о р о к о в и к и́, п е р е п о л о ш и́ т ь, (о н а) п е р е в е д е н а́; на шестомъ: п е р е г о в о р е н о́, о т р е к о м е н д о в а́ т ь. На седьмомъ слогѣ имѣемъ ударе́ніе въ одномъ искусственномъ словѣ—в ы с о к о п р е в о с х о д и́ т е л ь с т в о; однако здѣсь ударе́ніе соединено со второстепеннымъ удареніемъ на второмъ слогѣ отъ начала. То же второстепенное ударе́ніе замѣчается въ сложныхъ словахъ, съ удареніемъ на шестомъ слогѣ: м а̀ л о р а с п р о с т р а н е́ н н ы й, о̀ б щ е у п о т р е б и́ т е л ь н ы й—слова эти также искусственныя.— Русскій языкъ въ дѣлѣ ударе́нія представляетъ немало мѣстнаго разнообразія, но въ большинствѣ случаевъ слова акцентуются одинаково во всей Великой и даже Бѣлой и Малой Россіи [1]).

---

[1]) Подробнѣе говорится объ ударе́ніи въ моемъ не разъ уже цитованномъ Начертаніи славянской акцентологіи; кое-что указано и въ этихъ лекціяхъ на стр. 1, 36, 72—73, 75—78.

Согласные звуки.

Характерную особенность русскаго консонантизма составляетъ сильное развитіе согласныхъ твердыхъ и мягкихъ (по терминологіи Грота—дебелыхъ и тонкихъ). Въ другихъ европейскихъ языкахъ господствуютъ согласные среднie. Такъ напр. твердое *m* въ прилагательномъ тóмный представляетъ рѣзкую противуположность мягкому *m* прилагательнаго тёмный, а нѣмецкое *t* какого-нибудь Tonne бочка стоитъ между ними по серединѣ. Даже остальные славянскіе языки—за исключеніемъ польскаго и, кажется, лужицкаго—не знаютъ такихъ твердыхъ согласныхъ, какъ русскій. Съ другой стороны, у остальныхъ славянъ не такъ развита мягкость [1]). У Поляковъ (сравнительно весьма богатыхъ мягкими согласными) не бываютъ мягкими ch, t, d и r: первое вслѣдствіе сохраненія имъ исконной твердости, напр. muchy, а не мýх'и, какъ по-русски; вторыя два вслѣдствіе перехода мягкихъ t и d въ ć и dź, напр. pić, dzień, а r — вслѣдствіе превращенія его въ болѣе-менѣе твердый шипящій звукъ (первоначально *рж*, *ри*, теперь просто *ж*, *и*), напр. morze (гдѣ rz=*ж*), krzyk (гдѣ rz=*ш*). Подобнымъ же образомъ Нижніе лужичане не знаютъ мягкихъ ch, h: говорятъ напр. muchy, hykawa (икота), не знаютъ также мягкихъ t, d, которыя перешли

---

[1]) Въ послѣдующемъ изложеніи допущены нѣкоторыя неточности, во избѣжаніе неумѣстныхъ здѣсь подробностей изъ инославянскихъ фонетикъ. Между прочимъ я предпочелъ вовсе не упоминать о Болгарахъ.

въ ś, ź, напр. piś, źeń. У Верхнихъ лужичанъ мы не находимъ t′, d′, ś, ź, l′: первыя два превратились въ ć, dź, напр. pić, dźeń, остальныя три отвердѣли—s и z вполнѣ, напр. sywy сивый, zyma зима, l—до средняго выговора, напр. ludźo (людие). Чехи знаютъ мягкость только у трехъ согласныхъ: t, d, n, напр. tělo, děd, něco (нѣчто). Сербы имѣютъ четыре мягкихъ звука љ, њ, ћ и ђ, напр. крâљ, кȍњ, нôћ, мѐђа. Словенцы умягчаютъ лишь два согласника: l и n, напр. kralj, konj.

Въ русскомъ же языкѣ всѣ согласные, за коими первоначально слѣдовали є, ь, ѣ, и или ѧ—бываютъ мягки: мы видѣли въ отдѣлѣ о гласныхъ звукахъ, что русскіе *е* и *и* звуки «умягчительные», что ѧ перешелъ въ *'а*, и что онѣмѣвшій ь оставилъ по себѣ мягкость [1]). Изм. Ив. Срезневскій, и въ слѣдъ за нимъ другіе наши слависты, понимали меньшее количество мягкихъ согласниковъ въ инославянскихъ языкахъ какъ утрату сохраняемой русскою рѣчью старины, такъ что говорили объ «ослабленіи» въ этихъ языкахъ мягкости и твердости. Однако гораздо естественнѣе, вмѣстѣ съ Миклошичемъ, предполагать у всѣхъ славянъ уклоненіе отъ старины, только въ разныя стороны: тогда какъ у однихъ мягкость и твердость уменьшалась, у другихъ она увеличивалась. Въ Староцерковномъ несомнѣнно могли умягчаться всего три согласныхъ л, р и н, мягкость которыхъ обозначалась на письмѣ посредствомъ іотированныхъ гласныхъ, а иногда посредствомъ ка́моры (̑): полѥ, полѩ, полю, по̑ли, по̑ль; морѥ, морѩ, морю, мо̑ри, мо̑рь; сни̑ь, синѩ, синѥ—умягченіе произошло подъ вліяніемъ нѣкогда входившаго въ составъ окончаній j. Тѣ же л̓, р̓, н̓ слѣдуетъ предполагать и въ праславянской рѣчи, гдѣ, кромѣ того, должны были звучать мягко ж, ш, ч, ждж (=ж̓д̓ж̓), щ (=ш̓т̓ш̓), ц (=т̓с̓) и ѕ (д̓з̓), напр. бо ж̓е!, ду ш̓е!, оть ч̓е!, дъ ж̓д̓ж̓ь, ро ш̓т̓ш̓а, рѫц̓ѣ, но ѕ̓ѣ. Возможно, что такъ было и въ староцерковномъ (это предполагаютъ на основаніи весьма обычнаго употребленія въ такихъ случаяхъ бук-

---

[1]) Тамъ же отмѣчены и нѣкоторыя (вторичныя) отступленія отъ общаго закона.

вы ю: мѫжю, бывъшю, отьцю и т. п.), но навѣрное сказать этого нельзя [1]).

Итакъ нѣтъ основанія думать, чтобы въ староцерковномъ и въ праславянскомъ языкѣ согласные передъ всякимъ є, ь, ѣ, ѧ и ѩ были мягки. Даже въ общерусскомъ, въ виду малорусской твердости слоговъ т е, т и, д е, д и, и т. д., удобнѣе предположить передъ узкими гласными с р е д н і й выговоръ. Противъ праславянской мягкости нѣкоторыхъ слоговъ можно привести фонетическія соображенія. А именно, зубные *с*, *з*, *т* и *д* не могли бы въ такомъ случаѣ удержаться, а подверглись бы превращенію въ ш, ж, шт и жд: вмѣсто село, ꙁемлꙗ, тѧжькъ, дьнь явились бы шело, жемлꙗ, штѧжькъ, ждьнь. (По-русски было бы вм. т̇а́шкъй—т̇͡ш̇а́шкъй, вм. д̇ен̇—жен̇; у другихъ славянъ еще иначе). Также губные въ такомъ положеніи у южныхъ и у восточныхъ славянъ потерпѣли бы нѣкоторое измѣненіе: вмѣсто бити, перо, вьсь, мѧсо, стали бы говорить блити, плеро, вльсь, млѧсо. Не предполагая такимъ образомъ для праславянскаго языка мягкости согласныхъ передъ всѣми узкими гласными, мы съ другой стороны не можемъ приписать имъ вездѣ одинаковое произношеніе; а должны думать, что у Праславянъ, смотря по широкости или узости слѣдующаго гласнаго, появлялись такіе же оттѣнки, какъ напр. въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ звукъ t въ словѣ Theer деготь мягче чѣмъ въ словѣ Thor ворота, а въ словѣ Thier животное еще мягче чѣмъ въ Theer. Умягченіе (въ большей или меньшей степени) является естественнымъ слѣдствіемъ того, что переходъ отъ твердаго согласнаго, образуемаго съ разширенною устною полостью, къ узкому гласному весьма неудобенъ.

Сильно развивши мягкость и твердость, русская рѣчь почти не знаетъ согласныхъ с р е д н и х ъ. Таковые слышатся въ тѣхъ случаяхъ, когда первоначально твердый согласный (имѣвшій когда-то за собою ъ), или же склонный къ отвердѣнію губной подвергся такъ сказать половинному примѣненію къ слѣдующему мягкому, напр. к̇н̇и́га, первонач. кънига, л о́в̇л̇а; нѣкоторые согласные (ж, ш и ц) бываютъ средними и передъ гласными—срв. стр. 9.

---

[1]) См. мой разборъ русскаго перевода „Грамматики старославянскаго языка А. Лескина.“ Ж. М. Н. Пр. 1890 г., іюль, стр. 185.

Представлю теперь таблицу согласныхъ звуковъ русскаго языка, къ которой присоединю замѣчанія на счетъ принятой въ этой таблицѣ классификаціи и терминологіи, а также на счетъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ звуковъ.

ТАБЛИЦА СОГЛАСНЫХЪ ЗВУКОВЪ.

Согласные

		Мгновенные			Протяжимые		
		Ротовые		Носовые	Проточные		Дрожащіе
		Безголосные	Голосовые		Безголосные	Голосовые	
Заднеязычное	Тв.	к: как	г: га́га	—	х: краха́	в: бла́ва	—
	Ср.	к̓: к̓ни́га	г: г̓ни́ть!	—	х̓: вздахн̓и́ть!	в̓: в̓да́	—
	Мяг.	к̓: к̓и́сл̓	г̓: г̓ил̓	—	х̓: с̓тих̓и́	j: а бла́йа	—
Переднеязычное	Тв.	—	—	—	ш: шар	ж: жар	р: рак
	Ср.	—	—	—	ш̓: ш̓ест̓	ж̓: ж̓ест̓	р̓: р̓ви!
	Мяг.	—	—	—	ш̓: з̓де́ш̓н̓ый	ж̓: пре́ж̓н̓ый	р̓: р̓а́са
Зубное	Тв.	т: так	д: дар	н: нос	с: сон	з: зуп	л: ла́па
	Ср.	т̓: т̓ри	д̓: д̓ран	н̓: званк̓и́	с̓: ус̓н̓и!	з̓: з̓л̓у́ка	л̓: пал̓к̓и́(?)
	Мяг.	т̓: т̓ен	д̓: д̓ен	н̓: н̓а́н̓а	с̓: с̓о́мга	з̓: з̓а́бнут̓	л̓: л̓а́мка
Губозубное	Тв.	—	—	—	ф: фо́фън	в: вол	—
	Ср.	—	—	—	ф̓: ва́ф̓л̓и	в̓: дро́в̓н̓и	—
	Мяг.	—	—	—	ф̓: ф̓е́д̓а	в̓: в̓ол	—
Губное	Тв.	п: пол	б: бок	м: мох	—	—	—
	Ср.	п̓: ло́п̓н̓и	б̓: гра́б̓л̓и	м̓: ка́м̓н̓и	—	—	—
	Мяг.	п̓: п̓ен	б: б̓ас	м̓: м̓ел̓	—	—	—

Мгновенные согласные иначе называются взрывны́ми, или смычны́ми: термины эти выставляютъ разныя стороны образованія этихъ звуковъ, при которомъ во рту происходитъ сомкнутіе органовъ, а затѣмъ мгновенный разрывъ ихъ выпускаемою струею воздуха. Словомъ «протяжимые» я замѣняю употребляемыя другими «протяжные» и «длительные», потому что звуки этого рода обыкновенно вовсе не протягиваются, а только спо-

собны къ протяженію. Гротъ, весьма удачно назвавшій мгновенные звуки «смычными», противуполагаетъ имъ протяжимые какъ «проторные», ибо при образованіи ихъ воздухъ такъ сказать протирается черезъ тѣснину между не совсѣмъ сомкнутыми органами. Термина «проторные» я не усваиваю себѣ потому, что онъ слишкомъ похожъ на другой терминъ «проточные» употребляемый мною при подраздѣленіи протяжимыхъ звуковъ. Названіе «проточные» указываетъ на то, что воздухъ какъ бы плавно протекаетъ по устной тѣснинѣ, тогда какъ при образованіи «дрожащихъ» языкъ приходитъ въ дрожательное движеніе [1]). Мгновенные согласные въ нашей таблицѣ подраздѣлены на «ротовые» и «носовые». «Ротовые» согласные образуются въ одной лишь ротовой полости, которая бываетъ отдѣлена отъ носовой посредствомъ поднятія небной занавѣски; при «носовыхъ» же воздухъ выпускается и въ ротъ и въ носъ: носовая полость даетъ свой особый резонансъ, а во рту происходитъ то же сомкнутіе органовъ, какъ для звука *д* (при чемъ получается *н*), или какъ для *б* (тогда получается *м*). Носовой резонансъ есть элементъ протяжимый и придаетъ носовымъ согласнымъ нѣкоторую протяжимость—ихъ поэтому обыкновенно и относятъ къ звукамъ длительнымъ; что на мой взглядъ, въ виду участія въ нихъ мгновенныхъ элементовъ *д* и *б*,—невѣрно [2]).

Изъ согласныхъ названныхъ въ таблицѣ «задненёбными» одни вполнѣ заслуживаютъ это названіе, т. к. при нихъ задняя часть языка подымается къ заднему нёбу; другіе точнѣе могли бы быть названы средненёбными, т. к. дѣйствуютъ среднее нёбо и средняя часть языка. Конечно, между задненёбными и средненёбными нельзя провести точной границы. Нашимъ задненёбнымъ

---

[1]) Изъ этого слѣдуетъ, что названіе „плавныхъ," которымъ я выше (напр. стр. 68) по привычкѣ пользовался для звуковъ *р* и *л*, лучше подходитъ къ другимъ протяжимымъ, нежели къ нимъ. Еще менѣе оно подходитъ къ *н* и къ *м*, которые въ греческой и латинской грамматикѣ также называются плавными.

[2]) Думаю такъ на перекоръ Зиверсу (Eduard Sievers, Grundzüge der Phonetik, Leipzig 1881, S. 45, Anm. 2), который отвергаетъ сходное съ моимъ мнѣніе „индусовъ и нѣкоторыхъ новѣйшихъ".

согласнымъ обыкновенно даютъ неточное, хотя болѣе краткое и удобное названіе «гортанныхъ».

Изъ звуковъ «передненёбныхъ» (при коихъ кончикъ языка приближается къ переднему нёбу) *ж* и *ш* носятъ удобное и характерное названіе «шипящихъ».

«Зубные» не вполнѣ заслуживаютъ своей клички: они образуются поднятіемъ кончика языка къ верхней челюсти. Протяжимымъ проточнымъ зубникамъ *с* и *з* присвоено особое названіе «свистящихъ».

«Зубногубные» образуются при сближеніи верхнихъ зубовъ съ нижнею губой.

При «губныхъ» производится сомкнутіе и затѣмъ разрывъ губъ.

Дѣленіе согласныхъ на «безголосные» и «голосовые» [1]) основано на участіи въ ихъ образованіи *голосовыхъ струнъ*. При образованіи голосовыхъ согласниковъ голосовая щель на столько сужена натянутыми голосовыми струнами (горловыми связками), что проходящій воздухъ приводитъ эти струны въ дрожательное движеніе, при образованіи безголосныхъ—воздуху предоставленъ свободный проходъ и струны остаются въ покоѣ. Голосовые согласные иначе называются «звучными», «звонкими», «ясными», «громкими», а безголосные—«отзвучными», «беззвучными», «глухими», «тихими», «шопотными» [2]). Согласные носовые и дрожащіе, по участію голосовыхъ струнъ принадлежатъ къ голосовымъ, но не названы такъ въ таблицѣ, потому что не имѣютъ соотвѣтственныхъ безголосныхъ; къ этому положенію впрочемъ ниже будетъ сдѣлана нѣкоторая оговорка.

«Мягкость» согласныхъ, о коей рѣчь была уже ранѣе, съ физіологической стороны состоитъ въ томъ, что при образованіи согласнаго средняя часть языка приближается къ среднему нёбу и губы складываются въ узкое отверстіе, какъ для гласнаго і и родственнаго ему согласнаго j; иначе говоря, одновременно съ другимъ согласнымъ произносится j, который примѣшивается къ этому дру-

---

[1]) Это термины Я. К. Грота.

[2]) Встрѣчаются также названія „мягкіе“ и „твердые“, взятые изъ школьной терминологогіи Нѣмцевъ, весьма неудачныя, да и употребляемыя нами уже въ иномъ значеніи.

гому согласному и такъ сказать пропитываетъ его насквозь. Мѣсто образованія согласныхъ задненёбныхъ, передненёбныхъ и верхнечелюстныхъ («зубныхъ») при умягченіи ихъ приближается къ среднему нёбу—первыя изъ задненёбныхъ становятся прямо средненёбными. Умягченіе же губныхъ и зубногубныхъ представляетъ совсѣмъ особую артикуляцію: нижняя губа съ верхней губой или съ верхними зубами произносятъ *п, б, ф, в*, а языкъ въ то же время произноситъ *j*. Противоположная мягкости твердость состоитъ въ отсутствіи іотовой примѣси, въ образованіи согласнаго по-дальше отъ средняго нёба и въ широкомъ растворѣ губъ.

Въ частности о согласныкахъ задненёбныхъ замѣтимъ слѣдующее. Въ праславянской, да еще и въ общерусской рѣчи звуки *к, г, х*, дѣйствительно всегда были задненёбными, и за ними всегда слѣдовали широкіе гласные. И въ настоящее время *к, г, х* средненёбныя встрѣчаются обыкновенно лишь передъ звукомъ *і*, на мѣстѣ котораго въ старину стоали ы, напр. к'и́слъй, г'и́бнут', х'и́тръй; сарó к'и, слу́г'и, му́х'и — первоначально кы́слъи, гы́бнути, хы́тръи; сорóкы, слу́гы, му́хы; рѣже, а именно (если не считать пришлыхъ словъ) только въ нѣсколькихъ падежныхъ формахъ, являются сочетанія *к'е, г'е, х'е*: к'а́м, рук'а́, наг'а́, блах'а́—случаи, въ коихъ старинный языкъ производилъ смягченіе *к, г, х* въ *ц, з, с*. Мягкое *к* передъ *а* мы произносимъ исключительно въ весьма извѣстномъ названіи китайскаго города Кя́хты [1]). Однако слогъ к'а, а также к'о, к'у не рѣдко слышатся въ областной великорусской рѣчи (преимущественно въ южной—Курской, Орловской, Воронежской), вслѣдствіе уподобленія предшествующимъ мягкимъ согласнымъ, напр. канéйк'а, ш'а́пъ т͡ш'к'а, вин. -й к'у, -т͡ш'к'у; т͡ш'ейк'у́, т͡ш'ейк'о́м. Совершенно однородны съ этими вологодскіе (значитъ, сѣверно-великорусскіе) примѣры у Никанора Бѣлоруссова [2]): поскорёшенькю, травонька, цьвѣтичькяхъ и т. п. Одну судьбу со зву-

[1]) На письмѣ представляетъ подобное-же сочетаніе слово гяуръ, но т. к. мы ударяемъ на *у*, то здѣсь не произносимъ звука *а*.

[2]) Н(иканоръ) Бѣлоруссовъ. Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологодской губерніи. Варшава 1887, стр. 26=Р. Ф. В., т. XVIII, стр. 218.

комъ *к* послѣ мягкихъ должны были имѣть *х* и *г*, но такія сочетанія 1) весьма рѣдки: на *х* мнѣ извѣстенъ только одинъ примѣръ с в е р ь х ю (Собол. Лекціи, изд. 1 стр. 92, изд. 2—116) и даже предположить я, кромѣ другихъ падежей того же слова в е р х ъ, могу лишь одно еще о́ л х'а; на *г* я вовсе не знаю примѣровъ, а предположительно могу указать слова в о л ь г о́ т н о, д е н ь г а́, с е р ь г а́, п у с т е л ь г а́ (ятребокъ Falco tinnunculus) и О л ь г а. 2) Въ тѣхъ говорахъ, коимъ по преимуществу свойственно занимающее насъ явленіе, звукъ *г* подвергся такому измѣненію, что едвали можетъ переходить въ г'. См. ниже. Т. к. въ старославянскомъ не существовало сочетаній кь, гь, хь, то естественно въ русскомъ языкѣ не встрѣчается к', г', х' въ изглашеніи, или передъ согласными. Впрочемъ слово в е р х, вслѣдствіе того-же уподобленія, которое повело къ выговору с в е р х'у, м. б. произносится также в е р х'. — Возникновеніе мягкихъ (средненёбныхъ) *к, г, х* Потебня относитъ приблизительно къ XIV вѣку, Соболевскій же возводитъ начало его къ XII вѣку; установленіе здѣсь хотя бы приблизительной даты едвали возможно, ибо съ одной стороны могли сохранять кы, гы, хы какъ наслѣдственное правописаніе, а съ другой стороны написанія ки, ги, хи могутъ указывать не на мягкіе, а на средніе слоги, каковые до сихъ поръ слышатся у малороссовъ и должны быть предположены какъ переходная ступень отъ кы, гы, хы къ *к'и, г'и, х'и*.

Задненёбный проточный и безголосный звукъ *х* въ зачинѣ является въ менѣе сильномъ видѣ нежели внутри слова и въ исходѣ: зачинное *х* приближается къ нѣмецкому h [1])—сравнимъ первое *х* со вторымъ въ словахъ х о́ х ъ т, х а х о́ л, х'и х'и́ к а т.

Соотвѣтственный звуку *х* голосовой звукъ ѳ [2]) господствуетъ въ нарѣчіяхъ Малорусскомъ и Бѣлорусскомъ, а также въ Южновеликорусскомъ говорѣ (за исключеніемъ Московскаго разнорѣчія), напр. ѳ о с т ь, ѳ у с, ѳ р а д (б р а т), н о ѳ а́ (н а в а́) и т. д. Возможно, что

---

[1]) Нѣмецкое h—гортанное и образуется посредствомъ суженія голосовой щели.

[2]) Насчотъ нашего обозначенія этого звука срв. стр. 7, пр. 2. См. таку Грота въ „Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія", изд. 2, по указателю, стр. 412—413.

разсматриваемый звукъ не всегда и не вездѣ одинаковъ и можетъ приближаться къ нѣмецкому h, знакомъ котораго принято передавать его въ латинской транскрипціи; но, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не слышится настоящаго h, и соотвѣтственный нѣмецкій звукъ есть не h, а g въ словахъ Wage вѣсы, Bogen дуга и т. п., по сѣверно-нѣмецкому произношенію. Мгновенное ґ въ рѣчи Малороссовъ, Бѣлоруссовъ и Южныхъ великороссовъ является лишь какъ плодъ уподобленія звука ґ слѣдующему голосовому согласнику, напр. по-малорусски ґ б и́ с у, по-бѣлорусски г в а р̓а̂: Малороссы и Бѣлоруссы имѣютъ однако звукъ ґ въ нѣкоторыхъ словахъ заимствованныхъ съ польскаго, напр. г р у н т, г а́ н о к (крыльцо, галлерея),=польскимъ, первоначально нѣмецкимъ grunt, ganek. Для этого ґ въ малорусской и бѣлорусской письменности, съ конца XIV столѣтія (Соб., Лекц., изд. 2, стр. 46, въ 1 изд. 43), употребляется сочетаніе *кг*. Въ противуположность другимъ вѣтвямъ русскаго языка, въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ и московско-литературномъ произношеніи господствуетъ ґ м г н о в е н н о е. Литературное произношеніе представляетъ протяжимое ґ только 1) въ созвучіяхъ гд, гг и гб, изъ коихъ послѣднія два возникаютъ лишь въ соединеніяхъ съ предлогомъ къ: к а в д а́, т а в д а́, [1]ь н а в д а́, ф̓с и́ в д а́, в д а́, в д о́ м у, в̓ д е́ р̓ь в у; в г а р̓ а̂ [1]), в̓ г и́ р̓ и; в б р а́ т у, в̓ б е́ р̓ь г у [2]); 2) въ словахъ н о́ в ъ т̓, к о́ в ъ т̓, д о́ в ъ т̓, л̓ о́ в ъ к и м̓ а́ в ъ к, которыя (надо полагать) пріобрѣли в въ угоду другимъ своимъ формамъ, представляющимъ *х*: н о́ х̓ т̓ а, к о́ х̓ т̓ а, д о́ х̓ т̓ а, л̓ о́ х к ъ й, м̓ а́ х к ъ й; 3) въ словахъ (Б о х) Б о́ в а, Б о́ в у и т. д., б а в а́ т ъ й, б ъ в а т ы́ р̓, у б о́ в ъ й, Б а с п о́ т̓ (однако г ъ с п а д и́ н, г ъ с п а ж а́) и н а в о́ й. Прилагательныя б о г а т ы й и у б о г і й, получаютъ в (первое не всегда) подъ вліяніемъ, дѣйствительно родственнаго, Бох- Бо́в а; также можно объяснять и б о г а т ы р ь, хотя это слово могли заимствовать изъ Татарскаго съ готовымъ в (baγadu̇r); 4) в слышится еще въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ и нѣмецко-русскихъ названіяхъ городовъ: Д а́ н т̂ с̂ ь х, род. Д а́ н т̂ с̂ ь в а,

---

[1]) Сравнимъ обратный порядокъ задненёбныхъ у Бѣлоруссовъ и Южновеликороссовъ.

[2]) Слышится также ґ мгновенное: д. б. по желанію произнести ближе къ письму. *Гб* посерединѣ является въ славянизмѣ с о г б е́ н ъ.

П'ьт̀ирбу́рх—П'ьт̀ирбу́рва. Это очевидно вліяніе сѣверно-нѣмецкаго выговора Dàntsiχ́, Pétъrsburχ́. Бох- Бова, Баснóї и набóй, м. б. и убóвъй, могутъ считаться заимствованіемъ изъ языка церковнаго, въ коемъ чтеніе г за в объясняется южнорусскимъ и западнорусскимъ вліяніемъ. Настоящему церковному—староцерковному—языку естественно приписывать г мгновенное, каковое господствуетъ у южныхъ славянъ—Болгаръ, Словенцевъ и Сербовъ. Есть, правда, соображеніе въ пользу протяжимости староцерковнаго г, указанное Бётлингомъ въ его «Грамматическихъ изслѣдованіяхъ о русскомъ языкѣ», а именно тò, что переходъ при смягченіи въ ж и ʒ (боже!, боʒи) роднитъ его съ х, смягчаемымъ въ ш и с (доуше!, доуси), а не съ к, дающимъ ч и ц (пророче!, пророци), соотвѣтственно чему было бы бод͡же, бод͡зи. Однако смягченіе созвучія ʒг въ ʒд (драʒга лѣсъ—въ драʒдѣ) и превращеніе сочетанія ʒж въ жд (ижденѫ вм. иʒженѫ) доказываетъ, что первоначально г смягчался именно въ согласные дифтонги д͡з и д͡ж: драʒдѣ и ижденѫ упрощены изъ *драздзѣ, *иждженѫ, какъ иштадие изъ *ишчадие. Для дифтонга д͡з даже существовала въ азбукѣ особая буква (смыслъ которой впрочемъ рано позабылся)—ѕ. И въ праславянской рѣчи вѣроятно употреблялось г мгновенное [1]): мы уже отмѣтили, что таково южнославянское г (впрочемъ областная рѣчь Словенцевъ знаетъ h вмѣсто g), таково же польское и нижнелужицкое; у Чеховъ же и у Верхнихъ лужичанъ, произносящихъ h вм. g, такой выговоръ явно вторичный, о чемъ свидѣтельствуетъ нѣмецкая передача мѣстныхъ названій, напр. Praha—Prag, Hradec (Опавскаго округа въ Силезіи)—Grätz, Rajhrad (Бёрненскаго округа въ Моравіи)—Raigern; село Hodźij и деревня Holca (въ Верхней Лужицѣ)—Göda и Golenz. Такія имена доказываютъ, что во время усвоенія ихъ Нѣмцами Чехи и Верхніе лужичане еще не имѣли звука h. Считаю однако нужнымъ оговорить, что это вовсе не доказываетъ существованіе у нихъ г мгновеннаго: могло тогда слышаться, какъ переходный звукъ между g и h, г

[1]) Однако впослѣдствіи, въ морфологіи, мы увидимъ случай въ коемъ хотѣлось бы предположить г протяжимое.

проточное, которое Нѣмцамъ естественно было передавать черезъ свое g. Полагая такимъ образомъ, что староцерковный, а также и праславянскій языкъ (по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ) представлялъ г мгновенное [1]) мы склонны будемъ приписать таковой и общерусскому языку, хотя я не рѣшаюсь, вслѣдъ за Соболевскимъ, утверждать [2]), что до XII вѣка и въ южнорусскомъ произношеніи не существовало ѣ: опущеніе въ скандинавскихъ именахъ звука h, напр. Алданъ изъ Halfdan, доказываетъ только, что не было звука h, а ѣ (далеко не тождественное съ нимъ) могло существовать.

Мягкое, т. е. средненёбное, ѣ есть тотъ звукъ, который мы называемъ іотомъ. Поэтому ѣ, очутившись передъ узкими гласными, и превращается по-русски въ j: мы произносимъ бла́го и а бла́jä (или а бла́j*и*); бох и а бо́jä (а бо́j*и*), бо́jи, баjи́н̇а; Пьт̇ирбу́рх и ф̇ П'ьт̇ирбу́р̇jä. Подобнымъ же образомъ новогреческій языкъ, представляющій проточное г, передъ узкими гласными превращаетъ его въ j: л̇е́ѣ̇о, но л̇е́jис̇. Съ другой стороны j сродни мягкому (средненёбному) х́, къ коему относится какъ голосовой звукъ къ безголосному, что̀ можно провѣрить на сѣверно-нѣмецкомъ произношеніи, въ которомъ j попадаетъ нерѣдко въ изглашеніе или передъ безголосные созвучники и, дѣлаясь тогда по общему закону безголоснымъ, даетъ х́, напр. в̇е́jъ дороги— ед. ч. в̇ех́, л̇е́jън̇ класть—прош. вр. л̇е́х̇т̇ъ. По-русски этого не происходитъ потому, что русскій междугласный j есть j слабый или полугласный, иначе говоря — неслого́вое i. Для обозначенія этого неслоговаго i я въ своей транскрипціи пользуюсь буквою й: сохраняя обычное начертаніе бой, пишу также бо́йа, бо́йу, бо́йъм, бо́йä (бо́йи) [3]), ба́й, байо́ф и т. д. Сравнимъ выра-

---

[1]) За древность г высказался Потебня въ статьѣ „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ и въ „Замѣткахъ о малорусскомъ нарѣчіи“; Колосовъ на этотъ счетъ колебался, Срезневскій приписывалъ обоимъ звукамъ одинакую древность.

[2]) Лекціи, стр. 45 (2 изд.), въ 1 изд.—42.

[3]) Передъ гласнымъ i этотъ звукъ особенно слабъ, на что̀ указываетъ маленькая надстрочная буква.

женія о Б о г ѣ и о б о ѣ: разница между ними только въ томъ, что первое представляетъ послѣ *о* сильный, настоящій j, а второе—слабый, полугласный (неслогóвое i); таково же отношеніе между выраженьями о б л а г ѣ и о б л а ѣ. Въ зачинѣ и послѣ согласныхъ слышится болѣе сильный j, который однако тоже смахиваетъ на полугласный и нѣсколько разнится отъ j изъ ѣ, напр. j а́ м а, j е i̯, j о́ л к а, j у к, с ъ л а в j и́, -ѣ j о́ ф, -ѣ j а́ м [1]). J слышится также въ началѣ нѣкоторыхъ пришлыхъ реченій, гдѣ пишется *ге*, напр. j ь н̇ и р а́ л, j ь а г р а́ ф'ь й а: выговоръ съ г' д. б. искусственный, вызванный написаніемъ, т. к. эти слова (первое несомнѣнно, а второе по всей вѣроятности) взяты у сѣверныхъ нѣмцевъ, съ готовымъ j. Также и собственное имя J и о́ р j ь й, J и г о́ р ь, или J и г о́ р могло придти отъ грековъ съ тѣмъ же звукомъ—смущаетъ меня только то обстоятельство, что Γεώργιος представляло, надо полагать, два j, и г въ формахъ Е г о р і й, Е г о р ъ приходится тогда объяснять вліяніемъ другого, похожаго имени Г р и г о р і й. Притомъ русскіе, заимствуя слово съ рѣдкимъ вообще, а въ зачинѣ совсѣмъ не существующимъ сочетаніемъ *ге*, и сами могли замѣнить его родственнымъ, вполнѣ обычнымъ je.

Передненёбные проточные согласники *ш* и *ж*, коимъ по звуковому впечатлѣнію присвоено названіе шипящихъ, имѣютъ по-русски ту особенность, что мало способны къ умягченію: кромѣ прописаннаго въ таблицѣ з̇ д ѣ́ ш̇ н̇ ь й, я на мягкое *ш* могу привести лишь немногіе примѣры: в ѣ́ ш̇ н̇ ь й, т͡ш и "р ѣ́ ш̇ н̇ а, г р ѣ́ ш̇ н̇ ь к, -ь т͡с а, н а с̇ м ѣ́ ш̇ н̇ ь к, -ь т͡с а, - н ъ к а н ѣ́ ш̇ н̇ ь к,

[1]) Нѣсколько подробнѣе говорится о j въ моей статьѣ „Мнѣніе г. Тулова о русскомъ правописаніи", Р. Ф. В., т. V, стр. 358—362, къ которой я впрочемъ впослѣдствіи счелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторую оговорку, въ разборѣ русскаго перевода „Грамматики старославянскаго языка А. Лескина", Ж. М. Н. Пр. 1890, іюль, стр. 177, пр. 1. Срв. также замѣчанія Ѳ. Евг. Корша „Weitere Beobachtungen über die Aussprache des Russischen. Arch. f. slav. Phil., B. III"—поправки къ статьѣ акад. Грота „Ueber die Natur einiger Laute im Russischen", въ томъ же томѣ, которая по-русски озаглавлена „Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка" и болѣе раннія наблюденія Каткова: „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка", Москва 1845, стр. 88—89.

г̇р̇е́ш̇н̇ьвъйа (ка́ша), в̇и́ш̇н̇а, гдѣ *ш* также стоитъ передъ н̇, а передъ собой имѣетъ узкій гласный; примѣры на ж̇: в̇е́ж̇л̇ьвъй, -въс̇т̇, п̇р̇е́ж̇д̇и, н̇ив̇е́ж̇д̇и, ад̇е́ж̇д̇и, на-. Въ словахъ съ предшествующимъ широкимъ гласнымъ, какъ башня, пашня, *ш* звучитъ уже нѣсколько тверже. Кромѣ того даже сочетаніе еш̇н̇ слышится не у всѣхъ: произносятъ также з̇д̇е́ш̇н̇ьй, в̇е́ш̇н̇ьй, і̇ш̇и ᵘр̇е́ш̇н̇а, также п̇р̇е́ж̇н̇ьй, п̇р̇е́ж̇д̇и. Твердость *ш* и *ж* явленіе вторичное, о чемъ рѣчь будетъ ниже [1]).—Передненёбный дрожащій *р* проявляетъ нѣкоторую склонность къ отвердѣнію: у Бѣлоруссовъ и у многихъ изъ западныхъ малороссовъ онъ вообще отвердѣлъ, а въ великорусской (даже литературной) рѣчи весьма обыченъ слогъ *ры* вм. *ри*, напр. скрып [2]).

Относительно зубныхъ (верхнечелюстныхъ) звуковъ слѣдуетъ оговорить, что мои средніе *н* и *л* не совсѣмъ заслуживаютъ этого названія и мало разнятся отъ твердыхъ.

Изъ зубно-губныхъ вызываетъ на нѣкоторое замѣчаніе безголосный *ф*. Принято говорить, что это не русскій и вообще не славянскій звукъ. Дѣйствительно, праславянская рѣчь не знала этого звука, но новославянскіе языки вовсе его не чуждаются. Помимо нѣкоторыхъ вполнѣ обрусѣвшихъ, хотя и пришлыхъ реченій, въ родѣ Ф̇и л̇и́п, Ф̇о́дър, лафа́, фут, фунт, звукъ этотъ весьма часто замѣняетъ соотвѣтственный голосовой *в* (сохраняемый на письмѣ), что̀ по общему закону происходитъ въ изглашеніи и передъ безголосными согласниками, напр. лоф, праф, жыф, крас̇и́ф, г̇н̇ӓф, праф̇!, ло́фка, ла́фка, с̇и́фка, пра́ф̇т̇и! и т. п. Въ областной рѣчи *ф* нерѣдко происходитъ изъ сліянія двухъ звуковъ *х* и *в*, напр. въ галицкомъ фал̇и́т̇и. (Объ этомъ ниже будетъ сказано нѣсколько подробнѣе). Звукъ *ф* въ словахъ заимствованныхъ у грековъ замѣняетъ не только φ, но и ϑ, напр. Ф̇о́дър Θεόδωρος, ана́ф̇ьма ἀνάθεμα, ᵘифи́р αἰθήρ, что̀ основано на новогреческомъ (очевидно уже и византійскомъ, отчасти м. б. и еще болѣе древнемъ) произношеніи ϑ какъ англійское th

---

[1]) И объ „удвоенныхъ" *ш̇* и *ж̇* будетъ сказано впослѣдствіи.

[2]) Карскій, Обзоръ 58—59; Соболевскій Лекціи 97, 2 изд. 122; мой Разборъ Этим. слов. Микл., Р. Ф. В., т. XVIII, стр. 28, пр. 3.

въ thing вещь, т. е. какъ звукъ средній между *с* и *ф*. Смѣшеніе тождезначныхъ для русскаго ф и θ встрѣчается съ первыхъ памятниковъ русской письменности. Соболевскій (Лекціи, стр. 47, въ 1 изд.—44) приводитъ, въ числѣ другихъ примѣровъ, **сапьѳиръмь** и **анъѳракъсъ** (греч. σάπφειρος и ἄνθραξ) изъ Святославова Изборника 1073 г., л. 104 и 121 об.

Въ нашу таблицу согласныхъ не вошли *ц*, *ч* и *щ*, потому что это не простые звуки, а созвучія, содержащія (какъ указано уже выше, стр. 3 и 9, и согласно чему дѣлалась транскрипція) въ тѣсномъ сліяніи элементы *т*, *с* и *ш*: *ц*=т+с, ч=т+ш, щ=ш+т+ш. Вслѣдствіе очевиднаго сходства съ *с* и съ *ш* звукъ *ц* относятъ къ свистящимъ, а *ч* и *щ*—къ шипящимъ. Что *щ* не простой звукъ, признается всѣми, но многіе отрицаютъ это для *ц* и *ч*. Даже Я. К. Гротъ, который въ «Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія отъ Петра Великаго и донынѣ [1])», совершенно основательно самъ доказывалъ сложность *ц* и *ч* тѣмъ, что при попыткѣ протянуть эти звуки, они слышатся только въ самомъ началѣ, но затѣмъ тотчасъ же обращаются въ С (ЦССС... т. е. ТССС...) и въ Ш (ЧШШШ... т. е. ТШШШШ...), и повторилъ это доказательство въ «Русскомъ правописаніи», § 14, тѣмъ не менѣе утверждаетъ въ послѣднемъ трудѣ, что *ц* и *ч* «производятся каждый одной артикуляціей языка» и прибавляетъ, будтобы для того «чтобы удостовѣриться, что въ русскомъ языкѣ *ч* не сложный, а одинъ цѣльный звукъ, стоитъ только сравнить произношеніе нашего к у ч е р ъ съ нѣмецкимъ Kutscher». Подобнымъ же образомъ Потебня говоритъ, что «было бы поразительно услышать н а р ѣ т с ѣ или на р і т с і вм. н а р ѣ ц ѣ, н а р і ц і» и что «с русской точки зрѣнія произношеніе напр. м е т ш у вм. м е ч у, м е ч ю... очень далеко отъ дѣйствительности»; притомъ де «сочетаніе *т-ш* тоже встрѣчается» [2])—какъ примѣръ на него приводится «польское *trz* изъ trz: trzeba». Разница между противополагаемыми Гротомъ и Потебней случаями дѣйствительно существуетъ, но по моему вовсе не состоитъ въ цѣльности здѣсь, и раздвоенности тамъ, а

---

[1]) Филологическія разысканія. Изд. 2, т. II, стр. 17.

[2]) К исторіи звуковъ русскаго языка, ч. II, стр. 38 и 45 (Р. Ф. В., т. II, стр. 2 и 207).

въ неодинаковости составныхъ элементовъ: написаніе рѣтсѣ, рітсі мы прочитаемъ съ твердымъ *т* и съ мягкимъ *с*, тогда какъ созвучіе тс въ первомъ случаѣ содержитъ два среднихъ звука, во второмъ—два мягкихъ; написаніе метшу́ указываетъ на *т* и *ш* твердые, а произносятся здѣсь *т* мягкое, а *ш*—мягкое или среднее; подобнымъ же образомъ поль. trz содержитъ t твердое и этимъ (да еще, кажется, большею рѣзкостью *ш*) разнится отъ cz: срв. trzy три=тшы и czy ли=т̇ши. Сопоставимъ еще русскія слова подсинить и оцѣнить, отшельникъ и качели, подшить и почить, т. е. път̇с̇ин̇и́т̇, атсын̇и́т̇, ат̇ш̇е́л̇н̇ьк, кат̇ш̇е́л̇и, патшы́т̇, пат̇ш̇и́т̇ [1]). Различіе нѣмецкаго Kutscher отъ русскаго кучеръ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что *ч* въ обоихъ элементахъ среднее, а кромѣ того усиленное («удвоенное»), что̀ сопряжено съ краткостью предшествующаго гласника: рус. кучеръ есть к-у́-т̇ш̇-ь-р, нѣм. Kutscher — к̇-у̇-т̇і̇ш̇ш̇-ъ-р. Срв. стр. 101. Подобно этому нѣм. *ч*, разнится отъ *ч* сочетаніе *тш* въ какомъ-нибудь дѣепричастіи отцвѣтши: срв. ат̇с̇в̇о̇ттшшы и выраженіе в о́т̇ши.

Созвучіе *ц* обыкновенно является въ твердомъ видѣ, напр. тсар̇, тсы́пка, ат̇а̇тс, передъ звукомъ *е* оно среднее: т̇с̇а̇п, т̇с̇е́р̇къф мягкое *ц* является лишь какъ плодъ уподобленія, напр. въ словахъ атсу́т̇с̇в̇ьйа, б̇е́т̇с̇т̇в̇ьйа, с̇л̇е́т̇с̇т̇в̇ьйа, гдѣ пишется *тс* и *дс*, а кромѣ того въ пришлыхъ словахъ на ція: а́кт̇с̇ьйа, ас̇игна́т̇с̇ьйа, л̇е́кт̇с̇ьйа, хотя произносятъ также, по требованію русской фонетики, цыя: а́ктсыйа, ас̇игна́тсыйа, л̇а̇ктсыйа. Впрочемъ мягкое *ц* весьма обычно у Малороссовъ, которые говорятъ напр. воробе́т̇с̇ воробей, в̇ивт̇с̇а́, равно какъ у Бѣлоруссовъ, у коихъ оно развилось изъ мягкаго *т*: дат̇с̇, т̇с̇о́і̇с̇а [2]).

---

[1]) Насчетъ оттѣнковъ звука *и* срв. выше стр. 14—15.

[2]) Переходъ этотъ, съ коимъ сопряжено также превращеніе мягкаго *д* въ д'з', носитъ названіе дзеканья. Дзеканье, кромѣ бѣлорусской рѣчи

Ч есть *т̓*+*ш* среднее, или же *т'*+*ш'*, напр. т̓ ш̓ е с̓ т̓ или т̓ш̓ е с̓ т̓, н о т̓ ш̓ или н о т̓ ш̓; во всякомъ случаѣ оба элемента мягки при послѣдующемъ мягкомъ согласникѣ, напр. н а т̓ ш̓ н̓ и̓, п̓ е т̓ ш̓ к̓ и. Тѣмъ, что *ч* обыкновенно состоитъ изъ *т* мягкаго и *ш* средняго объясняется на первый взглядъ весьма странное явленіе, что *ч* суживаетъ предшествующіе гласные, но слѣдующее за нимъ *и*— разширяетъ: срв. м̓ е т̓ ш̓ и м̓ и т̓ ш̓ и̓ᵘ, п̓ е т̓ ш̓ и н ъ п̓ и т̓ ш̓ и̓ᵘ. Это вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить новымъ доказательствомъ сложности *ч*.

Трехзвучіе *щ* въ первыхъ двухъ элементахъ мягкое, а въ третьемъ—среднее, или же мягкое во всѣхъ трехъ: л̓ е ш̓ т̓ ш̓, р о́ ш̓ т̓ ш̓ а, ⁱ и ш̓ т̓ ш̓ у́ или л̓ е ш̓ т̓ ш̓, р о́ ш̓ т̓ ш̓ а, ⁱ и ш̓ т̓ ш̓ у́. Вмѣсто *штш* слышится также мягкое, протяжное *ш*: ⁱ и ш̓ ш̓ у́, ⁱ и ш̓ ш̓ о́; таково московское произношеніе, которое я однако затрудняюсь назвать вмѣстѣ съ тѣмъ «великорусско-литературнымъ» (Соб., Очерки изъ исторіи русскаго языка I, 110). Это ш̓ ш̓ естественно выводить изъ ш̓ т̓ ш̓ просто черезъ опущеніе средняго элемента, а не путемъ какой-то «ассимиляціи» (Соб. Лекціи по ист. русск. яз., 94, во 2 изд.—119); также «сѣв.-великор. ш т ю к а=щ у к а, е ш т ё= ещо и т. п.», являющіяся «спорадически, вслѣдствіе диссимиляціи», я объясняю опущеніемъ п о с л ѣ д н я г о элемента.

Шипящіе и *ц* въ старорусскомъ, какъ принимаютъ всѣ изслѣдователи, на основаніи господствующихъ въ старѣйшихъ памятникахъ написаній въ родѣ чѧ, чѧ, чю, всегда были м я г к и. По Колосову отвердѣніе ихъ, начавшись не позже XII вѣка, къ XV-му завершилось. Но, какъ отмѣтилъ уже Потебня, въ Замѣткахъ по историч. грамм. рус. яз., это излишнее обобщеніе, т. к. мягкость

встрѣчается еще кое-гдѣ: изъ сѣверныхъ великороссовъ у Ситкарей (на рѣкѣ Сити, Моложскаго уѣзда Ярославской губерніи), а изъ малороссовъ у Заблудовцевъ (Заблудовье — Бѣлостоцкій и отчасти Бѣльскій уѣздъ Гродненской губ.) и у нѣкоторыхъ угорскихъ русиновъ, въ Шарошпотацкомъ комитатѣ (Семеновичъ въ Сборникѣ учениковъ В. И. Ламанскаго).

и донынѣ кое-гдѣ сохраняется, о чемъ можно справиться у Потебни (О звуковыхъ особенностяхъ, 10 в, г) и у самого Колосова, въ его позднѣйшемъ трудѣ, Обзорѣ. Съ другой стороны болѣе ранніе примѣры твердости шипящихъ (Очеркъ, стр. 80): **ловица, вїѫ** и т. п. могутъ быть просто написаніями на церковный ладъ, и достовѣрны лишь тѣ случаи, въ коихъ являются сочетанія *жы, шы, цы*, а такіе примѣры встрѣчаются только съ XIV-го вѣка (Соб. Лекціи, 93; 2 изд. 118).

Чередованіе звуковъ.

Окончивъ обзоръ отдѣльныхъ звуковъ, обратимся къ тѣмъ измѣненіямъ, которымъ они подвергаются при производствѣ и при измѣненіи словъ—здѣсь придется говорить и о гласныхъ и о согласныхъ звукахъ, но преимущественно о послѣднихъ. Чередованіе звуковъ бываетъ двухъ родовъ, изъ коихъ я для одного сохраняю обыкновенное названіе звукового *перехода*, а другой называю звуковой *подстановкой*. О переходѣ можно говорить напр. въ такихъ случаяхъ, какъ род. мн. ч. в о *т* вм. в о *д*, т. к. превращеніе конечнаго *д* въ *т* составляетъ для насъ органическую потребность, на столько, что, не наломавъ языка на иностранный ладъ, мы и французское mode вм. м о *д* произнесемъ м о *т*; таково же чередованіе а̊ съ е (срв. выше, стр. 6—8). Примѣромъ подстановки можетъ служить хоть слово j о́ л к а рядомъ съ j е́ л̀: чередованіе здѣсь *е* и *о* происходитъ по преданію, т. к. звуковые законы современной рѣчи вполнѣ допускаютъ выговоръ j а̊ л к а (конечно, не j е́ л к а), или же j о л̀—срв. в и с о́ л̀ ь н̀ к ъ й. Другой примѣръ подстановки: слово с у́ ж ъ н ъ й могло бы не мѣнять *д* на *ж*—с у́ д̀ ь н ъ й столь же возможно, какъ дѣйствительно существующее к р а́ д̀ ь н ъ й, и лишь въ силу привычки удерживается *ж* [1]).

---

[1]) Необходимость историческаго взгляда на звуковую мѣну отчетливо выставлена Колосовымъ въ его „Замѣткахъ о звукахъ русскаго и старославянскаго языковъ. (По поводу 3-го изданія Исторической Грамматики Буслаева и I-го тома Сравнительной Грамматики Шерцля)“, Фил. Зап., 1872, вып. IV. Подробнѣе толкуетъ объ этомъ Бодуэнъ-де-Куртенэ. „Нѣкоторые отдѣлы сравнительной фонетики словянских языков“. Р. Ф. В.,

Различая звуковую подстановку отъ перехода, мы должны однако признать, что въ основѣ своей это одно и тоже явленіе; подстановка обусловливается прежними звуковыми законами и есть ничто иное, какъ закостенѣвшій переходъ: с у́ ж е н о й напр. когда-то развилось изъ древнѣйшаго сѫдјенъи путемъ перехода *дј* въ *ж*. Поэтому, естественно, нельзя провести точной границы между подстановкой и переходомъ. Такъ переходъ звука *к* передъ узкими гласными въ *ц* и въ *ч*, по свидѣтельству всѣхъ славянскихъ языковъ, несомнѣнно совершился еще въ праславянскомъ, и староцерковная мѣна звуковъ въ родѣ ржка, въ ржцѣ, ржчьнъ представляетъ не переходъ, а подстановку, но это чередованіе такое живое, такъ послѣдовательно выдерживается, что мы погрѣшимъ несущественно, если назовемъ его переходомъ.

Какъ съ одной стороны бываютъ живыя чередованія, такъ съ другой стороны бываютъ устарѣвшія, законы которыхъ совершенно вышли изъ сознанія, а иногда даже не поддаются научному объясненію. Такія чередованія нерѣдко устраняются путемъ подравненія. Напр. глаголъ х о т ѣ т ь первоначально представлялъ *о* только въ настоящныхъ формахъ, а въ инфинитивныхъ являлся *ъ*, но въ русскомъ языкѣ *о* проведено по всѣмъ формамъ. Уже въ староцерковномъ рядомъ съ хътѣти встрѣчается хотѣти, а иногда также наоборотъ въ настоящемъ—хъштеши вм. обыкновеннаго хоштеши. Такимъ образомъ при подобной подправкѣ новая огласовка можетъ вовсе вытѣснить старую, или же употребляться съ нею рядомъ. Случается, что съ уцѣлѣвшею древней огласовкой соединяется нѣкоторый оттѣнокъ значенія: слово м о́ ш к а напр. есть ничто иное, какъ уменьшительное къ м у́ х а, т. к. равно поль. meszka (pchła ziemna), сродни со староцерк. мъшица и предполагаетъ основное мъшька, срв. чередованіе *у* съ *о* въ прилаг. с у х о й=соухъи и въ глаголѣ с о́ х н у т ь=съхнѫти; однако теперь какъ уменьшительное употребляется переиначенное м у́ ш к а [1]), а м о́ ш к а стало

т. V (1881 г.)—статья впрочемъ неудобная для чтенія, между прочимъ вслѣдствіе цѣлаго ряда новыхъ латинскихъ терминовъ; то же неудобство представляетъ статья Крушевскаго „К вопросу о гунѣ“, тамъ же.

[1]) Приводимое въ словарѣ II-го Отдѣленія и у Даля м о́ х а (изъ употребленія мнѣ неизвѣстное) представляетъ обратное примѣненіе.

обозначать другое насѣкомое. При значительномъ измѣненіи звуковъ и смысла связь между разновидностями одного и того же корня можетъ совершенно порваться: такъ б д-и́ т е л ь н ы й, б у д-и́ т ь и с о-б л ю д-а́ т ь съ русской точки зрѣнія содержатъ три различныхъ корня, хотя первоначально бѣд, боуд и блюд, т. е. древнѣйшія bhudh, bhoudh и bheudh, были разновидностями одного. Иной разъ сохранившееся чередованіе, поступивши такъ сказать на службу производства, распространяется за свои первоначальные предѣлы: такой случай представляютъ наши глаголы на -и в а т ь, -ы в а т ь, при образованіи которыхъ коренное *о* замѣняется черезъ *а*—по примѣру наслѣдственнаго соотношенія х о́ д и т и п о х а́ ж и в а е т, с п о́ р и т и о с п а́ р и в а е т [1]) развилась 1) замѣна черезъ *а* второго *о* въ полногласіи: п о в о р о́ т и т—п о в о р а́ ч и в а е т, к о л о́ т и т—в ы к о л а́ ч и в а е т, п о л о́ щ е т—в ы п о л а́ с к и в а е т и 2) замѣна имъ прояснившагося ъ: к о́ р м и т—о т к а́ р м л и в а е т; *а́* вм. такого *о* представляютъ также глаголы р а з б а́ л т ы в а т ь, п о м а́ л к и в а т ь, о т т а́ л к и в а т ь рядомъ съ б о л т а́ т ь, м о л ч а́ т ь, т о л к а́ т ь, содержащіе *о* на письмѣ и при окальскомъ произношеніи. Своеобразенъ глаголъ з а п о д а́ з р и в а т ь, при з а п о д о́ з р и т ь, гдѣ превратился въ *да* (правда, не сознаваемый ясно) п р е д л о г ъ *до*.

Въ области согласныхъ, можно сказать, самый замѣчательный случай подстановки есть такъ называемое с м я г ч е н і е, т. е. замѣна задненёбныхъ: *к* черезъ *ц*, *ч*; *г*—черезъ *з*, *ж*; *х*—черезъ *с*, *ш*; замѣна зубныхъ *т* и *д* черезъ *ч* и *ж*; замѣна губныхъ *п*, *б*, *м*, *в* черезъ *пл'*, *бл'*, *мл'*, *вл'*. Терминъ «смягченіе» мы вслѣдъ за Бодуэномъ-де-Куртенэ, должны признать неудачнымъ, т. к. звуки получаемые при упомянутомъ превращеніи въ настоящее время могутъ и не быть мягкими; но, за незнаніемъ лучшаго, я пользуюсь имъ какъ терминомъ условнымъ; при чемъ отличаю отъ него у м я г ч е н і е (терминъ Гротовскій): «смягченіе» у меня то же, что̀ «переходное» смягченіе Срезневскаго, умягченіе—что̀ «непереходное, непосредственное» т. е. напр. замѣна *к* черезъ *к'*, *т* черезъ *ť*. Умягче-

[1]) Привожу примѣры въ настоящемъ времени, т. к. въ инфинитивѣ древнее соотношеніе нерѣдко скрашивается аканьемъ.

ніе заслуживаетъ названіе перехода: образуя напр. мѣстный падежъ къ недавно заимствованному слову т е л е ф о́ н, мы въ немъ невольно превращаемъ твердый *н* въ мягкій—а т ь і и ф о́ н ѣ (-и). Напротивъ того «смягченіе» представляетъ звуковую подстановку, и неправильно говорить, будто «русскій языкъ смягчаетъ» напр. *ки* въ *чи*; другой примѣръ на смягченіе уже приведенъ выше, какъ образчикъ подстановки. Смягченіе несомнѣнно явленіе древнее: превращеніе *к*, *т*, *х* передъ *j* и узкими гласными въ шипящіе, а передъ однимъ изъ такихъ гласныхъ, дифтонговымъ *ѣ* [1]) и замѣняющимъ дифтонговый *ѣ—и*, въ свистящіе, которое повторяется во всѣхъ славянскихъ языкахъ, и притомъ господствуетъ съ большею строгостью въ болѣе ранніе періоды, совершилось уже на праславянской почвѣ. Вѣроятно у Праславянъ же произошло и смягченіе мгновенныхъ зубныхъ передъ j, которое, хотя и въ различномъ видѣ, свойственно всѣмъ славянскимъ языкамъ—причемъ всѣ измѣненія древнихъ tj и dj (кромѣ болгарско-староцерковныхъ шт и жд, представляющихъ затрудненіе и при другихъ толкованіяхъ) съ удобствомъ выводятся изъ т҃с҃ и д҃з҃, напр. с в ѣ т҃с҃ а́ и м е д҃з҃ а́, которыя я считаю праславянскими. См. мою замѣтку «Два слова о смягченіи т и д». Грамм. зам., I, 74=Р. Ф. В., т. VII, стр. 278. Смягченіе губныхъ, если не праславянское (я не прочь допустить, что сѣверозападное з е м҃ а—поль. ziemia, чеш. země—такое же вторичное измѣненіе древнѣйшаго з е м і а́, какъ болг. з е м я́), то общее юговосточное.

Относительно tj и dj замѣчу еще, что между превращеніемъ перваго въ согласный дифтонгъ *ч*, а второго въ *ж* замѣчается нѣкоторое противорѣчіе, аналогію къ которому можно указать въ чешскомъ языкѣ: с в ѣ ч а́ по-чешски svíce, м е ж а́—meze. Чешское z, по свидѣтельству польскаго языка, а также словацкаго нарѣчія, представляющихъ выговоръ miedza, medza есть упрощеніе болѣе ранняго dz, соотвѣтственно коему и русское *ж* надо возводить къ дж. Однако упрощеніе дж произошло еще въ до-

[1]) Дифтонговый *ѣ—ѣ* произошедшій изъ дифтонга oi. Срв. мою статью О звуковомъ значеніи *ѣ*. Грамм. зам., т. I, стр. 44, въ 1 изд. 42=Р. Ф. В., т. VI, стр. 12.

историческую пору, т. к. уже старѣйшіе памятники русскаго письма, съ Остромировымъ евангеліемъ во главѣ, представляютъ смягченіе *д* въ *ж*. Употребительное въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ *дж* (напр. галицкія х о д ж у, р а д ж у, с а д ж е н и й рядомъ съ м е ж е, ч у ж и й) естественно объяснять подобно великорусскому *жд* (по-скольку оно народное, напр. въ словѣ у р о ж д а́ й р. съ у р о ж а́ й) позднѣйшимъ возстановленіемъ *д* въ угоду не смягчавшимъ его формамъ, какъ х о д и́ т и; тѣмъ болѣе, что это *дж* извѣстно по памятникамъ лишь съ XVII в. (Соб., Лекціи 126). Однако исключительное господство *дж* изъ *дj* въ Карпатскомъ говорѣ, напр. м е д ж е, ч у д ж и й (Пот., О звук. особ., 39) неудобно объяснять, вслѣдъ за Соболевскимъ, подражаніемъ возникшему у другихъ словъ колебанію между *ж* и *дж*, и мы кажется должны допустить здѣсь, соглашаясь отчасти съ Потебней, сохраненіе древнѣйшаго русскаго *дж*. Слѣдуетъ отмѣтить еще неодинаковое отношеніе старѣйшихъ памятниковъ къ смягченію *т* и *д*: при весьма нерѣдкомъ ж, почти не встрѣчается ч—Колосовъ приводитъ изъ памятниковъ XI в. только чуждиимъ Сб. 1073 г., чюжему Сб. 1076 г. и печерахъ тмж., а на счетъ XII-го говоритъ, что встрѣчаются хочеть Вкладн. Варл., очюженыи Жит. Бор. и Гл., чюжихъ Ев. 1143 г. и еще нѣсколько, но добавляетъ, основываясь особенно на первомъ примѣрѣ, что такое смягченіе въ живомъ языкѣ было обычно. Нельзя не согласиться съ этимъ замѣчаніемъ, сравнительную же рѣдкость ч можно оправдать тѣмъ, что гораздо легче было допустить, въ угоду русскому произношенію, пропускъ одной буквы (д), нежели замѣну знака щ или шт черезъ ч.

Примѣромъ на звуковой переходъ намъ служило превращеніе конечнаго *д* въ *т*—это частное проявленіе общаго закона, что в ъ и с х о д ѣ (или, употребляя другой терминъ, въ изглашеніи) г о л о с о в ы е с о г л а с н и к и с т а н о в я т с я б е з г о л о с н ы м и [1]: не только конечное *д* переходитъ въ *т*, такъ что напр. единственное число слова р о́ д ы совпадаетъ съ единственнымъ числомъ слова р т ы въ одной

[1]) Согласные очутились въ исходѣ, а во многихъ случаяхъ передъ другими согласными, лишь вслѣдствіе онѣмѣнія нѣкогда слѣдовавшихъ за ними ъ и ь.

фонемѣ р о *т*; но также *г* превращается въ *к*, причемъ совпадаютъ слова р о г ъ cornu и р о к ъ fatum; такимъ же образомъ мы произносимъ б о *х* (въ родительномъ б ó в а) [1]), в о *с*, л о *ф*, л о *п*. Одинакую судьбу съ твердыми согласными имѣютъ и мягкіе: к л а т̇, к̇ н̇ а с̇, к р о ф̇, г л у п̇. Мягкіе *в* и *б* въ изглашеніи, кромѣ перехода въ *ф* и *п*, наравнѣ съ *п* и *м*, склонны къ отвердѣнію и становятся средними или прямо твердыми: народная рѣчь, повидимому, лишь въ видѣ исключенія представляетъ изглашеніе на мягкій зубной (такъ въ Олонецкомъ, по Колосову, конечные губные мягки: кровь, рубь, корабь). Въ южновеликорусскомъ изъ числа согласныхъ подлежащихъ въ исходѣ обезголóшенію слѣдуетъ исключить *в*, каковой звукъ переходитъ въ полугласный (неслогóвое *у*), образуя съ предыдущими гласниками дифтонги: р о ў, п р а ў, к р а с̇ и ў. Одно изъ южновеликорусскихъ разнорѣчій, путивльское, и одно изъ сѣверныхъ, яренское (Яренскъ—Вологодской губ.), говорятъ, вовсе не превращаютъ конечныхъ голосовыхъ въ безголосные. Конечные голосовые свойствены также Малорусской рѣчи, гдѣ мы находимъ выговоръ р̇ и *д*, р̇ и б, н̇ и *ж*, в̇ и з, ш о *в*, л о *б*. Однако западные малороссы согласны съ великороссами, и Головацкій въ своей Грамматикѣ, 31, предписываетъ произносить л о *п*, х л і *п*, ч е р *ф* ь, д і *т*, о б л í *х* (облíг—цѣлина), к н я *с* ь, с т ó р о *ш*. Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что восточные малороссы и согласные съ ними великороссы въ этомъ случаѣ вовсе не сохранили старину, а в о з с т а н о в и л и голосовые согласные изъ другихъ формъ. Остатокъ общерусскаго обезголóшенія я усматриваю въ словѣ д о щ, род. д о щ á, которое звучитъ такъ и на Украйнѣ, и естественнѣй всего объясняется переходомъ старѣйшаго д о ж̇ д̑ ж̇ ь—д о ж̇ д̑ ж̇ á въ д о *щ*—д о ж д̑ ж á, послѣ чего возникли, какъ новотворки къ именительному, косвенники д о щ á,-ý и т. д. Срв. поль. deszcz, род. dżdżu и deszczu.

Повсемѣстное исключеніе изъ разсматриваемаго закона представляетъ изглашеніе предлоговъ, напр. п а *д* а к н ó м, а *б* у р а ж á ᵏ и, ᵏ и *з* у г л á. Но это исключеніе мнимое, т. к. предлогъ не само-

---

[1]) При проточномъ выговорѣ *г* вм. него всегда получается *х*: въ южновеликорусскомъ говорѣ слышится р о *х*, д р у *х* и т. п.

стоятельное слово, а составляетъ одно цѣлое съ «управляемымъ» имъ именемъ, только по этому вѣдь и могли возникнуть безсложные предлоги *в*, *к* и *с*. Нужно сдѣлать оговорку и насчетъ изглашенія самостоятельныхъ словъ, когда за ними, безо всякой паузы, слѣдуетъ голосовой согласный, напр. р ò *д* Г а л и́ т с ы н ы х. Сомнительно, сохранился ли въ такихъ соединеніяхъ древній выговоръ, или же голосовые вновь возникли изъ безголосныхъ путемъ уподобленія; въ пользу второго взгляда говоритъ появленіе безголосныхъ передъ гласными и передъ согласными нейтральными: р ò *т* У́ х т ъ м̇ с̇ к̇ ь х, р ò *т* Н а р ы́ ш̇ к̇ ь н ы х, хотя такіе случаи могли бы представлять п о д р а ж а н і е другимъ, гдѣ *т* развилось фонетически.

Что касается хронологіи обезголо́шенія конечныхъ согласниковъ, то Соболевскій приводитъ на него лишь единичные примѣры изъ памятниковъ XIII в. (калан*т*ъ Кормч. 1282 г., отину*т*ь Пс. 1296 г.), но мы можемъ за нимъ повторить, что «нѣтъ основанія думать, чтобы эта замѣна получила развитіе въ очень позднее время»: вѣдь и теперь мало-мальски грамотный не собьется въ употребленіи окончаній *бъ*, *дъ* и т. д.

Перейдемъ къ согласнымъ с о з в у ч і я м ъ (иначе говоря, къ согласнымъ сочетаніямъ или группамъ). Созвучія вообще бываютъ о д н о р о д н ы, т. е. голосовые согласники не сочетаются съ безголосными, мягкіе—съ твердыми.

Голосовые согласные передъ безголосными о б е з г о л а ш и в а ю т с я: изъ первоначальныхъ в о д ъ к а, г ѫ б ъ к а, л а в ъ к а, н о ж ь к а и т. п. выходитъ в о́ *т* к а, г у́ *п* к а, л а́ *ф* к а, н о́ *ш* к а. Иногда безголосные звуки, вслѣдствіе подражанія, заходятъ и въ такія формы, гдѣ могли бы сохраняться голосовые, такъ слово б у́ т к а образуетъ род. мн. б у́ т ъ к, уменьшительное б у́ т ъ ч к а и производное б у́ т ъ ш̇ н̇ ь к, и первоначальное *д* сохраняется только на письмѣ, да иногда въ книжно-ломанномъ произношеніи. Въ народной рѣчи подобная замѣна встрѣчается и у другихъ (вѣроятно у всѣхъ) словъ этого рода; отмѣчены напр. л о́ т о к вят., л о́ т ы ч к а нж., перм., кур. (щигров. у.), ш у́ п а ч к а кур., в о́ т а ч к а кур. (щигр.), л о́ ш е ч к а влгд., п о н е м н о́ ш е ч к у олон. Съ указанными словами можно сравнить поль. уменьшительное łepek отъ łeb-łba. Малорусское нарѣчіе, въ восточныхъ говорахъ, не знаетъ

обезголо́шенья, а произноситъ н̇и́*ж*ка, с̇л̇и́ᴺ*з̇*к̇иᴺй, р*о*зказува́т̇иᴺ, помовт̇и́ᴺ, ве*з̇*т̇и́ᴺ, п̇и*д* столо́м, но Галичане (по показаніямъ Головацкаго, § 56, стр. 29, и Осадцы, § 560) говорятъ б*у́п*ка, л*о́ш*ка, л̇*е́х*ко, *ф*тори́ᴺй, и т. д. Малорусскіе голосовые передъ безголосными я склоненъ объяснять позднѣйшимъ возстановленіемъ изъ родственныхъ формъ: слово т*е*ск*о́* тёзка вм. ожидаемаго т*е*з*к*о́, кажется, представляетъ объ этомъ, хотя единичное, но вѣское свидѣтельство. Великорусскіе (а именно южные) говоры уклоняются отъ общаго закона, когда дѣло касается звука *в*, который превращается въ полугласный (неслого́вое *у*), если ему предшествуетъ гласный звукъ, или въ настоящій гласный (*у* слоговое): л*а́*ўка, д̇а̇ўка—у с̇о́, удава́. Эти явленія не вовсе чужды и сѣверно-великорусскому; у Малороссовъ же начальное *у* вм. *в* передъ согласными весьма обычно, а *в* въ какомъ-нибудь б*р*і́вка лишь слегка приближается къ полугласности. Срв. сказанное объ изглашеніи, стр. 126. Обезголо́шеніе передъ безголосными Соболевскій (стр. 98) склоненъ возводить ко второй половинѣ XIII вѣка, при чемъ указываетъ примѣры начиная съ 1307 года (у*с*кими въ Поликарповомъ ев.), а изъ смоленскаго договора 1229 г.—написаніе ризкии, свидѣтельствующее-де о сохраненіи въ то время голосовыхъ передъ безголосными. Мнѣ однако кажется, что *жск* никакъ не могло перейти въ *зк*, которое я считаю только хитрымъ написаніемъ вмѣсто *ск* и толкую такимъ образомъ въ пользу болѣе ранняго совпаденія древняго *зк* съ *ск*.

Безголосный звукъ передъ голосовымъ звукомъ г*о*лосовѣетъ: **съдати, отъ брата, къде, просьба, сватьба** являются въ видѣ з*д*ат̇, а*д*бра́та, в̇д̇ä, пр*о́з̇*ба, сва́д̇ба. Вслѣдствіе подражанія голосовой можетъ зайти въ такія формы, гдѣ долженъ бы сохраняться безголосный: слово сва́дьба образуетъ род. мн. сва́*д*еб и прилаг. сва́*д*ебный, вм. сва́*т*еб и сва́*т*ебный (срв. сватъ, сва́таться). Исключеніе составляетъ звукъ *в*, который терпитъ передъ собой безголосные: с̇в̇ä т, т̇в̇о́рдъй, к̇л̇у́ква, хвост. Въ такихъ случаяхъ, какъ утверждаютъ иные (Бодуэнъ-де-Куртенэ), происходитъ обратное уподобленіе, и являются сочетанія *сф*, *тф*, *кф*, *хф*,—дѣйствительно встрѣчаются, говорящія въ пользу такого взгляда написанія **Тферь, Тихфинъ**, а у Поляковъ (однако не у всѣхъ) явственно слышат-

ся tfardy, kfiat вм. twardy, kwiat. Не посрединѣ ли правда, т. е. не содержатъ ли подобныя созвучія, въ обыкновенномъ русскомъ произношеніи, *с* смахивающій на *з* (не совсѣмъ безголосный) и *в* приближающееся къ *ф* (голосовое, но въ слабой степени)? Подобное же исключеніе представляютъ—отчасти древнія—сочетанія безголосныхъ съ *р*, *л*, *н*, *м*: *кр*'ик, *тр*уп, ра́*тн*ъй, ја́*сн*ъй, ḱи́*сл*ъй, у́*тл*ъй, за*т̓м̓и́т̓*, ва*с̓*мо́й, въ нихъ также не то возникаютъ безголосные *р*, *л*, *н*, *м*, не то происходитъ взаимное примѣненіе. Голосовѣніе *с* передъ *м* въ такихъ словахъ какъ Кузьма, Измаил, организм, явленіе не русской, а греческой фонетики.—Превращеніе безголосныхъ въ голосовые происходитъ также въ концѣ словъ (не только предлоговъ, но и словъ самостоятельныхъ), если только не дѣлать послѣ нихъ паузу; мы говоримъ напр. бра̀*д* забы̀л ḱн̓и́гу, по̀*б* дава̀л сто́ руб̓л̓е́й, но́*з* бал̓и̓т, мы́*ж* б̓ижы̀т, т͡с̓ѐб̓ зазв̓ин̓а̂ла, гра̀*в* Га́бзбурскъй, прарò*г* Давы́т, мо́*в* гар̓и̓т; также бра̀*д* Дан̓и́л, по̀*б* бран̓и̓л мужыка́, но́*з* зъбал̓а̂л, мы̀*ж* жа́лъбна п̓иш̓т̓ша́ла, т͡с̓ѐ*б*' буд̓ьт с̓н̓а́та, гра̀в ва́жн̓ьт͡п̓ъйьт, прарò*г* грам̓и̓л паро́ḱи [1]). Однако Богородицкій и Александровъ, въ своихъ фонетическихъ транскрипціяхъ разсказа «Ось и чека» оба пишутъ (а кък уш) ра̀*с* зъгар̓а̂лас̓ о̀с̓ [2]); хотя по моему въ этомъ случаѣ не можетъ быть паузы (и Богородицкій здѣсь паузы не отмѣчаетъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть созвучія *с*з. Говорю о невозможности для русскаго языка: сами по себѣ сочетанія въ родѣ *с*з, *п*б возможны и дѣйствительно существуютъ въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ необходимая для такого произношенія пауза, будучи минимальною, нисколько не мѣшаетъ цѣльности словъ, какъ л̓о̄́с̓з̓а̄вн̣, а̀*п̓*б̓и̓ᵘт̓н̣, о̀ўф̓в̓ӣјн̣; сравнимъ еще м̓и̓ᵘ*т̓*б̓ўрјр, в̓а̂й̓с̓б̓ӣр, шл̓а̀*х̓*б̓оўм и особенно своеобразное *п̓*зал̓м̓ [3]), а также литовскія *ш*б, *шж*, *п*д въ

[1]) Сочетанія *гд* и *гг* (*кд* и *кг*) могутъ, кажется, переходить также въ вд и вг.

[2]) В. А. Богородицкій. Курсъ грамматики русскаго языка. Ч. I. Фонетика (Варш. 1887), стр. 107 и 116=Р. Ф. В., т. XV, стр. 119 и 128.

[3]) Нѣмецкая орфографія этихъ словъ: lossagen, abbitten, aufwiegen, Mitbürger, Weiszbier, Schlagbaum, Psalm.

iszbégu выбѣгаю, iszżvejóju вылавливаю, lìpdamas лѣзущій [1]). Относительно хронологіи голосовѣнія передъ голосовыми естественно, хотя не обязательно, думать вмѣстѣ съ Соболевскимъ (Лекц. стр. 97), что оно произошло тотчасъ послѣ того, какъ безголосные—съ изчезновеніемъ ъ или ь—очутились передъ голосовыми; проявленіе этого уподобленія на письмѣ начинается съ XIII в.: ѥде, нѣѥдѣ Жит. Ниф. 1219 г. (тж., стр. 98).

Мягкіе согласные передъ твердыми—въ какомъ положеніи они могли очутиться, конечно, лишь по выпаденіи за ними ь—твердѣютъ. Напр. ка*н*т͡сы́, ба*р*т͡сы́, з̓в̓а̓*р*скъй, вздо́*р*нъй, по́*т*нъй изъ основныхъ **коньци, борьци, ꙁвѣрьскъи, въꙁдорьнъи, потьнъи**, гдѣ сначала, какъ слѣдъ онѣмѣвшаго ь, необходимо предполагать мягкость. Гротъ, когда говоритъ, что передъ наставками ный и скій не происходитъ умягченія у словъ на ъ и даже замѣчается у словъ на ь отвердѣніе, грѣшитъ противъ исторіи языка: въ какомъ-нибудь пу́тнъй, не смотря на пу*т̓*, нечего ждать мягкости вмѣсто твердости въ по́тнъй, т. к. русскій языкъ унаслѣдовалъ и только подвергъ дальнѣйшимъ изѣненіямъ сходныя фонемы **пѫтьнъи** и **потьнъи**. Разницы можно бы еще ждать между такими словами какъ м̓ирско́й и т͡са́рскъй, ⁱиспали́нскъй и ко́нскъй, го́рнъй и бу́рнъй, т. к. мы въ праславянскомъ должны предполагать съ одной стороны **мирьскъи, исполиньскъи, горьнъи** со средними согласными передъ ь, а съ другой стороны (въ виду первичницъ **цѣсар̑ь, кон̑ь, боурꙗ**) **цѣсар̑ьскъи, кон̑ьскъи** и **боур̑ьнъи**—съ мягкими; однако въ русскомъ языкѣ, гдѣ нѣмѣвшій ь всегда оставлялъ по себѣ мягкость, эта двойственность была сглажена. Всѣ указанные примѣры представляютъ отвердѣніе передъ твердыми зубными; передъ задненёбными и губными мягкость сохраняется: н̓а́н̓ка, бар̓ба́, пис̓мо́ [2]).

---

[1]) Kurschat, Friedr. Grammatik des littauischen Sprache, Halle 1876, § 129 a.

[2]) Срв. мои Грамм. зам., т. I, стр. 89=Р. Ф. В., т. VIII, стр. 191; срв. также польское расширеніе *e* и *ѣ* въ 'о и въ 'а только передъ твердыми зубными (да еще передъ r) sioło, las, но pogrzeb, wiek.

Особое положеніе занимаетъ звукъ л̇, который сохраняется и передъ твердыми зубниками: не только с̇т̇р̇ил̇б̇а́, б'ил̇мо́, по́л̇ка [1]), 'Ол̇га, но также с̇е́л̇скъй, д̇е́л̇нъй, засто́л̇нъй. Впрочемъ въ областной (сѣверновеликорусской и малорусской) рѣчи попадается также отвѣрдѣніе л̇: си́лной, болно́й, болшо́й, то́лко и т. п.; во́лний, бі́лший, ті́лко и т. п. (Соб., Лекц. 106). Писменное проявленье отвердѣнія отмѣчено уже въ XIII и даже въ XII вѣкѣ: въ Галицк. ев. 1266 г. читается снѣдъно, равъны, темъны, въ Добрил. ев. 1164 г. нивъныхъ. Въ Галицк. ев. встрѣчаются также написанія болъна, доволъно (Тж., стр. 105).

Твердые согласные, очутившись (по выпаденіи ъ) передъ мягкими, подвергаются уподобленію и умягчаются, становясь мягкими, или средними; иногда впрочемъ умягченіе столь незначительно, что можно говорить о сохраненіи твердости. Не всѣ согласные одинаково способны умягчать другіе звуки, или сами умягчаться; кромѣ того въ этомъ дѣлѣ не мало мѣстнаго, а м. б. и личнаго разнообразія. Такъ губные и шипящіе даже передъ j, отъ коего прежде были отдѣлены также умягчительнымъ ь, имѣютъ средній выговоръ: б̇ j у, п̇ j у, в̇ j у; ру ж̇ j о́, мы ш̇ j а́к. Впервые подмѣтившій здѣсь несогласіе произношенія съ письмомъ прот. Павскій впалъ въ преувеличеніе, усмотрѣвши здѣсь твердый выговоръ; кромѣ того онъ напрасно относилъ сюда же *ч* и *щ*. Или м. б. у него сказалось какое-нибудь областное произношеніе? По Коршу, въ нижецитуемой статьѣ, передъ j не умягчаются только *ш* и *ж*. У Малороссовъ и Бѣлоруссовъ губные передъ j дѣйствительно тверды, или почти тверды. Примѣры на полное умягченіе: в а с̇н̇а̂ (въ сънѣ), н а д̇н̇а̂ (на дънѣ), п р а д̇л̇и́т̇ (*продълити: рус.

---

[1]) Это слово представляетъ отступленіе отъ даваемаго Гротомъ правила, что „л умягчается передъ всѣми наставками, *кромѣ начинающихся съ к*", самое же правило развилось вслѣдствіе того, что передъ начальными согласниками нашихъ суффиксовъ обыкновенно выпалъ ь, а передъ начальнымъ *к*—ъ: м'а̂лкъй, ко́лкъй, в̇и́лка, с͡сы́лка=мѣлъкъи, колъкъи, вилъка, съсылъка.

вдоль), з'ѧ̀ить (*ꙁълити); на половинное: с к'а̀м (съ *кмь) [1], г'ѝни! (гъни!), ѣ̀да (къде); на минимальное умягченіе: го́рки, са́нки, па́лки [2]). Въ иныхъ словахъ д. б. не происходило выпаденія ъ, т. к. они образованы, или же подправлены въ сравнительно позднее время, когда уже не было особаго звука ъ—таковы предложныя слова сјѐсѣ́ (стрцк. съѣсти), вја̀ст-вја̀зда, падјо́м и т. п. [3]). Такой случай представляютъ и только что приведенныя го́рки, са́нки, па́лки, т. к. ъ изъ основныхъ фонемъ горъкъı, санъкъı, палъкъı, конечно, выпалъ ранѣе, чѣмъ слогъ *кг*, перешедши въ к'и, пріобрѣлъ умягчительность. Надо полагать, что, при чисто звуковомъ развитіи, постепенное умягченіе слога *кг* сопровождалось бы такимъ же умягченіемъ предшествующаго звука, и получился бы выговоръ го́р̀к'и, са́н̀к'и, па́л̀к'и; если же *р, н, л* довольно тверды, то въ этомъ естественно видѣть примѣненіе къ другимъ падежамъ, какъ го́рка, -у и т. д. Такъ же я объясняю привычное мнѣ, какъ и Гроту, произношеніе д̀а̀ф̀к'и (или, если угодно, д̀е́ф̀к'и: *е*, кажется, не очень широкое); рекомендуемое Коршемъ—д̀е́ф̀'к'и ститаю самороднымъ [4]). Со словами нѣкогда представлявшими ъ не слѣдуетъ ставить на одну доску такія слова, гдѣ согласные издавна соприкасались и никогда не могло быть твердаго выговора, какъ н̀е́с̀н̀и (стрцк. пѣсни), ва[ʌ]и́н̀с̀т̀ѣ̀ьнъı̆ (конньствьнъı̆): здѣсь уже у

---

[1]) Наша буква ъ въ такихъ случаяхъ не имѣетъ своего настоящаго значенія, а иногда и вполнѣ равносильна ѣ: напр. слово абјо́м отличается отъ слова пабјо́м только отсутствіемъ звука *п*.

[2]) Послѣднее слово, вслѣдствіе весьма распространенной картавости, превращающей твердый л въ чисто-губное (т. е. не зубно-губное) в, похожее на англійское w, а послѣ гласныхъ въ закрытыхъ слогахъ—въ неслогово́е *у*, такъ что получаются дифтонги оў, аў, ӓў, иў, ыў, можетъ и не представлять своеобразнаго *л*.

[3]) Срв. мою статью „Об устраненіи ъ", стр. 5=Р. Ф. В., т. XIV, стр. 351. Въ этой статьѣ я впрочемъ напрасно приписывалъ словамъ съѣсть и объявить *с и б мягкія*.

[4]) Я. К. Гротъ. О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка (Филолог. разыск.). Th. Korsch. Weitere Beobachtungen über die Aussprache des Russischen (Arch. f. sl. Ph., B. III).

Праславянъ имѣлось нѣкоторое умягченіе (выговоръ средній), и въ Русскомъ языкѣ произошло только усиленіе мягкости. Тѣмъ менѣе можно говорить объ уподобленіи тамъ, гдѣ послѣ согласнаго выпалъ оставлявшій по себѣ мягкость ъ, напр. въ словахъ на *чик*: м а́ л ъ̀ т͡ш ь̀ к, к о́ н ъ̀ т͡ш ь̀ к, л а́ р ъ̀ т͡ш ь̀ к=*мальчикъ, *коньчикъ, *ларчикъ, также *д* въ словахъ б ѣ д с т в і е и п о з д н і й (б'е́т͡сьтвьйа, п о́ з' н ь̀ й), давшее въ первомъ словѣ *т*, а во второмъ выпавшее, вовсе не умягчилось путемъ уподобленія, т. к. первоначальныя формы были б ѣ д ъ с т в ь ј е, п о з д ъ н ь̀ й (стрцк. поздынъ). Коршъ, и въ большей еще степени Гротъ недостаточно обращаютъ вниманіе на указанное обстоятельство. Гротъ иногда даже сбивается со звуковъ на буквы и ожидалъ бы умягченія въ словахъ т о́ р ж ъ ш ъ̀ т͡ш а, с т а́ р ш ъ й передъ отвердѣвшими *ж* и *ш*: здѣсь напротивъ того произошло отвердѣніе въ одномъ случаѣ мягкаго или средняго, а въ другомъ несомнѣнно мягкаго *р*—основныя фонемы т ъ р̀ ж' и щ' е или т ъ р̀ ж' и щ' е и с т а р̀ ш ь̀ й (стрцк. старьшии вин. п.).—Что до времени умягченія передъ мягкостью, то Соболевскій (Лекц., стр. 105) приводитъ на него примѣры уже изъ памятниковъ XII—XIII вѣка: в ъ з я, в ъ з я т и Добр. Ев. 1164 г., р о п ъ щ ю т ь Псалт. 1296 г., а л ъ ч ь н а, а л ъ ч ю щ а Галиц. Ев. ок. 1266 г. [1]).

Ш и п я щ і е и с в и с т я щ і е н е с о ч е т а е м ы, и свистящій передъ шипящимъ самъ становится таковымъ же, вмѣстѣ съ чѣмъ, разумѣется, происходитъ также уподобленіе голосового слѣдующему безголосному или безголоснаго—голосовому: вмѣсто *сш*, *зш* появляется двойное, или, лучше сказать, нѣсколько протяжное *ш*, вмѣсто *зж*, *сж*—такое-же *ж*, напр. ш͡ш у́ м ъ м, б и ш͡ш у́ м у;

---

[1]) Послѣднее слово меня нѣсколько затрудняетъ: хотя теперешній выговоръ а л ъ ч н ы й, а л ъ ч у щ і й и могъ бы считаться вторичнымъ порожденіемъ орфографіи, но вѣдь мы произносимъ м а л ъ̀ ш а́ т. Приводимыя тамъ же ж а л ь ч е и м е л ь ч е д. б. заимствовали мягкость у болѣе раннихъ ж а л ь̂ ш е и м ѣ л ь̂ ш е (вѣдь первичная сравнительная степень первоначально производится отъ корня), или же произошли изъ нихъ посредствомъ замѣны *ш*, въ угоду звуку *ж* положительной степени, черезъ *ч*.

ж͡ж ы н о́ й у, б̓ ь ж͡ж ы н ы́; ш̓т͡ш̓ е́ с̓т̓ ј у, б̓ и ш̓т͡ш̓ е́ с̓т̓ и. (Передъ ш̓т͡ш̓ *з* и *с* вовсе пропадаютъ: б̓ и ш̓т͡ш̓ о́ т̓ к'и; сочетанія *сщ* въ предложныхъ соединеніяхъ не существуетъ, т. к. говорятъ напр. с *а* ш̓т͡ш̓ о́ т к ъ й, мы однако встрѣтимся съ нимъ ниже). Впрочемъ насчетъ ж͡ж и ш͡ш изъ *зж* и *зш* слѣдуетъ сдѣлать оговорку, которая относится также къ з͡з и с͡с (напр. б̓ ь з͡з а б о́ т, б̓ и с̓с̓и́ л ы). Въ староцерковномъ, какъ извѣстно, предлоги, которые у насъ въ отдѣльномъ написаніи кончаются на *зъ*, обыкновенно ъ не имѣютъ и подвергаются сліянію съ согласнымъ зачиномъ соединяемаго съ ними реченія, напр. **бештисльнъ, бештисла, нжденѫ** (**шт** и **жд** вторичное упрощеніе ш͡тш и ж͡дж изъ з͡тш, з͡дж); **бесилы, безъла; бездразоума** (съ переходнымъ отъ *з* къ *р* звукомъ *д*); **бежиѥго** (съ такимъ же смягченіемъ какъ **мышлѭ** къ **мыслити**). Если же русскій языкъ въ такихъ случаяхъ унаслѣдовалъ *щ*, *ждж* и т. д. (соотвѣтственныя написанія, кромѣ **жн**, вполнѣ обычны въ старѣйшихъ русскихъ памятникахъ, напр. из-д-Ростова Сказ. о Бор. и Гл., по сп. XII в.), то соединеній *зш*, *зж*, *зч* въ немъ никогда не было, а произошла только п о п ы т к а возстановить въ чистомъ видѣ какъ изглашеніе предлога, такъ и зачинъ соединеннаго съ нимъ слова, при чемъ возстановляемое *з* прямо стало звучать *ж*, *ш* или *с*. Первые примѣры на возстановленіе (по Соб., Лекц. 130) р а *с с* у д и т и Тріодь Моис. кіевлян. XII—XIII в., 14, и *ж ъ ж* е н у т ь Ев. 1270 г., 24, б е *з з* л о б ь ѥ Кормч. ок. 1282 г., 458. Не слѣдуетъ однако забывать, что въ подобныхъ написаніяхъ могло бы отражаться мудрствованіе грамотѣевъ, а не живое произношеніе.—Стремленіемъ къ раздѣльности корня и приставки я объясняю себѣ также старинную замѣну *зш̓*, вмѣсто *ш̓*, черезъ *ш̓т͡ш̓*, напр. **ищъдъше** Остр. ев. 65 г., **ищьдъше** 99 а, **ращибе** Минея XII в., Ягичъ, 20, стрк. 2 сн. (едвали можно сомнѣваться, что **щ** здѣсь трифтонгъ, а не сокращеніе вм. **шт**); Соболевскій, Лекц. 46, склоненъ понимать здѣсь **щ** какъ *ш'ш'*, что̀ по моему весьма неправдоподобно.

Случаи, гдѣ бы приходились ш и п я щ і е п е р е д ъ с в и с т я щ и м и, рѣдки. Это бываетъ во 2 л. ед. ч. возвратныхъ глаголовъ, гдѣ *шс* является въ видѣ усиленнаго средняго *с*: с̓ т̓ р̓ и м̓ и̋ с̓с̓ а,

н̓ и с̓ о̏ с̑ с̑ а. При чисто звуковомъ развитіи окончаніе **ши** или ***шь+са** д. б. дало бы ш̓с̓а и далѣе с̓с̓а съ мягкимъ *с*, но здѣсь могло повліять отвердѣніе *с* послѣ *т* въ инфинитивѣ и въ третьеличьяхъ. Еще мы встрѣчаемъ такія сочетанія въ прилагательныхъ на ской, напр. волóшскій, прáжскій, мужскóй, петербýргскій (если въ послѣднемъ словѣ пишутъ *г*, то это только невѣрное правописаніе, срв. петербýр*ж*ецъ [1])—здѣсь *шс* и *жс*, передъ твердымъ согласнымъ переходятъ въ простой и твердый *с*. *Ч*, сливаясь со слѣдующимъ *с*, даетъ *ц*, что̀ бываетъ у тѣхъ же прилагательныхъ на ской, напр. мъладȁтскъй, *игрȁтскъй, мъскварȁтскъй=***младьчьскъи**, ***игрьчьскъи**, ***москворѣчьскъи**; таково же народное купȁтскъй при литературномъ купéт̓шьскъй. Для оправданія двоякости окончанія ȁтскъй и ет̓шьскъй можно сослаться на то̀, что **ь** между *ч* и *с* не всегда долженъ былъ онѣмѣть, а именно подлежалъ проясненію въ безчленной формѣ муж. р. **коупьчьскъ**, что̀ дало купéческ и въ именахъ на ство—***коупьчьство**, откуда купéчество.

Удвоеніе или, лучше сказать, усиленіе согласныхъ, каковое мы видѣли въ нѣкоторыхъ изъ только что отмѣченныхъ случаевъ, есть явленіе рѣдкое въ русскомъ языкѣ и вообще въ славянскихъ языкахъ (въ староцерковномъ, а д. б. и въ праславянскомъ его вовсе не существовало). Мы нерѣдко произносимъ усиленный *н* въ прилагательныхъ и страдательныхъ причастіяхъ: сȁннъй, пȁннъй, н̓ь п̓р̓имȁннъй; дȁннъй, жылȁннъй, ръз̓д̓ил̓ȍннъй и т. п. Срв. выше, стр. 101. Въ прилагательныхъ этого рода дѣйствительно имѣется соединеніе двухъ *н*, изъ коихъ одинъ принадлежитъ первичному имени, а второй про-

---

[1]) Дѣйствительно содержатъ сочетаніе *гс*=*кс* или *хс* прилагательныя таганрóгскій и криворóгскій, навѣрное, книжно-искусственныя, да м. б. въ живомъ употребленіи и не представляющія какофоническихъ созвучій *кск* или *хск*. Ужъ несомнѣнно книжное образованіе оскскій произносится ȍсскъй. Л'е́йп̓т̓с̓ь*х*скъй отъ иностраннаго Л'е́йп̓т̓с̓ьх и т. п. въ счетъ не идетъ.

изводственной наставкѣ: **сан-ьнъи, пѣн-ьнъи, непрѣ-мѣн-ьнъи**; причастія же не имѣютъ этимологическаго права на удвоеніе, которое появилось въ нихъ, думается мнѣ, вслѣдствіе того, что они стали чувствоваться производными отъ приглагольныхъ именъ на аніе, еніе, напр. желанный отъ желаніе. (Первоначальное соотношеніе, какъ извѣстно, обратное). Обособившіяся отъ глагола причастія лужóнъй, калóнъй, придáнъйа и т. п. остались безъ усиленія. Усиленный л представляютъ прилагательныя гуль-ли́вый, щеголь-ли́вый. Усиленное *в* получается при положеніи предлога *в* передъ зачиннымъ *в*: напр. ввадá, ввисти́, ввол не совпадаютъ съ дат. вадá и съ безпредложнымъ глаголомъ висти́-вóл. Подобнымъ же образомъ при употребленіи предлоговъ от, под возникаютъ тт и дд: аттýда, ѻттьпьл, аддáт, аддáлът, паттáйьт (срв. потáять, содержащее предлогъ по), паттибрьт, паддáкьвът, паддéлнъй (срв. поддѣльная бумáжка и подѣльная плáта). Нѣсколько инымъ путемъ появилось тт въ инфинитивѣ и тти́ вм. древнѣйшаго и-ти, а именно подъ вліяніемъ настоящаго и *д*ý. См. Сравнит. морфол., стр. 462, пр. 2. Усиленіе звука *п* слышится въ предложномъ выраженіи ѻппъл; но это единичный случай, т. к. предлогъ *об* передъ *п*, какъ и вообще предъ согласными, обыкновенно является въ видѣ *о*. Въ предложныхъ соединеніяхъ замѣчаются также встрѣчавшіяся намъ уже ранѣе (стр. 133) сс, зз, шш, и жж [1]). Здѣсь прибавлю еще, что есть также усиленное *ж* мягкое, которое восходитъ къ основному *здj* или *згj*: jéжжу, дажжи́, дѻжжьк, дрѻжжи; таково же *ш* замѣняющее, по московскому произношенію, *щ*: гѹшша, пушшý. Усиленіе имѣетъ мѣсто также при столкновеніи *т* и *д* съ тш и тс: пъттшши ᵘтáт, т. е. подготовиться чтеніемъ, не совпадаетъ съ пътши ᵘтáт уважать, аттссыпи́т (напр. вагонъ) не совпа-

---

[1]) Иное сс мы видѣли на стр. 101.

даетъ съ а т͡с ы п̇ и́ т̇ (напр. домъ). Такія же «удвоенные» *ч* и *ц*, только иного происхожденія, а именно изъ т+с, т+ш, д+ш намъ встрѣтились уже на стр. 101 и 118. Въ иныхъ словахъ, какъ с а л д а̏ і̇ т̇ ш̇ ш̇ ь н а, с к л а̏ т̇ т̇ ш̇ ш̇ ь н а, п̇ ь р̇ и п̇ л̇ о̏ т̇ т̇ ш̇ ш̇ ь к, п̇ ь р̇ и в о̏ т̇ т̇ ш̇ ш̇ ь к, к а б а̏ т̇ т̇ ш̇ ш̇ ь к, усиленное *ч* восходитъ къ сочетаніямъ *тщ*, *дщ*, *чщ*: производки тутъ щ и н а, щ и к, древнѣйшія **ьщина**, **ьщикъ**, представляющія распространеніе **ьскъ**; срв. б а́ р щ и н а при б а́ р с к і й, д е н ь щ и́ к ъ при д е н ь с к о́ й равныя основнымъ б о ј а р ь щ и н а, б о ј а р ь с к ъ, д ь н ь щ и к ъ, д ь н ь с к ъ. Этимологическое написаніе разсматриваемыхъ словъ было бы поэтому с о л д а т *щ* и н а, с к л а д *щ* и н а, п е р е п л е т *щ* и к ъ, п е р е в о д *щ* и к ъ, к а б а *чщ* и к ъ (также р а з н о *сщ* и к ъ, и з в о *зщ* и к ъ): рѣшительно незачѣмъ тутъ говорить о какомъ-то переходѣ *щ* въ *ч*, а Гротовское к а б а *к* щ и к ъ, будто-бы перешедшее затѣмъ въ каба*т*щикъ, а далѣе въ к а б а *т* ч и к ъ, есть совершенно невозможное построеніе.

Для усиленнаго выговора согласныхъ не безразлично удареніе: безударность предшествующаго гласнаго, хотя и не исключаетъ удвоенія, но не благопріятствуетъ ему. Такъ говорится д а̏ н н ъ й, но д а н а́, -о́,-ы́. Также усиленный *с* во 2 лицѣ возвратныхъ глаголовъ, явственный послѣ ударенія, при отсутствіи его упрощается: з̇ д̇а̏ л ъ й ь с̇ а, н а д̇ е́ й ь с̇ а, с т а р а́ й ь с̇ а, в̇ л̇ у́ б ь с̇ а. Впрочемъ тутъ можетъ быть и слышится (вообще, или же иногда) нѣкоторое усиленіе; но въ 3 лицѣ при такихъ условіяхъ положительно является обыкновенное *ц*: сравнимъ глагольныя формы к у́ р и т с я, п е р е н о́ с и т с я, к а́ т и т с я, д ѣ́ л и т с я, с т е́ л е т с я и с л а́ в и т с я съ существительными к у́ р и ц а, п е р е н о́ с и ц а, к а р а к а́ т и ц а, б е з д ѣ́ л и ц а, м я т е́ л и ц а, к р а с а́ в и ц а—каждая пара составляетъ чистую трехсложную рифму, а первыя двѣ вполнѣ совпадаютъ. Въ словахъ пришлыхъ мы послѣ ударенія болѣе-менѣе выдерживаемъ свойственное ихъ первообразамъ усиленіе и говоримъ к а̏ с͡с а, в̇ и̏ л͡л а, г р у̏ п͡п а, г а̏ м͡м а, но въ иномъ положеніи производимъ упрощеніе и говоримъ к а с̇ и́ р, г р у п̇ ь р а в а́ т̇, также а л̇ е́ й а, Р а с̇ и́ й а, а б а́ т: удвоеніе, которое слышится таки и въ такихъ случаяхъ, звучитъ вычурно.

Впрочемъ упрощеніе не разъ происходитъ и передъ удареніемъ (видно потому, что собственно-русское усиленіе является рѣдко и всегда по этимологическимъ причинамъ, и потому въ этимологически темномъ словѣ кажется совершенно лишнимъ): говорятъ напр. прафа́сър, кла́сы, када́ты, ва́л. Ближайшій источникъ этихъ словъ нѣмецкія Professor, Klasse, Kadett, Wall. И въ русскихъ словахъ выражаемое на письмѣ удвоеніе не всегда соблюдается въ выговорѣ: мы произносимъ напр. ру́скъй, франтсу́скъй. Обратное явленіе мы отмѣтили выше (стр. 101) въ существительномъ поручикъ и въ нарѣчіи впрочемъ. (Таково и прилагат. прочій: въ него, кажется, вносятъ окончаніе сравнительной степени -шій) [1]).

Усиленныхъ *к* и *г*, которыя попадаются въ пришлыхъ словахъ (Мекка, квагга), въ обыкновенномъ русскомъ произношеніи не существуетъ: возникшія было въ нѣкоторыхъ случаяхъ сочетанія *кк* и *гг* перешли въ *хк* и *кг*: ма́хкъй изъ **макъкъи**, *х* каму́ изъ **къ комоу**, ла́хкъй изъ **лъгъкъи**; вгара́ изъ **къ горѣ**. Срв. стр. 112, пр. 2; но также 129. Въ памятникахъ это явленіе засвидѣтельствовано уже въ XIV столѣтіи: мя*хк*ы Поликарп. ев. 1307 г., Ев. 1354 г., *х* коне и притчи Ев. 1354 г., *хъ* киевьскимъ Лавр. сп. лѣт., л. 15, стр. 13 (**ѧтпѳ**); также *г* кому Лавр. 159 об., 20, *г* кудеснику 119 об., 24, *г* камени 130 об., 23 и т. п. естественно, вслѣдъ за Соболевскимъ (Лекц., стр. 100), читать *х* кому и т. д.

Подобнымъ же образомъ, какъ передъ другимъ к или г, превращеніе к и г въ х и в происходитъ передъ *т* и *д* (также передъ ч, первый элементъ котораго есть *т*): хто, хтаму́, *х* ти́ба, ла́хтши, ма́хтши, *х* тши му́; примѣры на вд см. выше, стр. 112. Однако мы произносимъ ла́кти, ло́кти. Хто есть

---

[1]) Усиленные мягкіе созвучники (иногда впрочемъ вторично отвердѣвшіе) представляютъ нарѣчія Малорусское и Бѣлорусское на мѣстѣ болѣе раннихъ сочетаній съ j, напр. малорус. суддя́, колосся́, с'ялл'у, бѣлорус. суддзя́, калоссá, сол'л'у (ближайшимъ образомъ изъ суджа́, колóс'ja, сóл'j у—старослав. **сѧдии, класие, солиѥ**).

и малорусская форма; въ памятникахъ она встрѣчается съ XIV столѣтія.

Созвучія чн и щн упрощаются въ ш н: мало́шнъй, ску́шнъй, кала́шнъй, бу́лъшнъйа, пат͡све́шньк, клу́шньтса, и т. п., авашно́й (о́въ ш͡т̇ши[ч]), то́шна (то́ш͡т̇шьй=тъштьи, таска́=*тъска). Въ словѣ памо́шньк ш д. б. произошло изъ ч, и написаніе черезъ щ слѣдуетъ признать славянизмомъ. Упрощеніе чн въ ш н общерусское: по малорусски напр. серде́шний, немошни́й, па́сішник, по-бѣлорусски памо́шник, ску́шна, рушни́к. Примѣры въ письменности указываютъ съ конца XIV или съ начала XV в. (Соб., Лекц. 100). Однако существуетъ также созвучіе чн, появленіе котораго въ иныхъ случаяхъ можно оправдать книжнымъ характеромъ слова: брачный, злачный, млечный, мрачный, прозра́чный, алчный, перви́чный, втори́чный, трети́чный (м. б. сюда позволительно отнести также прилагательныя вѣчный, побо́чный, поро́чный), въ другихъ случаяхъ можно сослаться на охранное или же возстановительное вліяніе родственныхъ формъ: начну́ (нача́ть), качну́ (кача́ю), отли́чный, при- (отличи́ть), обы́чный (обы́чай), встрѣчный (встрѣ́ча), неразлу́чный (разлуча́ть), точный (точь въ точь), вьючный (навью́чить), звучный (звуча́ть), запе́чный (печь), безпе́чный (не пече́тся), прочный (упро́чить). Есть однако случаи, для которыхъ я не вижу объясненія: попере́чный, сочный, тучный, срочный, уро́чный, коне́чно (рядомъ съ коне́шно), исто́чникъ. Впрочемъ можно думать, что здѣсь имѣется, въ родѣ того какъ въ первомъ рядѣ словъ, вліяніе письма на произношеніе. Народное произношеніе послѣдовательнѣе литературнаго (не знаю однако вполнѣ ли послѣдовательно): слышится та̀к то́шна, с̓ирд̓а̂шнъй, исто́шник (отмѣчено Колосовымъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ Вологодской губ.) и даже запе́шный и вѣшный туль. Р. Ф. В., X, 31).

Зачинное созвучіе чт упрощается въ шт въ мѣстоименіи што: написаніе што отмѣчено уже въ Добриловомъ ев. 1164 г. и въ нѣкоторыхъ памятникахъ XIII в. (Соб., Лекц. 99, Р. Ф. В., XV, 9, п. 3). Но чтить, чтецъ; также между гласными: мечта́, ма́чта,

п о́ *ч* т а. Однако въ народной рѣчи п о *ш* т е́ н ь е, п о *ш* т е́ н н ы й. Написанье **поштенниѥ** приведено выше, стр. 49.

Хв въ народной рѣчи иногда сливается въ одинъ звукъ *ф*, средній между *х* и *в*: отъ перваго идетъ безголосность, отъ второго— зубногубное образованіе. Такое превращеніе произошло у галицкихъ малороссовъ (ф і с т, ф а т и́ т и, ф а л и́ т и, ф о́ р о с т) и кое у какихъ великороссовъ: ф о с т, ф а т а́ т ь, ф о́ р о с т Туль. губ., туль. у. (Р. Ф. В., X, 29), «по*ф*альбами всѣ по*ф*аляются... кто чѣмъ... *ф*астаетъ» Он. был., 387. Чтò до хронологіи, то самый ранній примѣръ на *ф* вм. *хв* изъ приводимыхъ Соболевскимъ (Лекц., 125) есть л и ф о ю въ Ев. 1399 г. Болѣе ранніе примѣры (XIII в.) имѣются на смѣшеніе въ пришлыхъ словахъ *ф* и *х*—*х*, рядомъ съ *хв*, стало обычной замѣной иностраннаго *ф* у Малороссовъ: Х о м а́, Х і́ в р я (Хавронья, Февронія), Х в е́ д і р, Х в и л и́ п.

Отмѣтимъ затѣмъ нѣкоторые случаи в ы п а д е н і я согласныхъ. Изъ созвучій *стн*, *здн* выпадаютъ *т* и *д* (сохраняемые однако на письмѣ): с т р а́ с н ъ й, т̀ш̑а̂ с н ъ й, г р у́ с н ъ й и т. д., п р а́ з н ъ й (**праꙁдьнъи**), б̓а̂ з н а, п о́ з н а [1]). Примѣры на с н вм. с *т* н, по Соболевскому (Лекц. 102 и 103) восходятъ къ XIV в. [2]). Выше (стр. 49) мы видѣли гораздо старѣйшій, но зато сомнительный примѣръ.— С *т* л превращается въ с л: с л а т̀=**стьлати** совпадаетъ со с л а т̀— **сълати**; е с т ь л и даетъ е с л и. Такимъ же образомъ, надо полагать, развились м а́ с л о, ј а́ с л и, ч и с л о́, изъ м а́ с *т* л о, ј а́ с *т* л и, ч и с *т* л о́,=м а́ з-т л о, ј а́ д-т л и, ч и т-т л о́—только это произошло не на русской почвѣ, а на праславянской.—Средній звукъ опускается также изъ группы с *т* к, все равно восходитъ ли она къ **стък** или къ **ꙁдък**: н̓ и в̓а̂ с к а, п а в̓а̂ с к а, ⁱ и з̓в̓о́ с к а, м а с̓к'и́; б а р о́ с к а, п а ј а̂ с к а.—З д б изъ с т б, с т ъ б дало з б въ словѣ ⁱ и з б а́=и с т ъ б а, уменьш. и с т ъ б ъ к а (**истобкꙋ** въ Лавр. сп. лѣт., 150 б, стрк. 4 сн., 151 а, 6 и 8 св.): современное уменьш.

---

[1]) Употребляемое также, хотя и не попавшее въ письменный языкъ п о́ з д а не представляетъ выпаденія *н*, а должно быть приводимо въ связь со староцерковнымъ **поꙁдѣ**.

[2]) У Соболевскаго въ указанномъ мѣстѣ приводится еще нѣсколько единичныхъ случаевъ выпаденія согласныхъ.

изо́бка и поль. izdebka подправлены въ угоду первичницѣ изба́. Мимоходомъ отмѣтимъ, что ходячая этимологія «изба отъ топить» совершенно невозможна. То же звуковое явленіе какъ изба представляетъ гозьба́ пиръ олон. (Кол., Замѣтки, 201), приводимое и Далемъ, какъ новгородское, въ этимологическомъ написаніи гос*т*ьба́. Срв. серб. го̀зба, болг. го́зба.

Выпаденіе передъ *н* смычныхъ согласныхъ *г*, *к*, *б*, *п*, *д* и *т* у эновыхъ глаголовъ—д̇ви́нут̇, т̇и́снут̇, з̇г̇и́нут̇, утану́т̇, к̇и́нут̇, в̇ирну́т̇ и т. п., я склоненъ считать не русскимъ, а праславянскимъ явленіемъ, объясняя выговоръ лягну́ть, поги́бнуть, староцерк. двигнѫти и т. д. вторичнымъ, хотя бы и раннимъ возстановленіемъ изъ родственныхъ формъ, сохранявшихъ *г*, *б* и т. д. (лягáть, погибáть, двиглъ и др.). Срв. однако Лекціи Соб., стр. 31, п. 2.

Несомнѣнно праславянскимъ должно считаться опущеніе *в* послѣ *б*, при сочетаніи предлога *об* со словомъ начинающимся съ *в*: о́блако, оболо́чка, о́бод, противорѣчіе которыхъ такимъ словамъ, какъ обва́л, обви́ть, обвѣ́сить, легко объясняется тѣмъ, что утрата *в* произошла у Праславянъ (срв. староцерк. облакъ, обити, обѣсити, серб. о̏бла̄к, чеш. oblak, поль. obłok и т. п.), а Русскіе (также другіе славяне) въ словахъ этимологически ясныхъ возстановили *в* и во вновь образуемыхъ не выбрасывали его.

Противуположная выпаденію вставка—явленіе рѣдкое. Наиболѣе обычно *т* какъ посредствующее звено между *с* и *р*, но и оно по литературному произношенію присвоено одному глаголу вс*т*рѣтить и родственнымъ встрѣчать, встрѣча, встрѣчный; въ народной рѣчи весьма обычны еще с*т*рамъ и с*т*ражаться, -женіе. О вставкѣ гласныхъ звуковъ (*о* и *е* и ихъ вторичныхъ видоизмѣненій) уже упомянуто ранѣе и придется еще говорить при обзорѣ склоненій.

Отпаденію подвергается звукъ *л* съ предшествующимъ созвучникомъ. Случай къ тому представляется 1) въ мужескомъ родѣ прошедшаго времени (элеваго причастія): н̇ос, в̇ос, п̇ок, с̇т̇ир̇о́к, паг̇и́п, у́м̇ьр—староцерк. неслъ, везлъ, пеклъ, стрѣглъ, погыблъ, оумрьлъ. Особое положеніе корней на *т*, *д*, у коихъ изчезаютъ эти звуки, а *л* сохраняется (пл̇ол, в̇ол) обусловлено тѣмъ,

что *т* и *д* передъ *л* выпали въ юговосточной славянщинѣ, или м. б. даже въ праславянщинѣ, и русскій языкъ унаслѣдовалъ тожественныя со староцерковными фонемы **плелъ, велъ** [1]). 2) Отпаденіе *л*, а именно *л* мягкаго, замѣчается въ существительныхъ мужескаго рода на **бл̑ь, вл̑ь, мл̑ь**: к а р а́ п̇ или к а р а́ п, р у п̇ (р у п), к̇ р̇ е м̇ (к̇ р̇ ӓ м). Въ этихъ случаяхъ однако л̇ иногда сохраняется (но, кажется, лишь у людей книжныхъ, подъ вліяніемъ письма), при чемъ становится безголоснымъ: к а р а́ п̇ л̇, р у п̇ л̇, ж у р а́ ф л̇, к̇ р̇ е м̇ л̇. Подобнымъ же образомъ возникаетъ въ исходѣ б е з г о л о с н ы й *р*: т̇ ӓ а́ т р, с м о т р, П' о т р, А л̇ ӓ к с а́ н т р. По другому книжному произношенію: т̇ и а́ т ъ р, с м о́ т ъ р, П' о́ т ъ р, А л̇ и к с а́ н д ъ р, съ *ър* или м. б. правильнѣе сказать со слоговымъ *р*; народъ же въ подобныхъ словахъ, по скольку ихъ употребляетъ (едвали напр. простолюдинъ скажетъ «о н ъ п о д л ъ» или «о н ъ м у д р ъ»), мѣняетъ окончанія, говоря съ одной стороны т̇ и й а́ т̇ ь р (к̇ и й а́ т̇ ь р), какъ в̇ е́ т̇ ь р, а съ другой—П' о́ т р а, Л' и к с а́ н д р а.

Отпадаетъ, или же становится слоговымъ также звукъ *н* съ предшествующимъ *з*: с а б л а́ с или с а б л а́ з ъ н, к а́ с̇ или к а́ з̇ ь н̇. Пришлое окончаніе *изм* звучитъ обыкновенно и з ъ м; простолюдины, кажется, превращаютъ его въ изма: р̇ ь в м а т̇ и́ з м а. Искусственное произношеніе допускаетъ въ такихъ случаяхъ *н* и *м* безголосные.

Въ областной рѣчи нерѣдко отпаденіе конечнаго *т* послѣ *с*: х̇ р̇ о с, п о́ ј ь с, г о с̇ вм. литературныхъ к̇ р ӓ с т, п о́ ј ь с т, г о с̇ т̇. Срв. болгарскій выговоръ к о с, п ъ р с, г р о с вм. первоначальныхъ **кость, прьстъ, гроздъ**. Историческія справки насчетъ отпаденія согласныхъ (Соб., Лекц. 104) весьма скудны, д. б. отпаденіе явленіе довольно новое; хотя отсутствіе *л* въ извѣстныхъ формахъ элеваго причастія теперь—общерусское.

Иногда встрѣчается, противоположное отпаденію на концѣ приставка въ началѣ, или, употребляя Гротовскій терминъ, п р и з в у к ъ. А именно въ иныхъ словахъ является передъ начальнымъ *о* приставочное *в*: в о́ т ч и м рядомъ съ о́ т ч и м, в о́ с е м ь (однако в о с ь м и или о с ь м и́, в о с ь м о́ й или о с ь м о́ й), народныя

---

[1]) Срв. мою статью О вставочных д и т. Грамм. зам., т. I (Р. Ф. В., т. V).

вóстрый, вóспа вм. óстрый, óспа [1]). По-малорусски призвучное *в* (для котораго я впрочемъ выше, стр. 99) предложилъ иное толкованіе, составляетъ правило передъ *о* сужеными. Написанія вовьца, воовца Соболевскій (Лекц., 113) приводитъ уже изъ Галицкаго евангелія ок. 1266 г. Великорусскія же его примѣры (напр. изъ духовной Ивана Калиты), гдѣ «призвучное» *в* слѣдуетъ за предлогомъ *съ*, надо полагать, представляютъ лишь двукратное написаніе предлога. Призвукъ v передъ *o* господствуетъ въ языкѣ Лужицкомъ, въ обоихъ нарѣчіяхъ: voraś (-aš), voŕech (или vóŕech), а также въ народныхъ говорахъ Чешскаго: vorat, voř ech.

Кое-что о призвучномъ в и о праславянскомъ призвукѣ сказано въ моихъ Дополн. къ Разбору Этимол. слов. Миклошича, стр. 60—62 и 117 пр., = Р. Ф. В., т. XXII, 115—117 и XXIII, 98.

---

[1]) Приставочное *в* отчасти могло бы считаться предлогомъ—срв. одно мое соображеніе, въ Дополненіяхъ къ Разбору Этимол. слов. Миклошича, подъ словомъ otъ̀, стр. 121 (Р. Ф. В. XXIII, стр. 289).

Поправки и дополненія.

Стр. 5, стрк. 17. Совпаденіе ѫ съ оу и ѧ съ ꙗ проявляется и въ Архангельскомъ евангеліи 1092 года—почти полнымъ устраненіемъ ѫ (ѫ читается нпр. на л. 13, об., стрк. 10 сн.: вьсѧкѫ роꙁгоу и на 38, стрк. 6 св.: ꙁапрѣти ѥмѫ) и довольно послѣдовательнымъ употребленіемъ, независимо отъ этимологіи, въ началѣ слоговъ ꙗ, а послѣ согласныхъ—ѧ, сходно съ новоцерковною орфографіей.

Стр. 10, стрк. 17. Все-таки можно предположить здѣсь отвердѣніе: какъ р̓е, л̓е, н̓е, несомнѣнно мягкія въ праславянскихъ фонемахъ мор̑е, пол̑е, кон̑еви, у Малороссовъ сдѣлались полутвердыми, такъ могли отвердѣть и всѣ слоги съ *е* (также и съ *и*), если были мягкими въ общерусскомъ. Но мнѣ (наперекоръ Шахматову, Литографиров. лекціи, стр. 154) это кажется невѣроятнымъ и думается, что сначала поотвердѣли рѣшительно преобладавшіе въ языкѣ средніе слоги бе, де и т. д. и потомъ уже они потянули за собой и немногочисленные мягкіе. Указываемые тамъ же написанія съ ѥ вм. простого е (небесѥ Стихир. 1157 г., 103 в., естѥ Мин. XII в., № 221, 22а и т. п.) м. б. свидѣтельствуютъ лишь о непониманіи значенія буквы ѥ.

Стр. 13, пр. 2. Лекціи Шахматова, § 58, стр. 161.

Стр. 15, стрк. 5 сн. Явные примѣры на совпаденіе ы и *и* встрѣчаются въ памятникахъ съ XIV в. Соб., Лекц., стр. 74. Впрочемъ изъ болѣе раннихъ случаевъ «очень рѣдкихъ и не внушающихъ къ себѣ довѣрія» иные мнѣ кажутся довольно убѣдительными—таковы просыти и съвѣтьныкъ въ Добриловомъ евангеліи 1164 года.

Стр. 16, стрк. 13 сн. Срв. поправку къ стр. 10, стрк. 17.

Стр. 21, пр. 2. Вм. къраль̓виéт̓ш̓ нужно къраль̓éв̓ит̓ш̓, или, лучше, къраль̓éв̓ьт̓ш̓.

Стр. 23, стрк. 10. Отъ слова м̓ишóк употребляются и подражательное м̓ишóт̓ш̓ьк и самородное м̓иш̓éт̓ш̓ьк.

Ст. 24, стрк. 12. Возможно, что было не седьло, а седьло.

Стр. 25, стрк. 18. Соболевскій (Лекц., стр. 86), указывая на малорусское т р̓ и с и сѣверно-малорусское запр̓уов, приписываетъ этимъ формамъ древнее *е*, которое чередовалось съ *я*=*ѧ*, какъ въ л я́ г у-л е ч ь-л ё г.

Стр. 26, стрк. 5 сн. Разширеніе *е* въ *о* на письмѣ встрѣчается съ XII ст.: въ Словѣ св. Ипполита объ антихристѣ написано нпр. **съкажомъ** стр. изд. 22 (л. 17), **блажонъ** стр. 99 (л. 61), **раздѣликъшомъ сѧ** стр. 40 (л. 28), Соб., Лекц. 59. Итакъ разширеніе не новѣе XII в., однако сомнительно—вообще ли; или только послѣ шипящихъ.

Стр. 30, стрк. 14 сн. Еще р а́ с п р я, р а́ з в и т и р а́ с п я т, но это очевидно слова̀ книжныя; впрочемъ и къ нимъ подходило бы предлагаемое тамъ же объясненіе слова р а́ з у м. Соболевскій (Лекц. 26) отмѣчаетъ, что «въ древнихъ памятникахъ съ чистымъ русскимъ языкомъ мы всегда находимъ р *о* з, а не р *а* з».

Стр. 33, стрк. 7. Н'и р а́ д а с̓ т̓ и н, точнѣе д. б. н̓ и р а́ д ъ с̓ т̓ ь н, представляетъ столь же непонятное исключеніе въ своемъ послѣднемъ слогѣ.

Стр. 37, стрк. 11. Въ «Начертаніи славянской акцентологіи», стр. 67, я напрасно оспаривалъ этотъ взглядъ, выставленный (м. б. съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ) сербскимъ ученымъ Даничичемъ.

Стр. 37, прим. На стр. 76, но больше въ другомъ мѣстѣ, стр. 74.

Стр. 37, стр. 6 сн. У иныхъ м. б. предударныя *е* и *и* совпадаютъ въ е узкомъ. Конечно, и мое предударное е-и, будучи не вполнѣ яснымъ, смахиваетъ на е.

Стр. 38, стрк. 7 св. Пожалуй предударное *о* хорошо выражено у Богородицкаго черезъ å, обозначающее *а* склонное къ *о*, но тогда также слѣдуетъ выражать и предударное *а*.

Стр. 41, стрк. 3. Написаніе **Нѥвъ**, также **Нѥрданъ**, встрѣчается уже въ староцерковныхъ памятникахъ. Соболевскій, Древній церковнославянскій языкъ, Фонетика, Москва 1891, стр. 138.

Стр. 42, стрк. 15. Вспомнимъ еще ј и ᵃ и́ ш н ъ й и ј и ᵃ и́ ш̓ н̓ ь т͡ с а, Иногда вм. ј а́ й т͡ с а слышится въ три слога ј а́ ᵃ ь т͡ с а; эта фо-

нема является у Крылова въ баснях̀ъ «Воспитаніе Льва», стих̀ъ 75 и «Напраслина», стих̀ъ послѣдній.

Стр. 48, стрк. 4 сн. Вм. «какъ отмѣчено выше,» нужно «см. ниже, стр. 57.

Стр. 50, стрк. 11. Подобныя ошибки всетаки встрѣчаются, но только при полной безграмотности, т. е. у людей, которые знаютъ лишь основное значеніе буквъ, да и то нетвердо — каковой безграмотности мы не въ правѣ приписывать старинным̀ъ книжникамъ.

Стр. 51, стрк. 17. Слово **Смольнѣскъ**, надо полагать, не представляетъ ѣ въ смыслѣ мягкаго знака, а ѣ вм. є: первоначально д. б. было Смо̀нѣск—Смо̀нѣска. Срв. стр. 45—46.

Стр. 55, стрк. 11. Въ **кьрьхъ, тьрьгъ** и т. п. случаях̀ъ можно говорить о «глухомъ полногласіи» — Потебня назвалъ это «вторымъ полногласіемъ». См. въ лекціях̀ъ Соб., стр. 27—30.

Стр. 63, стрк. 10 сн. Омѣла даетъ птичій клей, употребляемый для ловли птицъ, и походитъ на метелку.

Стр. 64, стрк. 12. Тоже слово въ формѣ jèlito, jelito и со значеніемъ кишки есть у Чеховъ и у Поляковъ.

Стр. 67, стрк. 20. Нужно pǒdm̥, т. е. m̥ слоговой.

Стр. 69, стрк. 12. U̯ знакъ неслоговаго **у** (легкаго, чисто-губного *в*).

Стр. 83, стрк. 6 сн. Обыкновенно однако въ плавно-чистых̀ъ созвучіях̀ъ вставки не бываетъ: **сралъ**, **сралица**, **срада** и т. д. Соболевскій, Древній церковнославянскій языкъ, Фонетика, стр. 128.

Стр. 87, стрк. 16. Лавровскій писалъ раньше Миклошича—въ 1855 г.

Стр. 88, стрк. 10 сн. **Ѣ** дифтонговый, т. е. восходящій къ oi, ai, при чемъ соотношеніе было бы такое же, какъ между греческими ἔλιπον и λέλοιπα.

Стр. 88, стрк. 6 сн. Въ добавокъ trtíya чуть ли не единичный случай, да и корень его м. б. не tri, а tr̥=tr=ter.

Стр. 131, стрк. 11. Здѣсь однако можно бы видѣть воспроизведеніе южнославянскаго смѣшенія ь и ъ.

Стр. 133, стрк. 21. **Кьда** и т. д., приводимыя здѣсь изъ церковных̀ъ памятников̀ъ, могли бы считаться паннонизмами, т. к. паннонскіе памятники передъ узкими слогами нерѣдко пишутъ ь вм. ъ.

ДОХМІЙ.

ГЛАВА ИЗЪ ГРЕЧЕСКОЙ МЕТРИКИ.

Изслѣдованіе Я. Денисова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульв.
1892.

ΘΕΟΔΩΡΩΙ ΚΟΡΧΙΩΙ.

Ὡς ὄφελες προλιπεῖν ἑτάρους περὶ κῆρι φιλεῦντας
μήποτε πρίν γ' ἀίδεω δῶμ' ἐρεβεννὸν ἵμεν
ἀλλὰ καὶ οἰκίζων καλὸν πτολίεθρον Ὀδησσοῦ
ἴσθι ποθεινὸς ἐὼν καὶ τόδε δῶρον ἔχε.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ритмическое значеніе дохмія не могло возбуждать никакихъ сомнѣній до тѣхъ поръ, пока существовала живая связь между музыкой и поэзіей; но, повидимому, какъ только она была разорвана, сами древніе постепенно утратили правильное пониманіе этого размѣра. Подтвержденіемъ этого служитъ разнообразіе и ненадежность большинства показаній о дохміи, дошедшихъ до насъ со стороны древнихъ ритмиковъ и метриковъ.

Въ новое время сдѣлано было много попытокъ опредѣлить ритмическое значеніе дохмія; но ни одна изъ нихъ не можетъ быть признана вполнѣ удовлетворительной. Зависитъ это главнымъ образомъ отъ того, что изслѣдователи, занимаясь изученіемъ вопроса о дохміи, дѣлаютъ ошибки въ трехъ направленіяхъ: во-первыхъ, ссылаясь на показанія древнихъ, не провѣряютъ, на сколько они надежны; во-вторыхъ, не относясь съ должнымъ вниманіемъ къ даннымъ стихотворныхъ текстовъ, выставляютъ такія положенія, которыя противорѣчатъ этимъ даннымъ; въ-третьихъ, стараясь подвести дохмій подъ нормы современной музыкальной ритмики, забываютъ, что между этой послѣдней и древней ритмикой существуетъ большая разница.

Имѣя въ виду такое положеніе дѣла, я задался цѣлью: во-первыхъ, разсмотрѣть, насколько надежно каждое изъ дошедшихъ до насъ изъ древности свидѣтельствъ о дохміи; во-вторыхъ, основываясь

на сдѣланныхъ отсюда выводахъ и наблюденіяхъ надъ стихотворными текстами, объяснить, что такое представляетъ изъ себя дохмій съ точки зрѣнія ритмики; въ-третьихъ, дать отчетъ о работахъ моихъ предшественниковъ и указать, въ чемъ они заблуждались. При этомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ представлялась возможность пояснить то или другое явленіе на основаніи современной музыкальной ритмики, я прибѣгалъ къ ея помощи, но никогда не упускалъ изъ вида, что нѣкоторыя особенности, возможныя въ нашей ритмикѣ, были совершенно невозможны въ древней.

§ 1.

Показанія древнихъ о дохміи.

Схема дохмія.—Общая характеристика показаній древнихъ о дохміи.—*Дохмій въ теоріяхъ краснорѣчія*: Цицеронъ.—Квинтиліанъ.—Руфинъ.—*Дохмій у ритмиковъ и музыкантовъ*: Схоліи къ Эсхилу.—Ритмики схолій къ Гефестіону и Etym. M.—Аристидъ Квинтиліанъ и Марціанъ Капелла.—Бакхій.—*Дохмій у грамматиковъ и метриковъ*: Гефестіонъ и схоліи А.—Etym. M.—Триха.—Димитрій Триклиній.—Схоліи къ «Птицамъ» Аристофана.—Цезій Бассъ.—Марій Викторинъ.—Марій Плоцій Сацердотъ.—Діомедъ.

Схема дохмія. Изслѣдуя какой-либо стихотворный размѣръ, прежде всего мы должны задать себѣ вопросъ о томъ, какова его схема. Древніе писатели, у которыхъ упомянутъ дохмій, почти единогласно принимали для него слѣдующую схему: ⏑ – – ⏑ –. Отступленіе мы находимъ только у Аристида Квинтиліана, который, различая два вида дохмія, кромѣ приведенной схемы, указываетъ еще другую: ⏑ – – ⏑ ⏑ – ⏑ –, Діомеда, который даетъ такую схему для простаго дохмія: ⏑ ⏑ – ⏑ –, и такую для дохмія per synzugian: ⏑ – – – ⏑, и Бакхія, у котораго дохмій въ текстѣ является со слѣдующей схемой: ⏑ – ⏑ ⏑ – – ⏑ –, а въ примѣрѣ—: ⏑ ⏑ ⏑ – ⏑⏑ – ⏑ –. Въ новое время, начиная съ Г. Германа, почти всѣ ученые принимаютъ для дохмія только слѣдующую схему: ⏑ – – ⏑ –, и мы, употребляя слово дохмій, будемъ имѣть въ виду только эту послѣднюю.

Общая характеристика показаній древнихъ о дохміи. Показанія древнихъ о дохміи распадаются на три группы. Въ первую изъ нихъ входятъ свѣдѣнія, получаемыя нами изъ случайныхъ упоминаній объ

этомъ размѣрѣ въ теоріяхъ краснорѣчія, принадлежащихъ Цицерону, М. Фабію Квинтиліану и Руфинѹ. Писатели эти, разбирая, какія сочетанія слоговъ годны для того, чтобы ими начинать и оканчивать періодъ, и прилагая къ нимъ названія различныхъ метрическихъ стопъ, между прочимъ упоминаютъ и о дохміи.

Тѣ свѣдѣнія, которыя мы почерпаемъ объ этомъ размѣрѣ изъ показаній ритмиковъ и музыкантовъ, съ одной стороны, и метриковъ и грамматиковъ, съ другой,—составляютъ вторую и третью группы. При этомъ надобно замѣтить, что свѣдѣнія эти относятся къ той эпохѣ, когда живая связь между ритмикой и метрикой была уже порвана, когда грамматики, принявшіе въ свое вѣдѣніе метрику, не обращали болѣе вниманія на мелодію лирическихъ и драматическихъ произведеній, а довольствуясь только метрическо-ритмической номенклатурой, выработанной ихъ предшественниками, ограничивались изученіемъ одного текста поэтовъ безъ связи съ его напѣвомъ.

Ко второй группѣ спеціально мы отнесемъ такія свидѣтельства, которыя по крайней мѣрѣ по предположенію основаны на данныхъ ритмики. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подлинныхъ показаній о дохміи Аристоксена и его ближайшихъ учениковъ; мы можемъ только съ нѣкоторой долей вѣроятности догадываться, какъ они объясняли дохмій. Первое мѣсто по своей важности въ этой группѣ должно принадлежать замѣчаніямъ схоліаста къ Aesch. Sept. 101 и 120, которыя, повидимому, почерпнуты изъ хорошаго и весьма древняго источника. Далѣе, весьма важное значеніе для рѣшенія вопроса о томъ, что такое представляетъ дохмій, имѣетъ показаніе неизвѣстныхъ ритмиковъ, которое мы извлекаемъ изъ сопоставленія текста схолій къ Гефестіону и Etym. M.; несомнѣнное знакомство съ этимъ показаніемъ древнихъ ритмиковъ изъ схолій къ Гефестіону видно въ замѣткѣ о дохміи, которую мы находимъ у Трихи. Наконецъ, сюда же должны быть отнесены тѣ данныя, которыя мы получаемъ о дохміи изъ сочиненія Аристида Квинтиліана Περὶ μουσικῆς и его перевода у Марціана Капеллы. Что же касается свидѣтельства Бакхія о дохміи въ его Εἰσαγωγὴ τέχνης μουσικῆς, то оно стоитъ отдѣльно и важнаго значенія, повидимому, не имѣетъ.

Третью группу составятъ тѣ данныя, которыя мы почерпаемъ изъ сочиненій грамматиковъ и метриковъ. По поводу всѣхъ ихъ вообще мы должны замѣтить, во-первыхъ, что всѣ они относятся къ

позднѣйшей эпохѣ, когда въ метрику была уже внесена теорія антиспаста, размѣра, который не только не имѣетъ ничего общаго съ ритмическимъ преданіемъ, идущимъ отъ Аристоксена и его послѣдователей, но даже лишенъ всякаго ритмическаго значенія; во-вторыхъ, что всѣ они принимаютъ дохмій за антиспастическій κῶλον и потому для насъ не имѣютъ никакого значенія. Сюда относится показаніе Гефестіона въ его Ἐγχειρίδιον περὶ μέτρων καὶ περὶ ποιήματος и его схоліаста, автора Etym. M., Трихи, греческаго грамматика Димитрія Триклинія и латинскихъ грамматиковъ: Марія Викторина и Марія Плоція Сацердота. Отдѣльно стоятъ: Цезій Бассъ, который, хотя и жилъ въ императорскую эпоху, но еще до введенія антиспаста въ число μέτρα πρωτότυπα; грамматикъ Діомедъ, который приводитъ одну только схему дохмія, не имѣющую ничего общаго съ той, которую мы находимъ у другихъ грамматиковъ и метриковъ, и схоліи къ Аристофану.

Дохмій въ теоріи краснорѣчія. Одно изъ самыхъ древнихъ упоминаній о дохміи какъ о размѣрѣ не только въ теоріяхъ краснорѣчія, но и вообще въ древней литературѣ, дошедшей до насъ, принадлежитъ *Цицерону*, который въ своемъ сочиненіи Orator ad M. Brutum, написанномъ въ 46 г. до Р. Х. (Teuffel[5], Gesch. d. R. Lit. § 182, 4) говоритъ слѣдующее: dochmius autem, e quinque syllabis, brevi, duabus longis, brevi, longa, ut est hoc «amicos tenes», quovis loco aptus est, dum semel ponatur: iteratus aut continuatus numerum apertum et nimis insignem facit (§ 218). Свидѣтельство это, опредѣляя только, какое сочетаніе долгихъ и короткихъ слоговъ Цицеронъ называетъ дохміемъ, не даетъ намъ непосредственно возможности опредѣлить на основаніи его, каково было ритмическое значеніе дохмія, но косвеннымъ образомъ въ связи съ тѣми данными, которыя у насъ есть изъ болѣе поздняго времени, можетъ имѣть значеніе для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ.

Какъ показываетъ уже самое названіе этого размѣра, дохмій былъ взятъ Цицерономъ въ качествѣ готоваго термина для обозначенія извѣстнаго сочетанія долгихъ и короткихъ слоговъ у кого-то изъ ученыхъ Грековъ. Но у кого именно или по крайней мѣрѣ въ какое приблизительно время понятіе о дохміи вошло уже въ на-

учную литературу, и каково было съ точки зрѣнія ритмики качество того источника, изъ котораго было заимствовано это понятіе?

Для того, чтобы отвѣтить на это, мы должны прежде всего коснуться вопроса о томъ, какими вообще источниками Цицеронъ пользовался для своей работы. Изъ Квинтиліана мы знаемъ, что онъ въ томъ отдѣлѣ своего сочиненія, который посвященъ изслѣдованію природы и употребленія ритма въ ораторскихъ произведеніяхъ, пользовался трудами лучшихъ греческихъ теоретиковъ: is, т.-е. Cicero, eminentissimos Graecorum est secutus. Inst. orat. IX 4, 79. На основаніи цитатъ самого Цицерона мы можемъ заключить, что въ данномъ случаѣ онъ пользовался трудами учениковъ Исократа: Эфора, Навкрата и Θеодекта, а также въ особенности Аристотеля и его ученика Θеофраста.

Ученый издатель Orator'a Янъ (Jahn) полагаетъ, что сочиненіе этого послѣдняго Περὶ λέξεως легло въ основаніе даннаго труда Цицерона и опирается при этомъ какъ на цитаты самого Цицерона и на тѣ заимствованія, которыя онъ дѣлаетъ молча изъ Θеофраста, такъ и на извѣстную манеру Цицерона держаться въ подобныхъ случаяхъ одного какого-нибудь писателя, не занимаясь серьезнымъ изученіемъ его предшественниковъ, и даже дѣлать на нихъ ссылки на основаніи его же. Впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ намековъ, которые дѣлаетъ Цицеронъ, Янъ выводитъ заключеніе, что греческіе риторы и послѣ Θеофраста занимались вопросами, касающимися примѣненія ритма къ ораторскимъ произведеніямъ, и что Цицеронъ былъ знакомъ съ ихъ сочиненіями (Einl[3]. стр. 22 и сл.).

Вестфаль, дѣлая историческій обзоръ теоріи гармоніи, ритмики и метрики у древнихъ, между прочимъ посвящаетъ нѣсколькъ строкъ Цицерону и, слегка касаясь упоминаемыхъ имъ pedes metrici, замѣчаетъ слѣдующее: Hier ist eigenthümlich, dass Trochäus und Choreus gerade umgekehrt als bei den späteren Metrikern gebraucht sind, _ ⏑ ist ein *choreus*, ⏑ ⏑ ⏑ ein *trochaeus*, _ ⏑ _ ⏑ und _ ⏑ _ _ ein *dichoreus*. Die Terminologie des Aristoxenus ist dies auch nicht, denn nach dieser ist *choreus* und *trochaeus* gleichbedeutend, sie muss der durch Thrasymachus ausgebildeten Theorie der rhythmischen Rhetorik eigenthümlich sein (Metrik I[2] стр. 117). И дѣйствительно, нѣкоторая разница въ номенклатурѣ указанныхъ стопъ существуетъ, хотя выражена не такъ рѣзко, какъ говоритъ Вест-

фаль, потому что у большинства позднѣйшихъ метриковъ названія: trochaicus и choriacus или chorius употребляются безъ различія другъ отъ друга, ср. Christ, Metrik², стр. 276.

Я съ своей стороны полагаю, что для характеристики тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ идутъ показанія Цицерона, имѣющія отношенія къ ритмикѣ, небезполезно будетъ сравнить эти послѣднія съ тѣми замѣчаніями о стопахъ, которыя мы находимъ у его современника Діонисія Галикарнасскаго въ сочиненіи De comp. verb. c. XVII. Здѣсь намъ бросаются въ глаза двѣ особенности: во-первыхъ, Діонисій называетъ стопу, состоящую изъ долгаго и короткаго слога—по Цицерону хорей—трохеемъ, а стопу, состоящую изъ трехъ краткихъ слоговъ—по Цицерону трохей—трибрахомъ, присовокупляя, что нѣкоторые называютъ ее хореемъ; во-вторыхъ, въ числѣ двусложныхъ стопъ онъ упоминаетъ пиррихій: ὁ μὲν οὖν βραχυσύλλαβος, ἡγεμών τε καὶ πυρρίχιος καλεῖται, καὶ οὔτε μεγαλοπρεπής ἐστιν, οὔτε σεμνός· σχῆμα δ' αὐτοῦ τοιόνδε·

λέγε δὲ σὺ κατὰ πόδα νεόλυτα μέλεα,

и въ соотвѣтствіи съ этимъ признаетъ простыми только двусложныя и трехсложныя стопы: ἁπλοῦς δὲ ῥυθμὸς, ἢ πούς, οὔτ' ἐλάττων ἐστὶ δυοῖν συλλαβῶν, οὔτε μείζων τριῶν καὶ περὶ μὲν τούτων οὐκ οἶδα ὅ τι δεῖ πλείω λέγειν (De comp. verb. c. XVII), такъ что пеонъ по этой теоріи будетъ состоять изъ двухъ стопъ: пиррихія и ямба или трохея. Напротивъ того, у Цицерона мы вовсе не находимъ пиррихія; мало того, одно мѣсто изъ того же сочиненія, изъ котораго я приводилъ цитату о дохміи, ясно показываетъ, что онъ не раздѣлялъ ученія Діонисія о томъ, что простая стопа можетъ состоять только изъ двухъ или трехъ слоговъ; именно нѣсколькими строками выше дохмія онъ такъ говоритъ о пеонѣ: jam paean, quod plures habeat syllabas quam tres, numerus a quibusdam, non pes habetur (ib. § 218). Изъ всего этого нетрудно сдѣлать такой выводъ: первая изъ приведенныхъ особенностей указываетъ только на разницу въ номенклатурѣ, которая однако предполагаетъ пользованіе различными источниками у того и другого автора; вторая же не только подтверждаетъ это, но и даетъ намъ возможность заключать, что источникъ Цицерона по качеству былъ выше и ближе къ правильнымъ ритмическимъ понятіямъ, чѣмъ источникъ Діонисія, такъ какъ рит-

мики съ Аристоксеномъ во главѣ не допускали, чтобы два краткихъ слога могли образовать самостоятельную стопу, что видно изъ слѣдующихъ словъ самого Аристоксена: τῶν δὲ ποδῶν ἐλάχιστοι μέν εἰσιν οἱ ἐν τῷ τρισήμῳ μεγέθει· τὸ γὰρ δίσημον μέγεθος παντελῶς ἂν ἔχοι πυκνὴν τὴν ποδικὴν σημασίαν (Aristox. стр. 415 14—16 M), и сообразно съ этимъ не производили того дѣленія стопъ, которое мы находимъ у Діонисія. Если мы пріймемъ въ соображеніе все это, а также приведенныя уже мною замѣчанія Яна и Вестфаля, то невольно остановимся на той мысли, что правильностью своихъ ритмическихъ понятій Цицеронъ обязанъ Θеофрасту, который былъ современникомъ Аристоксена.

Затѣмъ, я могъ бы указать еще на одно соображеніе, которое заставляетъ видѣть въ Θеофрастѣ тотъ первоисточникъ, откуда Цицеронъ заимствовалъ понятіе о дохміи. Дѣло въ томъ, что вторая часть дохмія представляетъ изъ себя одинъ изъ видовъ пеонической стопы, а такъ какъ употребленіе этихъ послѣднихъ особенно рекомендовала школа Аристотеля (Blass, Die attische Beredsamkeit, II стр. 135), то весьма возможно, что Цицеронъ нашелъ дохмій не у кого другаго, а именно у Θеофраста.

Такимъ образомъ, хотя у насъ и нѣтъ прямыхъ доказательствъ, что Цицеронъ заимствовалъ понятіе дохмія дѣйствительно изъ сочиненія Θеофраста, но нѣкоторыя косвенныя данныя говорятъ въ пользу этого. Во всякомъ случаѣ, изъ сравненія его съ Діонисіемъ Галикарнасскимъ явствуетъ, что тотъ первоисточникъ, откуда заимствована имъ номенклатура стопъ и нѣкоторыя ритмическія понятія, отличается большей правильностью, чѣмъ этого можно было бы ожидать, судя по той эпохѣ, въ которую жилъ Цицеронъ. А это обстоятельство служитъ намъ порукой того, что если дохмій и не былъ перенесенъ въ теорію краснорѣчія въ такую эпоху, когда метрика еще шла объ руку съ музыкальной ритмикой, то во всякомъ случаѣ говоритъ за то, что нашъ размѣръ есть понятіе ритмическое, а не метрическая фикція въ родѣ антиспаста. Признаніе этого намъ дорого потому, что Цицеронъ является такимъ образомъ посредствующимъ звеномъ между ритмическими показаніями, идущими изъ болѣе поздней эпохи и ритмикой близкой къ Аристоксену или даже, быть можетъ, предшествующей ему.

Но не скрывается ли въ этой замѣткѣ Цицерона объ дохміи че-

го-нибудь годнаго для опредѣленія ритмическаго значенія этого размѣра? Припомнимъ, что о дохміи Цицеронъ упоминаетъ непосредственно послѣ пеона, о которомъ у него выразительно замѣчено, что по его мнѣнію этотъ послѣдній не есть сложная стопа (numerus), какъ это думаютъ нѣкоторые, а простая (pes). Поэтому, еслибы Цицеронъ считалъ дохмій сложной стопой, то долженъ былъ бы во избѣжаніе недоразумѣнія предупредить насъ объ этомъ. Затѣмъ, ему незачѣмъ было бы въ такомъ случаѣ, опредѣляя схему дохмія, прибѣгать къ тому описанію ея, которое онъ дѣлаетъ: dochmius e quinque syllabis, brevi, duabus longis, brevi, longa; гораздо проще было бы опредѣлить составъ дохмія при помощи простыхъ стопъ, на которыя онъ, по его мнѣнію, распадался бы. Наконецъ, лучшимъ комментаріемъ этого мѣста служатъ слѣдующія слова Квинтиліана: equidem Ciceronem sequar — excepto quod pes mihi tres syllabas non videtur excedere, quamquam ille paeane dochmioque, quorum prior in quattuor, secundus in quinque excurrit, utatur, которыя ясно показываютъ, что Квинтиліанъ, соглашаясь во всемъ остальномъ съ Цицерономъ, не соглашается съ нимъ только во взглядѣ на пеонъ и дохмій, которые самъ онъ принимаетъ за сложныя стопы.

Менѣе интереса представляютъ для насъ тѣ данныя, которыя мы находимъ въ сочиненіи Institutio oratoria *Квинтиліана*: sed quia omnem <compositionem> oratoriam constare <pedibus> dixi, aliqua de his quoque: quorum nomina quia varia traduntur, constituendum est quo quemque appellemus. equidem Ciceronem sequar (nam is eminentissimos Graecorum est secutus), excepto quod pes mihi tris syllabas non videtur excedere, quamquam ille paeane dochmioque, quorum prior in quattuor, secundus in quinque excurrit, utatur. nec tamen ipse dissimulat, quibusdam numeros videri non pedes, neque inmerito: quidquid est enim supra tris syllabas, id est ex pluribus pedibus (IX 4, 79 и 80). Ниже къ дохміямъ имѣютъ отношеніе слѣдующихъ два мѣста: est et dochmius, qui fit ex bacchio et iambo vel ex iambo et cretico, stabilis in clausulis et severus (ib. 97), и, наконецъ, о дохміи упоминается при перечисленіи стопъ, которыя могутъ предшествовать ямбу въ окончаніяхъ періодовъ: sed et spondeus iambo recte praeponitur: [iisdem in] armis fui. Cum spondeus, et bacchius: sic enim fiet ultimus dochmius: in armis fui (ib. 99).

По поводу всего этого мы прежде всего должны еще разъ отмѣтить тотъ фактъ, на который уже указывали раньше, что Квинтиліанъ въ данномъ отдѣлѣ своего сочиненія полагается на авторитетъ Цицерона и его источниковъ, съ которыми онъ не сходится только въ вопросѣ о предѣлахъ простыхъ стопъ; здѣсь онъ стоитъ рѣшительно на сторонѣ той теоріи, съ которой мы знакомы уже изъ сочиненія Діонисія Галикарнасскаго, и которая идетъ въ разрѣзъ съ ученіемъ Аристоксена. Замѣтка Квинтиліана о дохміи представляетъ для насъ интересъ только въ одномъ отношеніи: отъ него перваго мы узнаемъ, на какія составныя части дѣлился дохмій. Что касается методы дѣленія его на бакхій и ямбъ, то ее мы находимъ у одного только Квинтиліана, а потому весьма возможно, что она или принадлежитъ ему лично, или была мало распространена; во всякомъ случаѣ, дѣленіе это основано исключительно на внѣшней схемѣ дохмія безъ всякаго отношенія къ его ритмическому значенію и принадлежитъ позднѣйшему времени, такъ какъ бакхій первоначально не причислялся къ γένος ἡμιόλιον. Вторую методу дѣлить дохмій на ямбъ и кретикъ, кромѣ Квинтиліана, мы находимъ еще у музыканта Аристида Квинтиліана и ритмиковъ, упоминаемыхъ въ схоліяхъ къ Гефестіону и Etym. M. Поводомъ дѣлить дохмій на ямбъ и кретикъ послужилъ тотъ фактъ, что въ дохміи, какъ показываетъ расположеніе въ немъ ритмическихъ ударенiй, арзисъ (слабая часть стопы) состоитъ изъ трехъ χρ. πρ., а тезисъ (сильная часть стопы)— изъ пяти.

Для того, чтобы покончить съ теоріями краснорѣчія, въ которыхъ упоминается дохмій, я долженъ привести еще выдержку изъ сочиненія Антіохійскаго грамматика второй половины пятаго вѣка по Р. Х. *Руфина*, которое озаглавливается Commentarius de numeris oratoriis:

Rhetoricas pulchre structuras dochmius ornat:
principium bacchius erit, concludet iambus.
aut vice mutata nomen mutabitur uni:
primus iambus erit, tum finem creticus explet.
prima brevis longaeque duae, brevis, ultima longa;
exemplumque artis dabitur «res publica» vobis,
quam Cicero casu genetivo ponere gaudet.

hoc pede compositо laudatur fama pedestris.
ut docet Ausonius orator Tullius ingens,
omnibus iste locis numerum pes efficit aptum:
longa brevem sequitur, longam brevis, addite longam,
syllaba prima brevis, tum syllaba longa secunda,
tertia longa, brevis quarta productaque quinta:
Tullius orator, ceu multi, dochmion ornat (Gr. L., VI стр. 566 7—20 К.).

Все это представляетъ довольно многосложный пересказъ словъ Квинтиліана о составныхъ частяхъ дохмія и Цицерона объ употребленіи этого размѣра въ ораторскихъ произведеніяхъ и для насъ, само собой разумѣется, не имѣетъ ровно никакой цѣны.

Дохмій въ теоріи ритмики и музыки. Теперь перейдемъ ко второй группѣ источниковъ; въ нихъ содержатся нѣкоторыя данныя, исходя изъ которыхъ мы можемъ въ общихъ чертахъ возсоздать теорію дохмія, какъ она существовала у древнихъ ритмиковъ. Первое мѣсто въ этой группѣ источниковъ, какъ по цѣнности тѣхъ данныхъ, которыя мы извлекаемъ изъ нихъ, такъ, можетъ быть, и по древности, принадлежитъ старымъ *схоліямъ къ Aesch. Sept. 101* и *120*. Первая замѣтка въ сущности должна относиться къ 99 стиху, такъ какъ 101 представляетъ ямбическій триметръ: ὁ μέντοι ὀκτάσημος ῥυθμὸς οὗτος πολύς ἐστιν ἐν θρηνῳδίᾳ (τραγῳδίᾳ sch. rec.) καὶ ἐπιτήδειος πρὸς θρήνους καὶ στεναγμούς. ἔστι δὲ δοχμιακά. ὅμοιον τὸ πόλεμος αἴρεται πρὸς ἐμὲ καὶ θεούς παρὰ Ἀριστοφάνει ἐν Ὄρνισιν (Ar. Av. 1189). ἀλλὰ καὶ παρ' Εὐριπίδῃ ἐγὼ δ' οὔτε σοι πυρὸς ἀνῆψα φῶς νόμιμον ἐν γάμοις (Eur. Phoeniss. 344). Затѣмъ ниже къ 120 стиху сдѣлано замѣчаніе, которое должно пополнять предыдущее: καὶ ταῦτα δὲ δοχμιχά ἐστι καὶ ἴσα, ἐάν τις αὐτὰ ὀκτασήμως βαίνῃ. κυρίως δὲ εἶπον βαίνῃ. ῥυθμοὶ γάρ εἰσι· βαίνονται δὲ οἱ ῥυθμοί, διαιρεῖται δὲ τὰ μέτρα, οὐχὶ βαίνεται. Въ первомъ замѣчаніи дохмій названъ ῥυθμὸς ὀκτάσημος, т. е. такой ῥυθμός, который заключаетъ въ себѣ восемь σημεῖα или χρόνοι πρῶτοι. Но въ какомъ смыслѣ дохмій названъ здѣсь ῥυθμός? Мы видѣли, что Діонисій Галикарнасскій слова ῥυθμός и πούς считаетъ синонимами; позднѣе слово πούς стали употреблять въ значеніи «простая стопа», ῥυθμός—въ значеніи «сложная», т. е. состоящая изъ нѣсколькихъ простыхъ стопъ, такъ что въ этомъ смыслѣ

цѣлый κῶλον могъ быть названъ ῥυθμός; именно такимъ образомъ можно объяснить, что въ замѣчаніи тѣхъ же сколій къ Prom. 128 цѣлый стихъ названъ ῥυθμὸς Ἀνακρεόντειος. Если мы взглянемъ на дохмій съ точки зрѣнія Діонисія Галикарнасскаго, который утверждаетъ, что простая стопа можетъ состоять только изъ двухъ или трехъ слоговъ, не говоря уже объ Аристидѣ Квинтиліанѣ и Баккіи, которые прямо относятъ дохмій къ числу сложныхъ стопъ, то должны будемъ признать, что слово ῥυθμός обозначаетъ здѣсь сложную стопу. Къ какимъ стопамъ причислялъ дохмій Аристоксенъ, прямыхъ указаній нѣтъ, но мы можемъ опредѣлить это съ нѣкоторой достовѣрностью косвеннымъ путемъ. Простыя стопы различаются у него отъ сложныхъ слѣдующимъ образомъ: οἱ δ' ἀσύνθετοι (подр. πόδες) τῶν συνθέτων διαφέρουσι τῷ μὴ διαιρεῖσθαι εἰς πόδας, τῶν συνθέτων διαιρουμένων (стр. 414 38—39 M). Если Аристоксенъ принималъ дохмій за сложную стопу, то сообразно съ естественнымъ расположеніемъ ритмическихъ ударенiй онъ могъ дѣлить его, подобно Аристиду Квинтиліану, только на ямбъ и трехсложную стопу, которую можно было бы принимать за пеонъ, если бы только краткій слогъ въ ней не допускалъ замѣны ирраціональнымъ долгимъ; но такъ какъ ирраціональныхъ пеоновъ мы не знаемъ ни изъ показаній древнихъ метриковъ, ни изъ дошедшихъ до насъ стихотворныхъ текстовъ, то едвали будетъ слишкомъ смѣло заключать отсюда, что Аристоксенъ долженъ былъ принимать дохмій за простую стопу, хотя онъ почему-то и не называетъ его въ числѣ γένη ποδῶν, употреблявшихся въ συνεχὴς ῥυθμοποιία (стр. 415 9—13 M). Въ подтвержденіе этой догадки я могу сослаться, во-первыхъ, на тотъ знаменательный фактъ, что у Цицерона, который въ противность Діонисію Галикарнасскому не принимаетъ пеона за сложную стопу точно такъ же, какъ и Аристоксенъ, дохмій является простой стопой; во-вторыхъ, у ритмиковъ, упоминаемыхъ въ схоліяхъ къ Гефестіону и Etym M., ῥυθμοὶ ὀρθοὶ (ямбъ, дактиль, пеонъ и эпитритъ) и ὀχμιοι являются понятіями соподчиненными другъ другу (ср. ниже). Если мы обратимся къ нашимъ схоліямъ, то одно весьма простое соображеніе можетъ, пожалуй, служить подтвержденіемъ вѣрности этой догадки и указаніемъ на то, какъ слѣдуетъ понимать здѣсь слово ῥυθμός. Дѣло въ томъ, что схоліастъ въ данномъ мѣстѣ желаетъ опредѣлить число χρ. πρ., заключающихся въ дохміи, и ниже еще разъ возвращается

къ этому вопросу; если бы онъ принималъ дохмій за сложную стопу, то для устраненія всякихъ недоразумѣній на этотъ счетъ ему стоило только указать тѣ простыя стопы, на которыя онъ распадается. Однако онъ этого не дѣлаетъ, и это даетъ намъ поводъ предполагать, что онъ принимаетъ дохмій за простую стопу и въ этомъ же значеніи употребляетъ здѣсь слово ῥυθμός. Затѣмъ по поводу перваго замѣчанія мнѣ остается указать только на совершенно вѣрное наблюденіе, которое подтверждается дошедшими до насъ трагедіями, что дохмій употребляется по преимуществу въ θρῆνοι и στεναγμοί.

Во второй замѣткѣ прежде всего обращаетъ наше вниманіе слово ἴσῳ. Безъ какого-нибудь дополненія оно непонятно. Ближе всего дополнить при немъ τοῖς πρότέροις. Въ дальнѣйшемъ мы должны остановиться на глаголѣ βαίνειν, который соотвѣтствуетъ нашему понятію скандировать, по-латыни ferire, percutere, scandere. Словами: ἐάν τις ὀκτασήμως βαίνῃ, съ одной стороны, подтверждается высказанное ранѣе положеніе относительно того, что дохмій есть ῥυθμὸς ὀκτάσημος, съ другой,—дѣлается намекъ на возможность объяснять дохмическіе стихи какъ-то иначе. Далѣе, переходимъ къ слову ῥυθμός, которое, очевидно, служитъ замѣной понятія, обозначаемаго строкой выше мѣстоименіями ταῦτα и αὐτά; такимъ образомъ, здѣсь слово ῥυθμός употребляется для обозначенія дохмическаго диметра, къ которому сдѣлано это замѣчаніе. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что схоліастъ настаиваетъ на различіи понятія ῥυθμοί отъ понятія μέτρα; различіе это сдѣлается для насъ нѣсколько болѣе понятнымъ, если мы вспомнимъ, что древніе отличали pedes metrici отъ pedes rhythmici; для примѣра укажу на синкопированные трохеи, которые какъ pedes metrici ничѣмъ не отличались отъ кретиковъ, тогда какъ въ качествѣ pedes rhythmici представляли нѣчто совершенно особенное. Изъ всего этого слѣдуетъ, что дохміи представляютъ одно съ точки зрѣнія ритмики и другое съ точки зрѣнія метрики. Но какъ ихъ слѣдуетъ понимать иначе и какъ ихъ можно βαίνειν иначе, чѣмъ ὀκτασήμως, остается неяснымъ изъ нашего текста; впрочемъ, въ схоліяхъ къ Аристофану дохмическая строфа принята за пеоническую.

Въ результатѣ нашего разбора получается одно несомнѣнное данное о числѣ χρ. πρ. въ дохміи въ связи съ ритмическимъ значеніемъ его. Данное это пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ сравнительно съ дру-

гими, добываемыми также изъ свидѣтельствъ древнихъ, особенную цѣну, такъ какъ изъ всего, что дошло до насъ о дохміи, только оно можетъ быть провѣрено посредствомъ дошедшихъ до насъ стихотворныхъ текстовъ и потому является до нѣкоторой степени мѣриломъ того, насколько мы можемъ довѣрять остальнымъ свидѣтельствамъ древнихъ метриковъ. Однако не смотря на то, что факты, добываемые изъ разбора памятниковъ, неопровержимо подтверждаютъ показанія схолій о числѣ $\chi\rho.\ \pi\rho.$ въ дохміи, нѣкоторые выдающіеся ученые по метрикѣ склонны придавать слишкомъ мало значенія этой замѣткѣ; такъ Вестфаль даетъ объ ней слѣдующій отзывъ: Man hat dieser Stelle viel Gewicht beilegen zu müssen geglaubt (Griech. Rhythm.,[3] стр. 178); Христъ также относится съ большимъ сомнѣніемъ къ ея достовѣрности: Dass damit der wirkliche Zeitwerth des Dochmius gegeben sei, möchte ich so fest, wie man gewöhnlich thut, nicht glauben, da auch sonst diese scheinbar alten Bezeichnungen auf nicht anders als eine blosse Sylbenzählung hinauslaufen (Metrik[2], стр. 433). Это обстоятельство заставляетъ насъ коснуться вопроса о происхожденіи этихъ схолій. Старыя схоліи къ Эсхилу, изъ которыхъ мы приводили наши выдержки, заключаютъ въ себѣ много тонкихъ наблюденій надъ художественными пріемами этого поэта, имѣютъ весьма важное значеніе для критики его текста и въ главныхъ чертахъ своихъ, какъ это доказано Фреемъ (Frey, De Aesch. scholiis Mediceis, Bonn 1857 *), восходятъ къ грамматику Дидиму. А Дидимъ, жившій въ вѣкъ Августа, какъ извѣстно, представляетъ для насъ тотъ интересъ, что черезъ посредство почти его одного мы имѣемъ нѣкоторое понятіе о трудахъ Александрійскихъ ученыхъ, которыхъ онъ компилировалъ. Теперь рождается вопросъ, можемъ ли мы разсматриваемыя замѣчанія возводить къ Дидиму. Утверждать это категорически едвали возможно, но одно обстоятельство сильно говоритъ въ пользу того, что если это замѣчаніе и не принадлежитъ самому Дидиму, то во всякомъ случаѣ явилось немногимъ позже его. Дѣло въ томъ, что у автора разсматриваемыхъ замѣтокъ, кто бы онъ ни былъ, нѣтъ никакихъ намековъ на теорію антиспаста. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе знаменателенъ, что, насколько мы знаемъ, эта теорія всегда безъ исключенія прилагается къ дох-

*) См. W. Christ, Griech. Literaturgesch[2]. стр. 191.

міямъ съ того времени, какъ возникла. А если она, не смотря на свое признанное господство, въ данномъ случаѣ даже не приведена, то изъ этого мы имѣемъ право заключить, что разсматриваемое замѣчаніе схоліаста относится къ такому времени, когда теорія антиспаста не вступила еще въ свои права. Если это показаніе дѣйствительно принадлежитъ Дидиму, то мы можемъ его возводить непосредственно къ одному изъ великихъ Александрійскихъ ученыхъ. Хотя, насколько намъ извѣстно, они не оставили никакихъ сочиненій, содержаніемъ которыхъ служила бы спеціально метрика, тѣмъ не менѣе, какъ можно судить на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, они затрогивали метрическіе вопросы. Правда, авторитетъ Аристарха, одного изъ самыхъ выдающихся изъ нихъ, подрывается тѣмъ, что изъ замѣтки одного изъ позднѣйшихъ метриковъ было выведено, будто онъ первый пустилъ въ обращеніе теорію антиспаста, но остроумная догадка Вестфаля освободила имя этого ученаго отъ обвиненія въ этомъ. Metrik d. Griech. I² стр. 115.

Второе мѣсто въ этой группѣ, безспорно, должно быть отведено показанію *неизвѣстныхъ ритмиковъ*, которое мы извлекаемъ изъ сопоставленія схолій къ Гефестіону (стр. 185 W.) и Etym. M. (стр. 285), уже по одному тому, что не ознакомившись предварительно съ ними, мы не имѣемъ ключа къ правильному пониманію относящихся сюда отрывковъ изъ сочиненій Трихи и Аристида Квинтиліана.

Въ той группѣ схолій къ Гефестіону, которую Вестфаль называетъ Scholia A, и которая по своему происхожденію восходитъ къ комментарію Лонгина, для поясненія слова πενθημιμερές съ подр. ἀντισπαστικόν (Ἐγγ. с. X) сдѣлано довольно пространное замѣчаніе, которое поразительно похоже на объясненіе слова δογμιακός въ Etym. M. Сходство это замѣтилъ уже Гайсфордъ, который первый открылъ схоліи къ Гефестіону и сличилъ оба мѣста. Этотъ же фактъ привлекъ къ себѣ вниманіе Россбаха и Вестфаля, которые не только указали, что оба эти мѣста имѣютъ одинъ общій источникъ, но и попытались на основаніи сличенія того и другаго возстановить тотъ текстъ, который имѣли передъ своими глазами схоліастъ и авторъ Etym. M. (Metrik d. Griech. Dram. u. Lyr. III¹, стр. 551).

Въ настоящее время это сдѣлано лучше всего въ третьемъ изданіи Theorie der Musischen Künste der Hellenen Россбаха и Вестфаля (I. стр. 178 и сл.), работой которыхъ буду пользоваться и я.

Schol Hephaest.

Ἰστέον γάρ, ὅτι τὸ ὀχμιακὸν σύγκειται ἐξ ἀντισπάστου καὶ συλλαβῆς, ὡς πρὸς τὸν μετρικὸν χαρακτῆρα. Οἱ μέντοι ῥυθμικοὶ τὸ πᾶν μέτρον ὡς μίαν συζυγίαν λαμβάνοντες ὀχμιακὸν ὀνομάζουσι διὰ τὴν τοιαύτην αἰτίαν. Οἱ προειρημένοι ῥυθμοί, ἴαμβος παιὼν ἐπίτριτος ὀρθοὶ καλοῦνται, ἐν ἰσότητι γὰρ κεῖνται, καθὸ ἕκαστος τῶν ἀριθμῶν μονάδι πλεονεκτεῖται· ἡ γὰρ μονὰς ἐστι πρὸς δυάδα ἡ δυὰς πρὸς τριάδα ἡ τριὰς πρὸς τετράδα· τοὐτέστι μακρὸς χρόνος πρὸς βραχείας, ὡς ἐν τῷ δακτύλῳ τυχόν, μονὰς πρὸς δυάδα· ἐν δὲ τῷ ὀχμίῳ ἐπίτριτός ἐστι καὶ συλλαβή. Εὑρίσκεται οὖν ἡ διαίρεσις τριὰς πρὸς πεντάδα οὐκέτι ὀρθή. Οὗτος οὖν ὁ ῥυθμὸς οὐκ ἠδύνατο ὀρθὸς καλεῖσθαι, ἐπεὶ μονάδι πλεονεκτεῖται. Ἐκλήθη τοίνυν δόχμιος, ἐν ᾧ τὸ τῆς ἀνισότητος μεῖζον ἢ κατὰ τὴν εὐθεῖαν κρίνεται.

Etym. M.

Δοχμιακός, εἶδος μέτρου ἀντισπαστικοῦ· ἔστι δὲ μονόμετρον ὑπερκατάληκτον, οἷον

ἐγὼ δ' οὔτε σοι

ἔστι δὲ Εὐριπίδου Φοινισσῶν. Πολλὰ ῥυθμῶν ὀνόματα καὶ ἄλλα. ἀτὰρ δὴ καὶ ταῦτα, ἴαμβος ἰαμβικός, δάκτυλος δακτυλικός, παιών, ἐπίτριτος. Οὗτοι μὲν οὖν ὀρθοί εἰσι ῥυθμοί, ἐν ἰσότητι γὰρ κεῖνται· ἡ γὰρ μονὰς πρὸς δυάδα, ἡ δυὰς πρὸς τριάδα, ἡ τριὰς πρὸς τριάδα· ἡ τριὰς πλεονεκτεῖται μονάδος. Ἐν τῷ δοχμιακῷ τριάς ἐστι πρὸς πεντάδα καὶ δυὰς ἡ πλεονεκτοῦσα. Οὗτος οὖν ὁ ῥυθμὸς οὐκ ἠδύνατο καλεῖσθαι ὀρθός· ἐκλήθη τοίνυν δοχμιακός, ἐν ᾧ τὸ τῆς ἀνισότητος μεῖζον κατὰ τὴν εὐθεῖαν κρίνεται. Καὶ τὸ μέτρον οὖν δοχμιακόν, ὡς ἐμπιπτόντων ἐν αὐτῷ τῶν ὀκτὼ χρόνων.

Такъ какъ текстъ того и другого памятника дошелъ до насъ несовсѣмъ въ исправномъ видѣ, то прежде чѣмъ дѣлать изъ него какіе-нибудь выводы, мы должны внести въ него нужныя поправки. Начнемъ со схолій къ Гефестіону. Въ нихъ слова: τοὐτέστι μακρὸς χρόνος πρὸς βραχείας, ὡς ἐν τῷ δακτύλῳ τυχόν, μονὰς πρὸς δυάδα **заподозрѣны Вестфалемъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, возникли изъ глоссы; можетъ быть, даже изъ двухъ глоссъ:** τοὐτέστι μακρὸς χρόνος πρὸς βραχείας, ὡς ἐν τῷ δακτύλῳ τυχόν **служило при словахъ** ἐν ἰσότητι γὰρ κεῖνται **примѣромъ наиболѣе совершенной ісотны; слова** μονὰς πρὸς δυάδα **служатъ повтореніемъ** ἡ γὰρ μονάς ἐστι πρὸς δυάδα. **Очевидно, глоссу также представляютъ слова:** ἐπίτριτός ἐστι καὶ συλ-

λαβή, которыя поставлены для того, чтобы пояснить схему дохмія, при чемъ здѣсь предполагается такой эпитритъ, схема котораго будетъ одинакова съ антиспастомъ. Вставка этой глоссы повлекла за собой, повидимому, выпаденіе настоящаго текста, который мы можемъ возстановить по Etym. M. слѣдующимъ образомъ: ἐν δὲ τῷ δοχμίῳ <τριάς ἐστι πρὸς πεντάδα καὶ δυὰς ἡ πλεονεκτοῦσα> . Послѣ ἐπεί смыслъ требуетъ добавленія, которое нетрудно сдѣлать на основаніи общихъ соображеній: ἐπεὶ <οὐ> μονάδι πλεονεκτεῖται. Въ гораздо лучшемъ видѣ сохранился текстъ Etym. M.; поправки въ немъ, очевидно, требуютъ только безсмысленныя слова: ἡ τριὰς πρὸς τριάδα· ἡ τριὰς πλεονεκτεῖται μονάδος, которыя весьма легко исправляются при помощи параллельнаго мѣста въ схоліяхъ такимъ образомъ: ἡ τριὰς πρὸς <τε>τρ[ι]άδα· [ἡ τριὰς] πλεονεκτεῖται; затѣмъ еще необходима послѣ сравнительной степени μεῖζον вставка частицы ἤ, которая также оправдывается схоліями. Въ исправленномъ видѣ тотъ и другой текстъ будетъ таковъ:

Schol Hephaest.

Ἰστέον γάρ, ὅτι τὸ δοχμιακὸν σύγκειται ἐξ ἀντισπάστου καὶ συλλαβῆς, ὡς πρὸς τὸν μετρικὸν χαρακτῆρα. Οἱ μέντοι ῥυθμικοὶ τὸ πᾶν μέτρον ὡς μίαν συζυγίαν λαμβάνοντες δοχμιακὸν ὀνομάζουσι διὰ τὴν τοιαύτην αἰτίαν. Οἱ προειρημένοι ῥυθμοί, ἴαμβος παιὼν ἐπίτριτος ὀρθοὶ καλοῦνται, ἐν ἰσότητι γὰρ κεῖνται, καθὸ ἕκαστος τῶν ἀριθμῶν μονάδι πλεονεκτεῖται· ἡ γὰρ μονάς ἐστι πρὸς δυάδα ἡ δυὰς πρὸς τριάδα ἡ τριὰς πρὸς τετράδα· ἐν δὲ τῷ δοχμίῳ τριάς ἐστι πρὸς πεντάδα καὶ δυὰς ἡ πλεονεκτοῦσα. Εὑρίσκεται οὖν ἡ διαίρεσις τριὰς πρὸς πεντάδα· οὐκέτι ὀρθή. Οὗτος οὖν ὁ ῥυθμὸς οὐκ ἠδύνατο ὀρθὸς καλεῖσθαι, ἐπεὶ

Etym. M.

Δοχμιακός, εἶδος μέτρου ἀντισπαστικοῦ· ἔστι δὲ μονόμετρον ὑπερκατάληκτον, οἷον

ἐγὼ δ' οὔτε σοι

ἔστι δὲ Εὐριπίδου Φοινισσῶν. Πολλὰ ῥυθμῶν ὀνόματα καὶ ἄλλα· ἀτὰρ δὴ καὶ ταῦτα, ἴαμβος ἰαμβικὸς, δάκτυλος δακτυλικός, παιών, ἐπίτριτος. Οὗτοι μὲν οὖν ὀρθοί εἰσι ῥυθμοί, ἐν ἰσότητι γὰρ κεῖνται. ἡ γὰρ μονὰς πρὸς δυάδα, ἡ δυὰς πρὸς τριάδα, ἡ τριὰς πρὸς τετράδα πλεονεκτεῖται μονάδος. Ἐν τῷ δοχμιακῷ τριάς ἐστι πρὸς πεντάδα καὶ δυὰς ἡ πλεονεκτοῦσα. Οὗτος οὖν ὁ ῥυθμὸς οὐκ ἠδύνατο καλεῖσθαι ὀρθός· ἐκλήθη τοίνυν δοχμιακός, ἐν ᾧ τὸ τῆς ἀνισότη-

οὐ μονάδι πλεονεκτεῖται. Ἐκλήθη τοίνυν δόχμιος, ἐν ᾧ τὸ τῆς ἀνισότητος μεῖζον ἢ κατὰ τὴν εὐθεῖαν κρίνεται.

τος μεῖζον ἢ κατὰ τὴν εὐθεῖαν κρίνεται. Καὶ τὸ μέτρον οὖν δοχμιακόν, ὡς ἐμπιπτόντων ἐν αὐτῷ τῶν ὀκτὼ χρόνων.

Изъ сопоставленія ихъ обоихъ Вестфаль выводитъ слѣдующій текстъ, который послужилъ оригиналомъ для того и другаго: Οἱ προειρημένοι ῥυθμοί, ἴαμβος, παιών, ἐπίτριτος, ὀρθοὶ καλοῦνται, ἐν ἰσότητι γὰρ κεῖνται, καθ' ὃ ἕκαστος τῶν ἀριθμῶν μονάδι πλεονεκτεῖται, ἢ γὰρ μονάς ἐστι πρὸς δυάδα, ἢ δυὰς πρὸς τριάδα, ἢ τριὰς πρὸς τετράδα. Ἐν δὲ τῷ δοχμίῳ τριάς ἐστι πρὸς πεντάδα καὶ δυὰς ἡ πλεονεκτοῦσα. Οὗτος οὖν ὁ ῥυθμὸς οὐκ ἠδύνατο καλεῖσθαι ὀρθός, ἐπεὶ οὐ μονάδι πλεονεκτεῖται. Ἐκλήθη τοίνυν δόχμιος, ἐν ᾧ τὸ τῆς ἀνισότητος μεῖζον ἢ κατὰ τὴν εὐθεῖαν κρίνεται.

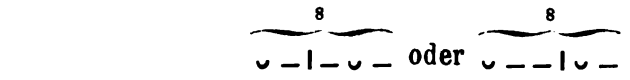
Я съ своей стороны въ виду того, что текстъ Etym. M., хотя и менѣе древній по своему происхожденію, чѣмъ текстъ схолій, не только совершенно свободенъ отъ глоссъ, но и отличается своей краткостью, которая заставляетъ предполагать, что нѣкоторыя выраженія, какъ καθ' ὃ ἕκαστος τῶν ἀριθμῶν μονάδι πλεονεκτεῖται и ἐπεὶ <οὐ> μονάδι πλεονεκτεῖται, взятыя Вестфалемъ изъ схолій, не находились въ общемъ источникѣ (ср. Kuehne, De dochm. q. trad. vet. стр 12), готовъ думать, что слова: καὶ τὸ μέτρον οὖν δοχμιακόν, ὡς ἐμπιπτόντων ἐν αὐτῷ τῶν ὀκτὼ χρόνων представляетъ фразу, принадлежащую также тексту ритмиковъ, которымъ пользовались схоліастъ и этимологъ.

Смыслъ возстановленнаго текста таковъ: тѣ стопы, у которыхъ разность между числомъ χρ. πρ. въ тезисѣ и числомъ ихъ въ арзисѣ равняется единицѣ, называются ῥυθμοὶ (въ смыслѣ πόδες) ὀρθοί; тѣ же, у которыхъ эта разность больше единицы, называются ῥυθμοὶ δόχμιοι. Такимъ образомъ, ямбъ, пеонъ, эпитритъ, будутъ принадлежать къ первой категоріи, дохмій—ко второй. Стопы, принадлежащія къ γένος ἴσον, строго говоря, не относятся ни къ той, ни къ другой категоріи, такъ какъ у нихъ число χρ. πρ. въ тезисѣ и арзисѣ одинаковое; но они по всей справедливости должны быть относимы къ первой категоріи, такъ какъ ἰσότης въ ихъ χρόνοι ποδικοί выражена гораздо совершеннѣе, чѣмъ въ остальныхъ, которыя κεῖνται ἐν ἰσότητι, не смотря на разность въ единицу. Вестфалю уда-

лось даже открыть, чему обязано происхожденіе такого дѣленія стопъ. Онъ замѣтилъ, что формы отношеній между χρόνοι ποδικοί, обусловливающія принадлежность стопъ къ той или другой категоріи, находятся въ связи съ тѣми формами отношеній чиселъ вообще, которыя мы находимъ у математиковъ. Дѣло въ томъ, что у этихъ послѣднихъ такое отношеніе двухъ чиселъ, которое можетъ быть формулировано x+1/x, называлось λόγος ἐπιμόριος; оно соотвѣтствуетъ отношенію χρόνοι ποδικοί въ ῥυθμοὶ ὀρθοί, хотя подъ него въ сущности не подходитъ отношеніе въ γένος ἴσον и διπλάσιον, такъ какъ въ первомъ оно можетъ быть формулировано отношеніемъ x/x, а во второмъ 2x/x. На основаніи какихъ соображеній стопы, принадлежащія къ γένος ἴσον, были подведены подъ категорію ῥυθμοὶ ὀρθοί, объ этомъ уже было сказано. Что же касается стопъ, относящихся къ γένος διπλάσιον, то онѣ были подведены подъ эту категорію потому, что разность между ихъ тезисомъ и арзисомъ равняется единицѣ. Математическое отношеніе, соотвѣтствующее ῥυθμοὶ δόχμιοι, формулируется такимъ образомъ: x+1+n/x; оно извѣстно подъ именемъ λόγος ἐπιμερής (ср. Nikom. Arithm. I. 19, 20). Связь дѣленія стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί и δόχμιοι съ указанными формами математическихъ отношеній подтверждается тѣмъ, что Аристидъ Квинтиліанъ (II. μουσ. стр. 59 20 J.) и Порфирій (Ad Ptolom. стр. 241) для ῥυθμοὶ ὀρθοί употребляютъ названіе πόδες ἐν λόγῳ ἐπιμορίῳ.

Установивъ связь между дѣленіемъ стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί и ῥυθμοὶ δόχμιοι и соотвѣтствующими формами математическихъ отношеній, Вестфаль переходитъ къ оцѣнкѣ возстановленнаго имъ показанія неизвѣстныхъ ритмиковъ и опредѣленію его даты и дѣлаетъ это въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Diese Tradition über den ῥυθμὸς δόχμιος und die damit in Zusammenhang stehende Classification in ῥυθμοὶ ὀρθοί und δόχμιοι macht den Eindruck, als ob sie gut und alt sei, namentlich wenn man sie mit der bei Hephaestion p. 33 vorkommenden Angabe vergleicht, dass der Dochmius ein antispastisches πενθημιμερές sei, eine Auffassung, die erst, nachdem Heliodor das antispastische Metron unter die πρωτότυπα μέτρα versetzt hatte, aufkommen konnte. Und doch hat die Messung des Dochmius als eines ῥυθμὸς ὀκτάσημος, der aus einem 3-zeitigen Jambus

und einem 5-zeitigen Paeon oder auch aus einem 5-zeitigen Bacchius und einem 3-zeitigen Jambus bestehe,



mit Aristoxenus nichts gemein (I³ стр. 181). Въ доказательство этого онъ ссылается на то, что Аристоксенъ, перечисляя простыя и сложныя стопы, допускающія συνεχὴς ῥυθμοποιία, по поводу стопъ въ восемь χρ. πρ. говоритъ слѣдующее: ἔσονται δ' οὗτοι δακτυλικοὶ τῷ γένει, ἐπειδήπερ... Что стояло дальше, неизвѣстно, такъ какъ на словѣ ἐπειδήπερ прерывается дошедшій до насъ текстъ Аристоксена; но, по мнѣнію Вестфаля, смыслъ его могъ быть только тотъ, что въ стопахъ, заключающихъ въ себѣ восемь χρ. πρ., всякая другая διαίρεσις ποδικὴ кромѣ дактилической (а именно 1 + 7, 2 + 6, 3 + 5 или наоборотъ 5 + 3, 6 + 2, 7 + 1) неритмична. Но такъ какъ это мнѣніе Вестфаля основано только на предположеніи, которое ничѣмъ не подтверждается, то, при наличности какихъ-либо противорѣчащихъ ему данныхъ, мы можемъ совершенно свободно не принимать его въ разсчетъ.

Если мы станемъ разсматривать текстъ неизвѣстныхъ ритмиковъ въ той формѣ, въ какой онъ возстановленъ Вестфалемъ безъ отношенія къ другимъ источникамъ, то насъ поразитъ въ немъ одна особенность, которую Вестфаль не только оставилъ безъ вниманія, но даже совершенно уничтожилъ въ приведенной нами ваше цитатѣ, нѣсколько переиначивъ содержаніе свидѣтельства неизвѣстныхъ ритмиковъ на основаніи другихъ источниковъ. Особенность эта состоитъ въ томъ, что неизвѣстные ритмики вопреки большинству другихъ нашихъ источниковъ принимаютъ дохмій за одну простую стопу. Видно это какъ изъ того, что дохмій сопоставляется съ ямбомъ, пеонамъ и эпитритомъ, которые принимаются за простыя стопы, такъ и изъ того, что дохмій дѣлится не на ямбъ и кретикъ или бакхій и ямбъ, а на τριάς и πεντάς точно такъ же, какъ ямбъ на μονάς и δυάς, пеонъ—на τριάς и δυάς и эпитритъ—на τριάς и и τετράς; слѣдовательно, на части стопъ, а не на самостоятельныя стопы. Правда, эпитритъ, судя по тѣмъ формамъ, въ которыхъ онъ является, представляетъ не что иное, какъ трохаическую диподію съ постояннымъ спондеемъ на второмъ мѣстѣ, почему Аристоксенъ и

не упоминаетъ его въ числѣ γένη ποδῶν, допускающихъ συνεχὴς ῥυθμοποιία, и затѣмъ ниже говоритъ, что μέγεθος ἑπτάσημον οὐκ ἔχει διαίρεσιν ποδικήν; однако Аристидъ Квинтиліанъ, указавъ при перечисленіи стопъ три γένη ῥυθμικά, которыя мы находимъ и у Аристоксена, замѣчаетъ по поводу эпитрита, что къ числу трехъ упомянутыхъ имъ γένη ῥυθμικά προστιθέασι δέ τινες καὶ τὸ ἐπίτριτον (стр. 28 8 J), и затѣмъ ниже, излагая систему стопъ, которой держатся чистые ритмики (они унего названы οἱ χωρίζοντες τῆς μετρικῆς θεωρίας τὴν περὶ ῥυθμῶν), упоминаетъ λόγος ἐπίτριτος на ряду съ другими. Поэтому мы имѣемъ право заключить, что эпитритъ, а съ нимъ вмѣстѣ и дохмій въ текстѣ неизвѣстныхъ ритмиковъ признаются за такія же простыя стопы, какъ ямбъ и пеонъ.

Наконецъ, показаніе неизвѣстныхъ ритмиковъ имѣетъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о томъ, сколько χρ. πρ. заключается въ дохміи. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы дохмій содержалъ въ себѣ не восемь χρ. πρ., какъ это вытекаетъ изъ того, что наши ритмики дѣлятъ его на τριάς и πεντάς, а больше, то для нихъ, какъ ритмиковъ, было бы обязательно оговорить это обстоятельство и указать, какое число χρ. πρ. и въ какомъ мѣстѣ должно быть восполнено посредствомъ протяженія или паузы. Если же вѣрно мое предположеніе, что послѣдняя фраза въ текстѣ Etym. M. обязана своимъ происхожденіемъ неизвѣстнымъ ритмикамъ, то въ ней мы имѣемъ еще болѣе вѣское доказательство правильности этого моего вывода.

Перейдемъ теперь къ *Аристиду Квинтиліану*, который въ своемъ сочиненіи Περὶ μουσικῆς посвятилъ нѣсколько строкъ дохмію. Но такъ какъ въ девятой книгѣ De nuptiis Philologiae et Mercurii *Марціана Капеллы* мы находимъ почти дословный переводъ этого мѣста изъ сочиненія Аристида Квинтиліана, то будемъ разсматривать оба текста параллельно:

Arist. Quint.	Marc. Cap.
Μιγνυμένων δὴ τῶν γενῶν τούτων εἴδη ῥυθμῶν γίνεται πλείονα· δύο μὲν δοχμιακά, ὧν τὸ μὲν συντίθεται ἐξ ἰάμβου καὶ παίωνος διαγυίου, τὸ δὲ δεύτερον ἐξ ἰάμβου καὶ δακτύλου καὶ παίωνος· εὐφυέσ-	Verum haec genera cum permixta fuerint speciebus numerorum, primae species erunt istae, quae dochmiacae nominantur. ex quibus prius quod fuerit, hac lege conponitur ut sit ex iambo

τεραι γὰρ αἱ μίξεις αὗται κατεφάνησαν (δόχμιοι δὲ ἐκαλοῦντο διὰ τὸ ποικίλον καὶ ἀνόμοιον καὶ μὴ κατ' εὐθὺ θεωρεῖσθαι τῆς ῥυθμοποιίας). Стр. 26 5—10 J.

et paeone, qui διάγυιος vocatur: hunc posteriores Graeci διάγυιον nominarunt. secunda est species, quae ex iambo dactylico et paeone constare monstratur. Стр. 372 10—16 Eys.

Глаголомъ μιγνύναι, какъ замѣтилъ Цезарь, Аристидъ обозначаетъ соединеніе въ одно ритмическое цѣлое стопъ, принадлежащихъ къ разнымъ γένη ῥυθμοῦ, тогда какъ при соединеніи стопъ, принадлежащихъ къ одному и тому же γ. ῥυθμοῦ, у него употребляется глаголъ συντιθέναι. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ значеніе слова σύνθεσις распространено и на соединеніе стопъ, относящихся къ разнымъ γένη ῥυθμοῦ (Die Grundz. d. griech. Rhyth. стр. 199). Такимъ образомъ, самый выборъ глагола показываетъ намъ, что дохмій, по мнѣнію Аристида Квинтиліана, представляетъ соединеніе двухъ самостоятельныхъ стопъ, вслѣдствіе чего при исполненіи его происходитъ каждый разъ μεταβολὴ ῥυθμοῦ γενική.

Первый родъ дохмія состоитъ изъ ямба и παίων διάγυιος. Спрашивается, что такое представляетъ этотъ послѣдній. Схему παίων διάγυιος мы находимъ у самого Аристида: παίων διάγυιος ἐκ μακρᾶς θέσεως καὶ βραχείας καὶ μακρᾶς ἄρσεως (стр. 25 35—36 J), а также въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ у Капеллы, которое впрочемъ нуждается въ исправленіи: paeon diagyius appellatur ex longa positione <et brevi> (θέσις) et longa elatione (ἄρσις) (стр. 371 25 —372 1—2 Eys). Наконецъ, въ своемъ переводѣ Капелла отожествляетъ παίων διάγυιος съ кретикомъ, схема котораго извѣстна изъ многихъ источниковъ (Dion. De comp. v. c. XVII; ср. Christ Mitrik², стр. 390 и сл.).

По отношенію ко второму виду дохмія текстъ Аристида не сходится съ текстомъ Капеллы: этотъ послѣдній говоритъ, что дохмій состоитъ изъ дактилическаго ямба, т. е., по всей вѣроятности, ямба, являющагося въ формѣ дактиля: _ ◡◡, и пеона: ◡ —; тогда какъ, по первому, онъ состоитъ не изъ двухъ, а изъ трехъ стопъ: ямба, дактиля и пеона ◡ _ _ ◡ ◡ _ ◡ _ . Это несоотвѣтствіе возбуждаетъ вопросъ о томъ, чье показаніе слѣдуетъ считать болѣе правильнымъ. Правда, втораго вида дохмія ни въ той формѣ, въ какой онъ является у Аристида Квинтиліана, ни въ той, въ какой у Марціана

Капеллы, мы не встрѣчаемъ ни у кого изъ древнихъ метриковъ, но на сторонѣ Марціана Капеллы находится то преимущество, что его дохмій представляетъ одну изъ очень употребительныхъ формъ этого размѣра тогда какъ подъ описаніе Аристида Квинтиліана не подходитъ ни одна изъ нихъ. Но еще сильнѣе противъ вѣрности текста Аристида Квинтиліана говоритъ тотъ фактъ, что при перечисленіи πόδες κατὰ περίοδον σύνθετοι, относящихся къ γένος ἰαμβικόν, у него подъ именемъ ἴαμβος ἀπὸ βαχχείου, иначе μέσος βαχχεῖος, дается стопа, схема которой тожественна со схемой втораго вида дохмія. А такъ какъ описаніе ἴαμβος ἀπὸ βαχχείου сдѣлано Аристидомъ Квинтиліаномъ по тому же источнику, по какому и описаніе двухъ видовъ дохмія, то мы вправѣ были бы ожидать какой нибудь оговорки по поводу такого совпаденія, еслибы оно дѣйствительно имѣло мѣсто. Эти соображенія заставляютъ насъ въ описаніи втораго вида дохмія у Аристида Квинтиліана принять поправку, выставленную Гольдманомъ въ качествѣ одного изъ тезисовъ своей диссертаціи (De dochmiorum usu Sophocleo): Arist. Quint. p. 39 verba sic corrigenda puto: δύο μὲν δογμιακά, ὧν τὸ μὲν συντίθεται ἐξ ἰάμβου καὶ παίωνος διαγυίου, τὸ δὲ δεύτερον ἐξ ἰαμβικοῦ δακτύλου καὶ παίωνος (_ ◡ ◡ _ ◡ _) εὐφυέστεραι γὰρ αἱ μίξεις αὗται κατεφάνησαν.

Приведенное нами описаніе двухъ видовъ дохмія сдѣлано Аристидомъ Квинтиліаномъ, какъ это онъ самъ сообщаетъ ниже, по системѣ, которой держатся οἱ συμπλέκοντες τῇ μετρικῇ θεωρίᾳ τὴν περὶ ῥυθμῶν, и потому напрасно было бы искать въ немъ какихъ либо слѣдовъ ученія Аристоксена о дохміи. Для этой цѣли мы скорѣе должны обратиться къ приводимому Аристидомъ вслѣдъ за теоріей, которой держатся οἱ συμπλεκοντες, обозрѣнію стопъ по системѣ чистыхъ ритмиковъ, которые названы у него, въ противоположность съ первыми, οἱ χωρίζοντες. Система чистыхъ ритмиковъ состоитъ въ слѣдующемъ: ἀρξάμενοι γὰρ ἀπὸ δισήμου συντιθέασιν ἀριθμοὺς μέχρι τῶν συνθέτων ῥυθμῶν, καὶ τούτους κατὰ τοὺς προειρημένους σχηματίζοντες λόγους, ἴσον τε καὶ διπλάσιον ἡμιόλιόν τε καὶ ἐπίτριτον... πάλιν δὲ τοὺς συνθέτους ὠδὶ ποιοῦσιν· σύμπαντα τὸν ἀριθμὸν ἐκτίθενται καὶ μερίζουσι τοῦτον εἰς σχήματα ῥυθμικά· κἂν μὲν ἔχῃ λόγον τινὰ ταῦτα πρὸς ἄλληλα, ὃν οἱ τῶν ἁπλῶν ῥυθμῶν σώζουσι χρόνοι, ἔρρυθμον ἀποφαίνονται τὸ σχῆμα· εἰ δὲ μή, πάλιν μετασχηματίζουσιν, ἕως ἂν εἰς λόγους ῥυθμικοὺς ἡ τοῦ ῥυθμοῦ διαίρεσις καταντήσῃ. οἷον

ἐκκειμένης δεκάδος θεωρείσθω τὰ σχήματα ὡς ἐπὶ ῥυθμοῦ γενέσεως. ἐκ δυάδος μὲν οὖν καὶ ὀκτάδος οὐκ ἔσται ῥυθμός· οὐ γὰρ ἔῤῥυθμος ὁ τετραπλασίων λόγος· ὥστ' οὐδὲ ὁ δεκάσημος ἔσται ἐκ δισήμου καὶ ὀκτασήμου. μερίζω τὴν ὀκτάδα πάλιν εἰς τριάδα, οὐδ' οὕτως ἔσται ῥυθμικὸς λόγος· τὸν πέντε πάλιν εἰς τρία καὶ δύο, λέγω τὸν τρία πρὸς ἕκαστον τῶν δισήμων λόγον ἔχειν ἡμιόλιον, ὥστε καὶ τὸν δεκάσημον συνεστάναι διὰ τούτων. πάλιν εἰ μερίσαιμι τὸν αὐτὸν εἰς τριάδα καὶ ἑπτάδα, οὐκ ἔσται λόγος τῶν ἀριθμῶν ῥυθμικός. μερίζω τὸν ἑπτὰ εἰς τρία καὶ τέσσαρα, καὶ σώζεται λόγος ἐπίτριτος, ἐξ οὗ φημι συντίθεσθαι τὸν δεκάσημον. πάλιν ποιῶ τὸν αὐτὸν ἐκ τετρασήμου καὶ ἑξασήμου, συνέστη λόγος ῥυθμικὸς ἡμιόλιος. πάλιν εἰς δύο· εἰ μὲν οὖν ἁπλοῦς ἀμφοτέρους, τὸν ἴσον καὶ ῥυθμικὸν ἕξουσι λόγον· εἰ δὲ συνθέτους, καθὰ προεῖπον ποιησάμενος τὴν διαίρεσιν, συνίστημι τὸν δεκάσημον. (Π. μουσ. стр. 26 33—36 и 27 9—28 J). Вопросъ о томъ, что такое представляетъ изъ себя дохмій съ точки зрѣнія чистыхъ ритмиковъ остается отсюда нерѣшеннымъ.

Но Брамбахъ, опираясь на приведенный Аристидомъ Квинтиліаномъ примѣръ, приходитъ къ такому заключенію: Auf die den Silben nach achtzeitige Reihe passt nun auch, was der Rhythmiker von der zehnzeitigen sagt, dass ihre Theile zusammengesetzt seien; denn er mass:

τριάς	πεντάς
∪ –	– ∪ | –
ἄρσις	θέσις

Aus diezer Zerlegung ersehen wir, dass von der alten Rhythmik in der That die Thesis und somit der ganze Dochmius nicht als Einheit behandelt wurde (Metr. Stud. zu Soph. Einl. XXIX). Затѣмъ, указавши на то, что изложенная Аристидомъ Квинтиліаномъ система чистыхъ ритмиковъ находится въ связи съ ученіемъ Аристоксена (Р. ст. стр. 415 M), онъ приписываетъ этому послѣднему слѣдующую теорію: er löst die Tactverbindungen so lange in ihre Theile auf, bis sich unter diesen eines der einfachen Massverhältnisse ergibt. Wenn sich die Gesammtverbindung der Arsis und Thesis nicht auch in dieselben Massverhältnisse fügt, so heisst die ganze Reihe 'dochmisch' (ib.).

Признавая съ Брамбахомъ, что излагаемая Аристидомъ Квинтиліаномъ система чистыхъ ритмиковъ въ общихъ чертахъ сходится съ ученіемъ Аристоксена, тѣмъ не менѣе мы не можемъ согласиться съ этимъ ученымъ въ томъ, что онъ безъ дальнихъ разсужденій отождествляетъ ихъ другъ съ другомъ. Противъ этого говоритъ уже тотъ фактъ, что οἱ χωρίζοντες Аристида Квинтиліана допускаютъ λόγος ἐπίτριτος, тогда какъ по Аристоксену его не существуетъ. Далѣе, распространяя названія дохмій на всякое ритмическое сочетаніе, въ которомъ отношеніе частей не подойдетъ ни подъ одно изъ извѣстныхъ намъ четырехъ отношеній, Брамбахъ поступаетъ совершенно произвольно, такъ какъ у Аристида Квинтиліана въ данномъ мѣстѣ даже не упоминается слово дохмій, а въ текстѣ неизвѣстныхъ ритмиковъ дохміемъ называется только такая стопа, въ которой разность между тезисомъ и арзисомъ равняется двумъ. Наконецъ, при разсмотрѣніи показанія Аристида Квинтиліана мы должны принять въ разсчетъ и то обстоятельство, что онъ имѣетъ въ виду дать только общія положенія, которыми дохмій весьма легко можетъ быть не предусмотрѣнъ. Поэтому, еслибы даже дѣйствительно дохмій съ точки зрѣнія чистыхъ ритмиковъ по Аристиду Квинтиліану и представлялъ сложную стопу, однако изъ этого вовсе не должно слѣдовать, чтобы Аристоксенъ также принималъ дохмій за сложную стопу. Напротивъ того, есть одно обстоятельство, которое можетъ повести насъ къ совершенно противоположному заключенію. Дѣло въ томъ, что у Цицерона, неизвѣстныхъ ритмиковъ схолій къ Гефестіону и Etym. M., а также, по всей вѣроятности, и въ схоліяхъ къ Эсхиловымъ Sept. 99 дохмій разсматривается какъ простая стопа. По системѣ, которой держатся οἱ συμπλέκοντες, дохмій распадается на двѣ стопы. Нельзя также пріурочить взгляда на дохмій какъ на простую стопу ни къ «старшей», ни къ «младшей» школѣ метриковъ, потому что ни та, ни другая не помѣщаетъ его въ число своихъ μέτρα πρωτότυπα (см. Rossbach u. Westphal, Metrik d. Griech. I³ стр. 167). Остается только система чистыхъ ритмиковъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ она является въ отрывкахъ Аристоксена. Но, если это такъ, то рождается вопросъ, почему дохмій не упомянутъ Аристоксеномъ при перечисленіи имъ γένη ποδῶν, допускающихъ συνεχὴς ῥυθμοποιία (стр. 412 M.). Если знакомое намъ изъ неизвѣстныхъ ритмиковъ схолій къ Гефестіону и

Etym. M. дѣленіе стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί и ῥ. δόχμιοι было усвоено уже Аристоксеномъ, то мы весьма легко можемъ предположить, что въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ излагается только теорія ῥυθμοὶ ὀρθοί, ῥυθμοὶ же δόχμιοι отнесены въ другую часть книги, которая до насъ не дошла. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что мы не можемъ себѣ представить, чтобы Аристоксенъ ни въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія не коснулся дохмія.

Изъ источниковъ, относящихся ко второй группѣ, намъ остается разсмотрѣть только показаніе *Бакхія*, автора Εἰσαγωγὴ τέχνης μουσικῆς. Дохмій у него сначала упоминается при перечисленіи сложныхъ стопъ (πόδες συμπεπλεγμένοι); затѣмъ ниже дается его схема и примѣръ на нее въ слѣдующихъ выраженіяхъ: ἔννατος δὲ δόχμιος ἐξ ἰάμβου καὶ ἀναπαίστου καὶ παιᾶνος τοῦ κατὰ βάσιν οἷον·

ἔμενεν ἐκ Τροίας χρόνον.

(Westphal, Metrik d. Gr. I², Suppl. стр. 48, 2—4).

Если мы примемъ -οι- въ словѣ Τροίας за краткій слогъ (ср. Christ, Metrik² стр. 26 и сл.; Rossbach u. Westphal, Theorie d. mus. Künste d. Hell. III², стр. 130 сл.), то схема примѣра будетъ такова: ⏑ ⏑ ⏑ – ⏑ – ⏑ ⏑, представляя одну изъ очень употребительныхъ формъ дохмія, только съ прибавленіемъ двухъ лишнихъ слоговъ въ концѣ.

Для того, чтобы вывести схему дохмія на основаніи предшествующаго примѣру описанія, мы должны опредѣлить, что такое представляютъ изъ себя ἴαμβος, ἀνάπαιστος и παιὰν ὁ κατὰ βάσιν. Схема двухъ первыхъ стопъ опредѣлена у Бакхія и не отличается отъ общепринятой. Что же касается παιὰν ὁ κατὰ βάσιν, то этой стопы мы не находимъ у Бакхія и потому должны вывести схему ея изъ описанія пеана и опредѣленія значенія слова βάσις. Схема простаго пеана опредѣляется у Бакхія такъ: παιὰν σύνθετος ἐκ χορείου καὶ ἡγεμόνος οἷον· εὐπλόκαμος (ib. стр. 48 34 и 47 1); подъ словомъ βάσις Бакхій разумѣетъ σύνταξις δύο ποδῶν ἢ ποδὸς καὶ καταλήξεως (ib. стр. 46 8—10). Собственно говоря, изъ значенія слова βάσις вытекаетъ, что и простой пеанъ, состоя изъ χορεῖος и ἡγεμών, можетъ быть названъ ὁ κατὰ βάσιν; но въ виду того, что Бакхій не называетъ его такъ, мы должны предположить, что подъ именемъ παιὰν ὁ κατὰ βάσιν скрывается кретикъ, который по Бакхію долженъ

распадаться на χορεῖος и κατάληξις. Такимъ образомъ, по описанію, схема дохмія опредѣляется такъ: ⏑ – ⏑ ⏑ – – ⏑ –. Но если мы сравнимъ эту схему со схемой примѣра, то увидимъ, что онѣ не сходятся другъ съ другомъ въ формѣ второй стопы. Это обстоятельство заставило Кюне предположить порчу текста. Исправленіе его онъ начинаетъ съ примѣра, который отожествляетъ съ первой половинкой стиха Eur. Hel. 651:

ἕμενον ἐκ Τροίας πολυετῆ μολεῖν.

(Kühne, De dochmio quid tradiderint veteres, стр. 29 и сл.).

И дѣйствительно, если мы сравнимъ этотъ стихъ, представляющій дохмическій диметръ съ распущеннымъ первымъ долгимъ слогомъ въ обоихъ дохміяхъ, и примѣръ Бакхія, то найдемъ, что первый дохмій въ указанномъ Кюне стихѣ совершенно совпадаетъ съ примѣромъ, въ которомъ лишнимъ останется только слово χρόνον. Такое совпаденіе не можетъ быть объяснено ничѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, что примѣръ Бакхія взятъ изъ приведеннаго стиха Еврипида; а такъ какъ стихъ этотъ въ критическомъ отношеніи не даетъ никакого повода къ сомнѣнію, то мы должны признать, что слово χρόνον попало въ составъ примѣра вслѣдствіе какой-нибудь ошибки и потому подлежитъ удаленію. Такимъ образомъ, примѣръ Бакхія, освобожденный отъ излишней прибавки, представляетъ одну изъ очень употребительныхъ формъ дохмія, которая подходитъ подъ описанія этой стопы, извѣстныя намъ изъ другихъ источниковъ. Отъ примѣра Кюне переходитъ къ предшествующему ему описанію и уничтожаетъ въ немъ слова καὶ ἀναπαίστου. Исправивши такимъ образомъ текстъ, онъ не только уничтожаетъ несоотвѣтствіе между описаніемъ дохмія и примѣромъ, но и приводитъ въ связь показаніе Бакхія о дохміи съ другими древними свидѣтельствами. Если мы сравнимъ исправленный Кюне текстъ Бакхія съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ Аристида Квинтиліана, то найдемъ, что дохмій Бакхія будетъ соотвѣтствовать первому виду дохмія Аристида Квинтиліана. А такъ какъ перечисленіе стопъ у Бакхія и у Аристида Квинтиліана по теоріи, которой держатся οἱ συμπλέκοντες τῇ μετρικῇ θεωρίᾳ τὴν περὶ ῥυθμῶν, восходитъ, хотя и не непосредственно, къ одному общему источнику, какъ это показалъ Вестфаль (Rossbach u. Westphal, Metrik d. Gr. I² стр. 94 и сл.), то это соотвѣтствіе можетъ слу-

жить ручательствомъ правильности сдѣланныхъ Кюне поправокъ. Остается теперь только уяснить тотъ путь, какимъ произошло искаженіе текста Бакхія. Появленіе слова χρόνον въ немъ Кюне объясняетъ такимъ образомъ: ac quis infitias eat vocem χρόνον in libello rhythmico, ubi sexcenties legitur, nullo fere negotio levissima librariorum socordia ab alia in aliam columnam aut versum migrare potuisse (De doch. q. trad. vett. стр. 29); о томъ, какимъ образомъ явилась вставка словъ καὶ ἀναπαίστου, онъ ничего не говоритъ, считая ее, по всей вѣроятности, вызванной прибавленіемъ въ примѣръ слова χρόνον. Признавая справедливость высказаннаго Кюне мнѣнія о томъ, что примѣръ Бакхія заимствованъ изъ Еврипида, мы не можемъ согласиться съ натянутымъ объясненіемъ, къ которому онъ прибѣгаетъ для того, чтобы показать, какимъ образомъ слово χρόνον появилось въ данномъ мѣстѣ.

Инымъ способомъ старается привести въ соотвѣтствіе описаніе дохмія съ примѣромъ на него Вестфаль. Указавъ на то, что дактилическая стопа по терминологіи, которой держатся οἱ συμπλέκοντες Аристида Квинтиліана, носитъ названіе ἀνάπαιστος ἀπὸ μείζονος, онъ высказываетъ мысль, что въ описаніи дохмія у Бакхія подъ ἀνάπαιστος разумѣется не обыкновенный анапестъ, а ἀνάπαιστος ἀπὸ μείζονος; на основаніи этого предположенія схема дохмія у него является таковой:

⏑ — — ⏑ ⏑ — ⏑ —

Примѣръ онъ подгоняетъ подъ эту схему, принимая въ словѣ Τροίας діэрезисъ. При такомъ толкованіи этого мѣста дохмій Бакхія будетъ соотвѣтствовать второму виду дохмія у Аристида Квинтиліана, если только не допускать въ текстѣ этого послѣдняго поправки Гольдмана. Но, помимо необходимости этой поправки, черезъ которую нарушится соотвѣтствіе между Бакхіемъ и Аристидомъ Квинтиліаномъ, мы не можемъ допустить толкованія Вестфаля также потому, что въ примѣрѣ Бакхія невозможно удерживать слово χρόνον вопреки чтенію Eur. Hel. 651.

Мнѣ же кажется, для того, чтобы понять, откуда появилось въ примѣрѣ Бакхія слово χρόνον и въ связи съ нимъ слова καὶ ἀναπαίστου въ описаніи, мы должны предварительно опредѣлить, что такое представлялъ изъ себя тотъ оригиналъ, который въ сокращенномъ видѣ компилировалъ Бакхій. Изъ сличенія Аристида Квинти-

ліана съ Бакхіемъ видно, что оригиналъ этотъ различалъ два вида дохмія и былъ снабженъ примѣрами. Если въ видѣ примѣровъ въ немъ были выписаны цѣлые стихи, какъ это мы находимъ у Діонисія Галикарнасскаго при описаніи стопъ, то мѣсто, относящееся къ дохмію, имѣло приблизительно такой видъ: δύο δοχμιακά, ὧν τὸ μὲν συντίθεται ἐξ ἰάμβου καὶ παιᾶνος τοῦ κατὰ βάσιν οἷον·

ἔμενον ἐκ Τροίας πολυετῆ μολεῖν

τὸ δὲ δεύτερον ἐξ ἰαμβικοῦ ἀναπαίστου ἀπὸ μείζονος καὶ παιᾶνος τοῦ κατὰ βάσιν οἷον... Возстановивъ такимъ образомъ общій оригиналъ Бакхія и Аристида Квинтиліана, мы легко прійдемъ къ той мысли, что при словѣ πολυετῆ въ немъ могло явиться въ видѣ надстрочной глоссы слово χρόνον, которое, будучи принято въ составъ примѣра компиляторомъ, сокращавшимъ оригиналъ, повлекло за собою вставку словъ καὶ ἀναπαίστου, извлеченныхъ изъ описанія второго вида дохмія.

Дохмій у грамматиковъ и метриковъ. Показанія источниковъ третьей группы имѣютъ почти только историческій интересъ, а потому мы коснемся ихъ, насколько возможно, кратче. Начну съ *Гефестіона*, какъ съ самаго старшаго по времени появленія, и схолій къ нему. Въ десятой главѣ его Ἐγχειρίδιον, посвященной антиспастамъ, къ дохміямъ имѣетъ отношеніе слѣдующее мѣсто: καὶ ἔστιν ἐπίσημα ἐν αὐτῷ (т. е. ἀντισπαστικῷ) τάδε· πενθημιμερὲς μέν, τὸ καλούμενον δοχμιακόν, οἷον

κλύειν μαίεται
τὸν ἐγχώριον.

(стр. 32 23 и 33 1—4 W).

Въ старыхъ *схоліяхъ* къ нему на это мѣсто сдѣлано такое замѣчаніе: Τοῦτο κατὰ πόδα συμβαίνει. δύο γάρ ἐστι κῶλα ποδῶν ἁπλῶν δύο καὶ συλλαβῆς. Ἰστέον γάρ, ὅτι τὸ δοχμιακὸν σύγκειται ἐξ ἀντισπάστου καὶ συλλαβῆς, ὡς πρὸς τὸν μετρικὸν χαρακτῆρα... Ἐνταῦθα οὖν δόχμιον ῥυθμόν φησιν ἴαμβον καὶ παιῶνα πρῶτον, τουτέστιν ἐκ βραχείας καὶ μακρᾶς καὶ μακρᾶς καὶ τριῶν βραχειῶν· τινὲς γὰρ οὕτω μετροῦσι. Καὶ ἔστιν ἡ ται συλλαβὴ εἰς β′ βραχέα λογιζομένη τοῦ παιῶνος, ἵνα τὸ μαίεται πρῶτος παιὼν ᾖ. τὸ δὲ τέλος τῆς δευτέρας ῥήσεως ἀντὶ μακρᾶς ἔχει [τὸ τέλος] λυόμενον εἰς δύο βραχείας

(стр. 185 1—26 W). Изъ словъ Гефестіона явствуетъ, что онъ принимаетъ дохмій за (κῶλον) ἀντισπαστικὸν πενθημιμερές. Названіе это, какъ видно изъ схолій, объясняется тѣмъ, что дохмій состоитъ изъ антиспаста, который, распадаясь на ямбъ и трохей, заключаетъ въ себѣ четыре полустопы, и еще одного лишняго слога, который принимается за половинку стопы. Вслѣдъ за этимъ объясненіемъ словъ Гефестіона въ схоліяхъ приведено разобранное уже нами свидѣтельство неизвѣстныхъ ритмиковъ. Не понявъ, почему въ немъ дохмій дѣлится на τριάς и πεντάς, схоліастъ отожествляетъ эти величины съ ямбомъ и первымъ пеономъ. Но такъ какъ первый стихъ въ примѣрѣ, приводимомъ Гефестіономъ, оканчивается долгимъ слогомъ, а второй— безразличнымъ, между тѣмъ какъ въ первомъ пеонѣ являются въ соотвѣтствіи съ ними два краткихъ слога, то схоліастъ оканчиваетъ свое замѣчаніе нелѣпой попыткой примирить это противорѣчіе.

Въ тѣснѣйшей зависимости отъ Ἐγχειρίδιον Гефестіона и его схолій стоитъ замѣчаніе о дохміи метрика *Трихи*, составившаго компиляцію сочиненія Гефестіона и старыхъ схолій къ нему (scholia A). Въ посвященной антиспасту главѣ, своего сочиненія Ἐπιμερισμοὶ τῶν ἐννέα μέτρων Триха говоритъ слѣдующее: Μονόμετρον δὲ ὑπερκατάληκτόν ἐστιν οἷον τὸ

φαείνοισά μοι.

Τοῦτο δὲ ἐπίσημόν ἐστι πενθημιμερὲς ὀνομαζόμενον, ὅτι τοῦ πέντε τὸ ἥμισυ ἔχει· μετρούμενον γὰρ κατὰ δισυλλαβίαν δύο ἡμίσου δισυλλαβίας εὑρίσκεται ἔχον. Τὸ αὐτὸ δὲ καὶ δοχμαϊκὸν ὀνομάζεται ἢ ἀπὸ ἔθνους οὕτως ὀνομαζομένου ἢ ἀπὸ τοῦ πρώτως αὐτῷ χρησαμένου ἢ παρ' ὅσον, <ὡς> ἔνιοί φασι, πλάγιόν τινα ῥυθμὸν ἔχει καὶ οὐκ ὀρθότατον (стр. 286 17—26 W).

Если мы сравнимъ показаніе Трихи съ приведенной нами выше цитатой изъ схолій, то найдемъ, что въ немъ нѣтъ ни одной фразы, которая не находила бы себѣ параллели въ схоліахъ. Дохмій у Трихи является подъ именемъ μονόμετρον ὑπερκατάληκτον (подр. ἀντισπαστικόν), которое находитъ себѣ объясненіе въ слѣдующихъ словахъ схолій: τὸ δοχμιακὸν σύγκειται ἐξ ἀντισπάστου καὶ συλλαβῆς. Для того, чтобы понять связь между тѣмъ и другимъ выраженіемъ, мы должны припомнить, что у древнихъ метриковъ всякій членъ (κῶλον), измѣряемый диподіями, назывался гиперкаталектическимъ, если въ

концѣ имѣлъ остатокъ изъ одного или двухъ слоговъ, и что антиспастъ принимался за совокупность двухъ стопъ: ямба и трохея. Слова: τοῦτο δὲ ἐπίσημόν ἐστι πενθημιμερὲς ὀνομαζόμενον, ὅτι τοῦ πέντε τὸ ἥμισυ ἔχει· μετρούμενον γὰρ κατὰ δισυλλαβίαν δύο ἥμισυ δισυλλαβίας εὑρίσκεται ἔχον представляютъ передѣлку словъ схолій: ποδῶν ἁπλῶν δύο καὶ συλλαβῆς. Смыслъ словъ Трихи тотъ, что если дѣлить пять слоговъ дохмія по два, то получится два раза по два слога и еще одинъ слогъ, а если считать каждый слогъ за половинку простой стопы, то всего-на-всего получится пять половинокъ. Начало послѣдней фразы со словъ ἢ παρ' ὅσον представляетъ собственную догадку Трихи относительно происхожденія названія дохмія. Что же касается конца этой фразы, то онъ произошелъ благодаря найденному Трихой въ століяхъ дѣленію стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί и ῥ. δόχμιοι.

Слѣдующія строки въ показаніи автора *Etym. M.* стр. 285: δοχμιακός, εἶδος μέτρου ἀντισπαστικοῦ· ἔστι δὲ μονόμετρον ὑπερκατάληκτον, οἷον

ἐγὼ δ' οὔτε σοι —

ἔστι δὲ Εὐριπίδου Φοινισσῶν..., которыя послѣ сказаннаго по поводу соотвѣтствующаго выраженія у Трихи не нуждаются въ объясненіи, показываютъ, какъ онъ понималъ дохмій.

Одинаковаго съ нимъ взгляда на дохмій держался и *Димитрій Триклиній*, что видно изъ слѣдующаго замѣчанія въ схоліяхъ къ Soph. Ant. 881: θεᾶν ἢ ῥυθῶν] ἀντισπαστικὸν μονόμετρον ὑπερκατάληκτον, ὃ καλεῖται δοχμιακόν.

Для того, чтобы сводъ всего имѣющаго отношеніе къ дохмію у греческихъ писателей былъ совершенно полонъ, мы приведемъ замѣчанія *схолій къ Ar. Av. 836, 1188* и *1262*.

Замѣтка схолій къ 936 стиху содержитъ въ себѣ разборъ цѣлаго отрывка комедіи отъ 936—945, изъ котораго къ дохмію имѣетъ отношеніе только объясненіе ритмическаго значенія стиха 942. Но такъ какъ объясненіе это сдѣлано въ такой формѣ, что можетъ быть понято только въ связи съ объясненіемъ предыдущаго стиха, которое нуждается въ поправкѣ, то я приведу для ясности не толь-

ко слова схолій, относящіяся къ обоимъ этимъ стихамъ, но и самые стихи. Стихи и схема ихъ таковы:

νομάδεσσι γὰρ ἐν Σκύθαις ∪ ∪ – ∪ ∪ – ∪ –
ἁλᾶται Στράτων ∪ – – ∪ –

Схоліастъ по поводу ихъ замѣчаетъ слѣдующее: ἑξῆς δ' ἡ ε' περίοδος κώλων ἀναπαιστικῶν πέντε. ὧν τὸ πρῶτον δίμετρον καταληκτικὸν, τοῦ πρώτου ποδὸς πεντασυλλάβου. τὸ β' πενθημιμερὲς, ὃ καλεῖται δοχμαϊκόν (стр. 231 41—44 Did.).

Первый стихъ еще можно, хотя и съ натяжкой, назвать анапестическимъ, но у второго рѣшительно нѣтъ ничего общаго съ анапестами. Поэтому мнѣ кажется, что слово ἀναπαιστικῶν слѣдуетъ замѣнить посредствомъ ἀντισπαστικῶν. Если мы примемъ эту поправку, то для насъ сдѣлается понятнымъ, не только почему 936 стихъ названъ πενθημιμερές, но и получатъ нѣкоторый смыслъ слова: τοῦ πρώτου ποδὸς πεντασυλλάβου, которыя никакъ не могутъ относиться къ анапестической стопѣ.

Стихъ 1188 представляетъ начало строфы, состоящей изъ чистыхъ дохміевъ, а стихъ 1262 — начало антистрофы, находящейся въ соотвѣтствіи съ ней; но схоліастъ, не понявъ этого соотвѣтствія, при первомъ изъ указанныхъ мною стиховъ дѣлаетъ слѣдующій разборъ строфы: Ἔϊσθεσις χοροῦ ἐπῳδικὴ κώλων τροχαικῶν ἐπιμεμιγμένων χορείοις ἤτοι τριβράχεσι καὶ δακτύλοις πενθημιμερῶν ἡ'. ὧν τὰ μὲν πρῶτα τρία καὶ παιωνικά, εἰ βούλει, ποιήσει ἡμιόλια. τὸ τέταρτον τροχαϊκὸν ἐκ δακτύλου πενθημιμερές. τὸ πέμπτον καὶ ἕκτον ἰθυφαλλικά. τὸ ζ' καὶ η' τροχαϊκὰ πενθημιμερῆ. ἐν ἐκθέσει δὲ ἰαμβικὰ τρία. ὧν τὸ πρῶτον δίμετρον ἀκατάληκτον. οἱ δὲ δύο τρίμετροι ἀκατάληκτοι. ἐπὶ τῷ τέλει κορωνίς (стр. 236 25—33 Did.).

Къ стиху 1262 замѣчено слѣдующее: Κορωνὶς καὶ εἴσθεσις μέλους χοροῦ μεσῳδικὴ κώλων παιωνικῶν ς'. ὧν τὸ πρῶτον καὶ δεύτερον δίμετρα βραχυκατάληκτα, ἤτοι ἡμιόλια. τὸ γ' δίμετρον καταληκτικὸν, ἤτοι ἑφθημιμερές. τὸ δ' ὅμοιον τῷ α'. τὸ ε' ὅμοιον τῷ γ'. τὸ δὲ ἕκτον δίμετρον ἀκατάληκτον διὰ τὴν ἀδιάφορον. ἔν τισι δὲ δύο κῶλα συνῆπται ταῦτα. ἐν ἐκθέσει δὲ στίχος ἰαμβικὸς τρίμετρος ἀκατάληκτος ὅμοιος τοῖς ἑξῆς. ἐπὶ τῷ τέλει κορωνίς (стр. 237 32—70 Did.).

Нечего и говорить, что изъ этого невѣжественнаго разбора мы не можемъ извлечь никакихъ новыхъ данныхъ для опредѣленія ритмическаго значенія дохмія.

Переходимъ теперь къ Римскимъ метрикамъ и грамматикамъ, изъ показаній которыхъ имѣетъ нѣкоторую цѣну для насъ только то, что мы находимъ у Марія Плоція Сацердота и Діомеда.

Помимо сочиненій этихъ двухъ грамматиковъ, дохмій упоминается еще въ дошедшемъ до насъ подъ именемъ *Цезія Басса*, но, по всей вѣроятности, не имѣющемъ ничего общаго съ этимъ метрикомъ Breviatio pedum въ слѣдующихъ выраженіяхъ: his, т. е. pedibus disyllabis, trisyllabis, tetrasyllabis, adiciunt multi unum pentasyllabum, quem Cicero dochmium vocat, qui constat ex brevi duabus longis brevi et longa syllabis, ut est senatoriae et, ut idem Cicero posuit, «amicos tenes». (Gr. L. VI стр. 308 26—29 K).

Нѣсколько словъ съ описаніемъ схемы дохмія мы находимъ и у метрика четвертаго вѣка по Р. Х., *Марія Викторина*: est autem antispasticum monometrum hypercatalectum, quod et dochmiacum dicitur,

Volant praepetes.

(Gr. L. VI стр. 88 23—25 K).

Любопытно, что Атилій Фортунатіанъ, метрикъ также четвертаго вѣка по Р. Х., приводя гиперкаталектическій антиспастъ, повторяетъ примѣръ, данный Маріемъ Викториномъ, но уже совсѣмъ не упоминаетъ о томъ, что этотъ стихъ называется также дохміемъ.

Точно также не встрѣчаемъ мы уже названія дохмія и въ De pedibus expositio Юлія Севера, который при описаніи сочетанія, имѣющаго схему дохмія, говоритъ только слѣдующее: iambus amphimacro iunctus facit bacchium et iambum ⏑ – –, ⏑ – (Gr. L. VI стр. 642 5 K).

У *Марія Плоція Сацердота* дохмій упомянутъ въ главѣ, трактующей De antispastico metro et eius speciebus X; но изъ этихъ десяти видовъ антиспастическаго размѣра имѣютъ отношеніе къ дохмію только второй и третій: De penthemimerico dochmiaco aeschylio. Antispasticum penthemimericum dochmiacum aeschylium fit antispasto, hippio secundo et disyllabo,

qui sonante te coegit dare.

De dochmiaco trimetro catalectico euripidio antispastico. Antispasticum dochmiacum euripidium trimetrum catalecticum fit antispasto, ditrochaeo, amphimacro,

decretamus sic corona pulchra nos.

(Gr. L. VI стр. 538 5—11 K).

Если мы составимъ схему penthemim. dochm. aesch. на основаніи описанія его (о pes hippius см. Gr. L. VI стр. 537 18—19 K.), то увидимъ, что Плоцій здѣсь говоритъ о дохмическомъ диметрѣ. Но примѣръ, который онъ приводитъ для того, чтобы сдѣлать наглядной эту схему, совершенно не подходитъ къ ней въ самомъ началѣ, такъ какъ вмѣсто антиспаста мы находимъ въ немъ дитрохей. Это обстоятельство заставило Кейля предполагать порчу текста въ примѣрѣ и читать quis o Faune вмѣсто qui sonante. Но мнѣ кажется, что легче было бы объяснить порчу текста, если допустить что въ оригиналѣ стояло quis orante.

Схема dochm. trim. catal.—такова:

⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ —

Для того, чтобъ привести въ соотвѣтствіе съ этой схемой примѣръ, мы должны измѣнить въ немъ вмѣстѣ съ Кейлемъ непонятное decretamus sic въ decet myrtus et. Почему разсматриваемый нами стихъ названъ дохмическимъ триметромъ, для насъ неясно, такъ какъ въ немъ только начало представляетъ дохмій. Нѣтъ ничего мудренаго, что Плоцій, объ которомъ Вестфаль отзывается такъ: ein so unwissender Metriker auch der Verfasser ist (Metrik I² стр. 133) что-нибудь перепуталъ.

Изъ свидѣтельства Плоція явствуетъ, что у неизвѣстнаго намъ греческаго метрика, послуждвшаго для Плоція источникомъ, какъ это видно изъ греческихъ терминовъ и массы греческихъ примѣровъ, которые онъ употреблялъ, были приведены въ качествѣ самостоятельныхъ членовъ дохмическія диметры и, по всей вѣроятности, триметры и даже снабжены спеціальными названіями, которыя были образованы отъ именъ поэтовъ, часто употреблявшихъ ихъ.

Діомедъ упоминаетъ о дохміи при перечисленіи формъ пятисложныхъ стопъ: Pedes heteroploci pentasyllabi sunt numero triginta

et duo hi... dochmios ex duabus brevibus et longa et brevi et longa temporum septem... hypodochmios ex longa et brevi et longa et brevi et longa temporum octo. dochmios per synzugian antistrophos ex brevi et tribus longis et brevi temporum octo... (Gr. L. I стр. 481 18 и 33, 482 1 и сл. K). Отсюда видно, что схема дохмія у Діомеда не такая, какую мы находимъ въ другихъ источникахъ. Но слѣдующія данныя внушаютъ намъ серьезныя сомнѣнія въ исправности дошедшаго до насъ текста: во-первыхъ, всѣ рукописи Діомеда идутъ отъ одного архетипа (ib. praef. p. XXIX) и, по выраженію Кейля, admodum vitiose scripti (ib. p. XXXV); во-вторыхъ, вмѣсто обѣщанныхъ въ началѣ тридцати двухъ формъ пятисложныхъ стопъ мы имѣемъ на лицо только тридцать одну; въ-третьихъ, пропущено описаніе такой стопы, которая во всѣхъ другихъ источникахъ называется дохміемъ. Кейль, безъ всякаго сомнѣнія, руководясь этими соображеніями, предполагаетъ въ своемъ изданіи текста Діомеда пропускъ передъ словомъ hypodochmios и восполняетъ его такимъ образомъ: dochmios ex brevi et duabus longis et brevi et longa temporum octo.

И дѣйствительно, нельзя не согласиться какъ съ предположеніемъ Кейля, что въ дошедшемъ до насъ текстѣ Діомеда выпало описаніе дохмія, такъ и съ той формой, въ какой онъ восполняетъ это описаніе. Но только мнѣ кажется, что пропуска слѣдуетъ искать не тамъ, гдѣ его предполагаетъ Кейль, а нѣсколько выше, потому что въ такомъ случаѣ мы должны будемъ допустить, что кромѣ пропущенной Діомедомъ стопы, которая пользуется названіемъ дохмія почти во всѣхъ нашихъ источникахъ, упоминающихъ объ ней, это же названіе распространялось и на стопу, встрѣчаемую только у Діомеда и неизвѣстную изъ другихъ источниковъ.

Если мы предположимъ, что описаніе дохмія и названіе слѣдующей стопы, схема которой дана у Діомеда подъ именемъ дохмія, было пропущено послѣ слова dochmios, то избѣгнемъ того неудобства, которое влечетъ за собою вставка на мѣстѣ, указанномъ Кейлемъ: dochmios <ex brevi et duabus longis et brevi et longa temporum octo...> ex duabus brevibus и т. д. Нѣкоторое подтвержденіе моей догадки мы найдемъ и въ расположеніи стопъ у Діомеда. Въ самомъ дѣлѣ, если мы напишемъ схемы стопъ, приводимыхъ Діомедомъ одну за другой, то увидимъ, что помимо первой и послѣдней стопы, ко-

торыя находятся въ соотвѣтствіи другъ съ другомъ, восемнадцать начальныхъ стопъ расположены въ строгомъ порядкѣ, не считая musicos, который явно попалъ не на свое мѣсто. Въ расположеніи десяти послѣднихъ уже невозможно уловить такого порядка; но и изъ нихъ сначала помѣщены стопы, состоящія изъ трехъ краткихъ слоговъ и двухъ долгихъ, потомъ стопы, въ которыхъ долгіе и короткіе слоги находятся въ обратномъ отношеніи между собой. Не въ свою половинку попалъ только pariambodes, который слѣдуетъ за стопой, носящей у Діомеда названіе дохмія. Такое нарушеніе общаго порядка при другихъ данныхъ можетъ служить указаніемъ на то, что приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ я предполагаю пропускъ, произошла какая-то путаница въ текстѣ Діомеда, повлекшая за собою выпаденіе нѣсколькихъ словъ.

Гораздо болѣе важное значеніе имѣетъ показаніе Діомеда относительно того, что стопа со схемою $\_ \cup \_ \cup \_$ носила названіе hypodochmios. Греческое названіе этой стопы доказываетъ, что Діомедъ нашелъ ее, по всей вѣроятности, у Юбы, работой котораго онъ пользовался для своего сочиненія въ качествѣ источника; а этотъ послѣдній въ свою очередь взялъ ее изъ Геліодора (ср. Westphal, Metrik d. Gr. I² p. 224 и сл.).

Теперь перейдемъ къ dochmios per synzugian antistrophos. По-видимому, названіе этой стопы представляетъ переводъ греческаго выраженія δόχμιος κατὰ συζυγίαν ἀντίστροφος. Подъ именемъ πόδες σύνθετοι κατὰ συζυγίαν у нѣкоторыхъ грамматиковъ разумѣются такія сложныя стопы, которыя распадаются на двѣ простыхъ, отличающихся другъ отъ друга только обратнымъ расположеніемъ арзиса и тезиса: такъ самъ Діомедъ говоритъ synzugia <in> contrariis подр. fit (Gr. L. I стр. 502 19 K). Отсюда ясно, что δόχμιος κατὰ συζυγίαν или dochmios per synzugian принимается за сложную стопу, состоящую изъ ямба и трохея съ однимъ долгимъ слогомъ между ними. Прибавка ἀντίστροφος имѣетъ въ виду также указать на то, что стопа эта кончается такими же двумя слогами, какими и начинается, только въ обратномъ порядкѣ. Совершенно справедливо Кюне, приведя описаніе этой стопы, кратко замѣчаетъ слѣдующее: scilicet de systematis dochmiacis generis strophici locutus videtur (De dochmio quid tradiderint veteres, стр. 27).

Стопа, приводимая Діомедомъ подъ именемъ dochmios per synzugian, представляетъ такимъ образомъ одну изъ формъ обыкновеннаго дохмія съ ирраціональнымъ четвертымъ слогомъ и краткимъ пятымъ.

---

§ 2.

Названіе и ритмическое значеніе дохмія.

Общій обзоръ теорій дохмія у древнихъ.—Названіе дохмія.—Число моръ въ дохміи.—Число и расположеніе удареній.—Тезисъ и арзисъ дохмія.—Дохмій съ современной точки зрѣнія.

Общій обзоръ теорій дохмія у древнихъ. Разсматривая дошедшія до насъ изъ древности отрывочныя и противорѣчивыя показанія о дохміи и соединяя въ одно цѣлое однородныя, мы находимъ, что всѣ они должны быть пріурочены къ тремъ различнымъ школамъ: во-первыхъ, школѣ чистыхъ ритмиковъ, которыхъ Аристидъ Квинтиліанъ называетъ οἱ χωρίζοντες; во-вторыхъ, школѣ метриковъ, которыхъ тотъ же Аристидъ Квинтиліанъ называетъ οἱ συμπλέκοντες; въ-третьихъ, другой школѣ метриковъ, которую Вестфаль называетъ «младшей».

Чистые ритмики видѣли въ дохміи простую стопу, которая, заключая въ себѣ восемь χρ. πρ., распадается на арзисъ въ три и тезисъ въ пять χρ. πρ. На основаніи того, что въ дохміи тезисъ содержитъ въ себѣ двумя χρ. πρ. больше, чѣмъ арзисъ, тогда какъ въ другихъ стопахъ тезисъ или равняется арзису по числу своихъ χρ. πρ. или больше его только на одинъ, они дѣлили всѣ стопы на двѣ извѣстныхъ намъ групы: ῥυθμοὶ ὀρθοί и δόχμοι.

Кромѣ основной формы дохмія съ ея видоизмѣненіями, сообразно съ тѣмъ, являются ли долгіе слоги дохмія въ распущенномъ или нераспущенномъ видѣ, и замѣняются ли его краткіе слоги посредствомъ ирраціональныхъ долгихъ слоговъ или нѣтъ, чистые ритмики, какъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, признавали еще второстепенную форму, которая носила названіе ὑποδόχμιος.

Οἱ συμπλέκοντες различали два вида дохмія и признавали, что какъ тотъ, такъ и другой представляютъ изъ себя сложную стопу, которая распадается на двѣ простыхъ:—на ямбъ и кретикъ въ первомъ случаѣ и на дактиль и кретикъ во второмъ. Второй видъ дохмія представляетъ изъ себя не что иное, какъ видоизмѣненіе общепринятой формы этой стопы, состоящее въ томъ, что первый краткій слогъ ея замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, а первый долгій распущенъ на два краткихъ слога. Признано было это видоизмѣненіе дохмія за особый видъ его, повидимому, подъ тѣмъ вліяніемъ, что дохмій въ такой формѣ весьма легко можно принять за сочетаніе дактиля съ кретикомъ въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что дохмій въ своей обыкновенной формѣ дѣлится на ямбъ и то же кретикъ.

По системѣ «младшей» метрической школы дохмій представляетъ изъ себя μέτρον ἀντισπαστικόν. Но такъ какъ существовало довольно большое количество различныхъ μέτρα ἀντισπαστικά, то для ближайшаго опредѣленія его называли ὑπερκατάληκτον или πενθημιμερές.

Названіе дохмія. Вопросъ о томъ, почему дохмію дано было то имя, которое онъ носитъ, затрогивается изъ дошедшихъ до насъ древнихъ авторовъ, которые говорятъ о дохміи, только у неизвѣстныхъ ритмиковъ сколій къ Гефестіону и Etym. M., Аристида Квинтиліана и Трихи.

Всѣ они согласно утверждаютъ, что дохмій получилъ свое названіе вслѣдствіе извѣстнаго уже намъ противоположенія его къ ῥυθμοὶ ὀρθοί. Но если мы обратимъ вниманіе, во-первыхъ, на то, что существуетъ несомнѣнная связь между дѣленіемъ стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί и δόχμιοι и двумя формами отношеній отвлеченныхъ чиселъ, которыя были установлены въ древней математикѣ, и, во-вторыхъ, на то, что дѣля стопы только на двѣ извѣстныхъ намъ группы, мы должны прибѣгать къ нѣкоторымъ натяжкамъ, то намъ невольно прійдетъ въ голову мысль, что дохмій получилъ свое названіе раньше, чѣмъ явилось дѣленіе стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί, и δόχμιοι, и что самое дѣленіе это было, можетъ быть, вызвано самымъ названіемъ дохмія, когда уже было позабыто, почему оно дано ему.

Триха кромѣ приведеннаго объясненія предлагаетъ еще другое: онъ думаетъ, что дохмій могъ получить свое названіе или отъ име-

ни народа или отъ имени лица, которые въ первый разъ употребили его; руководится онъ при этомъ аналогіей въ происхожденіи названій такихъ стопъ, какъ кретикъ, іоникъ, ямбъ. Но эти объясненія, представляющія догадки самого Трихи, не могутъ быть признаны удачными.

Изъ новыхъ ученыхъ попытки объяснить, откуда произошло названіе дохмія, были сдѣланы только со стороны Криста и Г. Шмидта. Первый изъ этихъ ученыхъ, думая, что подъ ῥυθμοὶ ὀρθοί слѣдуетъ разумѣть не такія стопы, въ которыхъ число χρ. πρ., заключающихся въ тезисѣ и арзисѣ, или одинаково или разнится не болѣе, чѣмъ на одинъ, какъ это показываютъ неизвѣстные ритмики схолій къ Гефестіону и Etym. M., а—такіе размѣры, въ которыхъ арзисъ и тезисъ непрерывно чередуются между собой, предполагаетъ, что дохмій получилъ свое названіе оттого, что въ немъ сталкиваются два арзиса, не будучи отдѣлены другъ отъ друга тезисомъ (Metrik² стр. 455). Г. Шмидтъ въ своей Handb. d. lat. u. gr. Syn., опредѣливъ значеніе прилагательнаго δόχμιος, слѣдующимъ образомъ объясняетъ происхожденіе названія дохмія: Der bekannte so benannte musikalische Satz heiszt so, weil er mit dem wirkungsvollen bakchiischen Takt beginnend gleichsam umknickt in den ruhigeren ⁴/₈- oder ⁴/₄-Takt des Choreus: ⏑ ⁞ – – ⏑ | – , ⏑ ‖ – – ⏑ | – u. s. w. (стр. 541) Но ни та, ни другая попытка не можетъ быть признана удовлетворительной по своей бездоказательности.

Откуда же могло явиться названіе дохмія?

Извѣстно, что многіе термины греческой ритмики заимствованы изъ орхестики: таковы—πούς, θέσις, ἄρσις; далѣе, нѣкоторыя названія стопъ прямо объясняются характерностью движеній, которыми они сопровождаются: ἀνάπαιστος, τροχαῖος. Это позволяетъ предполагать, что названіе дохмія вызвано какими либо характерными движеніями ногъ или туловища, которыми сопровождалась пляска подъ этотъ размѣръ.

Относительно того, что движенія эти были неровными и порывистыми, мы можемъ судить по тремъ случаямъ, когда исполненіе дохміевъ несомнѣнно сопровождается пляской: во-первыхъ, въ парадосѣ Aesch. Sept. 78 и сл. съ пѣніемъ дохміевъ выбѣгаетъ къ алтарямъ боговъ хоръ испуганныхъ Θивянокъ, движенія которыхъ не могутъ быть плавными; во-вторыхъ, также въ парадосѣ Eur. Or. 140

и сл. подъ этотъ же размѣръ является на сцену хоръ встревоженныхъ спутницъ Электры, которыя своими движеніями заставляютъ проснуться спящаго Ореста; въ-третьихъ, стихъ Tr. 325

πάλλε πόδ' αἰθέριον, ἄναγ' ἄναγε χορόν

показываетъ даже, что при пляскѣ подъ дохміи должна была высоко подыматься нога.

Въ пользу моего предположенія говоритъ еще тотъ фактъ, что прилагательному ὀρθός, которое употребляется для обозначенія вертикальнаго направленія линіи, образующей прямой уголъ съ горизонтальной, противополагается, строго говоря, не прилагательное δόχμιος, которое служитъ для обозначенія всякаго направленія, болѣе или менѣе уклоняющагося отъ прямаго, а прилагательное πλάγιος, которое обозначаетъ горизонтальное направленіе линіи, образующей прямой уголъ съ вертикальной. Поэтому, еслибы дохмій дѣйствительно получилъ свое названіе отъ извѣстнаго уже намъ дѣленія стопъ, то скорѣе былъ бы названъ ῥυθμὸς πλάγιος, а не δόχμιος (ср. H. Schmidt, Handb. d. lat. u. gr. Syn. стр. 540 и сл.).

Число моръ въ дохміи. При рѣшеніи вопроса о числѣ χρ. πρ., заключающихся въ дохміи, мы можемъ основываться, во-первыхъ, на показаніяхъ ритмиковъ и метриковъ; во-вторыхъ, на данныхъ, извлекаемыхъ изъ дошедшихъ до насъ стихотворныхъ текстовъ.

Прямое опредѣленіе числа χρ. πρ., содержащихся въ дохміи, дано въ схоліяхъ къ Sept. Эсхила и Etym. M., въ которыхъ этотъ размѣръ названъ ῥυθμὸς ὀκτάσημος. Косвеннымъ образомъ показаніе этихъ памятниковъ находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что у неизвѣстныхъ намъ ритмиковъ схолій къ Гефестіону и Etym M. дохмій дѣлится на τριάς и πεντάς, у Аристида Квинтиліана—на ямбъ и кретикъ и у Фабія Квинтиліана—на бакхій и ямбъ. Что касается нѣкоторыхъ позднѣйшихъ метриковъ, которые, признавая дохмій за μέτρον ἀντισπαστικόν, даютъ ему названіе πενθημιμερές, могущее повести къ предположенію, что въ дохміи заключается болѣе восьми χρ. πρ., то эти метрики были слишкомъ далеки отъ правильнаго пониманія ритмическаго значенія дохмія, чтобы мы должны были принимать ихъ въ разсчетъ.

Обращаясь затѣмъ къ разбору стихотворныхъ текстовъ, мы приходимъ къ тому же выводу относительно числа χρ. πρ., заключающихся въ дохміи, къ какому мы сейчасъ пришли на основаніи показаній древнихъ ритмиковъ и метриковъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы дохмій заключалъ въ себѣ болѣе восьми χρ. πρ., то для восполненія недостающаго количества времени мы должны были бы допустить одно изъ двухъ: или что одинъ изъ его долгихъ слоговъ, будучи протянутъ, заключаетъ въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., или что въ серединѣ или концѣ его является пауза. Допустить протяженіе какого либо изъ трехъ долгихъ слоговъ дохмія мы не можемъ, такъ какъ всѣ они могутъ являться въ распущенномъ видѣ, между тѣмъ какъ замѣчено, что долгій слогъ, заключающій въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., не можетъ быть замѣняемъ двумя краткими слогами. Пауза въ серединѣ дохмія недопустима, потому что при распущеніи двухъ первыхъ долгихъ слоговъ его являются такія комбинаціи въ дѣленіи отдѣльныхъ слоговъ на слова, которыя исключаютъ всякую возможность пріурочивать ее къ какому либо опредѣленному мѣсту. Въ подтвержденіе этого можно было бы указать большое количество примѣровъ изъ произведеній всѣхъ трехъ трагиковъ, но я приведу только два слѣдующихъ дохмія, взятыхъ почти на угадъ изъ Эсхила и Софокла, строгая техника которыхъ не позволяетъ предположить ни распущенія долгаго слога, заключающаго въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., ни паузы въ серединѣ слова:

⏑ ⏑⏑ ⏑⏑⏑ ⏑⏑⏑

γοερὰ θανατοφόρα
ἐπιπλόμενον ἄφατον

По своей схемѣ оба эти дохмія (Aesch. Agam. 1175 и Soph. O. R. 1314) тожественны, но дѣлятся на отдѣльныя слова такъ, что внутри перваго изъ нихъ остановка голоса допустима только послѣ третьяго слога, тогда какъ внутри второго—только послѣ пятаго. Въ виду ясно выраженнаго стремленія греческихъ поэтовъ оканчивать слово вмѣстѣ съ послѣднимъ слогомъ дохмія всего естественнѣе предполагать присутствіе паузы не въ срединѣ дохмія, а въ концѣ его. Но это предположеніе оказывается несостоятельнымъ, такъ какъ въ слѣдующихъ диметрахъ послѣдній слогъ перваго дохмія замѣненъ двумя краткими слогами, изъ которыхъ по крайней

мѣрѣ послѣдній или приходится на средину слова, или же очень тѣсно связанъ съ первымъ слогомъ въ началѣ слѣдующаго дохмія, такъ что намъ приходится отказаться отъ мысли допустить паузу и въ концѣ дохмія:

Aesch. Sept. 187 ὅτε τε σύριγγες ἔκλαγξαν ἑλίτροχοι [1])
= 195 ὅτ' ὁλοᾶς νιφομένας βρόμος ἐν πύλαις
Eur. Bacch. 987 ἐς ὄρος ἐς ὄρος ἔμολ' ἔμολεν, ὦ Βάκχαι [2])
ib. 995 τὸν ἄθεον ἄνομον ἄδικον Ἐχίονος
ib. 1037 ὁ Διόνυσος ὁ Διὸς παῖς, οὐ Θῆβαι [3])
Hel. 650 πόσιν ἐμὸν ἐμὸν ἔχομεν ἔχομεν, ὃν ἔμενον [4])
ib. 696 ὅτε μέλαθρα λέχεά τ' ἔλιπον οὐ λιποῦσ(α)
id. El. 1170 σχέτλια μὲν ἔπαθες ἀνόσια δ' εἰργάσω
Herc. f. 1020 τὰ δ' ὑπερέβαλε, παρέδραμε τὰ τότε κακά
ib. 1023 σὺ δὲ τέκνα τρίγονα τεκόμενος, ὦ δάιε [5])
ib. 1053 διά μ' ὀλεῖτε. :: κεχυμένος ἐπαντέλλει
ib. 1056 ἀπὸ δὲ πατέρα, μέλαθρά τε καταῤῥήξει
ib. 1070 ἀπόκρυφον δέμας ὑπὸ μέλαθρον κρύψω
ib. 1212 δρόμον ἐπὶ φόνιον ἀνόσιον ἐξάγει
id. I. T. 871 ἀπέφυγες ὄλεθρον ἀνόσιον ἐξ ἐμᾶν
id. Ion. 767 διανταῖος ἔτυπεν ὀδύνα με πλευ-μόνων
ib. 783 πῶς φῄς; ἄφατον ἄφατόν τιν' ἀναύδητον [6])
ib. 789 ἄτεκνον ἄτεκνον ἔλαβ' ἄρα βίοτον, ἐρημίᾳ δ' ὀρφανούς [7])
id. Or. 149 κάταγε κάταγε, πρόσιθ' ἀτρέμας, ἀτρέμας ἴθι· λόγον
ἀπόδος ἐφ' ὅτι χρέος ἐμόλετέ ποτε.
163 ἄδικος ἄδικα τότ' ἄρ' ἔλακεν ἔλακεν, ἀπόφονον ὅτ' ἐπὶ
τρίποδι Θέμιδος ἄρ' ἐδίκασε
ib. 1305 τὰν λιποπάτορα λιπόγαμόν θ', ἃ πλείστους [8])
ib. 1309 δάκρυα δάκρυσι συνέπεσε σιδαρέοις [9])
ib. 1364 διὰ τὸν ὀλόμενον ὀλόμενον Ἰδαῖον
ib. 1468 χρυσεοσάνδαλον ἴχνος ἔφερεν ἔφερεν

---

[1]) Можетъ быть, въ этомъ стихѣ слѣдуетъ, какъ предлагаетъ Клотцъ De num. dochm. стр. 35 и сл., измѣнить ἁρματόκτυπον въ ἁρμάτων и удвоить ἔκλαγξαν. [2]) ἐς... ἐς Музурусъ: εἰς... εἰς | ἔμολ' ἔμολεν Эльмслей: ἔμολεν ἔμολεν. [3]) ὁ Διὸς παῖς Диндорфъ: ὁ Διόνυσος. [4]) ἐμὸν ἐμὸν Зейдлеръ: ἐμόν. [5]) δάιε Кантеръ: δαΐς. [6]) ἄφατόν τιν' Диндорфъ: ἄφατον. [7]) ἔλαβ' Г. Шмидтъ: ἔλαβεν. [8]) λιπόγαμόν θ' Германъ: λιπόγαμον. [9]) σιδαρέοις Германъ: σιδαρέοισι.

id. Tr. 244 τίν' ἄρα τίς ἔλαχε; τίνα πότμος εὐτυχής [1])
ib. 247 τοὐμὸν τίς τίς ἔλαχε τέκος, ἔννεπε [2])
ib. 260 τί δ' ὃ νεοχμὸν ἀπ' ἐμέθεν ἐλάβετε τέκος [3])
id. Phoen. 165 πρὸς ἐμὸν ὁμογενέτορα, περὶ δ' ὠλένας
ib. 1295 πότερον ἄρα νέκυν ὀλόμενον ἀχήσω
Rhes. 131 τάδε δοκεῖ, τάδε μεταθέμενος νόει
= 195 μέγας ἀγών, μεγάλα δ' ἐπινοεῖς ἑλεῖν

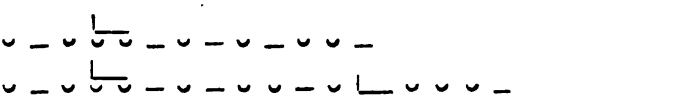
Правда, нѣкоторые ученые допускаютъ возможность распущенія такого долгаго слога, который заключаетъ въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., но Г. Шмидтъ, разсмотрѣвъ всѣ случаи такого распущенія, собранные весьма тщательно Кристомъ въ его рецензіи на метрику Вестфаля (Jahrbb. f. Phil u. Päd. 99 стр. 352), приходитъ къ слѣдующему выводу, съ которымъ трудно не согласиться: Das Resultat unserer Untersuchung also ist folgendes: An t a u s e n d e n von Stellen war Gelegenheit in den antiken Texten, die von mir und schon minder bestimmt von Westphal gegebene Regel, dass der mehr als zweizeitigen Länge keine zwei Kürzen entsprechen konnten, zu übertreten; trotzdem ist nur an z w e i Stellen in den überlieferten Texten der Fall eingetreten! Ist das nicht ein u n g e h e u e r e r Beweis f ü r die Regel? Denn wollte man ein solches Vorkommen als entscheidend betrachten und nicht gerade daraus das Recht zur Emendation schöpfen: was müsste man da Alles in den Kauf nehmen! (Die Kunstform. d. gr. Poes. III стр. 29). Но доводы Шмидта не убѣдили Криста, и онъ въ своей метрикѣ, по прежнему признавая возможнымъ въ видѣ исключенія распущеніе долгаго слога, заключающаго въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., ссылается на тѣже примѣры, которые были приведены имъ въ рецензіи. Это обстоятельство заставляетъ насъ еще разъ подвергнуть ихъ разсмотрѣнію.

Всѣ свои примѣры Кристъ дѣлитъ на двѣ группы: къ первой онъ относитъ такіе, въ которыхъ второй краткій слогъ, явившійся изъ распущеннаго долгаго, приходится на начало или средину слова; ко второй — такіе, въ которыхъ этотъ второй краткій составляетъ конецъ слова. Наиболѣе ранніе случаи распущенія, принадлежащіе къ первой группѣ, Кристъ находитъ у Пиндара въ Pyth. V 2 и 3, VI 3 и Isth.

[1]) τίν' ἄρα τίς ἔλαχε Hauкъ: τίν' ἄρα τίς ἔλαχον. [2]) τίς τίς Hauкъ: τίς или τίς ἄρ'. [3]) τί δ' ὃ Мусгравъ: τί δὲ τὸ.

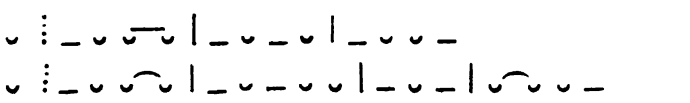
VII (VIII) 5; остальные онъ указываетъ у Еврипида въ Phoen. 208 и Hel. 1364. Къ этой же группѣ слѣдуетъ причислить Hipp. 147 и Hel. 336, которые невѣрно отнесены къ второй (Metrik² стр. 98 и сл.), и упоминаемый имъ ниже Jon. 799 (ib. стр. 358). Болѣе многочисленно собраніе примѣровъ, принадлежащихъ ко второй группѣ: Or. 999, Tr. 565, Jon. 463 (ib. стр. 98 и сл.) Alc. 395 (ib. стр. 358), Iph. T. 1089=1106, Iph. Aul. 1054=1076, 1055=1077 (стр. 511), съ этими стихами Кристъ указываетъ для сравненія слѣдующіе: Eur. Suppl. 971, Hipp. 549=559, Hel. 1314=1332, Iph. Aul. 180=201, 574, 580, 796; Ar. Thesm. 1149 и 1156.

Такъ какъ въ составъ строфы и эпода Pyth. V входятъ стопы, относящіяся ко всѣмъ тремъ γένη ῥυθμοῦ, то намъ нѣтъ никакой нужды предполагать во второмъ и третьемъ стихѣ строфы этой оды распущеніе долгаго слога, заключающаго въ себѣ болѣ двухъ χρ. πρ:



στρ.α' ὅταν τις ἀρετᾷ κεκραμένον καθαρᾷ
βροτήσιος ἀνὴρ πότμου παραδόντος αὐτὸν ἀνάγῃ
ἀντ.α' φέροντι καὶ τὰν θεόσδοτον δύναμιν
σὲ δ' ἐρχόμενον ἐν δίκᾳ· πολὺς ὄλβος ἀμφινέμεται

Гораздо естественнѣе объяснять ритмическое значеніе того и другого стиха такимъ образомъ:



тѣмъ болѣе, что подобное же соединеніе стопъ, принадлежащихъ ко всемъ тремъ γένη ῥυθμοῦ, мы находимъ въ строфѣ и эподѣ Ol. II; разница между той и другой одой заключается только въ томъ, что въ первой преобладающимъ элементомъ являются трохаическія и дактилическія стопы, тогда какъ во второй—пеоническія.

Въ Pyth. VI 3, Isth. VII (VIII) 5 и Phoen. 208 наблюдается та общая имъ всѣмъ особенность, что или послѣ перваго изъ двухъ краткихъ слоговъ, которые заступаютъ мѣсто долгаго, заключающаго въ себѣ, по мнѣнію Криста, болѣе двухъ χρ. πρ., или передъ нимъ

почти безъ исключенія приходится конецъ слова, какъ въ этомъ нетрудно убѣдиться, прослѣдивъ всѣ относящіеся сюда стихи:

Pind. Pyth. VI 3:

⏑ ⏑ ⏑ – ⏑ ⏑ – ⏑ ⏑⏑ – ⏑ –
στρ.α′ ἀναπολίζομεν, ὀμφαλὸν ἐριβρόμου
στρ.β′ στρατὸς ἀμείλιχος, οὔτ' ἄνεμος ἐς μυχοὺς
στρ.γ′ τά ποτ' ἐν οὔρεσι φαντὶ μεγαλοσθενεῖ
στρ.δ′ ὃς ὑπερέφθιτο πατρός, ἐναρίμβροτον
στρ.ε′ πρίατο μὲν θανάτοιο κομιδὰν πατρός
στρ.ϛ′ ἄδικον οὔθ' ὑπέροπλον ἦβαν δρέπων

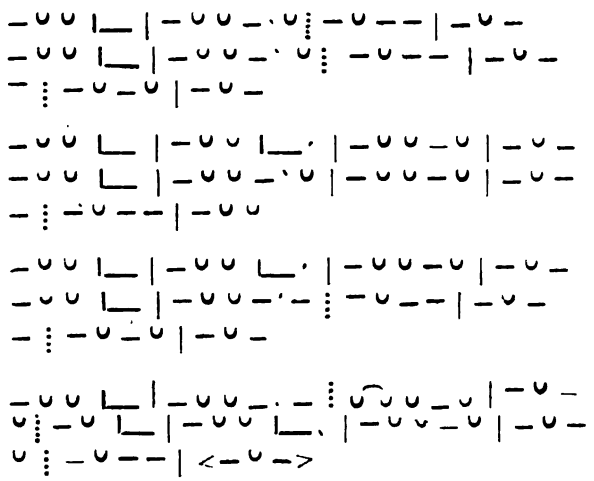
Isth VII (VIII) 5:

– ⏑ – ⏑ ⏑ – ⏑ ⏑⏑ – ⏑ – ⏑
στρ. α′... Μοῖσαν. ἐκ μεγάλων δὲ πενθέων λυθέντες
στρ. β′... χρὴ δ' ἐν ἑπταπύλοισι Θήβαις τραφέντα
στρ. γ′... σώφρονές τ' ἐγένοντο πινυτοί τε θυμόν
στρ. δ′... παύσατε· βροτέων δὲ λεχέων τυχοῖσα
στρ. ε′... νεῦσαν ἀθανάτοισιν· ἐπέων δὲ καρπός
στρ. ϛ′... Αἴγιναν σφετέραν τε ῥίζαν πρόφανεν
στρ. ζ′... πατραδελφεοῦ· ἁλίκων τῷ τις ἄβρὸν

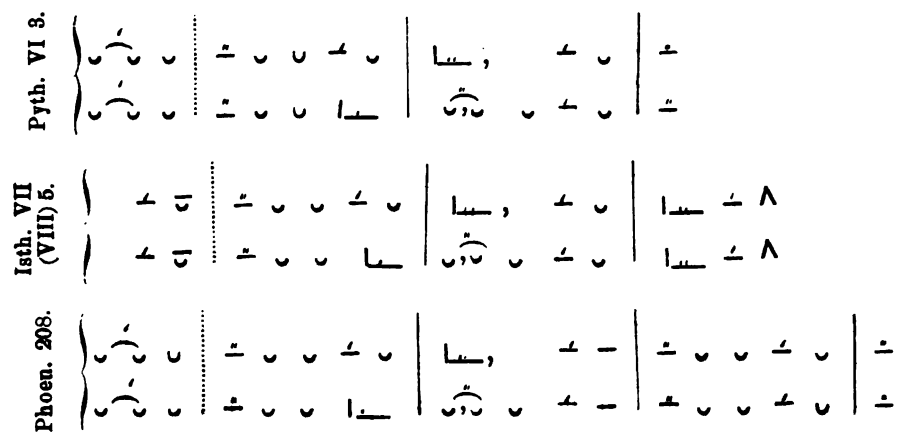
и Phoen. 208 и сл.

⏑ ⏑ ⏑ – ⏑ ⏑ – ⏑ ⏑⏑
– – – ⏑ ⏑ – ⏑ –
Ἰόνιον κατὰ πόντον ἐλα-
τᾷ πλεύσασα περιῤῥύτων

Изъ того, что окончаніе слова въ большинствѣ указанныхъ стиховъ приходится на одно и то-же мѣсто, мы можемъ, принявъ также въ соображеніе и аналогичное построеніе стиха Pyth. VI 6, вывести то заключеніе, что въ нихъ съ концомъ слова совпадаетъ конецъ члена. Если же мы разсмотримъ формы, какія принимаетъ стопа, части которой принадлежатъ двумъ различнымъ членамъ, то замѣтимъ, что онѣ допускаютъ нѣкоторое разнообразіе, не смотря на соотвѣтствіе въ формахъ другихъ стопъ, даже въ строфахъ монодической лирики. Убѣдиться въ этомъ нетрудно, разсмотрѣвъ схему Anacr. fr. 21:



Изъ схемы этого фрагмента видно, что арзисъ стопы, находящейся на границѣ между двумя членами не только выражается какъ долгимъ, такъ и короткимъ слогомъ, но даже можетъ и совсѣмъ не быть выраженнымъ особымъ слогомъ. Имѣя въ виду эту свободу, можно предположить, что и въ разсматриваемыхъ нами стихахъ пограничная стопа выражалась то однимъ долгимъ слогомъ, заключающимъ въ себѣ три χρ. πρ., то тремя краткими слогами, и что въ связи съ этимъ колебаніемъ предшествующая стопа то являлась въ формѣ трохея, то въ формѣ χρ. τρίσημος:



Г. Шмидтъ, избѣгая необходимости допускать распущеніе долгаго слога, замѣняющаго цѣлую стопу, предполагаетъ, что четвертая

стопа въ Pyth. VI 3 и Ist. VII (VIII) 5 принимаетъ такую форму ⏑ ⏑—⏑ съ синкопическимъ удареніемъ на краткомъ слогѣ (Die Kunstform. d. gr. Poes. III стр. 29). Но стопа съ такимъ удареніемъ возможна только тогда, если она составляетъ базисъ и, слѣдовательно, носитъ на себѣ обязательно второстепенное ритмическое удареніе, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ на нее должно падать главное ритмическое удареніе.

Россбахъ дѣлаетъ предположеніе, что вообще, когда долгій слогъ, замѣняющій собой цѣлую стопу, является въ распущенномъ видѣ, то недостающее количество времени въ такомъ случаѣ восполняется посредствомъ паузы, которая является непосредственно передъ или послѣ одного изъ краткихъ слоговъ, замѣняющихъ долгій слогъ, сообразно съ тѣмъ, гдѣ это позволяетъ окончаніе слова (Gr. Metr[3]. стр. 604). Но такое тѣсное соединеніе между собою двухъ членовъ, при которомъ на границѣ между ними конецъ слова падаетъ не всегда на одно и то же мѣсто, повидимому, исключаетъ возможность предполагать какую либо остановку голоса.

Изъ первой группы теперь остаются неразсмотрѣнными нами только четыре случая: Hel. (1348—1349=)1364—1365

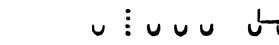
– – ⋮ – ⏑ ⏑ – ⏑ | ⏑ ⏑
– – ⋮ – ⏑ ⏑ – ⏑ | |—
βακχεύουσά τ' ἔθειρα Βρομί-
ῳ καὶ παννυχίδες θεᾶς

но если мы допустимъ, что -α въ окончаніи слова ἔθειρα долго по положенію, и отнесемъ конецъ перваго стиха на одинъ слогъ далѣе, что подтверждаетъ окончаніе слова на томъ же мѣстѣ въ соотвѣтствующемъ стихѣ антистрофы, то избѣгнемъ необходимости предполагать распущеніе долгаго слога, заключающаго въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., и достигнемъ болѣе полнаго соотвѣтствія между строфой и антистрофой:

– – – ⏑ ⏑ |— | – ⏑ ⏑ –
– ⋮ – ⏑ ⏑ – ⏑ | –
στρ. καλλίστα τότε πρώτα μακάρων
Κύπρις· γέλασέν τε θεὰ

ἀντ. βακχεύουσά τ' ἔθειρα Βρομίῳ
καὶ παννυχίδες θεᾶς

Hipp. 147(=157)

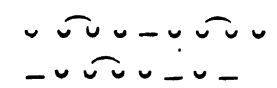


στρ. ἀνίερος ἀθύτων πελάνων τρύχῃ
ἀντ. λιμένα τὸν εὐξεινότατον ναύταις

но Вейль возстановляетъ соотвѣтствіе между схемою стиха въ строфѣ и антистрофѣ и устраняетъ необходимость допускать въ стихѣ строфы распущеніе долгаго слога, заключающаго въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., измѣнивъ ἀνίερος въ ἀνίρων и ἀθύτων въ ἄθυτος и поставивъ эти слова одно на мѣсто другого:

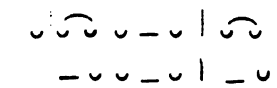
ἄθυτος ἀνίρων πελάνων τρύχει

Hel. 336



τίν' ἄρα τάλαινα τίνα δακρυό-
εντα λόγον ἀκούσομαι

въ этимъ стихѣ мы достигнемъ тѣхъ же результатовъ, что и въ предшествующемъ, если вмѣстѣ съ Германомъ перемѣнимъ мѣстами слова δακρυόεντα и λόγον:

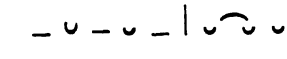


τίν' ἄρα τάλαινα τίνα λόγον
δακρυόεντ' ἀκούσομαι

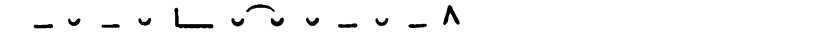
Ion 799

οἷον οἷον ἄλγος ἔπαθον, φίλαι

но этотъ стихъ представляетъ изъ себя соединеніе или двухъ гипподохміевъ:



о ритмическомъ значеніи которыхъ ср. ниже, или двухъ усѣченныхъ трохаическихъ триподій:



Такимъ образомъ и въ этомъ стихѣ намъ нѣтъ необходимости допускать распущенія долгаго слога, заключающаго въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ.

Еще менѣе трудно избѣжать необходимости допустить распущеніе долгаго слога, который заключаетъ въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., по отношенію къ примѣрамъ, принадлежащимъ ко второй группѣ.

Два слѣдующихъ стиха

Or. 999

ἐγένετο τέρας ὀλοὸν ὀλοὸν

и Tr. 565.

νεανίδων στέφανον ἔφερεν

представляютъ два неусѣченныхъ ямбическихъ диметра:

въ которыхъ съ точки зрѣнія древней метрики всѣ части стопъ были выражены слогами; съ современной точки зрѣнія мы должны первый слогъ въ нихъ отдѣлить въ качествѣ анакрузиса и соотвѣтственно съ этимъ восполнить въ концѣ одинъ χρ. πρ. посредствомъ паузы, допущеніе которой въ обоихъ указанныхъ случаяхъ не представляетъ затрудненія.

Во всѣхъ остальныхъ стихахъ, относящихся ко второй группѣ, Al. 395 (396 N)

προλιποῦσα δ' ἀμὸν βίον

Ion. 463(=483)

στρ. παρὰ χορευομένῳ τρίποδι
ἀντ. δορί τε γᾷ πατρίᾳ φέρει

Iph. Taur. 1089=1106

στρ. ὄρνις, ἃ παρὰ πετρίνας
ἀντ. ὦ πολλαὶ δακρύων λιβάδες

Iph. Aul. 1054 и 1055=1076 и 1076

στρ. παρὰ δὲ λευκοφαῆ ψάμαθον
εἱλισσόμεναι κύκλια
ἀντ. μακάριον τότε δαίμονες
τᾶς εὐπάτριδος γάμον

точно также, какъ и въ указываемыхъ Кристомъ для сравненія съ ними примѣрахъ (за исключеніемъ только одного):

Supl. 971

ὑπολελειμμένα μοι δάκρυα

Hippol. 549=559

στρ. ζεύξασ' ἀπ' Εὐριτίων, δρομάδα
ἀντ. βροντᾷ γὰρ ἀμφιπύρῳ τοκάδα

Hel. 1314=1332

στρ. μέτα κοῦραι ἀελλόποδες
ἀντ. πόλεων δ' ἐπέλειπε βίος

Iph. Aul. 180=201.

στρ. Πάρις ὁ βουκόλος ἂν ἔλαβε
ἀντ. παρὰ δὲ Μηριόνην, Ἄρεος

ib. 574 (573 N)

ἔμολες, ὦ Πάρις, ἦτε σύ γε

ib. 580 (579 N)

εὔθηλοι δὲ τρέφοντο βόες

ib. 796

φάτις ἐτήτυμος, ὡς ἔτεκε [1])

Ar. Thesm. 1149

πότνιαι, ἄλσος ἐς ὑμέτερον

---

[1]) ἐτήτυμος Германъ: ἔτυμος

ничто не мѣшаетъ намъ, принявъ послѣдній слогъ за безразличный, признавать, что предпослѣдняя стопа представляетъ изъ себя кикликій дактиль. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ такому дактилю въ параллельномъ стихѣ соотвѣтствуетъ трохей, но чередованіе двухъ этихъ стопъ не должно насъ удивлять, такъ какъ мы находимъ его и въ другихъ случаяхъ, ср. Anacr. fr. 21; Soph. Phil. 1138=1161; Ar. Lys. 326=340.

Ритмическое значеніе Ar. Thesm. 1156:

Θεσμοφόρω πολυποτνία

въ которомъ Кристъ принимаетъ послѣдній слогъ за краткій, такъ какъ слѣдующее слово начинается непосредственно съ гласнаго звука, въ дѣйствительности таково:

– ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡ ⏑ Λ

и потому намъ нѣтъ нужды допускать въ немъ незаконнаго распущенія долгаго слога.

Число и расположеніе удареній въ дохміи. Сколько удареній слышали въ дохміи древніе, мы не знаемъ и потому должны рѣшить этотъ вопросъ самостоятельно.

Если мы представимъ себѣ непрерывный рядъ дохміевъ, то увидимъ, что за двумя долгими слогами каждаго дохмія обязательно слѣдуетъ краткій слогъ:

... ◡ – – ◡ –, ◡ – – ◡ –, ...

второй долгій слогъ сопровождается краткимъ слогомъ, принадлежащимъ къ одному и тому же съ нимъ дохмію, третій—, принадлежащимъ къ слѣдующему. Такъ какъ болѣе двухъ χρ. πρ. не можетъ оставаться безъ ритмическаго ударенія, то каждый изъ этихъ долгихъ слоговъ дохмія долженъ носить на себѣ ритмическое удареніе. Теперь намъ остается только рѣшить вопросъ, носитъ ли какое нибудь ритмическое удареніе первый долгій слогъ дохмія Если онъ не носитъ никакого, то можетъ подчиняться только ритмическому ударенію, лежащему на конечномъ слогѣ предыдущаго дохмія. Но въ такомъ случаѣ одному ритмическому ударенію будетъ подчинено пять χρ. πρ. Между тѣмъ намъ извѣстно, что даже

стопа въ четыре χρ. πρ., если только всѣ они выражены краткими слогами, допускается въ однихъ анапестахъ, и то въ видѣ исключенія, не смотря на быстроту ἀγωγή, съ какой они исполняются. Объясненіе этого явленія состоитъ въ томъ, что силы одного ритмическаго ударенія едва хватало на то, чтобы подчинить себѣ при такомъ условіи четыре χρ. πρ., не говоря ужъ о пяти, въ какой бы схемѣ они ни являлись. Если мы примемъ въ соображеніе это обстоятельство, то необходимо должны будемъ допустить, что на первомъ долгомъ слогѣ дохмія лежитъ ритмическое ударевіе. Такимъ образомъ каждый долгій слогъ дохмія носитъ на себѣ ритмическое удареніе:

˘ ⏑ ⏑ ˘ ⏑

Но какова была относительная сила каждаго изъ трехъ этихъ ритмическихъ ударевій?

Для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы должны воспользоваться двоякаго рода данными: съ одной стороны, выводами, которые можно сдѣлать изъ нѣкоторыхъ показаній о дохміи, идущихъ изъ древности, съ другой стороны, соображеніями, которыя основываются на общемъ физіологическомъ законѣ, опредѣляющемъ мѣсто и относительную силу ударенія въ ряду слѣдующихъ другъ за другомъ долгихъ и короткихъ слоговъ. По этому закону болѣе сильное удареніе падаетъ на такой долгій слогъ, за которымъ слѣдуетъ краткій слогъ, чѣмъ на такой, за которымъ—долгій. Отсюда вытекаетъ, что въ дохміи самое слабое, т. е. третьестепенное, ритмическое удареніе приходится на первый долгій слогъ, такъ какъ за нимъ обязательно слѣдуетъ долгій слогъ.

Теперь намъ надобно опредѣлить, на которомъ изъ двухъ остальныхъ долгихъ слоговъ лежитъ главное ритмическое удареніе и на которомъ—второстепенное. Неизвѣстные ритмики схолій къ Гефестіону и Etym. M., дѣля дохмій на τριάς и πεντάς точно такъ же, какъ они дѣлятъ ямбъ на μονάς и δυάς, пеонъ—на τριάς и δυάς и эпитритъ—на τετράς и τριάς, очевидно, принимаютъ первую величину за арзисъ, вторую—за тезисъ. А такое дѣленіе дохмія на арзисъ и тезисъ возможно только въ томъ случаѣ, если мы предположимъ, что на второмъ долгомъ слогѣ его лежитъ главное ритмическое удареніе. Въ подкрѣпленіе этого вывода можно указать еще

на то, что дѣленіе дохмія на ямбъ и кретикъ, которое принадлежитъ метрикамъ, названнымъ у Аристида Квинтиліана οἱ συμπλέκοντες, по всей вѣроятности, также основывается на томъ, что главное ритмическое удареніе въ дохміи слышалось на второмъ долгомъ слогѣ.

Независимо отъ этихъ выводовъ, сдѣланныхъ изъ показаній древнихъ ритмиковъ и метриковъ, мы не можемъ доказать, что главное ритмическое удареніе въ дохміи лежало на второмъ долгомъ слогѣ его, но у насъ есть нѣкоторыя данныя, которыя косвеннымъ образомъ подтверждаютъ это. Въ пользу этого свидѣтельствуетъ слабость ритмическаго ударенія, лежащаго на первомъ долгомъ слогѣ дохмія. Если мы обратимся къ изслѣдованію формъ, въ которыхъ является дохмій, то въ нихъ также найдемъ подтвержденіе того, что главное ритмическое удареніе въ дохміи лежитъ на второмъ долгомъ слогѣ. Уже Энгеръ обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что когда второй долгій слогъ дохмія замѣняется двумя краткими слогами, то первый слогъ также почти безъ исключенія подвергается распущенію. Объяснить это явленіе можно только стремленіемъ не ослабить силы главнаго ритмическаго ударенія, лежащаго на второмъ долгомъ слогѣ, что непремѣнно должно послѣдовать въ томъ случаѣ, если первый долгій слогъ не будетъ распущенъ на два краткихъ слога, а второй распущенъ. Этимъ же перевѣсомъ силы ритмическаго ударенія, лежащаго на второмъ долгомъ слогѣ дохмія, объясняется допущеніе сравнительно большаго количества случаевъ замѣны перваго краткаго слога дохмія посредствомъ ирраціональнаго долгаго, чѣмъ второго. Такимъ образомъ дохмій есть стопа съ тремя ритмическими удареніями, различными по степени своей силы: на первомъ долгомъ слогѣ его лежитъ самое слабое ритмическое удареніе, на второмъ самое сильное, на третьемъ менѣе сильное:

Если мы отдѣлимъ два первыхъ слога дохмія съ третьестепеннымъ ритмическимъ удареніемъ въ качествѣ πούς ἀκέφαλος и взамѣнъ ихъ возьмемъ соотвѣтствующее число слоговъ отъ слѣдующаго, то дохмій въ чистомъ видѣ будетъ имѣть такую схему:

Это вызываетъ вопросъ, не является ли гдѣ нибудь дохмій въ своемъ чистомъ видѣ такъ, какъ мы сейчасъ обозначили. Но предварительно я долженъ замѣтить, что рѣшеніе этого вопроса пріобрѣтаетъ особенную трудность въ виду того, что дохмій въ такомъ видѣ по внѣшности ничѣмъ не отличается отъ усѣченной на слогъ трохаической триподіи.

Обратимся сначала къ преданію, идущему изъ древности. Діомедъ, перечисляя формы пятисложныхъ стопъ, упоминаетъ о стопѣ съ такою схемой, какую имѣетъ чистый дохмій и называетъ ее hypodochmios. Если мы, во-первыхъ, припомнимъ, что это показаніе Діомеда черезъ Юбу можетъ быть связано съ Геліодоромъ и, во-вторыхъ, примемъ во вниманіе, что такую стопу ближе всего было бы назвать v. ithyphallicus catalecticus, еслибы она не имѣла никакого отношенія къ дохмію, то это показаніе Діомеда должно будетъ получить въ нашихъ глазахъ большой вѣсъ.

Посмотримъ теперь, не встрѣчаются ли примѣры гиподохмія въ дошедшихъ до нашего времени поэтическихъ текстахъ.

Въ дохмическомъ коммосѣ Eur. Jon. 763—799 заключительный стихъ таковъ:

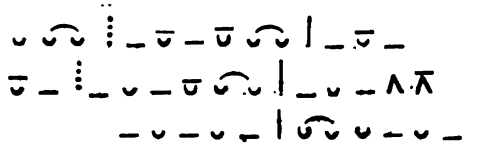
⏑ – ⏑ – ⏑ – ⏑ ⏑ – ⏑ –
οἷον οἷον ἄλγος ἔπαθον, φίλαι

Его можно было бы объяснить какъ соединеніе двухъ усѣченныхъ на слогъ трохаическихъ триподій, въ которыхъ недостающая часть третьей стопы должна быть восполнена посредствомъ протяженія въ одинъ χρ. πρ. или же въ послѣдней триподіи также посредствомъ такой же длины паузы, такъ что ритмическая схема этого стиха будетъ такова:

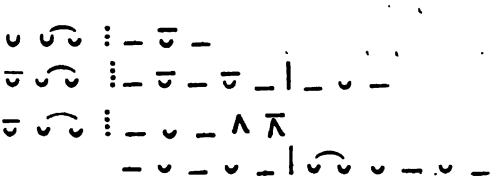
– ⏑ – ⏑ |_ | ⏑ ⏑ – ⏑ |_ .

Это объясненіе было бы удовлетворительно, еслибы разсматриваемыя нами триподіи являлись въ качествѣ повторенія какихъ-нибудь предшествующихъ трохаическихъ или ямбическихъ стиховъ или служили переходомъ къ нимъ въ непосредственно слѣдующей лирической части. Но такъ какъ этотъ коммосъ за исключеніемъ двухъ стиховъ въ началѣ его и эпиррематическихъ ямбическихъ триметровъ состоитъ изъ однихъ дохміевъ, и такъ какъ продолженіемъ

его служитъ діалогъ, то появленіе двухъ троханическихъ триподій въ концѣ его представляется крайне подозрительнымъ, особенно если мы припомнимъ, во-первыхъ, что усѣченныя трохаическія триподіи и всякіе трохаическіе триметры вообще встрѣчаются очень рѣдко и, во-вторыхъ, что ямбы и трохеи, входящіе въ составъ дохмическихъ строфъ обыкновенно дѣлятся на диподіи. Поэтому сама собой приходитъ въ голову мысль, не имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ только кажущіяся усѣченныя трохаическія триподіи, которыя въ дѣйствительности представляютъ сочетаніе, состоящее изъ двухъ гиподохміевъ или дохміевъ въ чистомъ видѣ. Если это предположеніе справедливо, то разсматриваемый стихъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ двумя дохмическими диметрами въ обыкновенной формѣ, которые ему предшествуютъ въ той же системѣ:



или, если мы предпочитаемъ представлять два предпослѣднихъ стиха за дохмическій диметръ, которому предшествуетъ и за которымъ слѣдуетъ монометръ, то тогда заключительный стихъ оказывается повтореніемъ предшествующаго ему диметра, который отдѣленъ отъ него монометромъ:

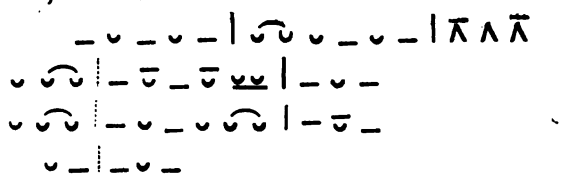


образуя несравненно болѣе подходящее заключеніе всей лирической части, чѣмъ состоящій изъ двухъ троханическихъ триподій членъ, который заставляетъ предположить въ самомъ концѣ строфы ничѣмъ не мотивированную перемѣну ритмическаго движенія.

Трудно помириться также съ составомъ стиха Eur. Or. 140=152

στρ. σῖγα σῖγα, λεπτὸν ἴχνος ἀρβύλης
ἀντ. πῶς ἔχει; λόγου μετάδας, ὦ φίλα

если предположить, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, что онъ представляетъ сочетаніе двухъ усѣченныхъ трохаическихъ триподій, такъ какъ во всей строфѣ, которая имъ открывается, нѣтъ ни одного трохаическаго или ямбическаго стиха, да и вообще никакого элемента, принадлежащаго по своимъ стопамъ къ иному γένος ῥυθμοῦ, чѣмъ дохміи — стихъ 145=158 представляетъ, какъ мнѣ кажется, одно изъ видоизмѣненій дохмія. Правда, въ слѣдующей строфѣ мы находимъ ямбическіе и трохаическіе стихи въ соединеніи съ дохміями, но они совершенно явственно дѣлятся на диподіи, и потому едвали возможно ставить въ соотвѣтствіе съ ними двѣ одинокихъ трохаическихъ триподіи въ началѣ предшествующей строфы. Еслибы существовала такая связь между этими двумя строфами, то разсматриваемыя нами триподіи находились бы не въ началѣ первой строфы, а въ концѣ ея, служа переходомъ къ послѣдующему. Поэтому весьма естественно предположить, что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ сочетаніемъ только кажущихся трохаическихъ триподій, но что на самомъ дѣлѣ данный стихъ представляетъ дохмическій диметръ въ чистомъ видѣ и находится въ соотвѣтствіи съ послѣдующими дохмическими диметрами въ обыкновенной формѣ. Схема въ первой части строфы, начало которой составляетъ данный стихъ, такова:



Хотя ни въ одномъ изъ приведенныхъ мною дохмическихъ диметровъ въ чистой формѣ третій долгій слогъ перваго дохмія не распущенъ на два такихъ краткихъ слога, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ послѣдній приходился бы на начало или средину слова, и первый краткій слогъ не замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, какъ это требовалось бы для полноты доказательства того, что моя догадка вѣрна, однако я думаю, что и тѣ доводы, которые я привелъ, подкрѣпляютъ ее въ достаточной степени.

Примѣняя къ дохмію нормы современной ритмики, мы должны признать его за одну изъ формъ двухдольнаго такта. Если мы возьмемъ другую форму того же такта, которой въ древней ритмикѣ

соотвѣтствуетъ дактилическая и анапестическая диподія (тактъ $^4/_4$), и сравнимъ ихъ между собою, то найдемъ, что отношеніе между ними будетъ приблизительно такое же, какъ между двумя формами трехдольныхъ тактовъ—$^6/_8$ и $^3/_4$, изъ которыхъ первому въ древней ритмикѣ соотвѣтствуетъ троханическая диподія, второму—стопа іоника. Число χρ. πρ. и мѣсто главнаго ритмическаго ударенія въ той и другой стопѣ одинаково; разница существуетъ только въ числѣ и расположеніи второстепенныхъ ритмическихъ ударенiй. Въ самомъ дѣлѣ, если мы представимъ въ іоникѣ всѣ долгіе слоги распущенными, то ритмическія ударенія въ немъ распредѣлятся слѣдующимъ образомъ:

Въ троханической диподіи, замѣняющей его при превращеніи (ἀνάκλασις), они падаютъ уже не черезъ одинъ слогъ, а черезъ два и потому ихъ оказывается однимъ меньше:

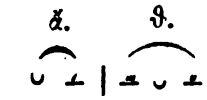
Приблизительно то же самое мы найдемъ, если представимъ распущенными всѣ долгіе слоги дохмія:

и затѣмъ дактилической диподіи:

Родство между нисходящимъ іоникомъ и троханической диподіей, какъ извѣстно, доходитъ до того, что троханическая диподія при превращеніи заступаетъ мѣсто іоника. Чередованія дохмія съ дактилической диподіей мы не находимъ, но близость между ними доказываетъ тотъ фактъ, что такъ называемые лирическіе анапесты иногда имѣютъ въ своемъ составѣ отдѣльно стоящіе дохміи, напр. Eur. Hec. 154—215, Ion. 859—922. Еслибы между анапестами и дохміями не было никакого родства по счету, то трудно было бы объяснить такое странное нарушеніе общаго ритмическаго движенія въ цѣломъ ряду системъ посредствомъ далеко отстоящихъ другъ отъ друга отдѣльныхъ тактовъ.

Тезисъ и арзисъ дохмія. Теперь, когда намъ извѣстно, какъ дѣлили дохмій на его χρόνοι ποδικοί неизвѣстные ритмики схолій

къ Гефестіону и Etym. M., и какъ въ немъ расположены ритмическія ударенія всѣхъ трехъ степеней, мы можемъ прямо сказать, что арзисъ дохмія состоитъ изъ трехъ χρ. πρ., заключающихся въ двухъ первыхъ его слогахъ, тезисъ же изъ пяти, заключающихся въ трехъ остальныхъ слогахъ его:



Дохмій съ современной точки зрѣнія. Если мы захотимъ изобразить дохмій посредствомъ современныхъ нотныхъ знаковъ, то, отожествивъ краткій слогъ съ одной восьмой ноты, долгій—съ четвертью, должны будемъ представить рядъ дохміевъ въ слѣдующемъ видѣ:

Счетъ въ такихъ тактахъ можетъ быть обозначенъ посредствомъ $^{5}/_{8}$. Правда, современная намъ музыкальная ритмика не знаетъ такого такта, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы мы не должны были допускать его и въ древней. Вообще надобно замѣтить, что ритмика музыки новѣйшаго времени отличается замѣчательной бѣдностью своихъ формъ сравнительно съ древней. Счетъ $^{5}/_{4}$, который мы находимъ въ дорической лирикѣ и особенно часто въ аттической комедіи, въ современныхъ намъ музыкальныхъ произведеніяхъ является только со времени Глинки, который заимствовалъ его изъ русской народной пѣсни. Если отъ отдѣльныхъ тактовъ мы перейдемъ къ болѣе крупнымъ ритмическимъ величинамъ, то найдемъ здѣсь то же самое: ритмическіе члены (κῶλα) въ огромномъ большинствѣ случаевъ образуются сочетаніемъ тактовъ по два, періоды—по четыре, тогда какъ у Грековъ въ этомъ отношеніи было гораздо болѣе разнообразія.

§ 3.

Теоріи дохмія, выставленныя въ новое время.

Общая характеристика теорій, посвященныхъ объясненію ритмическаго значенія дохмія въ новое время.

A. Теоріи, которыя, допуская въ дохміи первичну ритмическаго движенія, *дѣлятъ его* a) *на бакхій и ямбъ:* Россбахъ.—Беллерманъ.—Грабовъ.—Диндорфъ.—Г. Шмидтъ.—b) *на ямбъ и кретикъ:* Бёкъ.—Мункъ.—Лортцингъ.—Лёшгорнъ.—c) *признаютъ возможнымъ дѣлить его тѣмъ и другимъ способомъ:* Цезарь.

B. Теоріи, которыя, не допуская въ дохміи перемѣны ритмическаго движенія, *относятъ его къ разряду* a) *антиспастовъ:* Германъ.—Зейдлеръ.—Е. Фонъ-Леутшъ.—Фрите.—b) *ямбовъ:* Гольдманъ.—Шульце.—Пикель.—c) *трохеевъ:* Брамбахъ.—Фогельманъ.—d) *бакхіевъ:* Бергкъ.—Вестфаль.—e) *пеоновъ:* Штейгеръ.—f) *признаютъ за самобытную стопу:* Мейсснеръ.—М. Шмидтъ.—Кристъ.—Древесъ.—Клотцъ.

Общая характеристика теорій, посвященныхъ объясненію ритмическаго значенія дохмія въ новое время. Едвали найдется въ метрикѣ обоихъ классическихъ языковъ другой размѣръ, который вызвалъ бы столько самыхъ разнообразныхъ попытокъ уяснить его ритмическое значеніе, какъ дохмій. Но, не смотря на разнообразіе этихъ попытокъ, всѣ онѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, сообразно съ тѣмъ, признается ли дохмій за сложную стопу, въ предѣлахъ которой происходитъ перемѣна ритмическаго движенія (μεταβολὴ ῥυθμοῦ), вызванная тѣмъ, что простыя стопы, образующія сложную, принадлежатъ къ двумъ различнымъ γένη ῥυθμοῦ, или же—за такую ритмическую величину, внутри которой эта перемѣна ритмическаго движенія не допускается. Въ каждой изъ этихъ двухъ группъ въ свою очередь возможно установить нѣсколько болѣе мелкихъ подраздѣленій.

Теоріи, принадлежащія къ первой группѣ, идутъ въ двухъ направленіяхъ: одни изъ нихъ дѣлятъ дохмій на бакхій и ямбъ, другія—на ямбъ и кретикъ. Россбахъ и Вестфаль первые признали дохмій за сочетаніе бакхія съ ямбомъ уже въ первомъ изданіи своей метрики. Къ нимъ примкнули Беллерманъ, Грабовъ, Диндорфъ

и Г. Шмидтъ. Впослѣдствіи, правда, Вестфаль отказался отъ этой теоріи, но его сотрудникъ Россбахъ, дѣлая нѣкоторыя уступки новой теоріи Вестфаля, держится прежней. Представителями второго направленія служатъ Бёкъ, Мункъ, Лортцингъ и Лёшгорнъ. То и другое направленіе сливается въ теоріи Цезаря, который полагаетъ, что дохмій по своему составу бываетъ двоякимъ: въ однихъ случаяхъ онъ представляетъ такую сложную стопу, которая дѣлится на ямбъ и кретикъ, въ другихъ—такую, которая распадается на бакхій и ямбъ.

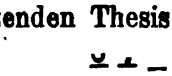
Во второй группѣ являются слѣдующія подраздѣленія: по однѣмъ изъ теорій, принадлежащихъ сюда, дохмій относится къ разряду антиспастовъ, по другимъ—къ разряду ямбовъ, по третьимъ—къ разряду бакхіевъ, по пятымъ—къ разряду пеоновъ, по шестымъ онъ представляетъ изъ себя самобытную стопу. Къ антиспастамъ причисляютъ дохмій Германъ, Зейдлеръ, фонъ-Леутшъ и Фритче. Въ теоріяхъ этихъ ученыхъ есть одна общая имъ всѣмъ черта, которая состоитъ въ томъ, что онѣ вводятъ въ составъ дохмія arsis nuda т. е. такой арзисъ, который заступаетъ мѣсто цѣлой стопы безъ всякаго возмѣщенія недостающаго при немъ тезиса посредствомъ протяженія или паузы. Ритмическую величину, состоящую изъ ямбическихъ стопъ, видятъ въ дохміи Гольдманъ, Шульце и Пикель. Первый изъ этихъ ученыхъ, допуская въ дохміи arsis nuda, стоитъ еще на точкѣ зрѣнія старой метрической школы, хотя его работа вышла изъ печати уже послѣ появленія ритмики и метрики Россбаха и Вестфаля, которые показали, что недостающій въ стопѣ тезисъ (слабая часть стопы) необходимо восполняется протяженіемъ арзиса той же стопы или паузой. Къ этому направленію близко стоитъ Брамбахъ и его послѣдователь Фогельманъ, которые признаютъ дохмій за трохаическую триподію съ синкопическимъ удареніемъ на первой стопѣ. Горячимъ защитникомъ мимоходомъ высказанной Бергкомъ мысли, что дохмій представляетъ изъ себя усѣченную на слогъ бакхическую диподію, является Вестфаль, который усвоилъ ее со второго тома своей Theorie der musikalischen Künste der Hellenen во второмъ изданіи этого сочиненія и поддерживаетъ до сихъ поръ. Попытка объяснить дохмій какъ пеонической монометръ съ анакрузисомъ въ формѣ ямба сдѣлана Штейгеромъ. Наибольшею оригинальностью въ обѣихъ группахъ отличается напра-

вленіе, представители котораго признаютъ дохмій за самобытную стопу. Сюда относятся слѣдующіе ученые: Мейсснеръ, М. Шмидтъ, Кристъ, Древесъ и Клотцъ.

А.

а) **Теоріи, принимающія дохмій за сочетаніе бакхія съ ямбомъ.** Взглядъ на дохмій какъ на ритмическую величину, состоящую изъ бакхія и ямба, впервые былъ высказанъ въ новое время въ Griechische Metrik Россбаха и Вестфаля (1856) и затѣмъ удержанъ *Россбахомъ* въ третьемъ изданіи ея (1889), которое было обработано уже имъ однимъ.

Объяснивъ въ этой послѣдней обработкѣ своего сочиненія (Griechische Metrik³), на чемъ основано дѣленіе стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί и ὄχμιοι, и указавъ, что въ дохміи заключается восемь χρ. πρ., этотъ ученый на основаніи показанія М. Фабія Квинтиліана, Аристида Квинтиліана и схолій на Гефестіона опредѣляетъ ритмическое значеніе дохмія слѣдующимъ образомъ: der Dochmius gilt als ein ῥυθμὸς μεταβάλλων, der aus zwei verschiedenen Rhythmengeschlechtern, dem päonischen und diplasischen, zusammengetzt ist (стр. 761 и сл.). Но такъ какъ это опредѣленіе слишкомъ обще и даетъ возможность дѣлить дохмій на бакхій и ямбъ точно такъ же, какъ на ямбъ и кретикъ, то Россбахъ, отвергнувъ вторую комбинацію на томъ основаніи, что въ кретикѣ краткій слогъ не замѣняется посредствомъ ирраціональнаго долгаго, тогда какъ соотвѣтствующій ему слогъ въ дохміи допускаетъ такую замѣну, переходитъ къ первой и продолжаетъ такъ: Wir haben demnach den Dochmius als die Zusammensetzung eines Bakchius mit einem Jambus anzusehen; durch die Zusammensetzung beider Füsse entsteht ein Taktwechsel, μεταβολὴ κατὰ γένος, indem auf einen fünfzeitigen päonischen ein dreizeitiger diplasischer Takt folgt; beide Füsse werden einem gemeinschaftlichen Hauptictus unterworfen, denn sonst könnten sie nicht als die beiden ἀριθμοί Eines Rhythmus angesehen werden, aber sie behaupten zugleich ihre Selbstständigkeit als verschiedene Takte, und deshalb lässt sowohl der Bakchius wie der Jambus die Irrationalität der anlautenden Thesis zu:



(стр. 762).

Но въ виду того, что Вестфаль въ Griechische Rhythmik[3] принимаетъ дохмій за усѣченную бакхическую диподію, Россбахъ, желая до нѣкоторой степени смягчить противорѣчіе между собой и Вестфалемъ, дѣлаетъ предположеніе, что дохмій могъ исполняться двоякимъ образомъ: въ хоровой лирикѣ въ качествѣ усѣченной на слогъ бакхической диподіи, въ трагедіи же, сообразно съ ея болѣе страстнымъ характеромъ,—въ качествѣ ῥυθμὸς μεταβάλλων, отличаясь почти неограниченной подвижностью своей формы.

Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Griechische Metrik Россбаха и Вестфаля въ первомъ изданіи ея находятся нѣсколько страницъ, посвященныхъ дохмію, въ рѣчи *Беллермана* De metris Sophoclis veterum doctrina explicandis (1864). Начинаетъ Беллерманъ такъ же, какъ Россбахъ и Вестфаль съ разсмотрѣнія нѣкоторыхъ показаній древнихъ о дохміи, изъ которыхъ выводитъ, что дохмій заключаетъ въ себѣ восемь χρ. πρ. и состоитъ изъ двухъ стопъ: одной, принадлежащей къ γ. ἡμιόλιον, другой,—къ γένος, διπλάσιον. Затѣмъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ, какъ мы уже видѣли выше, возможны двѣ комбинаціи, то Беллерманъ разсматриваетъ каждую изъ нихъ порознь и приходитъ къ тому заключенію, что изъ ямба и кретика дохмій не можетъ состоять въ виду непосредственнаго столкновенія арзисовъ двухъ стопъ. Возраженіе противъ этого, заключающееся въ томъ, что ямбъ въ данномъ случаѣ является въ качествѣ тезиса, а кретикъ—арзиса сложной стопы, Беллерманъ опровергаетъ, ссылаясь на Аристоксена, который учитъ, что простыя стопы, входящія въ составъ сложной, въ свою очередь дѣлятся на арзисъ и тезисъ; единственный исходъ, возможный при такомъ дѣленіи дохмія на составныя части, заключается въ томъ, чтобы восполнить недостающій тезисъ посредствомъ протяженія; а это въ свою очередь влечетъ за собою увеличеніе числа χρ. πρ. въ дохміи, которое не можетъ быть допущено, если только мы хотимъ оставаться вѣрными показаніямъ древнихъ. Послѣ этого Беллерманъ переходитъ къ другой комбинаціи и говоритъ относительно ея слѣдующее: In qua facile perspicitur ab omnibus illis difficultatibus pedem esse liberum, sed commode et ὀκτάσημον et σύνθετον posse legi, cum bacchius generi hemiolio ascriptus certe disemas longas habeat. Sed aliae sunt dubitationes, quae a nonnullis moventur ad labefactandam hanc mensuram (стр. 25). Сомнѣнія эти разрѣшаются полеми-

кой, направленной главнымъ образомъ противъ Вестфаля и Цезаря, взгляды которыхъ не сходятся со взглядами Беллермана. Но для насъ изъ этой полемики имѣетъ значеніе только слѣдующее мѣсто, опредѣляющее положеніе и относительную силу ритмическихъ удареній въ дохміи: in secunda syllaba, подр. dochmii, ictum primarium volumus esse, totumque bacchium esse pro arsi, iambum pro thesi, sic: ⏑ –́ – | ⏑ –́. Et quamquam, ut supra diximus, hic iam-
arsis thesis
bus, qui pro thesi est, ipse quoque percussione rhythmica in duas partes dirimitur, ut suam arsim et thesim in se habeat, tamen secundae dochmii syllabae accentu maiore pronuntiandae totus rhythmus quasi subiectus est, hoc modo: ⏑ –́ – | ⏑ –́ (стр. 27). Въ заключеніе Беллерманъ переходитъ къ такимъ формамъ дохмія, въ которыхъ взамѣнъ краткаго слога является ирраціональный долгій, ⏓ – – ⏓ – и въ существованіи ихъ видитъ важное подтвержденіе своей собственной теоріи: Nam quarta syllaba quomodo potuerit produci haud facile intellegitur, si illa cretici esse putatur, sin autem iambi est prior syllaba, res plane ac facile expeditur (стр. 28 и сл).

Опредѣленіе ритмическаго значенія дохмія, которое даетъ *Грабовъ* въ своей диссертаціи Numeri dochmiaci usus Sophoclis (1869) представляетъ компиляцію того матеріала, который онъ нашелъ у Россбаха и Вестфаля въ Griechische Metrik, съ одной стороны, и у Беллермана, съ другой.

Начинаетъ Грабовъ съ того, что высказываетъ такой взглядъ на дохмій: inter omnes constat eum (т. е. dochmium) non simplicem esse rhythmum, sed e genere duplici atque sescuplici compositum (стр. 1) и подкрѣпляетъ его одинаковыми съ Россбахомъ и Беллерманомъ показаніями древнихъ. Но дохмій допускаетъ двоякую комбинацію въ дѣленіи на стопы, принадлежащія къ этимъ γένη ῥυθμοῦ, и можетъ быть разлененъ или на ямбъ и кретикъ ⏑ – | – ⏑ – или на бакхій и ямбъ ⏑ – – | ⏑ –. Однако первая комбинація оказывается несостоятельной, такъ какъ, допуская ее, мы должны предположить протяженіе перваго долгаго слога или паузу послѣ него для того, чтобы избѣжать непосредственнаго столкновенія тезисовъ двухъ стопъ, чего не допускаетъ ученіе Аристида Квинтиліана объ арзисѣ и тезисѣ; далѣе, вслѣдствіе этого дохмій сдѣлается ῥυθμὸς ἐννεάσημος, тогда какъ, по свидѣтельству древнихъ, онъ есть ῥυθμὸς ὀκτάσημος. Прав-

да, при замѣнѣ одного изъ краткихъ слоговъ дохмія ирраціональнымъ долгимъ, пожалуй, можетъ показаться, что дохмій тоже заключаетъ въ себѣ девять χρ. πρ., а при замѣнѣ обоихъ краткихъ слоговъ ирраціональными долгими—и всѣ десять, однако мы должны помнить, что ирраціональный долгій слогъ только на половину болѣе краткаго слога, заключающаго въ себѣ одинъ χρ. πρ., и что употребленіе ирраціональной стопы не влечетъ за собою μεταβολὴ ῥυθμοῦ κατὰ γένος, а только нѣкоторое замедленіе въ исполненіи ирраціональной стопы. Вторая причина, по которой мы не можемъ дѣлить дохмій на ямбъ и кретикъ, заключается въ томъ, что кретикъ не допускаетъ замѣны своего краткаго слога ирраціональнымъ долгимъ. Принимать этотъ кретикъ за сложную стопу, состоящую изъ пиррихія и трохея или ямба, или за усѣченную на слогъ трохаическую диподію или двойную моноподію также нельзя, не впадая въ противорѣчіе или съ показаніями древнихъ метриковъ или ритмическими явленіями, наблюдаемыми въ дошедшихъ до насъ стихотворныхъ текстахъ. Такимъ образомъ намъ остается только признать, что дохмій представляетъ соединеніе бакхія съ амбомъ, вслѣдствіе чего мы избѣгаемъ тѣхъ затрудненій, въ которыя попадаемъ, принимая дохмій за ямбъ и кретикъ: nam cum bachii arsis in secunda syllaba, iambi in ultima posita sit, ⏑ ⏓ – | ⏑ ⏓, arsium concursus vitatur; et cum prima utriusque pedis syllaba anceps esse possit; ⏒ ⏓ – | ⏒ ⏓, irrationalis dochmii forma commodissime exponitur (стр. 6). Возраженіе, которое заключается въ томъ, что бакхій будто бы встрѣчается весьма рѣдко, тогда какъ дохміи являются въ древней драмѣ весьма часто, опровергается ссылкой на схоліи къ Гефестіону и на Софокла, у котораго встрѣчаются реальные примѣры употребленія бакхіевъ.

Диндорфъ въ той главѣ своихъ Prolegomena къ Poetarum scenicorum Graecorum, Aeschyli, Sophoclis, Euripidis et Aristophanis fabulae superstites (1869), которая озаглавлена: De metris poetarum scenicorum, посвящаетъ дохмію цѣлый отдѣлъ, но о ритмическомъ значеніи его говоритъ только слѣдующее: Metrum dochmiacum ex bacchio et iambo est compositum ⏑ ⏓ – ⏑ ⏓, anacrusi utraque ancipite, ultima syllaba vel longa vel in pyrrhichium soluta ubi numeris continuatur, ancipite ubi non continuatur, duabus primis vero arsibus, modo alterutra modo utraque, vel longis vel so-

lutis (стр. 45 и сл.). Въ подстрочной сноскѣ къ этому мѣсту онъ замѣчаетъ относительно показаній древнихъ метриковъ о дохміи, что ни одно изъ нихъ не имѣетъ никакой цѣны; соглашается онъ только съ показаніемъ схоліаста къ Aesch. Sept. 101 объ употребленіи дохмія въ трагедіи. Въ остальной части параграфа, посвященнаго дохміямъ, Диндорфъ уже ни разу не возвращается къ вопросу о ритмическомъ значеніи дохмія.

Изъ приведеннаго мною изложенія взгляда на дохмій, который былъ усвоенъ Россбахомъ, Беллерманомъ, Грабовымъ и Диндорфомъ, мы видимъ, что всѣ эти ученые признаютъ дохмій за сложную стопу, заключающую въ себѣ восемь χρ. πρ. и распадающуюся на бакхій и ямбъ. Будучи вполнѣ согласны съ этими учеными въ опредѣленіи числа χρ. πρ. въ дохміи, мы не можемъ однако согласиться съ возможностью не только видѣть бакхій въ составѣ дохмія, но и вообще признавать существованіе его въ качествѣ такой стопы, какую они въ немъ видятъ, и потому разсмотримъ, что такое онъ изъ себя представляетъ въ дѣйствительности.

Подъ бакхіемъ обыкновенно разумѣютъ стопу, состоящую изъ одного краткаго и двухъ долгихъ слоговъ и распадающуюся на тезисъ въ три и на арзисъ въ два χρ. πρ. $\overset{\vartheta.}{\smile\!\!\frown\!\!-}$ | $\overset{\breve{\alpha}.}{-}$ (Ср. Rossbach, Gr. Metrik[3] стр. 731 и 754 и сл. Bellerman, De metris Soph. vet. rhythm. doctr. expl. стр. 25 и сл. Grabow, Num. dochm. usus Soph. стр. 6. Dindorf, De metr. poet. scen. 10). Поэтому, если мы будемъ имѣть стихъ, состоящій изъ ряда бакхіевъ, то должны будемъ разставить въ немъ ритмическія ударенія, согласно съ даннымъ опредѣленіемъ бакхической стопы, такимъ образомъ:

... | ⏑ –́ – | ⏑ –́ – | ⏑ –́ – | ⏑ –́ – ...

Но такая разстановка находится въ противорѣчіи съ указаннымъ выше общимъ физіологическимъ закономъ, опредѣляющимъ мѣсто ударенія въ ряду слѣдующихъ другъ за другомъ долгихъ и короткихъ звуковъ (стр. 50). Въ силу этого закона ритмическія ударенія въ бакхическомъ стихѣ должны быть расположены слѣдующимъ образомъ:

... | ⏑ – ⁞ –́ | ⏑ – ⁞ –́ | ⏑ – ⁞ –́ | ⏑ – ⁞ –́ ...

Такое расположеніе ритмическихъ удареній показываетъ, что бакхическій стихъ представляетъ изъ себя не что иное, какъ рядъ кретиковъ съ неполной первой и послѣдней стопой, и что такой стопы, какую видятъ въ бакхіи Россбахъ, Беллерманъ, Грабовъ и Диндорфъ, на самомъ дѣлѣ не существуетъ.

Подтвержденіе этого мы найдемъ, если прослѣдимъ употребленіе и исторію бакхія. Бакхій, какъ это видно изъ слѣдующаго показанія Гефестіона: τὸ δὲ βαχχειακὸν σπάνιόν ἐστιν (Script. metr. gr. стр. 43, W) и въ особенности изъ дошедшихъ до насъ текстовъ греческихъ поэтовъ, у которыхъ этотъ размѣръ встрѣчается въ видѣ отдѣльно стоящихъ стиховъ, былъ весьма мало употребителенъ, между тѣмъ какъ пеоны были однимъ изъ любимыхъ размѣровъ аттической комедіи. Затѣмъ слѣдующія замѣчанія относительно пеоновъ, находящіяся въ схоліяхъ А къ Гефестіону, показываютъ, что бакхій первоначально не причислялся къ пеонамъ: ὁ πρῶτος παίων καὶ ὁ τέταρτος ποιοῦσι τὸ παιωνικὸν μέτρον· οὐκέτι δὲ ὁ δεύτερος καὶ ὁ τρίτος (Script. metr. gr. стр. 125 12—14 W) и далѣе τὸ... παιωνικὸν ἐπιπλοκὴν οὐκ ἔχει, ὡς τὰ προειρημένα (ib. стр. 125 14 и 15), при чемъ схоліи В, сообразно съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ, перечисляютъ только три слѣдующихъ ἐπιπλοκαί: τρίσημος, τετράσημος и ἑξάσημος, хотя тутъ же прибавляютъ: εἰσὶ... ἐπιπλοκαὶ κατὰ μέν τινας καὶ ἄλλαι (ib. стр. 136 25 и сл.). Въ соотвѣтствіи съ этими замѣчаніями схолій къ Гефестіону, которыя иначе были бы необъяснимы, въ реторикѣ Аристотеля изъ пеоническихъ стопъ упоминаются только первый и четвертый пеонъ и πεντάβραχυς; не знаетъ бакхія, повидимому, и Цицеронъ. Первый, у кого мы находимъ названія бакхій и гипобакхій, это—Діонисій Галикарнасскій, который бакхіемъ называетъ стопу съ такою схемою: _ _ ⏑, а гипобакхіемъ туже стопу съ краткимъ слогомъ въ началѣ: ⏑ _ _ (De comp. verb. c. XVII).

Наконецъ, не можемъ мы допустить существованіе бакхія въ показанномъ выше смыслѣ и на основаніи слѣдующихъ соображеній: въ первомъ краткомъ слогѣ бакхія нельзя видѣть части тезиса стопы, потому что онъ предшествуетъ слогу подъ ритмическимъ ударѣніемъ, а не слѣдуетъ за нимъ, какъ это мы находимъ въ пеонѣ и кретикѣ. Но если этотъ краткій слогъ не составляетъ части тезиса стопы, то онъ есть ея арзисъ, а два слѣдующіе долгіе слога—ея

тезисъ: ∪ | – –. Такимъ образомъ, допуская, что въ бакхіи ритмическое удареніе падаетъ на первый долгій слогъ, мы должны черезъ это самое допустить, что χρόνοι ποδικοί относятся въ немъ другъ къ другу какъ 1 : 4, т. е. представляютъ λόγος τετραπλάσιος; а стопы съ такимъ отношеніемъ своихъ χρόνοι ποδικοί, по свидѣтельству Аристоксена, въ συνεχὴς ῥυθμοποιία не употребляются.

Но если это такъ, то откуда же возникло понятіе о бакхіи какъ о стопѣ, принадлежащей къ γένος ἡμιόλιον? отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ рядъ показаній о бакхіи, также идущихъ изъ древности. Если мы обратимся къ Εἰσαγωγή Бакхія и посмотримъ, какая стопа носитъ у него названіе бакхія, то увидимъ, что онъ называетъ такъ нисходящій іоникъ: βακχεῖος ἀφ' ἡγεμόνος καὶ σπονδείου οἷον ἐτεθρήκειν (Westphal. Gr. Rhythm. u. Harm². Suppl. стр. 48 1 и 2). У Аристида Квинтиліана различаются два бакхія: σύνθετοι οἱ κατὰ συζυγίαν, βακχεῖοι δύο, ὧν ὁ μὲν πρότερον ἔχει τὸν ἴαμβαν, δεύτερον δὲ τὸν τροχαῖον· ὁ δὲ ἐναντίως (Περὶ μουσ. стр. 25 7—9 J); общее между этими стопами и нисходящимъ іоникомъ заключается въ томъ, что онѣ, какъ и іоникъ, состоятъ изъ двухъ долгихъ и двухъ короткихъ слоговъ. Марій Викторинъ по поводу названій, которыми пользовался v. galliambicus, замѣчаетъ слѣдующее: idem et metroiacon seu, ut quidam, bacchiacon anaclomenon (Gr. L. VI стр. 95 25 и 26 K). Вестфаль, кромѣ того указываетъ, что и у Плутарха De mus. c. 29 слово βακχεῖος употреблено по отношенію къ нисходящему іонику (Gr. Rhythm. u. Harm². стр. 610). Самое названіе бакхія, происходящее, очевидно, отъ употребленія его въ пѣсняхъ въ честь Діониса, мало вяжется со стопой, принадлежащей къ γ. παιωνικόν, такъ какъ эти послѣднія по преимуществу употреблялись въ пѣсняхъ въ честь Аполлона. Чѣмъ было вызвано перенесеніе названія бакхія съ нисходящаго іоника на извѣстную форму пеонической стопы, показываетъ слѣдующее свидѣтельство Гефестіона о перемѣнахъ ритмическаго движенія, допускаемыхъ въ нисходящихъ іоникахъ: Τὸ δὲ ἀπ' ἐλάσσονος ἰωνικὸν συντίθεται μὲν καὶ καθαρόν, συντίθεται δὲ καὶ ἐπίμικτον πρὸς τὰς τροχαϊκὰς διποδίας οὕτως, ὥστε τὴν πρὸ τῆς τροχαϊκῆς ἀεὶ γίνεσθαι πεντάσημον, τοῦτ' ἔστι τρίτην παιωνικήν, καὶ τὴν τροχαϊκήν, ὁπόταν προτάττοιτο τῆς

ἰωνικῆς, γίνεσθαι ἑπτάσημον τροχαϊκήν, τὸν καλούμενον δεύτερον ἐπίτριτον. Ἔσθ' ὅτε δὲ ἡ μὲν τρίτη παιωνικὴ συχαιρεῖται εἰς παλιμβάκχειον, τῆς δὲ ἐπιφερομένης τροχαϊκῆς ὁ πρότερος λύεται εἰς τρίβραχυν (Script. metr. gr. стр. 37 20 и 38 1—9 W) и слѣдующее замѣчаніе схолій А на Гефестіона: Ὁ πρῶτος παίων καὶ ὁ τέταρτος ποιοῦσι τὸ παιωνικὸν μέτρον· οὐκέτι δὲ ὁ δεύτερος καὶ ὁ τρίτος ἐμπίπτει δὲ εἰς ἰωνικά (Script. metr. gr. 125 12—14 W). Изъ этихъ свидѣтельствъ ясно, что дѣло происходило такъ: когда іоники вслѣдствіе употребленія ихъ въ ἰωνικὰ ποιήματα александрійскими поэтами получили свое теперешнее названіе, то грамматики стали примѣнять ихъ старое названіе спеціально по отношенію къ слѣдующей формѣ стопы ⏑ ⏑ – ⏑, которую они находили при дѣленіи на стопы іоническихъ стиховъ съ превращеніемъ (ἀνάκλασις):

⏑ ⏑ – – | ⏑ ⏑ – –
⏑ ⏑ – ⏑ | – ⏑ – –

Послѣ этого уже названіе бакхій перенесено было на туже форму стопы, но со стяженіемъ двухъ первыхъ краткихъ слоговъ въ одинъ долгій – – ⏑ . Стремленію пополнить формы іоническихъ стопъ въ соотвѣтствіи съ найденной новой формой обязанъ своимъ происхожденіемъ такъ называемый ὑποβάκχειος, ἀντιβάκχειος или παλιμβάκχειος: ⏑ – – Почему впослѣдствіи на первую форму стопы перенесено было второе названіе, а на вторую первое, мы не знаемъ; но придавать какое-либо значеніе этому явленію мы не можемъ, такъ какъ аналогичный съ этимъ случай представляетъ перемѣна въ употребленіи названій trochaeus и choreus.

Отсюда неизбѣжно слѣдуетъ тотъ выводъ, что древняя ритмика не допускала существованія бакхія въ такомъ смыслѣ, въ какомъ его признаютъ Россбахъ, Беллерманъ, Грабовъ и Диндорфъ, и потому не могла признавать дохмій за сложную стопу, состоящую изъ бакхія и ямба. Не можемъ дѣлать этого и мы помимо авторитета древнихъ, потому что это влечетъ за собою неестественную постановку ритмическихъ ударенiй въ іоническихъ и дохмическихъ стихахъ.

Но допустимъ, что бакхій дѣйствительно существуетъ, имѣя то ритмическое значеніе, какое ему приписываютъ Россбахъ и его послѣдователи, и всетаки мы не можемъ три первыхъ слога дохмія

признать за него, потому что въ долміи первый краткій слогъ замѣняется посредствомъ ирраціональнаго долгаго, тогда какъ въ бакхіи мы не находимъ этого. Правда, Россбахъ, указавъ, что такая замѣна возможна въ первой стопѣ бакхическаго стиха (Gr. Metr. стр. 757), приводитъ въ числѣ бакхическихъ стиховъ Eur. Alc. 92—104, Ion. (190—)201, Phoen. 187, 1039 и 1040—1063 и 1064; но, если мы внимательно разсмотримъ эти стихи, то найдемъ, что ни одинъ изъ нихъ не принадлежитъ къ γένος ἡμιόλιον: Alc. 92—104, заканчивающій собою логаэдическую строфу, скорѣе долженъ быть признанъ ямбическимъ стихомъ въ соотвѣтствіи съ ямбическимъ тетраметромъ, который открываетъ строфу:

⏑̄ |— | — ⏑ |— | —
ὦ Παιάν, φανείης
δουπεῖ χεὶρ γυναικῶν.

Несомнѣнно ямбическій стихъ представляетъ и помѣщенный въ серединѣ логаэдической строфы Ion. (190—)201:

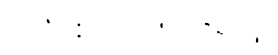
⏑̄ |— | — ⏑ |— | —
ἰδοὺ τάνδ' ἄθρησον,
καὶ μὰν τόνδ' ἄθρησον

въ чемъ не позволяетъ сомнѣваться ритмическое значеніе предшествующаго ему и слѣдующаго за нимъ стиха (Диндорфъ, который признаетъ, что краткій слогъ въ бакхической стопѣ не можетъ быть замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, предлагаетъ читать τί вмѣсто καί, De metr. poet. sc. стр. 45); Phoen. 187 ненадеженъ въ критическомъ отношеніи и, повидимому, долженъ представлять изъ себя дохмическій диметръ; Phoen. 1039 и 1040—1063 и 1064, находящіеся въ чистой ямбической строфѣ, не могутъ быть иными кромѣ ямбическихъ:

⏑̄ |— | — ⏑ |— | ⏓
⏑̄ |— | — ⏑ |— | ⏓
στρ. βροντᾷ δὲ στεναγμός,
ἀχά τ' ἦν ὅμοιος

ἀντ. Καδμείαν μέριμναν
ὁρμήσασ' ἐπ' ἔργον

Недопущеніе замѣны краткаго слога бакхія посредствомъ ирраціональнаго долгаго объясняется тѣмъ, что этотъ краткій слогъ представляетъ изъ себя часть тезиса неолической стопы:



и потому не можетъ быть вынесенъ за тактъ въ качествѣ анакрузиса.

Другую часть дохмія, которая остается по выдѣленіи изъ него бакхія, Россбахъ, Беллерманъ, Грабовъ и Диндорфъ считаютъ ямбомъ и объясняютъ допущеніе замѣны въ немъ краткаго слога посредствомъ ирраціональнаго долгаго тѣмъ, что этотъ краткій слогъ представляетъ изъ себя анакрузисъ. Посмотримъ же, дѣйствительно ли возможно признать предпослѣдній слогъ дохмія за анакрузисъ ямбической стопы; а такъ какъ новѣйшіе метрики обыкновенно довольствуются тѣмъ опредѣленіемъ этого понятія, которое дано Германомъ, то и мы обратимся къ нему. Этотъ ученый опредѣляетъ анакрузисъ слѣдующимъ образомъ: apertum est... quae... ante ictum est pars, quoniam ab ictu non potest determinata esse, partem esse infiniti cuiuspiam numeri. Eam partem, quia neque arsis est, ut ictu destituta, neque thesis, ut non ex ea vi, quam indicat ictus, pendens, anacrusin vocamus, propterea quod quasi introductio quaedam est ad numerum, quem deinde ictus orditur. Anacrusis autem etsi animadvertitur prima, tamen, ut vel sensus quemque docet, non est initium seriei, sed pars, quam quae praegressa sunt, quia in animadversionem von cadunt, praecessisse sumuntur. Similes in figuris sunt eae, quae quum medium habeant, in utriusque lateris extrema non sunt finibus circumscriptae: quarum descriptio etsi a medio utrobique aequa proportione progreditur, tamen quoniam desinit, priusquam conclusa sit, in infinitum proferri potest (Elem. doctr. metr. I 2, 10). Такимъ образомъ, если мы возьмемъ, напримѣръ, ямбическій триметръ, то на основаніи словъ Германа ни одинъ изъ его краткихъ слоговъ не можетъ быть названъ анакрузисомъ кромѣ перваго, потому что ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть признанъ introductio ad numerum, quem deinde ictus ordi-

tus, въ виду того, что этотъ ictus уже лежитъ на предшествующемъ долгомъ слогѣ, да и быть иначе не можетъ, потому что тогда во всемъ ямбическомъ триметрѣ были бы одни только тезисы и анакрузисы, а арзиса не было бы ни одного; замѣтимъ, это повлекло бы за собой въ качествѣ послѣдствія то, что каждый краткій слогъ ямбическаго триметра могъ бы быть замѣщаемъ по произволу посредствомъ принципіальнаго долгаго слога, между тѣмъ какъ мы этого не находимъ.

Далѣе, дѣленіе дохмія на бакхій и ямбъ изъ древнихъ авторовъ встрѣчается у одного только Фабія Квинтиліана, показанія котораго не подтверждается рѣшительно никакимъ другимъ древнимъ авторитетомъ и потому съ значительной долей вѣроятности можетъ быть признано за такую комбинацію, которая пришла въ голову ему самому.

Наконецъ, μετβολὴ ῥυθμοῦ въ предѣлахъ сочетанія, состоящаго изъ двухъ стопъ, хотя въ теоріи и не представляетъ ничего невозможнаго, но является мало вѣроятной и во всякомъ случаѣ не имѣющей аналогіи въ древней ритмикѣ.

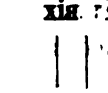
По мнѣнію *Г. Шмидта*, дохмій представляетъ единственный размѣръ, въ которомъ происходитъ перемѣна ритмическаго движенія въ собственномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ въ немъ соединяются въ одно цѣлое двѣ стопы съ различнымъ числомъ χρ. πρ.: пеоническая стопа въ неправильной формѣ съ анакрузисомъ, служащимъ для выраженія напора сильныхъ душевныхъ движеній, и непосредственно слѣдующая за ней троханическая стопа, которая ни въ какомъ случаѣ не была способна выражать страстное возбужденіе: ∪ ⋮ ⏑ – ⏑ ∪ | –. Соединеніе этихъ-то стопъ даетъ дохмій; ихъ смѣна служитъ превосходнымъ выраженіемъ того, какъ страсть борется со спокойнымъ размышленіемъ и получаетъ перевѣсъ надъ нимъ (Die Kunstform. d. gr. Poes. I, стр. 130). Такъ какъ дохмій служитъ такимъ образомъ для выраженія сильнаго душевнаго волненія, то первая изъ этихъ стопъ, на которой лежитъ главная сила, должна считаться тезисомъ всего сочетанія, а вторая—арзисомъ его (ib. стр. 138). Но по своей силѣ ритмическое ударенія тезиса и арзиса въ немъ было почти одинаково, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ автора: Ueberhaupt ist es noch fraglich, ob der Dochmius einen Hauptictus ausgeprägt enthalte, der den des zweiten Taktes wesentlich überragt. Durch annähernd

gleiche Stärke beider Icten wird er erst recht zu einem Metrum leidenschaftlicher Aufregung. Затѣмъ, непосредственно ниже Шмидтъ даетъ такую характеристику ритмическаго ударенія въ дохміи: Die Ictenverhältnisse im Dochmius scheinen überhaupt ausserordentlich schwankend gewesen zu sein. Dafür zeugen die gestatteten Auflösungen und irrationalen Silben (ib. стр. 140).

Въ четвертомъ томѣ того же сочиненія (стр. 522) Шмидтъ, объясняя допущеніе замѣны обоихъ краткихъ слоговъ дохмія посредствомъ ирраціональнаго долгаго, еще разъ возвращается къ вопросу объ относительной силѣ ритмическихъ удареній въ дохміи и замѣчаетъ по поводу этого слѣдующее: Die irrationale Silbe am Anfange erklärt sich aus dem Wesen des Auftaktes überhaupt; diejenige vor der letzen Thesis aber zeigt, wie stark hier die Gegenintonation war, so dass sich die beiden Theile des Dochmius in ähnlicher Weise entgegenstanden, wie zwei choreische Dipodien (nicht einzelne $^3/_8$-Takte). Eine solche Schärfe der Intonation ist auch dem Ethos des dochmischen Rhythmus ausgezeichnet angemessen. Sie wird ferner bewiesen durch die gestatteten Auflösungen. In ◡ ⁝ ◡ ◡ _ ◡ | _ und ◡ ⁝ ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ | _ zeigt sich, da diese Formen häufig vorkommen, dass der «Hauptictus» wenig Uebergewicht haben konnte.

Сравнивая между собой взгляды на дохмій Россбаха съ его послѣдователями и Г. Шмидта, мы найдемъ, что разница между ними почти формальная: Россбахъ не отдѣляетъ перваго краткаго слога дохмія въ качествѣ анакрузиса и соотвѣтственно съ этимъ дѣлитъ дохмій на бакхій и ямбъ, Шмидтъ же, вынеся этотъ краткій слогъ за тактъ дѣлитъ дохмій на бакхій (или вѣрнѣе антибакхій) и усѣченный трохей. Поэтому всѣ возраженія, представленныя мною противъ теоріи Россбаха и его послѣдователей, по стольку, по скольку они касаются вопроса о дѣйствительности существованія бакхія, невозможности объяснять допущеніе замѣны перваго краткаго слога дохмія посредствомъ ирраціональнаго долгаго въ качествѣ анакрузиса, отдѣляемаго въ началѣ пеонической стопы, и неестественности перемѣны ритмическаго движенія въ предѣлахъ сочетанія, состоящаго всего только изъ двухъ стопъ, примѣнимы одинаково къ теоріи Шмидта, и потому я не буду уже болѣе возвращаться къ нимъ. Правда, съ перваго взгляда можетъ, пожалуй, показаться, что выносъ перваго краткаго слога дохмія за тактъ даетъ бакхію та-

кую форму, при которой отношеніе между его тезисомъ и арзисомъ равняется 3 : 2, но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи этого не оказывается. Въ самомъ дѣлѣ, ритмическое значеніе бакхія Шмидтъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: ⏑ – ˘ oder



bacchius, gewöhnlich mit Auftakt. $^5/_8$-Takt mit Gliederung $^2/_8 + ^2/_8 + ^1/_8$ (Leitfad. in der Rhythm. u. Metr. стр. 28). Каково будетъ отношеніе между χρόνοι ποδικοί бакхія при такомъ пониманіи его? Если мы опредѣлимъ ихъ такъ: ⏑ – | ˘ (9. ă.), то тезисъ стопы будетъ относиться къ арзису ея какъ 4 : 1; дѣлить же такимъ образомъ: ⏑ | – ˘ (ă. 9.) не позволяетъ то обстоятельство, что на первомъ слогѣ бакхія Шмидтъ кладетъ болѣе сильное ритмическое удареніе, чѣмъ на второмъ. Далѣе, вынось перваго краткаго слога въ дохмія за тактъ, хотя и видоизмѣняетъ нѣсколько положеніе второго краткаго слога, который вслѣдствіе этого является частью бакхической стопы, но такая перемѣна нисколько не способствуетъ объясненію, почему онъ можетъ быть замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго. Шмидтъ, конечно, могъ бы сослаться на то, что ему удалось найти при разборахъ лирическихъ частей въ трагедіяхъ Эсхила и Еврипида нѣсколько примѣровъ ирраціональнаго бакхія, но ни одинъ изъ нихъ не выдерживаетъ критики: самые надежные изъ нихъ Eur. Bacch. 1153 и 1154, Ion. 676=695, Or. 145=157 и Phoen. 178 представляютъ дохмій распространенный кретикомъ.

Нѣкоторое разногласіе между Россбахомъ и Шмидтомъ заключается въ вопросѣ объ относительной силѣ ритмическаго ударенія, лежащаго на тезисахъ тѣхъ стопъ, на которыя они дѣлятъ дохмій: Россбахъ полагаетъ, что ритмическое удареніе первой стопы совершенно подчиняетъ себѣ ритмическое удареніе второй, тогда какъ Шмидтъ почти совсѣмъ уничтожаетъ между ними разницу. Мы въ данномъ вопросѣ должны безусловно стать на сторону Россбаха, потому что какъ было показано нами выше (см. стр. 51), у насъ есть нѣкоторыя данныя, которыя свидѣтельствуютъ въ пользу того, что удареніе, падавшее на второй долгій слогъ дохмія,

имѣло перевѣсъ надъ удареніями двухъ остальныхъ сто долгихъ слоговъ. Допущеніе замѣны втораго долгаго слога дохміи посредствомъ ирраціональнаго долгаго никакъ не можетъ служить доказательствомъ слабости ритмическаго ударенія, лежащаго на предшествующемъ долгомъ слогѣ, такъ какъ оно объясняется перевѣсомъ музыкальнаго элемента надъ поэтическимъ текстомъ.

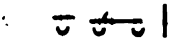
b) **Теоріи, принимающія дохмій за сочетаніе ямба и кретика.** Изъ ученыхъ новаго времени, занимавшихся метрикой, *Бёкъ* первый высказался въ пользу того, что дохмій состоитъ изъ ямба и кретика: Cum antispastica forma, говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи De metris Pindari, coniuncta est dochmiaca, ex iambo et cretico,

frequens apud tragicos, in Pindaricis rarissima: in qua mitigatur arrhythmia subiecto cretico (стр. 148).

Хотя Бёкъ и не указываетъ нигдѣ причины, по которой онъ ставитъ въ связь дохмію съ антиспастами, но ее нетрудно угадать, если вспомнить, что онъ ранѣе говоритъ о такихъ сочетаніяхъ стопъ, въ которыхъ непосредственно сталкиваются между собой два арзиса (часть стопы подъ ритмическимъ удареніемъ). Приведя рядъ примѣровъ подобнаго рода сочетаній и между ними на первомъ мѣстѣ такое:

онъ замѣчаетъ объ нихъ слѣдующее: harum primam formam antispastum vocant veteres: ceterarum tamen omnium eandem esse naturam quis non intelligit (ib. стр. 80)?

Изъ формъ дохмія Бёкъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на тѣхъ, въ которыхъ второй краткій слогъ замѣняется посредствомъ ирраціональнаго долгаго, такъ какъ существованіе этихъ формъ вызвало споръ между Германомъ и Зейдлеромъ, изъ которыхъ первый, опираясь на допущеніе этой замѣны, признавалъ второй краткій слогъ дохмія за анакрузисъ ямбической стопы:



тогда какъ второй считалъ возможнымъ принимать этотъ же слогъ

и за тезисъ (часть стопы, не находящаяся подъ ритмическимъ удареніемъ) трохаической стопы:

⏓ ⏑́ ⏑ | ⏑́ ⏑ ⏓ | ⏑́ ⏑

Mihi tota haec lis videtur nulla esse, говоритъ Бёкъ, quippe si modo continuus rhythmus est, media anceps tum praecedentis, tum sequentis arseos debet esse thesis. Si tamen nomine opus est, quo appelletur hic numerus, _ ⏓ _ non iambum dixerim praemissa longa, hoc est pyrrhichio, sed potius trochaeum cum nova arsi trochaica sine thesi. Apparet hoc ex iis, quae capite secundo dixi de monopodia trochaica. Nam quemadmodum ex trochaica dipodia nascitur creticus purus et rationalis dempta thesi pedis secundi, ⏑́ ⏑ _ | ⏓, sic ex monopodia trochaica duplici, dempta secundi trochaei thesi existit ille creticus, qui est in dochmio, ⏑́ ⏓ ⏑́ | ⏓ estque hic creticus irrationalis, per eandem paracatalogen, cuius saepius mentionem feci: mensura tamen aequalis est rationali, nisi quod in hoc ratio syllabarum duarum priorum est duplex, ⏑́ ⏑ ⏑́ (2 1) in irrationali autem sesquitertia, ⏑́ ⏓ ⏑́ ($\frac{12}{7}$ $\frac{9}{7}$), computatis vero irrationalis huius trochaei duabus syllabis mensura totius pedis est 3 (nam $\frac{12}{7}+\frac{9}{7}=3$) eadem quae rationalis, $2+1=3$. Neque ego statuerim in omni dochmio creticum irrationalem esse: quem certe in Pindaricis non admiserim, ob arrhythmiam nimiam, qua turbat numerum: sed vulgaris dochmius creticum habet uno ordine constantem, irrationalis duobus; unde arsium exigua quaedam nascitur diversitas, quum in rationali vehementior arsis sit in priori longa, infirmior in posteriori, ⏑́ ⏑ ⏑́ in irrationali vero par in utraque, ⏑́ ⏑ ⏑́ cuiusmodi diversitatem in uno eodemque rhythmo et carmine ac passim vel in respondentibus sibi antistrophicorum locis admissam, ut absolutae lyricorum rhythmopoeiae non condono, ita tragicorum arrhythmiae studio inprimis iudico consentaneam (стр. 150 и 151).

Для того, чтобы выяснить себѣ, откуда берутся у Бёка $\frac{12}{7}$ и $\frac{9}{7}$, нужно припомнить, что онъ признаетъ отношеніе арзиса къ тезису въ ирраціональномъ трохеѣ равнымъ 4 : 3 (стр. 106), и сдѣлать

слѣдующій разсчетъ: если мы, исходя изъ указаннаго Бёкомъ отношенія между χρόνοι ποδικοί ирраціональнаго трохея, предположимъ, что первый долгій слогъ въ этой стопѣ равняется 4 частицамъ времени, то второй слогъ въ ней должны признать равнымъ 3 частицамъ; обозначивъ одну частицу времени черезъ x и принявъ въ соображеніе, что длительность всей стопы Бёкъ считаетъ равной 3 χρ. πρ. всякой обыкновенной стопы, нетрудно составить слѣдующее уравненіе:

$$4x + 3x = 3$$

и опредѣлить изъ него, что длительность перваго долгаго слога ирраціональнаго трохея равняется $\frac{12}{7}$ χρ. πρ., а длительность второго $\frac{9}{7}$ χρ. πρ. всякой обыкновенной стопы.

Послѣдователемъ Бёка въ его взглядѣ на дохмій явился *Мункъ* въ своей Die Metrik der Griechen und Römer (1834), которая вообще написана подъ сильнымъ вліяніемъ воззрѣній Бёка.

Мункъ относитъ дохмій въ главу, которая посвящена обозрѣнію стопъ, заключающихъ въ себѣ пять χρ. πρ., и разсматриваетъ его въ двухъ отдѣлахъ этой главы: съ раціональными кретиками онъ разсматриваетъ такія формы дохмія, въ которыхъ второй краткій слогъ не замѣняется ирраціональнымъ долгимъ слогомъ, съ ирраціональными—такія, въ которыхъ этотъ слогъ замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога.

Указывая въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ, въ сочетаніи съ какими ритмическими величинами, принадлежащими по формѣ своихъ стопъ къ инымъ γένη ῥυθμοῦ, чѣмъ кретики, можетъ являться кретическій монометръ, Мункъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе относительно дохмія: Mit vorgesetzter iambischer Basis giebt der Creticus den Dochmius

$$\breve{\smile} \; \acute{-} \; \acute{\breve{\smile}} \; \breve{\smile} \; -$$

Die Composition des Dochmius ist zwar wegen des Zusammenstoszens der Arsen arrhythmisch, doch sind die Theile selber rhythmisch (стр. 89).

Ниже въ отдѣлѣ ирраціональныхъ кретиковъ для насъ имѣютъ значеніе только слѣдующія слова, касающіяся дохмія: Am häufigsten

erscheint er, т. е. der irrationale Creticus, mit vorausgeschicktem Iambus als Dochmius

⏑ – – ⏓ ⊤ (стр. 94).

Послѣ выхода въ свѣтъ Metrik der griechischen Dramatiker und Lyriker Россбаха и Вестфаля взглядъ на дохмій какъ на сочетаніе ямба и кретика нашелъ себѣ поддержку только въ двухъ диссертаціяхъ: Лортцинга De numero dochmiaco (1863) и Лёшгорна Quaestiones metricae (1873).

Такъ какъ древніе метрики, говоря объ дохміи, называютъ его ῥυθμὸς ὀκτάσημος, то *Лортцингъ* при опредѣленіи ритмическаго значенія этого размѣра начинаетъ съ того, что задаетъ себѣ вопросъ, что такое разумѣется у Аристоксена подъ именемъ ῥυθμὸς и рѣшаетъ его такъ: Аристоксенъ употребляетъ слово ῥυθμὸς какъ по отношенію къ отдѣльнымъ стопамъ, такъ и по отношенію къ цѣлымъ сочетаніямъ стопъ, составляющимъ одно цѣлое. Число χρ. πρ. въ одной стопѣ, продолжаетъ онъ, не можетъ быть больше пяти, въ сочетаніи—меньше шести. Отношеніе между арзисомъ и тезисомъ въ сочетаніи, состоящемъ изъ нѣсколькихъ стопъ, должно принадлежать къ одному изъ трехъ родовъ, которые мы находимъ въ простыхъ стопахъ. Въ сохранившихся отрывкахъ сочиненія Аристоксена о ритмѣ это ученіе доведено только до μέγεθος ὀκτάσημον, а далѣе возстановлено только по догадкѣ Вестфалемъ, съ которымъ Лортцингъ объявляетъ себя согласнымъ.

Показавъ, какое значеніе должно имѣть слово ῥυθμός въ приложеніи къ дохмію, Лортцингъ на основаніи показаній объ этомъ размѣрѣ Schol. vet. ad Aesch. Sept. 128 (120 W). Eym. M. стр. 285, Schol. Heph. стр. 61 (185 W) слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ его ритмическое значеніе: dochmius... ῥυθμὸς σύνθετος ὀκτάσημος est, compositus ex duobus numerorum generibus, atque ita insignis rhythmica mutatione (стр. 10). Такая перемѣна ритмическаго движенія, которую мы находимъ въ дохміи, должна быть названа γενικὴ ῥυθμοῦ μεταβολή; но она не можетъ служить главной отличительной чертой дохмія, такъ какъ мы находимъ ее и въ другихъ размѣрахъ.

Для того, чтобы опредѣлить, въ чемъ заключается разница между дохміемъ и другими однородными сочетаніями стопъ, Лортцингъ

указываетъ, что, по ученію Аристоксена, моменты времени, смотря по тому, въ какомъ они находятся порядкѣ, бываютъ или χρόνοι ἔῤῥυθμοι или ἄῤῥυθμοι, а, по ученію Аристида Квинтиліана, они могутъ быть еще сверхъ того и ῥυθμοειδεῖς. Правда, Вёстфаль совершенно не допускаетъ, чтобы въ составѣ ритмики входили χρόνοι ἄῤῥυθμοι, но Лортцингъ болѣе склоненъ держаться мнѣнія Бёка, который высказалъ по поводу ихъ слѣдующую мысль: ut in melopoeia dissonantia ipsa late patet, ita a numeris in promptu est non omnem posse arrhythmiam excludi (стр. 13).

Приведя затѣмъ возстановленное Вестфалемъ дѣленіе стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί и δόχμιοι и сославшись на Schol. Heph. стр. 60 (185 W), Etym. M. стр. 285 и на слѣдующія слова Аристида Квинтиліана: μερίζω τὴν ὀκτάδα πάλιν εἰς τριάδα καὶ πεντάδα, οὐδ' οὕτως ἔσται ῥυθμικὸς λόγος, Лортцингъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: decemur... in dochmio inesse διαίρεσιν τριάδος πρὸς πεντάδα, quam rationem... reprehensum est ἄῤῥυθμον esse, soli enim numerosi sunt λόγοι ἴσος, διπλάσιος, ἡμιόλιος (стр. 13 и 14). Такимъ образомъ дохмій отличается отъ остальныхъ сложныхъ стопъ, въ которыхъ происходитъ также μεταβολὴ ῥυθμοῦ, тѣмъ, что χρόνοι ποδικοί его являются ἄῤῥυθμοι.

Послѣ этого Лортцингъ, замѣтивъ, что дохміи встрѣчаются не только у трагическихъ поэтовъ, но и у Пиндара и другихъ лириковъ, опредѣляетъ разницу между дохміями тѣхъ и другихъ. Разница эта состоитъ въ томъ, что въ дохміяхъ лирическихъ поэтовъ стопы, на которыя дѣлится этотъ размѣръ и которыя принадлежатъ къ различнымъ γένη ῥυθμοῦ, дѣлались по своей длительности равными другъ другу благодаря различному темпу или, какъ говорили Греки, ἀγωγή, съ которымъ они исполнялись.

Въ дохміяхъ трагическихъ поэтовъ такого уравненія не происходило, что подтверждается свидѣтельствомъ Аристида Квинтиліана стр. 39 и 99 (26 и 60 J) и Sch. Heph. стр. 60 (185 W).

Въ заключеніе Лортцингъ на основаніи всего вышесказаннаго даетъ такое полное опредѣленіе ритмическаго значенія дохмія, употребляемаго трагическими поэтами: ῥυθμὸς σύνθετος ὀκτάσημος compositus ex iambo et cretico, cuius ratio, τριὰς πρὸς πεντάδα, ἄῤῥυθμος est, insignis temporis mutatione non exaequata ductu et summa solutionum et syllabarum irrationalium licentia (стр. 16).

Работа *Лёшгорна* носитъ полемическій характеръ: авторъ ея нападаетъ на различные пункты сочиненія Г. Шмидта Die Kunstformen per griechischen Poesie und ihre Bedeutung. Дохмія онъ касается только мимоходомъ и излагаетъ свой взглядъ на него въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Equidem censeo, ut de hac re, t. e. quanam ratione dochmiaci versus sint accipiendi, iudicium feratur, respiciendum esse locum Arist. Quint. p. 39, ubi dochmiacus pes ⏑ – | – ⏑ – ita diudicatur, ut rationem numerorum 3 : 5 prae se ferens habeatur compositus ex iambo et cretico. Нѣсколькими строками ниже онъ продолжаетъ такъ: Omnino de versuum dochmiacorum natura dubitare non iam poterimus, si diligenter nobiscum reputaverimus, eos ita esse accipiendos, ut habeantur compositi ex iambo et dipodia trochaica catalectica. Hoc modo si de dochmio iudicamus, paene ad Aristid. Quint. p. 39 sententiam nos accedere per se apparet. Cui opinioni non repugnat IX, 4, 97, ubi dochmiacus versus habetur compositus ex bacchio et iambo. Reicienda contra est opinio scholiastae ad Aeschyl. sept. 103 et 126 et Heph. p. 55, qua dochmius ad antispasticum numerum refertur, ita ut habeatur monometer antispasticus hypercatalecticus, quum antispasticus numerus ab Heliodoro primo excogitatus et a posteris sola eius auctoritate probatus sit (стр. 15 и 16).

Изъ показаній, идущихъ изъ древности, ученые новаго времени, которые дѣлятъ дохмій на ямбъ и кретикъ, могутъ опереться только на свидѣтельство М. Фабія Квинтиліана, которое впрочемъ никто изъ нихъ не приводитъ, не считая его, повидимому, достаточно авторитетнымъ въ данномъ вопросѣ, и на переданное намъ Аристидомъ Квинтиліаномъ ученіе метриковъ, носящихъ у него названіе οἱ συμπλέκοντες, на которое ссылаются Лортцингъ и Лёшгорнъ.

Но ученіе этихъ метриковъ, расходящееся въ нѣкоторыхъ вопросахъ съ дошедшими до насъ отрывками ритмики Аристоксена не можетъ имѣть въ нашихъ глазахъ достаточно доказательной силы при существованіи не возбуждающаго ни съ какой стороны сомнѣній свидѣтельства неизвѣстныхъ ритмиковъ схолій къ Гефестіону и Etym. M., которые дѣлятъ дохмій на арзисъ въ три χρ. πρ. и тезисъ въ пять. Дѣленіе дохмія на эти величины тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего предпочтенія передъ дѣленіемъ на ямбъ и кретикъ, что арзисъ дохмія, имѣющій форму ямба, легко могъ быть принятъ

за стопу этого имени, а связь его съ краткимъ слогомъ, не замѣнимымъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, имѣющій форму кретика, также могъ быть признанъ за самостоятельную стопу, носящую это имя, а не обратно. Правда, Лортцингъ кромѣ Аристида Квинтиліана указываетъ еще на схоліи къ Эсхилу и Гефестіону и Etym. M.; но въ схоліяхъ къ Эсхилу дѣленіе дохмія на составныя части вовсе не дано, а въ схоліяхъ къ Гефестіону и Etym. M. онъ раздѣленъ не на отдѣльныя стопы, а на χρόνοι ποδικοί, которые какъ таковые названы τριάς и πεντάς.

Но и помимо ненадежности Аристида Квинтиліана въ вопросѣ о ритмическомъ значеніи дохмія у насъ есть нѣкоторыя данныя, которыя заставляютъ насъ отказаться отъ мысли дѣлить дохмій на ямбъ и кретикъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы признаемъ справедливымъ дѣленіе дохмія на ямбъ и кретикъ, то допустимъ черезъ это, что за частью одной стопы, на которую падаетъ ритмическое удареніе, непосредственно слѣдуетъ часть другой стопы также подъ ритмическимъ удареніемъ. Но, допуская это, мы становимся въ противорѣчіе съ понятіемъ о ритмѣ какъ о правильномъ чередованіи сильныхъ и слабыхъ моментовъ времени, которое нашло себѣ выраженіе между прочимъ въ слѣдующихъ словахъ Аристоксена: τὸν ῥυθμὸν γίνεσθαι, ὅταν ἡ τῶν χρόνων διαίρεσις τάξιν τινὰ λάβῃ ἀφωρισμένην, οὐ γὰρ πᾶσα χρόνων τάξις ἔνρυθμος. Πιθανὸν μὲν οὖν καὶ χωρὶς λόγου, τὸ μὴ πᾶσαν χρόνων τάξιν εὔρυθμον εἶναι (стр. 410 20—23 M).

Лортцингъ, предвидя возможность возраженія на свое объясненіе ритмическаго значенія дохмія, ссылается на слова Бёка, который высказываетъ мысль, что иногда даже въ произведеніяхъ, подчиненныхъ законамъ ритма, должно быть допускаемо нарушеніе ихъ, и указываетъ, что дохмій представляетъ одинъ изъ частныхъ случаевъ этого правила. Но мы не можемъ согласиться ни съ ученіемъ Бёка, ни съ приложеніемъ этого ученія у Лортцинга, такъ какъ оно не можетъ быть оправдано ни показаніями древнихъ, ни какими-либо другими данными.

Несостоятельнымъ оказывается дѣленіе дохмія на ямбъ и кретикъ также потому, что посредствомъ его не всегда можетъ быть объяснено допущеніе замѣны перваго краткаго слога дохмія посред-

стромъ ирраціональнаго долгаго и никогда—допущенія замѣны второго краткаго.

Какъ извѣстно, первый краткій слогъ дохмія свободно замѣняется посредствомъ ирраціональнаго долгаго. Если мы будемъ держаться того мнѣнія, что этотъ краткій слогъ съ послѣдующимъ долгимъ представляетъ ямбическую стопу, то ирраціональный долгій слогъ, являющійся взамѣнъ его въ началѣ стиха, можетъ быть вполнѣ безукоризненно объясненъ какъ анакрузисъ. Но въ томъ случаѣ, когда такой ирраціональный долгій слогъ допускается въ такомъ дохміи, который является въ серединѣ члена (κῶλον), то тогда такое объясненіе не можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ, такъ какъ за анакрузисъ можно принимать одинъ только первый слогъ ямбической стопы въ стихѣ, иначе каждый краткій слогъ ямбической стопы могъ бы быть замѣняемъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога, между тѣмъ какъ мы этого не находимъ.

Случай замѣны втораго краткаго слога предусмотренъ только Бёкомъ и Мункомъ.

Первый изъ нихъ высказываетъ мысль, что кретикъ съ краткимъ слогомъ образовался изъ трохаической диподіи, въ которой арзисъ первой стопы выраженъ посредствомъ краткаго слога, а арзисъ второй не выраженъ ничѣмъ, тогда какъ кретикъ съ ирраціональнымъ долгимъ слогомъ, замѣняющимъ краткій слогъ, образовался изъ двойной трохаической моноподіи, въ которой арзисъ первой стопы выраженъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога, а арзисъ второй также ничѣмъ не выраженъ. Но допуская, что какая либо стопа можетъ состоять изъ одного тезиса, не заключающаго въ себѣ въ качествѣ χρόνος παρεκτεταμένος болѣе двухъ χρ. πρ., мы предполагаемъ, что возможна стопа, состоящая всего изъ двухъ χρ. πρ.; между тѣмъ это предположеніе совершенно противорѣчитъ слѣдующимъ словамъ Аристоксена, въ которыхъ онъ выразительно замѣчаетъ, что стопа, состоящая только изъ двухъ χρ. πρ., невозможна: ὅτι μὲν οὖν ἐξ ἑνὸς χρόνου ποὺς οὐκ ἂν εἴη φανερόν, ἐπειδήπερ ἓν σημεῖον οὐ ποιεῖ διαίρεσιν χρόνου· ἄνευ γὰρ διαιρέσεως χρόνου ποὺς οὐ δοκεῖ γίνεσθαι (413з—6 М.).

Но допустимъ, что часть стопы, не носящая на себѣ ритмическаго ударенія, можетъ оставаться не выраженной особымъ слогомъ или слогами и не замѣненной посредствомъ протяженія или паузы, и

все-таки мы не можемъ согласиться съ Бёкомъ въ томъ, чтобы кретикъ съ ирраціональнымъ долгимъ слогомъ, замѣняющимъ его краткій слогъ, могъ произойти изъ двойной троханческой монополіи. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ посмотримъ, что говоритъ этотъ ученый объ одинарной и двойной троханческой монополіи, и какіе онъ даетъ примѣры той и другой: Prima... trochaici numeri forma est monopodia ⏑̄ ⏑̆, quam initio versus positam vocant basim: sed reperitur etiam in mediis versibus aliis praefixa rhythmis: item in fine, ubi possis appellare ecbasin... Ea vero aut semel ponitur... aut bis (De metr. Pind. стр. 112). Послѣ этого онъ указываетъ въ видѣ примѣра различные стихи, въ которыхъ является двойная троханческая монополія въ различныхъ формахъ. Заканчиваетъ онъ вопросъ объ ней такъ: Harum formarum aliae rationalem trochaeum, aliae irrationalem repraesentant. Irrationalis si habet catalexin haec est:

⏑̄ ⏑̆ ⏑̄

de qua alius dicendi erit locus (ib. стр. 113).

Разсмотримъ сперва тѣ примѣры двойной троханческой монополіи, которые Бёкъ беретъ изъ Пиндара. Примѣры этой монополіи въ формѣ:

× ⏑̆ × ⏑̆

онъ видитъ въ Pyth. VIII, str. 5. Nem. IV, 3, 5. VI, st. 2. Въ Pyth. VIII, str. 5 стихѣ мы не будемъ имѣть нужды отступать отъ совершенно ясно выраженнаго дѣленія на диподіи, если примемъ ирраціональный слогъ за анакрузисъ, являющійся въ началѣ члена:

⏑̄ ⏑̆ ⏑̆ ⏑̄ | ⏑̄, ⏑̆ ⏑̄ ⏑̆ | ⏑̄ ⏑̆ ⏑̆ ⏑̄ ⏑̆ | ⏑̄

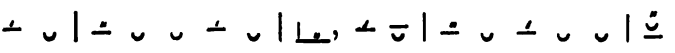
Точно также объясняется ирраціональность слога въ Nem. IV, 3:

– ⁞ ⏑̄ ⏑̆ ⏑̄ ⏑̆ ⏑̆ | ⏑̄ ⏑̄, ⏑̆ | ⏑̄ ⏑̆ ⏑̄ ⏑̆ ⏑̆ | ⏑̄

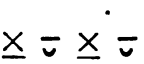
хотя и безъ того достаточнымъ оправданіемъ для нея служитъ то, что она является въ стопѣ подъ второстепеннымъ ритмическимъ удареніемъ. Въ первой стопѣ пятаго стиха той же оды допущенъ ирраціональный долгій слогъ какъ въ базисѣ логаэдическаго члена:

⏑̄ ⏑̆ ⁞ ⏑̄ ⏑̆ ⏑̄ ⏑̆ ⏑̆ | ⏑̄, ⏑̆ ⏑̄ ⏑̆ ⏑̆ | ⏑̄ ⏑̆ ⏑̄ ∧

Такъ же объясняется ирраціональность первой стопы второго члена Nem. VI str. 2:



если только не слѣдуетъ предпочесть исправленіе текста, которое устраняетъ ее, въ единственномъ стихѣ, гдѣ она является (61 Chr.). Примѣръ двойной монодіи въ формѣ:



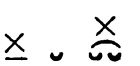
указанъ только въ Nem. IV, 6:

но такъ какъ вторая стопа является ирраціональной только въ одномъ стихѣ изъ двѣнадцати строфъ (ст. 70):

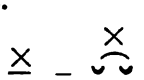
αὖτις Εὐρώπαν ποτὶ χέρσον ἔντεα ναός

то многіе издатели различнымъ образомъ исправляютъ этотъ стихъ; наиболѣе удачная поправка, по моему мнѣнію, предложена Э. Шмидтомъ, который читаетъ Εὐρίαν вмѣсто Εὐρώπαν. При такомъ чтеніи первая стопа представляетъ изъ себя базисъ въ v. glyconius III:

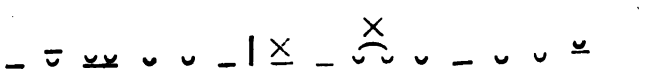
совершенно свободно допускающемъ дѣленіе на диподіи. Примѣръ двойной монодіи въ формѣ:



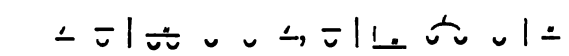
показанъ въ Nem. VII str. 4. Но въ этомъ сочетаніи рѣшительно нѣтъ ничего такого, почему мы должны были бы принимать его за двойную монодію, а не за простую диподію. Двойную монодію въ формѣ:



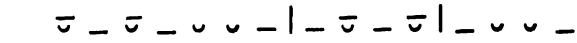
Бёкъ находитъ въ Pyth. XI str. 4:



но всякая необходимость прибѣгать къ двойной монодіи окажется излишней при такомъ объясненіи этого стиха:

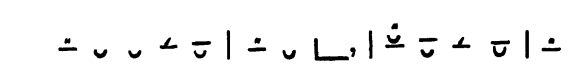


Что касается стиховъ, не принадлежащихъ Пиндару, то Бёкъ ссылается на одинъ видъ v. priapeus, на v. eupolideus, cratineus и epionicus polyschematisti. Но ирраціональность въ v. epionicus polyschematistus:



мы можемъ весьма легко объяснить при слѣдующемъ расположеніи ритмическихъ ударені̆ и дѣленіи на члены:

не вводя въ этотъ стихъ двойной монодіи. По поводу трехъ остальныхъ мы должны замѣтить, что хотя при дѣленіи ихъ на диподіи одно изъ главныхъ ритмическихъ ударені̆ въ стихѣ будетъ падать на стопу, допускающую ирраціональную форму, однако мы должны примириться съ этимъ фактомъ по отношенію къ v. eupolideus и cratineus въ виду того, что въ каждомъ изъ членовъ, входящихъ въ ихъ составъ, заключается четное число стопъ, и послѣдняя диподія является въ совершенно правильной формѣ:



а по отношенію къ v. priapeus въ виду того, что онъ по своему составу отличается отъ трехъ другихъ видовъ того же стиха только положеніемъ дактилической стопы въ членахъ, изъ которыхъ онъ состоитъ:

Появленіе ирраціональности въ этихъ стихахъ подъ главнымъ ритмическимъ удареніемъ въ диподіи объясняется слѣдующимъ образомъ: такъ какъ v. eupolideus и cratineus не встрѣчаются ни въ монодической, ни въ хоровой лирикѣ, а v. priapeus въ приведенной Бё-

комъ формѣ является въ монодической лирикѣ только у александрійскаго поэта Евфоріона, то отсюда мы можемъ заключить, что во всѣхъ трехъ этихъ стихахъ ирраціональный слогъ въ ненадлежащемъ мѣстѣ допущенъ въ виду преобладанія музыки надъ текстомъ. Такимъ образомъ, ни одинъ изъ приведенныхъ Бёкомъ стиховъ не дѣлится на моноподіи, вслѣдствіе чего оказывается несостоятельнымъ и его объясненіе ирраціональности второго краткаго слога дохмія. Но если есть, какъ это можно предполагать, такіе трохаическіе стихи, которые дѣлятся на моноподіи, то эти моноподіи должны являться въ чистомъ видѣ, иначе ритмическое движеніе въ стихѣ будетъ казаться невполнѣ отчетливымъ для нашего слуха.

Далѣе, нельзя согласиться въ теоріи Бёка съ тѣмъ опредѣленіемъ длительности арзиса и тезиса въ ирраціональной трохаической стопѣ, какое онъ даетъ, такъ какъ оно находится въ противорѣчіи съ слѣдующимъ показаніемъ Аристоксена относительно этого вопроса: Ὥρισται δὲ τῶν ποδῶν ἕκαστος ἤτοι λόγῳ τινὶ ἢ ἀλογίᾳ τοιαύτῃ, ἥτις δύο λόγων γνωρίμων τῇ αἰσθήσει ἀνὰ μέσον ἔσται. Γένοιτο δ' ἂν τὸ εἰρημένον ὧδε καταφανές· εἰ ληφθείησαν δύο πόδες, ὁ μὲν ἴσον τὸ ἄνω τῷ κάτω ἔχων καὶ δίσημον ἑκάτερον, ὁ δὲ τὸ μὲν κάτω δίσημον, τὸ δὲ ἄνω ἡμισυ, τρίτος δέ τις ληφθείη ποὺς παρὰ τούτους, τὴν μὲν βάσιν ἴσην αὖ τοῖς ἀμφοτέροις ἔχων, τὴν δὲ ἄρσιν μέσον μέγεθος ἔχουσαν τῶν ἄρσεων. Ὁ γὰρ τοιοῦτος ποὺς ἄλογον μὲν ἕξει τὸ ἄνω πρὸς τὸ κάτω· ἔσται δ' ἡ ἀλογία μεταξὺ δύο λόγων γνωρίμων τῇ αἰσθήσει, τοῦ τε ἴσου καὶ τοῦ διπλασίου. Καλεῖται δ' οὗτος χορεῖος ἄλογος (Aristox. стр. 413 29—87—414 1—2 M). Отсюда ясно, что по Аристоксену первый долгій слогъ ирраціональнаго спондея, замѣняющаго трохей, заключаетъ въ себѣ два χρ. πρ., а второй—полтора, ср. Westphal, Gr. Rhythm.[3] стр. 131 и сл.

Наконецъ, не можемъ мы признать справедливымъ замѣчанія Бёка о томъ, что если въ кретикѣ, входящемъ въ составъ дохмія, краткій слогъ замѣняется посредствомъ ирраціональнаго долгаго, то ритмическое удареніе, которое падаетъ на первый долгій слогъ такого кретика, бываетъ равно по своей силѣ съ ритмическимъ ударе-ніемъ, лежащимъ на второмъ долгомъ слогѣ этой стопы. Такое предположеніе заставляетъ насъ допустить, какъ это, впрочемъ, замѣчаетъ и самъ Бёкъ, что въ такихъ стихахъ, въ которыхъ дохміи являлись съ замѣненнымъ и не замѣненнымъ посредствомъ ирраціональнаго

долгаго слога вторымъ краткимъ слогомъ, происходило нарушеніе правильности ритмическаго движенія по отношенію къ главнымъ ритмическимъ удареніямъ. Между тѣмъ мы не только не находимъ аналогическихъ явленій въ греческой ритмикѣ, но, напротивъ того, изъ недопущенія въ трохаическихъ стихахъ ирраціональнаго спондея и протяженія долгаго слога въ χρόνος τρίσημος подъ главнымъ ритмическимъ удареніемъ можемъ заключить, что Греки всячески стремились къ тому, чтобы не затемнить разницы между главнымъ и второстепеннымъ удареніемъ и сдѣлать ясной правильную смѣну ихъ.

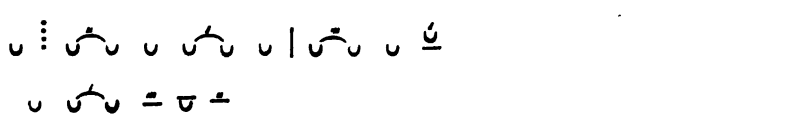
Мункъ, хотя и держится вообще взглядовъ Бёка, но не производитъ подобно этому послѣднему кретиковъ изъ трохеевъ и потому ограничивается только тѣмъ, что указываетъ въ отдѣлѣ, предназначенномъ для ирраціональныхъ кретиковъ, когда они употребляются. По его наблюденіямъ, ирраціональный кретикъ является главнымъ образомъ въ соединеніи съ ямбомъ въ дохміи и затѣмъ въ различныхъ сочетаніяхъ этого послѣдняго съ отдѣльными стопами и самыми разнообразными ритмическими величинами. Здѣсь мы ожидали бы найти только такія формы дохмія и такія ритмическія величины, въ составъ которыхъ входитъ только кретикъ съ ирраціональнымъ долгимъ слогомъ, замѣняющимъ его краткій слогъ; но Мункъ разсматриваетъ въ данномъ мѣстѣ всѣ тридцать двѣ формы дохмія съ замѣненнымъ и не замѣненнымъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога вторымъ краткимъ слогомъ его и затѣмъ ниже въ числѣ различныхъ величинъ съ ирраціональнымъ долгимъ слогомъ въ кретикѣ, замѣняющимъ его краткій слогъ, приводитъ и такія, въ которыхъ этотъ слогъ не замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго. Поэтому мы не будемъ касаться никакихъ формъ дохмія, такъ какъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ второй краткій слогъ замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, не могутъ служить доказательствомъ существованія ирраціональнаго кретика. Точно также оставимъ безъ разсмотрѣнія и такія ритмическія величины, въ корыхъ краткій слогъ кретика не замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, а остановимся на разборѣ такихъ примѣровъ, въ составѣ которыхъ Мункъ указываетъ кретикъ съ ирраціональнымъ долгимъ слогомъ, замѣняющимъ краткій слогъ его, будетъ ли этотъ кретикъ являться самостоятельно или какъ часть дохмія, который распространенъ посредствомъ какой-нибудь ритмической величины.

Но предварительно должно замѣтить, что древніе метрики въ числѣ ирраціональныхъ стопъ не приводятъ кретика, а потому мы не можемъ отнестись съ особеннымъ довѣріемъ къ тѣмъ примѣрамъ употребленія этой стопы, которые указываетъ Мункъ.

Въ числѣ стиховъ, которые Мункъ признаетъ за дохмій съ предшествующимъ ямбомъ, упомянуты Eur. Phoen. 1287 и 1288:

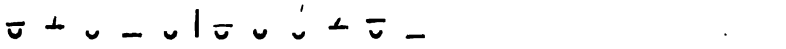
ἔλεος ἔλεος ἔμολε ματέρος δειλαίας
δίδυμα τέκεα πότερος ἄρα πότερον αἱμάξει

Но первый изъ этихъ стиховъ не заключаетъ въ себѣ ирраціональнаго кретика, такъ какъ въ словѣ δειλαίας, какъ это видно изъ соотвѣтствующаго стиха антистрофы, слогъ - αι - долженъ считаться краткимъ, ср. Christ, Metrik² стр. 26 и сл. Westphal, Metrik³ III, 1 стр. 132; второй же стихъ долженъ быть раздѣленъ на неусѣченный ямбическій диметръ и дохмій:



δίδυμα τέκεα πότερος ἄρα
πότερον αἱμάξει.

За дохмій съ предшествующимъ трохаическимъ монометромъ съ анакрузисомъ Мункъ признаетъ Aesch. Prom. 580 (603 W):



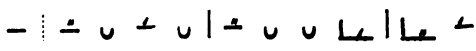
οἰστρηλάτῳ δὲ δείματι δειλαίαν.

Такъ какъ соотвѣтствующій стихъ антистрофы (625 W) таковъ:

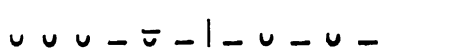
σκιρτημάτων δὲ νήστισιν αἰχίαις,

то мы не можемъ признать - αι - въ δειλαίαν за краткій слогъ и, слѣдовательно, кретикъ, входящій въ составъ дохмія, является ирраціональнымъ. Но съ точки зрѣнія современной метрики, сдѣлавшей большой шагъ впередъ послѣ выхода въ свѣтъ работъ Россбаха и Вестфаля сравнительно съ тѣмъ состояніемъ этой науки, въ какомъ

она находилась при Бёкѣ и Мункѣ, разсматриваемый стихъ долженъ быть признанъ усѣченнымъ на стопу логаэдическимъ триметромъ съ анакрузисомъ:



Дохмій съ послѣдующей усѣченной троханческой триподіей, по мнѣнію Мунка, представляетъ Aesch. Sept. 566 (553 W):



ἀνοσίων ἀνδρῶν εἴθε γὰρ θεοὶ

Но если мы, основываясь на дѣленіи стиховъ въ M. и на общемъ характерѣ размѣра, отнесемъ къ разсматриваемому стиху изъ предыдущаго κλύουσ' [1]) и отдѣлимъ отъ него къ послѣдующему слово θεοί, то получимъ дохмическій диметръ:

κλύουσ' ἀνοσίων ἀνδρῶν εἴθε γάρ.

Нельзя также думать вмѣстѣ съ Мункомъ, что стихи Eur. Phoen. 104 (105 N):

ποδὸς ἴχνος ἐπαντέλλων

и id. Hel. 690:

γάμον ἄγαμον αἰσχύνᾳ

представляютъ неусѣченные кретическіе диметры, такъ какъ гораздо надежнѣе принять первый изъ этихъ стиховъ за дохмическій монометръ, отдѣливъ отъ него, какъ мы это находимъ въ рукописяхъ, слово ποδός и присоединивъ его къ предыдущему стиху, который вслѣдствіе этого образуетъ усѣченный логаэдическій диметръ. Что касается второго изъ разсматриваемыхъ нами стиховъ, то, повидимому, слово αἰσχύνᾳ попало въ него по ошибкѣ со стиха 688; поэтому мы можемъ признать справедливымъ исправленіе его Германомъ и Диндорфомъ, которые это слово замѣняютъ по-

[1]) κλύουσ' чесс.: κλύων M.

средствомъ ἐμόν, вслѣдствіе чего онъ образуетъ правильный дохмическій монометръ.

Стихи Eur. Or. 171 и 172=192 и 193, которые читаются въ рукописяхъ слѣдующимъ образомъ:

στρ. πάλιν ἀνὰ πόδα σὸν εἰλίξεις
μεθεμένα κτύπου
ἀντ. μέλεον ἀπόφονον αἷμα δοὺς
πατροφόνου ματρός

Мункъ дѣлитъ на дохмій и еще другой дохмій съ предшествующимъ кретикомъ:

στρ. πάλιν ἀνὰ πόδα σὸν
εἰλίξεις μεθεμένα κτύπου
ἀντ. μέλεον ἀπόφονον
αἷμα δοὺς πατροφόνου ματρός

Но дохмій въ такой формѣ съ предшествующимъ кретикомъ нигдѣ не встрѣчается; поэтому всѣ новѣйшіе издатели, сохраняя рукописное дѣленіе на стихи, дѣлаютъ въ строфѣ слѣдующую перестановку, предложенную Порсономъ, которой возстановляется полное соотвѣтствіе между схемой строфы и антистрофы:

μεθεμένα κτύπου πόδα σὸν εἰλέξεις;

Эта перестановка даетъ возможность разсматривать приведенные стихи какъ неусѣченный ямбическій диметръ, который весьма часто является въ составѣ дохмическихъ строфъ, и дохмическій монометръ:

στρ. πάλιν ἀνὰ μεθεμένα κτύπου
πόδα σὸν εἰλίξεις.
ἀντ. μέλεον ἀπόφονον αἷμα δοὺς
πατροφόνου ματρός.

Было бы явленіемъ не имѣющимъ аналогіи и несоотвѣтственнымъ съ общимъ характеромъ ритмическаго движенія въ строфѣ, если бы мы Eur. El. 1149=1157

ἔπεσεν ἐμὸς ἐμὸς ἀρχέτας
χρόνιον ἰκόμενον εἰς οἴκους

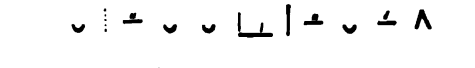
слѣдуя Мунку, раздѣлили на двѣ части: на дохмій и кретикъ, такъ чтобы этотъ послѣдній вводилъ новую систему. Поэтому мы можемъ произвести въ антистрофѣ предложенную Вейлемъ перестановку, которая оправдывается возстановленіемъ полнаго соотвѣтствія между схемой строфы и антистрофы, взявъ изъ конца предыдущаго стиха слова ἀ πόσιν и замѣнивъ ихъ посредствомъ εἰς οἴκους. Переставивъ такимъ образомъ слова, мы можемъ разсматривать данный стихъ какъ неусѣченный ямбическій диметръ:

ἔπεσεν ἐμὸς ἐμὸς ἀρχέτας
χρόνιον ἰχόμενον ἀ πόσιν

Въ Soph. O. C. 117=149:

ὅρα· τίς ἄρ' ἦν; ποῦ ναίει;
ἐή, ἀλαῶν ὀμμάτων

слово ναίει должно читаться съ краткимъ -αι-, ср. стр. 85. Кромѣ того мы не должны вопреки чтенію рукописей въ приведенномъ стихѣ отдѣлять словъ ὅρα въ строфѣ и ἐή въ антистрофѣ, какъ это дѣлаетъ Мункъ, считая его за сочетаніе анапеста съ кретикомъ, такъ какъ онъ представляетъ совершенно правильный логаэдическій диметръ, вполнѣ согласный съ общимъ характеромъ ритмическаго движенія въ строфѣ:



Для того, чтобы возстановить полное соотвѣтствіе въ схемѣ стиха строфы и антистрофы Eur. Or. 168=189, которые въ рукописяхъ читаются такъ:

θωύξασ' ἔβαλες ἐξ ὕπνου
οὐδὲ γὰρ πόθον ἔχει βορᾶς

мы только должны рукописное οὐδὲ измѣнить или въ οὐδὲν, какъ предлагаетъ Мусграве, или въ οὐ δή, какъ предлагаетъ Диндорфъ; тогда разсматриваемый стихъ будетъ представлять изъ себя встрѣчающееся иногда въ составѣ дохмическихъ строфъ распространеніе дохмія посредствомъ кретика, а не совершенно не имѣющее анало-

гіи обратное сочетаніе этихъ стопъ, которое видитъ въ немъ Мункъ

Также мало можемъ мы согласиться съ даваемымъ Мункомъ объясненіемъ ритмическаго значенія Soph. El. 1239 и 1240=1260 и 1261:

στρ. ἀλλ' οὐ τὰν Ἄρτεμιν
τὰν αἰὲν ἀδμήταν
ἀντ. τίς οὖν ἂν ἀξίαν
γε σοῦ πεφηνότος

которые онъ принимаетъ за кретики, предшествуемые трохаическимъ базисомъ съ анакрузисомъ. Для того, чтобы добиться необходимаго здѣсь соотвѣтствія въ схемѣ стиховъ строфы и антистрофы, мы должны отступить отъ чтенія рукописей, котораго держится Мункъ, и уничтожить въ первомъ стихѣ антистрофы совершенно излишнее ἄν, такъ какъ ниже оно стоитъ еще разъ при глаголѣ; будучи исправленъ такимъ образомъ, этотъ стихъ представляетъ изъ себя дохмическій монометръ. Въ виду того, что соотвѣтствующій стихъ строфы также долженъ быть дохмическимъ монометромъ, надобно замѣнить въ немъ рукописное ἀλλ' οὐ посредствомъ μὰ, какъ это предлагаетъ Гартунгъ. Ритмическое значеніе второго стиха станетъ для насъ совершенно яснымъ, если мы будемъ читать вмѣстѣ съ Блейдсомъ стихъ строфы τὰν ἀδμῆτ' ἀεί вмѣсто τὰν αἰὲν ἀδμήταν, а въ стихѣ антистрофы потавимъ γε на мѣсто σοῦ, какъ это дѣлаетъ Зейдлеръ.

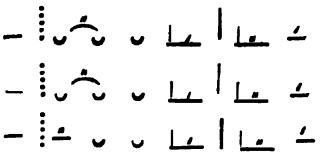
Наконецъ, не могутъ быть признаны за кретическіе диметры, какъ это думаетъ Мункъ, Eur. Phoen. 320 и 321:

ἢ ποθεινὸς φίλοις
ἢ ποθεινὸς Θήβαις

Въ нихъ мы можемъ или замѣнить Θήβαις посредствомъ πόλει, какъ предлагаетъ Геель, признавъ, что первое попало въ текстъ на мѣсто второго изъ пояснительной глассы, или уничтожить ἢ, какъ предлагаетъ Зейдлеръ, благодаря чему мы получимъ два дохмическихъ монометра, которымъ предшествуютъ и за которыми слѣдуютъ также дохмическіе стихи. Точно также не могутъ быть признаны за кретическіе диметры и Soph. Trach. 846 —848=857—859:

στρ. ἦ που ὁλοὰ στένει,
ἦ που ἀδινῶν χλωρὰν
τέγγει δακρύων ἄχναν
ἀντ. ἃ τότε θοὰν νύμφαν
ἄγαγες ἀπ' αἰπεινᾶς
τάνδ' Οἰχαλίας αἰχμᾷ.

Если мы для возстановленія соотвѣтствія въ схемѣ между первымъ стихомъ строфы и антистрофы примемъ предлагаемую Блейдсомъ замѣну στένει черезъ αἰάζει, которую оправдываетъ и аналогія въ построеніи двухъ другихъ стиховъ, составляющихъ съ первымъ одинъ періодъ, то ритмическое значеніе всѣхъ ихъ будетъ таково:



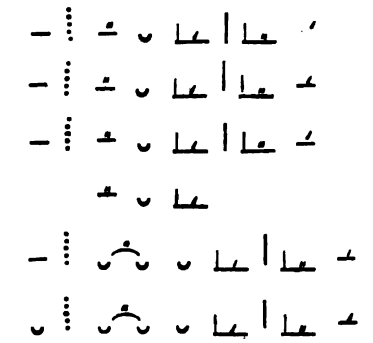
Для того, чтобы дать правильное съ точки зрѣнія современной ритмики толкованіе стиховъ Soph. El. 510—515:

παγχρύσων ἐκ δίφρων
δυστάνοις αἰκίαις
πρόῤῥιζος ἐκριφθείς,
οὔτι πω
ἔλιπεν ἐκ τοῦδ' οἴκου
πολύπονος αἰκία

которые Мункъ признаетъ за усѣченные кретическіе диметры съ анакрузисомъ, мы должны сдѣлать въ нихъ слѣдующія исправленія, оправдываемыя одинаковымъ составомъ предшествующихъ стиховъ тогоже эпода: παγχρύσων замѣнить, какъ предлагаетъ Германъ, посредствомъ παγχρυσέων, δυστάνοις согласно Науку — посредствомъ δύστανος, вмѣсто ἔλιπεν ἐκ τοῦδ' οἴκου (или οἴκους), какъ читается въ рукописяхъ, поставить ἔλειπε τούσδ' οἴκους, какъ предлагаетъ Гледичъ. Подвергнувшись такимъ исправленіямъ, текстъ будетъ имѣть слѣдующее ритмическое значеніе:

παγχρυσέων δίφρων
δύστανος αἰκίαις

πρόῤῥιζος ἐκριφθείς,
οὔτι πω
ἔλειπε τούςδ' οἴκους
πολύπονος αἰκία.



Такимъ образомъ, если мы выяснимъ надлежащимъ образомъ ритмическое значеніе примѣровъ ирраціональнаго кретика, которые приводитъ Мункъ, и внесемъ въ нѣкоторые изъ нихъ совершенно необходимыя поправки, то окажется, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть признанъ надежнымъ. Принявъ во вниманіе, что у Бёка не найдено нами также ни одного несомнѣннаго примѣра ирраціональнаго кретика, мы въ правѣ заключить изъ этого, что ихъ совершенно не существуетъ, и далѣе, что возможность замѣны второго краткаго слога дохмія посредствомъ ирраціональнаго долгаго доказываетъ вслѣдствіе этого неправильность дѣленія дохмія на ямбъ и кретикъ.

c) Теоріи, которыя признаютъ возможнымъ дѣлить дохмій на ямбъ и кретикъ и на ямбъ и бакхій. Нѣкоторыя слабыя стороны теорій, какъ тѣхъ, по которымъ дохмій состоитъ изъ ямба и кретика, такъ и тѣхъ, по которымъ онъ распадается на бакхій и ямбъ, не укрылись отъ взгляда *Цезаря*. Поэтому онъ для того, чтобы избѣжать ошибокъ своихъ предшественниковъ, въ той главѣ своихъ Grundzüge der griechischen Rhythmik im Anschluss an Arist. Quintil., которая, служа пространнымъ комментаріемъ къ отрывку изъ сочиненія Аристида Квинтиліана Περὶ μουσικῆς стр. 54 8—17 (26 5—14 J), озаглавлена имъ Die aus verschieden Geschlechtern zusammengesetzten Reihen, высказываетъ предположеніе, что дохмій, пред-

ставляя сложную стопу, въ однихъ случаяхъ долженъ дѣлиться на ямбъ и кретикъ, въ другихъ на бакхій и ямбъ.

Замѣтивъ, что Аристидъ Квинтиліанъ употребляетъ глаголъ μιγνύναι только по отношенію къ такимъ ритмическимъ величинамъ, въ составъ которыхъ входятъ стопы, принадлежащія къ различнымъ γένη ῥυθμοῦ, и что въ числѣ такихъ величинъ обращаютъ на себя наше вниманіе дохмическіе и просодическіе стихи, Цезарь переходитъ къ разсмотрѣнію дохміевъ и, не колеблясь, различаетъ въ нихъ тѣ же два вида, которые показаны у Аристида Квинтиліана, не смотря на то, что существуютъ нѣкоторыя данныя, которыя заставляютъ думать, что въ описаніи второго вида дохмія текстъ Аристида Квинтиліана подвергся нѣкоторой порчѣ см. стр. 20 и сл.

Затѣмъ, имѣя въ виду первый видъ дохмія, Цезарь указываетъ, что Аристидъ Квинтиліанъ, слѣдуя одной группѣ метриковъ, дѣлитъ дохмій на ямбъ и кретикъ, между тѣмъ какъ другая группа метриковъ признавала его за сочетаніе бакхія съ ямбомъ. Далѣе, онъ замѣчаетъ, что хотя существуетъ еще другое идущее изъ древности опредѣленіе ритмическаго значенія дохмія, по которому онъ представляетъ изъ себя гиперкаталектическій антиспастъ или, какъ говоритъ Гефестіонъ, πενθημιμερὲς ἀντισπαστικὸν, но что съ точки зрѣнія ритмики мы должны предпочесть дѣленіе дохмія на двѣ величины: одну, состоящую изъ трехъ χρ. πρ., и другую,—изъ пяти, которыя, однако, нельзя признавать за части одной стопы, такъ какъ отношеніе между ними не можетъ быть подведено ни подъ одинъ изъ четырехъ возможныхъ γένη ῥυθμοῦ; въ подтвержденіе справедливости этого онъ ссылается на названіе дохмія, которое, какъ онъ думаетъ, основываясь на свидѣтельствѣ сколій къ Гефестіону и Etym. M., а также и самого Аристида Квинтиліана, вызвано было дѣленіемъ стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί и δόχμιοι. Но при этомъ Цезарь обращаетъ наше вниманіе на то, что это объясненіе не примѣнимо ко второму виду дохмія, и что Аристидъ Квинтиліанъ даетъ еще другое, по которому дохмій получилъ свое названіе вслѣдствіе разнообразія принимаемыхъ имъ формъ и нѣкоторой неправильности, проявляющейся въ допущеніи замѣны обоихъ краткихъ слоговъ посредствомъ ирраціональныхъ долгихъ.

Разсмотрѣвъ показаніе Аристида Квинтиліана объ дохміи, Цезарь

дѣлаетъ попытку опредѣлить, каково было ритмическое значеніе этого размѣра въ дѣйствительности.

Если дохмій, говоритъ онъ, состоитъ изъ ямба и кретика, какъ учитъ Аристидъ Квинтиліанъ, то онъ представляетъ такую ритмическую величину, въ которой, какъ въ антиспастѣ, сталкиваются между собою арзисы (части стопъ подъ ритмическимъ удареніемъ по терминологіи Цезаря) двухъ стопъ, не будучи раздѣлены между собой тезисомъ. Но такое столкновеніе арзисовъ нарушаетъ правильность ритмическаго движенія, по крайней мѣрѣ, при частомъ повтореніи и для того, чтобы уничтожить его, какъ это, повидимому, необходимо съ точки зрѣнія ритмики, можно предположить, что первый долгій слогъ дохмія заключаетъ въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ. Но свидѣтельство древнихъ метриковъ относительно того, что дохмій содержитъ въ себѣ всего только восемь χρ. πρ., и допущеніе замѣны перваго долгаго слога дохмія посредствомъ двухъ краткихъ слоговъ не позволяетъ сдѣлать этого, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда первый долгій слогъ дохмія замѣняется двумя краткими слогами. Когда же первый долгій слогъ его не бываетъ распущенъ на два краткихъ слога, тогда возможно допускать и протяженіе этого слога. Вообще, замѣчаетъ Цезарь, ритмическое значеніе величинъ, имѣвшихъ схему дохмія, могло быть неодинаковымъ въ различныхъ случаяхъ, подтвержденіемъ чего служитъ тотъ фактъ, что метрики несогласны между собой въ опредѣленіи ритмическаго значенія дохмія, если только не допустить, что до насъ уже не дошло преданія о томъ, каково оно было въ дѣйствительности. Допустивъ, что въ однихъ случаяхъ дохмій могъ распадаться на ямбъ и кретикъ, въ другихъ имѣть протянутымъ въ χρ. τρίσημος свой первый слогъ, Цезарь идетъ далѣе и дѣлаетъ слѣдующее предположеніе: Sollte man nicht bei dem Dochmius, wie bei anderen Rhythmen, einen Polyschematismus voraussetzen dürfen, der ohne den Umfang der ganzen Syzygie zu verändern, eine verschiedene Gliederung innerhalb desselben mit Veränderung des rhythmischen Verhältnisses der Glieder hervorbrachte (стр. 201)? Допустивъ такой полисхематизмъ въ составныхъ частяхъ дохмія, мы получаемъ возможность дѣлить его не только на ямбъ и кретикъ, но также на бакхій и ямбъ, хотя, замѣчаетъ Цезарь, разница между тѣмъ и другимъ дѣленіемъ даетъ себя знать особенно потому, что въ первомъ случаѣ за меньшей

частью, которая является тезисомъ сочетанія, слѣдуетъ большая, которую мы должны признавать за арзисъ, тогда какъ во второмъ— онѣ слѣдуютъ другъ за другомъ въ обратномъ порядкѣ. Противъ того, чтобы дѣлить дохмій непремѣнно на бакхій и ямбъ, продолжаетъ Цезарь, какъ это дѣлаетъ Россбахъ, и вслѣдствіе этого допускать на второмъ долгомъ слогѣ дохмія какъ на тезисѣ бакхической стопы болѣе слабое удареніе, чѣмъ на третьемъ долгомъ слогѣ его, говоритъ, во-первыхъ, наше чувство ритма, съ которымъ мы должны считаться при недостаткѣ другихъ данныхъ, во-вторыхъ, показанія древнихъ метриковъ, которые отводятъ бакхіямъ очень скромное мѣсто въ греческой поэзіи, и въ-третьихъ, допущеніе замѣны второго долгаго слога дохмія посредствомъ двухъ краткихъ слоговъ, за рѣдкими исключеніями, только при томъ условіи, если распущенъ также предшествующій второму первый долгій слогъ. Частое распущеніе перваго долгаго слога дохмія, которое имѣетъ своею цѣлью смягчить антиспастическій характеръ этого размѣра, уничтожая стеченіе двухъ рядомъ стоящихъ слоговъ подъ ритмическимъ удареніемъ, также не свидѣтельствуетъ въ пользу дѣленія дохмія на бакхій и ямбъ. Единственное преимущество, которымъ мы пользуемся, допуская, что дохмій распадается на бакхій и ямбъ, а не на ямбъ и кретикъ, заключается въ томъ, что посредствомъ этого легко объясняется, почему мѣсто второго краткаго слога въ немъ можетъ быть занято посредствомъ долгаго. Но дохміи съ такимъ долгимъ слогомъ Цезарь вмѣстѣ съ Бекомъ отдѣляетъ отъ дохміевъ со вторымъ краткимъ слогомъ и высказываетъ мысль, что какъ бы мы ихъ ни дѣлили на составныя части, предпослѣдній слогъ въ нихъ представляетъ изъ себя второй арзисъ: Wir statuiren, говоритъ онъ, eine polyschematistische Form des Dochmius, welche nach Analogie des Polyschematismus in anderen Rhythmen den Zweck hat, einen Wechsel der Betonung herbeizuführen, und namentlich das Zusammentreffen der Arsen bisweilen aufzuheben, und welche zu diesem Behuf eine Thesis zwischen die beiden Arsen treten lässt, sei es nun dass diese als anceps betrachtet wird, oder dass sie den ersten Theil zum Bakchius macht, in welchem Fall die letzte Länge anceps sein muss; in beiden Fällen rückt die zweite Arsis an die vorletzte Stelle (⏑ ⏓ ⏑̄ ⏓ – oder ⏑ ⏓ – ⏓ ⏑̄) (стр. 203). На языкѣ метрики, продолжаетъ далѣе Цезарь, это явленіе можетъ быть названо

замѣной ямба и кретика посредствомъ ямба и бакхія или такъ называемаго iambicum penthemimeres, которое иногда встрѣчается въ соединеніи съ антиспастами и дохміями. Но какъ бы мы ни называли это сочетаніе, все-таки допущеніе безразличнаго слога на третьемъ мѣстѣ въ дохміи объясняется такъ же мало, какъ въ іоникахъ и хоріямбахъ. Если допустить, что всѣ тридцать двѣ формы дохмія существуютъ въ дѣйствительности, то съ метрической точки зрѣнія можно сдѣлать нѣсколько возраженій противъ мысли признать третій слогъ дохмія ирраціональнымъ; но критика текстовъ показала, что онѣ не всѣ употребляются, и затѣмъ, что еще важнѣе, значительно убавила число такихъ случаевъ, когда чистому дохмію соотвѣтствуетъ полисхематическій; число этихъ случаевъ еще болѣе сократится, если считать за краткій слогъ такой дифтонгъ, за которымъ непосредственно слѣдуетъ гласный звукъ. Что касается тѣхъ случаевъ, когда соотвѣтствіе между полисхематической формой дохмія и чистой не можетъ быть устранено, то относительно ихъ Цезарь приходитъ къ слѣдующему заключенію: Bleiben..., wie sich nicht leugnen lässt, doch noch Beispiele übrig, in welchen die Responsion der reinen Form mit der polyschematistischen nicht zu beseitigen ist, so muss zugestanden werden, dass eine der einfachen Metrik vollkommen genügende Erklärung dafür nicht gegeben werden kann, wie sie auch durch die Annahme der Irrationalität der vorletzten Stelle nicht gegeben wird. Darin besteht gerade die Eigenthümlichkeit des Polyschematismus, dass Formen von gleichem rhythmischen Umfang mit einander vertauscht werden, deren Gliederung verschieden ist, und die nach den bei den einfachen Maassen herrschenden Gesetzen einander nicht völlig gleichgestellt werden können (стр. 204). Какъ на послѣднее доказательство того, что долгота предпослѣдняго слога въ дохміи бываетъ раціональной, Цезарь ссылается на требованіе нашего слуха, заключающееся въ томъ, чтобы мы клали на этотъ слогъ ритмическое удареніе, а не оставляли его безъ ударенія, и на данное Діомедомъ описаніе схемы dochmii per synzugian antistrophici, въ которомъ долгимъ показанъ предпослѣдній слогъ дохмія, а безразличнымъ послѣдній.

Въ заключеніе Цезарь прибѣгаетъ къ аналогіи и указываетъ, что во второмъ гликонеѣ также чередуются между собой формы съ краткимъ и долгимъ предпослѣднимъ слогомъ, и что мы должны

долготу такого слога признавать раціональной, считая послѣдній слогъ за безразличный, а третій отъ конца за χρόνος τρίσημος, потому что иначе въ данномъ случаѣ оставалось бы необъяснимымъ допущеніе замѣны краткаго слога посредствомъ долгаго.

Послѣ этого Цезарь переходитъ ко второму виду дохмія и согласно показанію Аристида Квинтиліана дѣлитъ его на ямбъ, дактиль и пеонъ. Въ какомъ отношеніи находится это сочетаніи къ другимъ ритмическимъ величинамъ въ двѣнадцать χρ. πρ., между которыми приведена у Аристида Квинтиліана и тожественная со вторымъ видомъ дохмія, и которыя всѣ дѣлятся у него на стопы въ три χρ. πρ., Цезарь не считаетъ возможнымъ рѣшить вполнѣ опредѣленно вслѣдствіе краткости того мѣста, гдѣ объ нихъ говорится и ограничивается только слѣдующими догадками: ob er, т. е. Aristides Quintilianus, eine verschiedene theoretische Auffassung derselben rhythmischen Reihe vortrage, oder der gleichen metrischen Form in verschiedenen Fällen einen verschiedenen Rhythmus zuschreiben wolle, ist aus seiner aphoristischen Darstellung nicht zu ersehen (стр. 207). Положительный результатъ его соображеній относительно второго вида дохмія заключается въ слѣдующемъ: Auf keinen Fall hatte er selbst an unserer Stelle die dreizeitige Messung des Daktylus vor Augen, die wir mit den meisten Neueren der rhythmischen Behandlung des Glyconeus zu Grunde legen zu müssen glauben, da er gerade eine Mischung verschiedener Geschlechter darin erkennt (стр. 207).

Разсматривая взглядъ Цезаря на ритмическое значеніе перваго вида дохмія, мы должны прежде всего остановиться на его попыткѣ отнести дохмій къ числу μέτρα πολυσχημάτιστα, основываясь только на сдѣланномъ, между прочимъ, замѣчаніи Аристида Квинтиліана, что дохмій получилъ свое названіе διὰ τὸ ποικίλον καὶ ἀνόμοιον. Но если мы обратимся къ нашему единственному источнику, изъ котораго мы получаемъ понятіе объ μέτρα πολυσχημάτιστα, главѣ Περὶ πολυσχηματίστων Гефестіонова Ἐγχειρίδιον и схоліямъ на нее, то найдемъ, что всѣ показанныя здѣсь μέτρα πολυσχημάτιστα относятся къ числу логаэдическихъ стиховъ, между тѣмъ какъ о дохміи, который встрѣчается въ греческой поэзіи гораздо чаще нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ Гефестіаномъ примѣровъ, ничего не упоминается. Это обстоятельство заставляетъ насъ предположить, что слова Аристида

Квинтиліана, на которыхъ основывается Цезарь, не заключаютъ въ себѣ указанія на то, что дохмій принадлежитъ къ μέτρα πολυσχημάτιστα, а отмѣчаютъ только разнообразіе формъ, принимаемыхъ имъ, которое заставило даже группу метриковъ, называемыхъ Аристидомъ Квинтиліаномъ οἱ συμπλέκοντες, установить два вида дохмія: одинъ съ ямбомъ въ началѣ, другой съ дактилемъ.

Далѣе, если мы представимъ себѣ рядъ дохміевъ, въ которомъ они являются въ полисхематической формѣ, т. е. съ долгимъ предпослѣднимъ слогомъ, и въ неполисхематической, то замѣтимъ, что за какую бы ритмическую величину мы ни принимали дохмій, правильное паденіе ритмическихъ удареній въ такомъ ряду окажется нарушеннымъ:

... ⏑ –́ | –́ ⏑ – | ⏑ –́ | –́ ⏑ – | ⏑ –́ | ⏒ –́ – | ⏑ –́ | ⏒ –́ – ...

тогда какъ въ μέτρα πολυσχημάτιστα, приводимыхъ Гефестіономъ, мы не находимъ нарушенія порядка, въ какомъ должны находиться ритмическія ударенія.

Но допустимъ, не смотря на это, что дохмій принадлежитъ къ μέτρα πολυσχημάτιστα, и что предпослѣдній долгій слогъ въ немъ дѣйствительно заключаетъ въ себѣ два полныхъ χρ. πρ., тогда какъ предшествующій ему слогъ является безразличнымъ; это обстоятельство даетъ намъ право ожидать, чтобы первый изъ нихъ замѣняется двумя краткими слогами, второй однимъ краткимъ, между тѣмъ Цезарь едва-ли могъ бы привести хоть по одному примѣру того и другого случая.

Наконецъ, нельзя признать справедливымъ и дѣлаемаго Цезаремъ опредѣленія состава дохмія въ полисхематической формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы станемъ дѣлить его на ямбъ и бакхій, признавая подъ этимъ послѣднимъ стопу извѣстной формы въ пять χρ. πρ. съ удареніемъ на первомъ долгомъ слогѣ, то одной изъ составныхъ частей дохмія окажется, какъ было уже выше показано мною (стр. 63 и сл.), несуществующая стопа. Если же дохмій представляетъ изъ себя penthemimeres iambicon, то остается совершнно непонятнымъ, какимъ образомъ слѣдуетъ восполнять въ немъ недостающую часть послѣдней стопы, не увеличивая числа χρ. πρ. до девяти.

Но если мы не признаемъ справедливымъ объясненіе ритмическаго значенія той формы дохмія, въ которой второй краткій слогъ за-

мѣнемъ посредствомъ долгаго, то намъ остается видѣть въ дохміи съ точки зрѣнія Цезаря только сочетаніе ямба съ кретикомъ или баккія съ ямбомъ. Но мы уже выше показали, почему нельзя согласиться ни съ той, ни съ другой комбинаціей (ср. стр. 63 и сл., 77 и сл.).

Что касается второго вида дохмія въ той формѣ, въ какой его допускаетъ Цезарь, то я уже выше привелъ тѣ основанія, въ силу которыхъ мы должны признавать текстъ Аристида Квинтиліана съ описаніемъ его испорченнымъ (стр. 20 и сл.), тѣмъ болѣе, что Цезарь не можетъ указать разницы между этимъ видомъ дохмія и тожественнымъ съ нимъ по схемѣ логаэдическимъ стихомъ.

B.

a) Теоріи, которыя относятъ дохмій къ разряду антиспастовъ.

Изъ ученыхъ новаго времени Германъ первый призналъ дохмій за антиспастическій размѣръ и пріобрѣлъ себѣ сторонниковъ въ лицѣ Зейдлера, который, впрочемъ, не во всемъ согласенъ съ Германомъ, и фонъ-Леутша. Послѣ выхода въ свѣтъ работъ по ритмикѣ и метрикѣ Россбаха и Вестфаля одинъ только Фритче счелъ возможнымъ усвоить себѣ мнѣніе Зейдлера и отстаивать его.

Взглядъ *Германа* на дохмій установился еще до появленія самаго капитальнаго его труда по метрикѣ: Elementa doctrinae metricae (1816), такъ какъ въ этой книгѣ онъ только развиваетъ и подкрѣпляетъ аргументами то, что уже было высказано имъ ранѣе въ предисловіи къ Eurip. Herc. f. (1810).

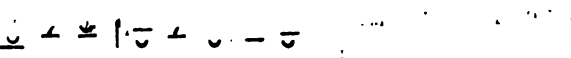
Изъ этого предисловія мы узнаемъ, что дохмій, по мнѣнію Германа, состоитъ e tribus ordinibus, iambo, arsi, et rursum iambo (стр. 6) и допускаетъ распущеніе каждаго изъ трехъ своихъ арзисовъ (т. е. долгихъ слоговъ подъ ритмическимъ удареніемъ) на два краткихъ слога и замѣну каждаго краткаго слога, которые онъ называетъ анакрузисами, долгимъ, такъ что схема дохмія будетъ такова:

⏑ – | – | ⏑ –
– ⏑ ⏑ | ⏑ ⏑ | – ⏑ ⏑

Зейдлеръ, котораго сочиненіе De versibus dochmiacis tragicorum graecorum (1811) вышло пятью годами раньше Elementa Германа,

не вдается въ подробное разсмотрѣніе вопроса о томъ, что такое представляетъ изъ себя дохмій, а затрогиваетъ этотъ вопросъ только мимоходомъ по поводу допущенія замѣны втораго краткаго слога его посредствомъ ирраціональнаго долгаго.

Не отвергая того, что второй краткій слогъ можно соединять въ одну стопу съ послѣдующимъ долгимъ, какъ это дѣлаетъ Германъ, Зейдлеръ думаетъ, что этотъ же слогъ можно относить и къ тремъ предыдущимъ, образуя изъ нихъ полный антиспастъ, въ которомъ послѣдній слогъ будетъ безразличнымъ. Для доказательства же того, что въ антиспастѣ послѣдній слогъ бываетъ безразличнымъ, онъ приводитъ слѣдующую схему стиха, который, по его словамъ, весьма часто встрѣчается въ трагедіи:



Начало въ этомъ стихѣ, по его мнѣнію, несомнѣнно образовано антиспастомъ, такъ какъ четвертый слогъ въ немъ можетъ примыкать только къ предыдущему слогу, на который падаетъ ритмическое удареніе, а не къ послѣдующему, на которомъ его нѣтъ; этотъ же слогъ, какъ это видно изъ многочисленныхъ примѣровъ, безразличенъ. Но въ заключеніе Зейдлеръ считаетъ нужнымъ прибавить, что, будемъ ли мы держаться мнѣнія Германа или его собственнаго, все-таки вопросъ о ритмическомъ значеніи дохмія не можетъ считаться рѣшеннымъ окончательно, такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ многое въ немъ остается неяснымъ.

Возвратимся теперь опять къ Герману, который въ своихъ Elementa только подкрѣпляетъ доказательствами свой взглядъ на дохмій, изложенный въ прибавленіи къ Eur. Herc. f. Въ первомъ отдѣлѣ главы, посвященной дохмію, онъ занимается обозрѣніемъ дошедшихъ до насъ изъ древности показаній о дохміи и сообщаетъ здѣсь, что древніе метрики принимали дохмій за гиперкаталектическій антиспастическій монометръ и насчитывали въ немъ восемь χρ. πρ. Изъ метриковъ новаго времени Германъ упоминаетъ объ одномъ Зейдлерѣ, котораго хвалитъ за то, что онъ установилъ нѣсколько фактовъ относительно дохмія.

Во второмъ отдѣлѣ той же главы Германъ уже приступаетъ къ рѣшенію вопроса о томъ, какую ритмическую величину представляетъ изъ себя дохмій, и, исходя изъ сдѣланнаго Зейдлеромъ на-

блюденія, что второй краткій слогъ дохмія можетъ быть замѣняемъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, высказываетъ мысль, что этотъ краткій слогъ, допускающій такую замѣну, можетъ быть разсматриваемъ или какъ анакрузисъ въ началѣ стопы, или какъ тезисъ въ концѣ ея, и что самый дохмій сообразно съ этимъ можно принимать или за бакхическій диметръ ⏑ – – | ⏑ –, или за антиспастъ cum arsi nuda съ послѣдующимъ ямбомъ, или за полный антиспастъ съ послѣдующимъ долгимъ слогомъ. Но бакхическимъ диметромъ дохмій не можетъ быть, во-первыхъ, потому что, хотя такіе диметры и встрѣчаются у Плавта и Теренція, но они являются у нихъ въ сочетаніи съ бакхическими стихами, а не съ антиспастическими, какъ дохмій; во-вторыхъ, потому что анакрузисъ въ бакхіяхъ не можетъ быть замѣняемъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога. Вторая комбинація, по которой дохмій представляетъ изъ себя антиспастъ cum arsi nuda съ послѣдующимъ ямбомъ или, другими словами, ритмическую величину, состоящую изъ двухъ ямбовъ cum arsi nuda между ними, кажется Герману самой надежной, такъ какъ антиспастическій характеръ дохмія черезъ это нисколько не уменьшается въ виду того, что сущность антиспастическаго размѣра заключается только въ томъ, чтобы за однимъ арзисомъ непосредственно слѣдовалъ другой. Разсматривая, напротивъ того, дохмій какъ полный антиспастъ съ послѣдующимъ долгимъ слогомъ, который намъ должно признать за arsis nuda, мы, нисколько не увеличивая антиспастическаго характера дохмія, дѣлаемъ этотъ размѣръ безсвязнымъ, такъ какъ допускаемъ въ концѣ его arsis nuda. Такимъ образомъ и въ Elementa точно также, какъ и въ вышедшей еще позднѣе Epitome doctrinae metricae, Германъ остается при томъ взглядѣ на дохмій, который былъ высказанъ имъ въ Praefatio къ Eur. Herc. f.

Какъ Германъ, такъ и Зейдлеръ въ своемъ объясненіи ритмическаго значенія дохмія дѣлаютъ двѣ ошибки, которыя общи у нихъ, не смотря на нѣкоторое разногласіе между собой: во-первыхъ, оба они, слѣдуя наименѣе авторитетнымъ изъ дошедшихъ до насъ изъ древности источниковъ, признаютъ дохмій за антиспастическій стихъ; во-вторыхъ, у того и другого изъ нихъ въ составъ дохмія вводится arsis nuda.

Но, прибѣгая къ антиспасту для объясненія ритмическаго значенія дохмія, Германъ и Зейдлеръ не достигаютъ своей цѣли, такъ

какъ антиспастъ представляетъ неудачное изобрѣтеніе «младшей» школы метриковъ, не оправдываемое ритмикой. Въ самомъ дѣлѣ, если мы признаемъ антиспастъ за дѣйствительно существующую стопу, то должны будемъ признать возможнымъ въ ритмическихъ величинахъ стеченіе двухъ арзисовъ, не раздѣленныхъ между собою тезисомъ, не смотря на то, что это противорѣчитъ понятію о ритмѣ какъ о правильномъ движеніи, ср. стр. 78. Далѣе, если мы, допустивъ существованіе антипаста, возьмемъ совершенно правильный антиспастическій триметръ (малый асклепіадовскій стихъ съ базисомъ въ формѣ ямба):

$$\breve{} \; - \; - \; \breve{} \; | \; \breve{} \; - \; - \; \breve{} \; | \; \breve{} \; - \; - \; \breve{}$$

и разставимъ въ немъ ритмическія ударенія, то найдемъ, что въ серединѣ его рядомъ стоящіе краткіе слоги отнесены къ разнымъ стопамъ, не смотря на то, что подчинены одному и тому же ритмическому ударенію. Не свидѣтельствуетъ также въ пользу признанія антиспаста и многочисленность тѣхъ случаевъ, когда онъ замѣняется посредствомъ ямбической диподіи, при чемъ уничтожается стеченіе арзисовъ, которое Германъ признаетъ столь характернымъ для антиспаста. Наконецъ, полная возможность объяснить всѣ приводимые Гефестіономъ антиспастическіе стихи какъ логаэдическіе заставляетъ насъ окончательно отказаться отъ мысли допустить существованіе антиспаста.

Вторая ошибка, которую дѣлаютъ Германъ и Зейдлеръ, заключается въ томъ, что первый изъ нихъ признаетъ второй долгій слогъ дохмія за arsis nuda, а второй — третій, не смотря на то, что это находится въ противорѣчіи съ ученіемъ Аристоксена о томъ, что стопа въ два χρ. πρ. недопустима, ср. стр. 79.

Кромѣ того Германъ не правъ, объясняя допущеніе замѣны второго краткаго слога дохмія посредствомъ ирраціональнаго долгаго тѣмъ, что этотъ краткій слогъ является анакрузисомъ ямбической стопы, между тѣмъ какъ мы показали уже выше, что принимать за анакрузисъ этотъ слогъ мы не имѣемъ права см. стр 68 и сл.

Въ Grundriss zu Vorlesungen über die griechische Metrik *фонъ-Леутша* (1841) теоріи дохміи посвященъ одинъ изъ параграфовъ главы объ антиспастѣ (§ 142 стр. 156 и 157), но опредѣлить въ подробностяхъ, каковъ былъ взглядъ автора на изслѣдуемый размѣръ,

изъ голыхъ рубрикъ, которыя у него даны сообразно съ общимъ характеромъ всего сочиненія, не представляется никакой возможности.

Къ Герману и Зейдлеру тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ *Фритче* съ своей теоріей дохмія, которая въ окончательной формѣ изложена имъ въ Ind. lect. acad. Rostoch. 1884—5.

Признавъ, что происхожденіе кретика и бакхія съ одной стороны и дохмія съ другой представляетъ аналогію, и что исторія изобрѣтенія кретиковъ можетъ быть прослѣжена по даннымъ, идущимъ изъ древности, онъ начинаетъ съ нея. Первоначально, говоритъ онъ, въ трохаическихъ стихахъ, какъ это видно изъ показаній схоліаста къ Ar. Ach. 676, съ концемъ каждой диподіи оканчивалось слово. Изъ такихъ трохаическихъ диподій Критянинъ Ѳалесъ, жившій около 700 г. до Р. Хр., будто бы создалъ амфимакры или кретики, замѣнивши въ нихъ послѣдній арсисъ паузой (σιωπή). Въ подтвержденіе этого Фритче ссылается на то, что кретики съ концомъ слова послѣ каждой стопы и паузой въ одинъ χρ. πρ. являются еще у Эсхила въ Suppl. 405, и, далѣе, на приведенное въ схоліяхъ къ Гефестіону показаніе Геліодора, по которому будто бы въ пеонахъ съ концомъ стопы обыкновенно совпадаетъ конецъ слова для того, чтобы за ней могла слѣдовать пауза въ одинъ χρ. πρ. Впослѣдствіи, продолжаетъ онъ, когда кретики сдѣлались самобытнымъ размѣромъ, стопа въ нихъ стала заключать уже не шесть, а пять χρ. πρ., исключая вторую стопу въ тетраметрѣ, въ которой съ обязательнымъ концомъ слова соединяется пауза въ одинъ χρ. πρ.

Такъ какъ въ бакхіяхъ, по свидѣтельству Зейдлера, съ концомъ стопы постоянно совпадаетъ конецъ слова, то Фритче, основываясь на аналогіи съ кретиками, предполагаетъ, что этотъ размѣръ произошелъ изъ антиспаста путемъ замѣны послѣдняго слога посредствомъ паузы. Но у Плавта уже бакхіи являются такимъ же самобытнымъ размѣромъ, какъ и кретики, вѣроятно, по почину одного изъ поэтовъ новой комедіи.

Послѣ этого Фритче дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній объ употребленіи антиспаста. Греки вообще не любятъ употреблять подрядъ нѣсколькихъ антиспастовъ въ чистомъ видѣ; допускается это только тогда, если въ антиспастѣ распущены всѣ долгіе слоги. Но по преимуществу антиспастъ употребляется въ нѣсколько измѣненной формѣ: такъ, когда онъ открываетъ стихъ какого-либо другого размѣра, то

послѣдній слогъ въ немъ бываетъ долгимъ, если размѣръ которому онъ предшествуетъ, начинается краткимъ слогомъ; когда антиспастъ преобразуется въ бакхій, то мѣсто послѣдняго слога въ немъ заступаетъ пауза.

Наконецъ, найденъ былъ еще способъ для образованія изъ антиспаста новаго размѣра. Первый шагъ въ этомъ направленіи состоялъ въ томъ, что антиспастъ раздѣлили на ямбъ и трохей:

⏑ –́ | –́ ⏑

и присоединили къ трохею новый трохей въ ирраціональной формѣ:

⏑ –́ –́ ⏑ – – | ⏑ –́ –́ ⏑ – –

Въ такой преобразованной формѣ антиспасты могутъ являться по нѣскольку подрядъ, и примѣры такого употребленія ихъ встрѣчаются въ дохмическихъ системахъ, но по большей части мы находимъ одинъ антиспастъ съ добавляющей его трохаической стопой въ качествѣ заключительнаго члена системы.

Переходя затѣмъ къ опредѣленію времени, когда былъ изобрѣтенъ дохмій, Фритче говоритъ слѣдующее: Vixit autem dochmiorum inventor circa sexcentesimum annum ante Ch. n., hoc est toto saeculo post Thaletam Creticum, cuius invento callide usus est. Thaletas Creticum novum tunc metri genus ita repererat, ut trochaicae dipodiae

–́ ⏑ – ⏑ | –́ ⏑ – ⏑

ultimam rescinderet et silentio pausaque compensaret

–́ ⏑ – | –́ ⏑ –

Hoc dochmiorum inventor plane imitatus est in antispasti parte altera, quae est trochaica. Mutavit antispasti unum trochaeum ⏑ –́ | –́ ⏑ in dipodiam trochaicam eiusque ultimam resecuit atque unius syllabae brevis silentium introduxit. Hinc dochmiaci versus in ipso fine plerumque habent caesuram, veluti dimeter

⏑ –́ –́ ⏑ – | ⏑ –́ –́ ⏑ – (стр. 7).

Но въ такомъ случаѣ какъ объяснить, что въ кретикѣ краткій слогъ, соотвѣтствующій арзису первой стопы въ трохаической диподіи, не допускаетъ замѣны посредствомъ ирраціональнаго долгаго,

между тѣмъ какъ въ дохміи мѣсто второго краткаго слога можетъ заступать ирраціональный долгій слогъ? Объясняется это тѣмъ, что дохмій, происходя изъ антиспаста, сохраняетъ особенности этого послѣдняго, а въ антиспастѣ послѣдній слогъ, какъ показываетъ употребленіе, могъ быть какъ долгимъ, такъ и краткимъ.

Въ подтвержденіе того, что дохмій представляетъ видоизмѣненіе антиспаста, Фритче ссылается: во-первыхъ, на относящіеся сюда греческіе тексты; во-вторыхъ, на разнообразіе формъ дохмія, одинаковое у этого размѣра съ антипастомъ; въ-третьихъ, на впечатлѣніе нашего уха, которое при чтеніи дохмическаго размѣра почти невольно слышитъ антиспасты; въ-четвертыхъ, на приводимые древними примѣры дохмія, которые показываютъ, что первоначальная его форма была антиспастической.

Показанія Аристида Квинтиліана относительно того, что v. glyc. нѣкогда назывались дохміями, Фритче объясняетъ тѣмъ, что Аристидъ Квинтиліанъ въ данномъ случаѣ разумѣетъ v. polyschematisti, которые передъ хоріямбомъ имѣютъ антиспастъ:

и допускаютъ свойственное антиспастамъ многообразіе формъ стопы.

Взглядъ Фритче на дохмій не можетъ быть признанъ правильнымъ не только потому, что этотъ ученый считаетъ дохмій за антиспастическій размѣръ, но еще и потому, что онъ вводитъ въ составъ дохмія точно также, какъ кретика и бакхія, въ происхожденіи которыхъ усматриваетъ сходство съ дохміемъ, arsis nuda, который съ теченіемъ времени пересталъ сознаваться и быть таковымъ. Между тѣмъ, если мы, не говоря уже о недопустимости arsis nuda въ составѣ какой-либо ритмической величины, разсмотримъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ Фритче выводитъ кретикъ изъ трохаической диподіи, а бакхій—изъ антиспаста, то найдемъ, что онѣ не могутъ быть признаны надежными. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ наудачу изъ Архилоха, который долженъ былъ быть приблизительно современникомъ Критянина Ѳалеса, хотя бы fr. 56 и разсмотримъ, оправдывается ли на немъ показаніе схолій къ Ar. Ach. 676. Если исключить вторую диподію, которая предоставляетъ конецъ перваго члена, то окажется, что изъ десяти случаевъ, когда возможно такое совпаденіе, въ дѣйствительности находится только одно. Точно

также не оправдывается и другое положеніе Фритче относительно того, что въ кретикахъ первоначально съ концомъ каждой стопы совпадалъ конецъ слова: если мы возьмемъ, напримѣръ, изъ Алкмана, поэта также приблизительно современнаго Θалесу, fr. 38, то изъ разбора его убѣдимся, что изъ десяти случаевъ, когда съ концомъ стопы по теоріи Фритче долженъ былъ бы совпадать конецъ слова, такое совпаденіе имѣетъ мѣсто всего только пять разъ. Но какъ объяснить въ такомъ случаѣ показаніе Геліодора, на которое ссылается Фритче? Геліодоръ, повидимомому, имѣетъ въ виду не что иное, какъ трохаическую диподію и только называетъ ее кретикомъ, отъ котораго она не отличается по своей схемѣ. Такимъ образомъ, оказывается, что еслибы даже и существовалъ въ дѣйствительности антиспастъ, то Фритче, производя изъ него извѣстнымъ намъ образомъ бакхій и дохмій, не могъ бы опереться на аналогію въ происхожденіи кретиковъ.

Относительно совпаденія конца слова съ концомъ стопы въ бакхіяхъ Фритче также несовсѣмъ правъ: дѣйствительно, въ трагедіи обыкновенно съ концомъ стопы совпадаетъ конецъ слова, но у Пиндара, у котораго мы также встрѣчаемъ бакхіи въ Ol. II, случаи несовпаденія преобладаютъ надъ случаями совпаденія.

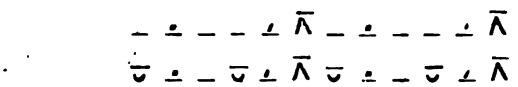
Затѣмъ, если мы распространимъ, какъ предлагаетъ Фритче, два рядомъ стоящихъ антиспаста посредствомъ двухъ ирраціональныхъ трохаическихъ стопъ, то найдемъ, что полученное сочетаніе совпадаетъ съ бакхическимъ тетраметромъ безъ всякой, по крайней мѣрѣ видимой, разницы между ними; а это заставляетъ насъ или отказаться отъ предположенія, что бакхій есть неполный антиспастъ, или признать, что распространеніе антиспаста посредствомъ ирраціональнаго трохея является совершенно излишнимъ.

Что касается другихъ доказательствъ, приводимыхъ Фритче, то они могли бы имѣть нѣкоторое значеніе только въ томъ случаѣ, еслибы антиспастъ существовалъ въ дѣйствительности.

b) **Теоріи, которыя относятъ дохмій къ разряду ямбовъ.** Первый, кто призналъ дохмій за ритмическую величину, состоящую изъ ямбическихъ стопъ, былъ Россбахъ въ своей Rhythmik (1854). Въ этомъ сочиненіи, составляющемъ, какъ извѣстно, первый томъ Metrik d. gr. Dramatiker u. Lyriker, онъ слегка затрогиваетъ вопросъ о

дохмія (стр. 160) и на основаніи слѣдующаго выраженія Аристида Квинтиліана: μὴ κατ' εὐθὺ θεωρεῖσθαι τῆς ῥυθμοποιίας, которое у него приведено одно изъ всѣхъ свидѣтельствъ о дохміи, идущихъ изъ древности, приходитъ къ тому заключенію, что дохмій не имѣлъ опредѣленной ритмической мѣры, но могъ исполняться различнымъ образомъ и съ большой ритмической свободой, чѣмъ другіе размѣры. Съ современной точки зрѣнія, продолжаетъ онъ, слѣдуетъ признать, что дохмій заключаетъ въ себѣ три арзиса (часть стопы подъ ритмическимъ удареніемъ), изъ которыхъ второй долженъ содержать три χρ. πρ.:

Далѣе, Россбахъ для того, чтобы оправдать свое толкованіе приведенныхъ имъ словъ Аристида Квинтиліана, указываетъ, что съ точки зрѣнія древней ритмики дохмій можно было причислить и къ γένος διπλάσιον ἐξάσημον:



Но уже во второмъ томѣ того же сочиненія, изданномъ въ сотрудничествѣ съ Вестфалемъ, онъ отказался отъ приведеннаго нами объясненія дохмія.

Однако, не смотря на неудачную попытку Россбаха, его мыслью воспользовались Гольдманъ, Шульце и Цикель и попытались доказать, что дохмій принадлежитъ по составу своихъ стопъ къ γένος διπλάσιον.

Гольдманъ въ своей диссертаціи: De dochmiorum usu Sophocleo (part. I, 1867) привязываетъ вопросъ о происхожденіи и ритмическомъ значеніи дохмія къ изслѣдованію такихъ формъ этого размѣра, въ которыхъ мѣсто одного изъ двухъ краткихъ слоговъ занимаютъ два. Признавъ, что такія формы дохмія съ двумя краткими слогами вмѣсто одного являются въ самыхъ раннихъ изъ дошедшихъ до насъ трагедій, каковы Семь противъ Ѳивъ Эсхила и Электра, Аякъ и Эдипъ Царь Софокла, и указавъ, что въ дохмическомъ диметрѣ эта замѣна была допущена сначала по отношенію къ первому краткому слогу перваго дохмія, затѣмъ — второго и только послѣ этого по отношенію къ второму краткому въ обоихъ дохміяхъ безразлично,

Гольдманъ ставитъ вопросъ: quid de origine numerorum dochmiacorum nobis videatur (стр. 31).

Рѣшеніе этого вопроса онъ начинаетъ съ того, что перебираетъ вкратцѣ различныя древнія и новыя теоріи дохмія и признаетъ ихъ всѣ неудовлетворительными, исходя главнымъ образомъ изъ двухъ положеній: во-первыхъ, изъ того, что дохмій состоитъ изъ нѣсколькихъ стопъ, принадлежащихъ къ одному и тому же γένος ῥυθμοῦ, и, во-вторыхъ, изъ того, что дохмій есть μέγεθος ἐκτάσιμον. Затѣмъ, высказавъ мысль, что замѣна одного краткаго слога въ первомъ тезисѣ дохмическаго диметра двумя даетъ ключъ къ пониманію того, какъ произошелъ дохмій, авторъ проводитъ параллель между двумя краткими слогами анапеста, являющагося взамѣнъ первой ямбической стопы въ триметрѣ, и двумя краткими слогами, заступающими мѣсто перваго краткаго слога въ дохмическомъ диметрѣ, и, основываясь на этой параллели, приходитъ къ такому заключенію: Dochmius... mihi videtur natus esse ex genere iambico et proprie quidem ductus a trimetro, ex quo sublata et secunda et quinta thesi versus proprius quasi crevit dimeter dochmiacus ita ut theses sublatae nullo modo compensarentur... sic dimeter dochmiacus rhythmice valde discrepat et a puro et a syncopato trimetro iambico; uterque enim 18 temporum moras continet, dimeter autem dochmiacus non plus 16; quod ut clarius eluceat schema ipsum adscribam:

⏑ – ⏑ – ⏑ – ⏑ – ⏑ – ⏑ – trim. iamb. purus

– ⌊3⌋ | ⏑ | – ⏑ – ⏑ ⌊3⌋ | ⏑ | – ⏑ – trim. iamb. thesibus sync.

⏑ 2 | ⏑ | – ⏑ – ⏑ 2 | ⏑ | – ⏑ – dim. dochm.

(стр. 32).

Изобрѣтенъ былъ дохмій трагическими поэтами, которые употребляли его для выраженія сильныхъ душевныхъ движеній главныхъ дѣйствующихъ лицъ, преимущественно въ такъ называемыхъ ῥῆσεις.

Дальнѣйшія доказательства, представленныя Гольдманомъ въ пользу его теоріи, таковы: во-первыхъ, диметръ есть древнѣйшая форма стиха, въ какой являются дохміи; во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ усѣченная и неусѣченная ямбическая триподія по своему ритмическому значенію равняется дохмію и можетъ заступать его мѣсто въ дохмическомъ диметрѣ; въ-третьихъ, долгіе слоги въ дох-

мическомъ диметрѣ пользуются такою же свободой по отношенію къ распущенію, какъ и въ ямбическомъ триметрѣ; въ-четвертыхъ, только тѣ краткіе слоги въ дохмическомъ диметрѣ свободно замѣняются посредствомъ ирраціональныхъ долгихъ, которые соотвѣтствуютъ краткимъ слогамъ ямбическаго триметра, допускающимъ такую же замѣну; въ-пятыхъ, мѣсто цезуры въ дохмическомъ диметрѣ находится въ соотвѣтствіи съ мѣстомъ ея въ ямбическомъ триметрѣ; въ-шестыхъ, только дохмическій диметръ и ямбическій триметръ дѣлятся между двумя дѣйствующими лицами у Софокла.

Для доказательства того, что диметръ представляетъ древнѣйшую форму стиха, въ какой являются дохміи, Гольдманъ ссылается на трагедію Эсхила Sept. и Agam., въ которыхъ диметры очень многочисленны, тогда какъ монометры наоборотъ рѣдки, и на Soph. Ant. 1261 и сл. Особенно въ составѣ второй строфы этой лирической части видитъ Гольдманъ наглядное доказательство того, что дохмическій диметръ произошелъ изъ ямбическаго триметра, такъ какъ 1273 стихъ ея, представляющій дохмическій диметръ, окруженъ спереди и сзади двумя триметрами, а 1275 стихъ состоитъ изъ дохмія и неусѣченной ямбической триподіи. Знаменательное сочетаніе дохмическихъ диметровъ и ямбическихъ триметровъ находитъ Гольдманъ и у Еврипида въ Hipp. 817—829=836—847.

Примѣръ такой ямбической триподіи, которая заступаетъ мѣсто дохмія, Гольдманъ видитъ въ Aesch. Sept. 167 (152 W).

˘ – ˘ – – ˘ – – ˘ –
ἰὼ τέλειοι τέλειαί τε γᾶς

Принимать этотъ стихъ за сплошь ямбическій съ синкопированными тезисами третьей и пятой стопъ, хотя, по его мнѣнію, и возможно, но неудобно въ виду аналогіи съ Agam. 1136=1146 (1129—1130=1142—1143 W):

˘ – ˘ – – ˘ ˘ ˘ – ˘ –
ἰὼ ταλαίνας κακόποτμοι τύχαι
ἰὼ λιγείας μόρον ἀηδόνος

который едва ли можно признать за ямбическій. Далѣе, въ стихѣ id. Suppl. 375=386 (380=391 W):

– ⏑ ⏑ – (⏑) ⏑ – ⏑ – ⏑ – –
πᾶν ἐπιχραίνεις· ἄγος φυλάσσου
δυσπαράθελκτος παθόντος οἴκτοις

первая половинка представляетъ, какъ думаетъ Гольдманъ, дохмій съ синкопированнымъ вторымъ тезисомъ и протянутымъ взамѣнъ его третьимъ арзисомъ въ χρ. τρίσημος, вторая представляетъ усѣченную ямбическую триподію. Убѣдиться въ томъ, что такая триподія по своему ритмическому значенію равняется съ дохміемъ весьма нетрудно: стоитъ только третій долгій слогъ поставить въ ней передъ вторымъ краткимъ и она по своей схемѣ ничѣмъ не будетъ отличаться отъ дохмія. При этомъ Гольдманъ обращаетъ особенное вниманіе на то, что стихи, въ составъ которыхъ входитъ такая триподія, встрѣчаются только въ самыхъ раннихъ трагедіяхъ Эсхила. Неусѣченную триподію, заступающую мѣсто дохмія въ диметрѣ, Гольдманъ находитъ въ слѣдующихъ стихахъ Софокла: O. R. 1360, 1365 и Ant. 1340, въ которыхъ онъ считаетъ нужнымъ удерживать чтеніе рукописей, не смотря на то, что его обыкновенно исправляютъ такъ или иначе. Допущеніе замѣны онъ объясняетъ, во-первыхъ, тѣмъ, что Софоклъ не слишкомъ строго соблюдалъ метрическіе законы и, во-вторыхъ, тѣмъ, что тезисъ второй стопы въ такой триподіи исполнялся очень быстро, и въ доказательство справедливости этого объясненія указываетъ, что всѣ стихи съ такой триподіей находятся въ антистрофахъ, при чемъ въ строфахъ имъ соотвѣтствуютъ обыкновенные дохмическіе диметры.

Что касается распущенія долгихъ слоговъ, то разница между дохмическимъ диметромъ и ямбическимъ триметромъ состоитъ только въ томъ, что въ первомъ послѣдній долгій слогъ можетъ распускаться, тогда какъ во второмъ нѣтъ. Различіе это Гольдманъ объясняетъ стремленіемъ трагическихъ поэтовъ отдѣлить дохмическій диметръ отъ ямбическаго триметра въ качествѣ самостоятельнаго размѣра.

По поводу ирраціональныхъ долгихъ слоговъ Гольдманъ замѣчаетъ вообще, что они являются въ дохмическомъ диметрѣ взамѣнъ только такихъ краткихъ слоговъ, которые соотвѣтствуютъ тезисамъ нечетныхъ стопъ ямбическаго триметра. Затѣмъ, переходя къ отдѣльнымъ случаямъ такой замѣны, онъ указываетъ, что четвертый краткій слогъ

въ диметрѣ соотвѣтствуетъ тезису шестой стопы дохмія и потому по большей части бываетъ краткимъ. У Софокла исключенія рѣдки и допускаются преимущественно въ антистрофахъ, при чемъ въ строфахъ долгому слогу чаще всего соотвѣтствуетъ краткій, ср. O. C. 1568. Эсхилъ также избѣгаетъ дѣлать ирраціональнымъ послѣдній краткій слогъ въ дохмическомъ диметрѣ. Серьезное затрудненіе представляетъ только Soph. Phil. 395=510:

σὲ κἀκεῖ, μᾶτερ πότνι', ἐπηυδώμαν
εἰ δὲ πικρούς, ἄναξ, ἔχθεις Ἀτρείδας

такъ какъ въ этомъ случаѣ послѣдній краткій слогъ ирраціоналенъ въ строфѣ и антистрофѣ. Но это исключеніе объясняется тѣмъ, что въ Филоктетѣ Софоклъ вообще отличается сравнительно большей небрежностью даже въ построеніи ямбическихъ триметровъ, чѣмъ въ другихъ трагедіяхъ, и въ частности тѣмъ, что строфы, изъ которыхъ взяты эти стихи, сильно разнятся по своему строю отъ другихъ дохмическихъ строфъ Софокла. Первый краткій слогъ въ дохмическомъ диметрѣ и соотвѣтствующій ему тезисъ первой стопы въ ямбическомъ триметрѣ часто бываютъ ирраціональными, при чемъ эта ирраціональность во многихъ случаяхъ сопровождается въ томъ и другомъ стихѣ распущеніемъ слѣдующаго долгаго слога. Второй краткій слогъ диметра соотвѣтствуетъ тезису третьей стопы въ триметрѣ и потому свободно можетъ быть замѣняемъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго. Разница между тѣмъ и другимъ заключается только въ томъ, что въ триметрѣ такая замѣна встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ въ диметрѣ. Третій краткій слогъ дохмическаго диметра соотвѣтствуетъ тезису четвертой стопы ямбическаго триметра, поэтому Гольдманъ утверждаетъ, что въ чистой и основной формѣ диметра этотъ слогъ никогда не бываетъ ирраціональнымъ. Немногочисленные стихи, представляющіе исключеніе: O. R. 656=685, 1361; O. C. 1480, 1556 и сл.=1568 и сл.; Trach. 1024=1043; Phil. 395=510, произошли изъ сочетанія двухъ дохмическихъ монометровъ, которые отличаются уже большей свободой формъ, чѣмъ давшіе имъ начало диметры. Доказательствомъ того, что диметры съ ирраціональнымъ третьимъ слогомъ произошли изъ монометровъ служитъ постоянное совпаденіе въ нихъ конца слова съ концомъ перваго дохмія.

По отношенію къ мѣсту, занимаемому цезурами, связь между дохмическимъ диметромъ и ямбическимъ триметромъ, по мнѣнію Гольдмана, проявляется въ томъ, что когда въ диметрѣ не бываетъ діэрезиса, который обыкновенно отдѣляетъ въ немъ одинъ дохмій отъ другого, то его замѣняетъ цезура, которая приходится или послѣ втораго тезиса, соотвѣтственно съ цезурой penthemimeres триметра, или послѣ третьяго тезиса, соотвѣтственно съ hephthemimeres. Употребленіе діэрезиса въ дохмическомъ диметрѣ Гольдманъ объясняетъ стремленіемъ поэтовъ обособить дохмій въ самостоятельный размѣръ.

Единственный у Софокла случай, когда дохмическій диметръ раздѣленъ между двумя дѣйствующими лицами, представляетъ О. С. 836—879; соотвѣтствующій ему ямбическій триметръ Гольдманъ указываетъ въ О. R. 1167 и О. С. 820.

Признавъ доказаннымъ, что дохмическій диметръ произошелъ изъ ямбическаго триметра, Гольдманъ дѣлаетъ попытку опредѣлить, когда приблизительно этотъ стихъ вошелъ въ употребленіе въ трагедіи. Сравнивая размѣры, которые являются въ двухъ самыхъ раннихъ изъ дошедшихъ до насъ трагедій, Персахъ и Семи противъ Ѳивъ, нашъ авторъ замѣчаетъ, что въ первой изъ нихъ размѣромъ діалога кромѣ ямбическаго триметра служитъ трохаическій тетраметръ, между тѣмъ какъ дохмическій диметръ почти совершенно отсутствуетъ, во второй же, напротивъ того, употребленіе дохміевъ для описанія сильныхъ душевныхъ движеній сильно развито, тогда какъ трохаическіе тетраметры совершенно не встрѣчаются, и выводитъ отсюда, что дохмическій диметръ впервые сталъ широко употребляться въ качествѣ самостоятельнаго размѣра въ одной изъ трагедій, явившихся между Персами и Семью противъ Ѳивъ.

Обсуждая теорію Гольдмана мы должны прежде всего указать на то, что ни у кого изъ древнихъ писателей нѣтъ даже намека на какую-либо связь между дохмическимъ диметромъ и ямбическимъ триметромъ.

Далѣе, выводя дохмическій диметръ изъ ямбическаго триметра Гольдманъ допускаетъ, что въ диметрѣ второй и пятый долгіе слоги представляютъ arses nudae, не смотря на то, что arsis nuda исключается понятіемъ о ритмическомъ движеніи по опредѣленію Аристоксена (ср. стр. 79).

Наконецъ, еслибы дохмій былъ изобрѣтенъ трагическими поэтами, какъ это предполагаетъ Гольдманъ, то намъ, по всей вѣроятности, было бы извѣстно имя его изобрѣтателя, такъ какъ древніе писатели охотно даютъ свѣдѣнія на этотъ счетъ при первой возможности.

Теперь посмотримъ, дѣйствительно ли соотвѣтствіе между различными явленіями въ дохмическомъ диметрѣ и ямбическомъ триметрѣ было такъ велико, какъ думаетъ Гольдманъ, и, такъ какъ первое, что навело его на мысль выводить дохмическій диметръ изъ ямбическаго триметра, было допущеніе замѣны въ томъ и другомъ одного краткаго слога двумя, то постараемся прежде всего убѣдиться, въ самомъ ли дѣлѣ такая замѣна существуетъ въ дохміи. Для того, чтобы доказать существованіе ея по отношенію къ первому краткому слогу Гольдманъ ссылается на слѣдующіе стихи: Soph. O. C. 1447—1450=1462—1465, которые онъ читаетъ такъ:

στρ. νέα τάδε νεόθεν ἦλθέ μοι, νέα βαρύποτμα κακὰ παρ' ἀλαοῦ
ξένου, εἴτι μοῖρα μὴ κιγχάνει
ἀντ. μέγας ἴδε μέγας ἐρείπεται κτύπος ἄφατος ὅδε διόβολος· ἐς δ'
ἄκραν δεῖμ' ὑπῆλθε κρατὸς φόβαν
⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ – | ⏑ – ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ | ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ –
⏑ – – ⏑ – | ⏑ – – ⏑ –

Eur. Hel. 634 (628 N):

περιπετάσασα χέρα ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ – ⏑ ⏑ ⏑

Soph. O. R. 1330=1350:

ὁ κακὰ κακὰ τελῶν ἐμὰ τάδ' ἐμὰ πάθεα ·
νομάδος ἐπιποδίας ἔλαβέ μ' ἀπό τε φόνου
⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ – | ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑
⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ – | ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑

id. O. R. 1315:

ἀδάμαστόν τε καὶ δυσούριστον ⏑ ⏑ – – ⏑ – | ⏑ – – ⏑

id. Ai. 358:

ἁλίαν δς ἐπέβας ἑλίσσων πλάταν ⏑ ⏑ – ⏑ ⏑ ⏑ – | ⏑ – – ⏑ –

id. Ai. 956:

ὁ πολύτλας ἀνήρ ⏑ ⏑ – – ⏑ –

id. Ai. 403:

ὀλέθριον αἰκίζει ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ – – –

Но если мы разсмотримъ эти стихи, то окажется, что ни одинъ изъ нихъ не представляется достаточно благонадежнымъ въ критическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, то объясненіе, которое Гольдманъ даетъ O. C. 1447—1450=1462—1465, возбуждаетъ противъ себя слѣдующія возраженія: 1) соотвѣтствіе между строфой и антистрофой въ первомъ стихѣ возстановлено только при помощи исправленія чтенія рукописей, что лишаетъ уже этотъ примѣръ надлежащей убѣдительности; 2) повтореніе слова νέα не требуется смысломъ и при νεόθεν является крайне натянутымъ; 3) слова νέα τάδε νεόθεν ἦλθέ μοι представляютъ правильный ямбическій диметръ и въ рукописяхъ образуютъ самостоятельный стихъ; 4) зіяніе между словами ξένου и εἴ τι показываетъ, что раздѣленіе на стихи сдѣлано Гольдманомъ неправильно; хотя онъ и оправдываетъ это зіяніе ссылкой на Eur. Hec. 689 и Soph. Ant. 1276, но въ первомъ изъ этихъ стиховъ зіяніе обыкновенно устраняется вставкой частицы δέ, во второмъ оно объясняется тѣмъ, что образовано междометіемъ. Eur. Hel. 634 (628 N) весьма удачно исправилъ Германъ слѣдующимъ образомъ:

περί τ' ἐπέτασα χέρα ⏑ ⏑⏑ ⏑⏑ ⏑ ⏑⏑

Сомнѣніе въ вѣрности рукописнаго преданія въ стихахъ O. R. 1330=1350, не говоря уже о формѣ дохміевъ, должно возбудить: 1) прилагательное ἐπιποδίας, которое встрѣчается только въ данномъ мѣстѣ, и 2) въ связи съ этимъ то обстоятельство, что слова ἐμά и καχά въ L. прибавлены уже послѣ того, какъ текстъ былъ написанъ (ср. Mekler, Soph. Trag. adn. crit.). Поэтому, какъ кажется, правъ Веклейнъ, который въ строфѣ выбрасываетъ слова καχά и ἐμά, а въ антистрофѣ — ἐπιποδίας; если мы при этомъ рукописное πάθεα замѣнимъ, какъ предлагаетъ Эльмслей, посредствомъ πάθη, то у насъ получится совершенно правильный ямбическій диметръ, который часто входитъ въ составъ дохмическихъ строфъ. Путь, какимъ про-

ника въ текстъ порча, могъ быть таковъ: при словѣ νομάδος явилась глосса ἐπὶ πόας (Кампбеллъ въ своемъ изданіи замѣняетъ этими словами слово ἐπιποδίας); затѣмъ, превратившись въ ἐπιποδίας, эта глосса проникла въ текстъ антистрофы, въ строфѣ же для соотвѣтствія были удвоены слова καχά и ἐμά. Въ O. R. 1315, какъ показываетъ Эллендтъ, слѣдуетъ принять чтеніе ἀδάματον (Lex. Soph.[2] подъ эт. сл.), которое не только устраняетъ необычную форму дохмія, но и установляетъ соотвѣтствіе между первымъ словомъ стиха въ строфѣ и антистрофѣ. Въ остальныхъ стихахъ рукописное чтеніе, котораго держится Гольдманъ, внушаетъ мало довѣрія въ виду несоотвѣтствія схемы стиха въ строфѣ и антистрофѣ тѣмъ болѣе, что поправки, предлагаемыя различными издателями, очень мало отступаютъ отъ него: Ai. 358 Германъ предлагаетъ читать или такъ:

ἅλιον ὃς ἐπέβας ⏑ ⏑‿⏑ ⏑‿⏑ ⏑ –

потому что прилагательное ἅλιος можетъ не образовать особой формы для женскаго рода, ср. Eur. Heracl. 82, или такъ:

ὃς ἁλίαν ἔβας ⏑ ⏑‿⏑ – ⏑ –

Ai. 956 Порсонъ исправляетъ такъ:

πολύτλας ἀνήρ ⏑ – – ⏑ –

Изъ поправокъ Ai. 430 заслуживаетъ особеннаго вниманія та, которую сдѣлалъ Диндорфъ:

ὀλέθρι' αἰκίζει ⏑ ⏑‿⏑ – ⏑ –

Существованіе такихъ формъ дохмія, въ которыхъ двумя краткими слогами замѣняется второй краткій слогъ, Гольдманъ доказываетъ ссылкой на слѣдующіе стихи: Soph. El. 1246=1266:

οὔ ποτε καταλύσιμον – ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑‿⏑ ⏑
εἴ σε θεὸς ἐπόρισεν

Aesch. Suppl. 352=365:

⏑ ⏑ ⏑ – ⏑‿⏑ – | ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ –
ἴδε με τὰν ἱκέτιν φυγάδα περίδρομον
σὺ δὲ παρ' ὀψιγόνου μάθε γεραιόφρων

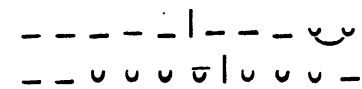
id. Sept. 207=215 (191=201 W):

στόμια πυριγενετᾶν χαλινῶν
πόλεος ἵν' ὑπερέχοιεν ἀλκάν

Soph. O. R. 1324:

ὑπομένεις ἐμὲ τὸν τυφλὸν κηδεύων

Soph. Trach. 1026—1030:



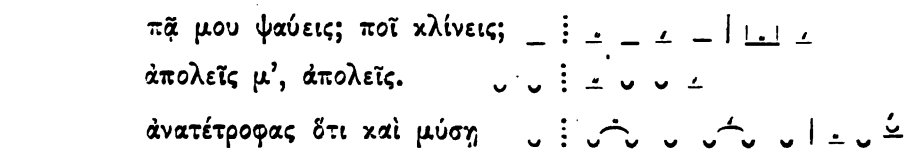
θρώσκει δ' αὖ, θρώσκει δειλαία διολοῦσ'
ἡμᾶς ἀποτίβατος ἀγρία νόσος

Но и изъ этихъ стиховъ ни одинъ не можетъ служить надежнымъ ручательствомъ въ пользу допущенія замѣны второго краткаго слога дохмія двумя. Въ Soph. El. 1246=1266 намъ нѣтъ никакой нужды принимать послѣдній слогъ за обоюдный, а не за краткій, такъ какъ первое слово въ слѣдующемъ стихѣ начинается съ гласнаго звука въ строфѣ и антистрофѣ; краткость же послѣдняго слога исключаетъ форму дохмія съ двумя краткими слогами вмѣсто одного. Въ Aesch. Suppl. 365 очень подозрительно слово γεραφρονῶν (у Гольдмана γεραιόφρων), которое нигдѣ кромѣ этого мѣста не встрѣчается; но если даже мы и не прибѣгнемъ ни къ одной изъ предложенныхъ поправокъ, которыя возстановляютъ правильный дохмическій диметръ въ строфѣ и антистрофѣ, и останемся вѣрными чтенію рукописей, то все-таки можемъ принять этотъ стихъ за двучленный періодъ, состоящій изъ усѣченной на слогъ логаэдической и трохаической триподіи, какъ это предлагаетъ Г. Шмидтъ:

Aesch. Sept. 207=215 съ предшествующимъ ему стихомъ въ M. читается такъ:

στρ. πηδαλίων διὰ στόμα
πυριγενετᾶν χαλινῶν.
ἀντ. πρὸς μακάρων λιτάς, πόλεως
ἵν' ὑπερέχοιεν ἀλκάν.

Какъ бы мы ни исправляли первый изъ этихъ стиховъ, но намъ нѣтъ нужды касаться второго, по крайней мѣрѣ въ антистрофѣ, который представляетъ усѣченный ямбическій диметръ; вслѣдствіе этого для дохмія съ двумя краткими слогами вмѣсто одного не будетъ уже мѣста. Измѣненіе ἐμέ въ μέ, предложенное Эрфурдтомъ, приведетъ въ полное соотвѣтствіе стихъ O. R. 1323 съ параллельнымъ стихомъ въ строфѣ. Ритмическое значеніе Soph. Trach. 1026—1030 выясняется дѣленіемъ на стихи въ строфѣ 1007—1009:



Если мы въ первомъ стихѣ антистрофы не измѣнимъ δειλαία въ δεινά, какъ предлагаетъ Гледичъ, то намъ придется вставить въ строфѣ слово παῖ, какъ предлагаетъ Веклейнъ, и считать первый стихъ за неусѣченный анапестическій диметръ. Было бы весьма странно отступать отъ этого объясненія, основаннаго на дѣленіи стиховъ въ L., и вводить съ Гольдманомъ не встрѣчающуюся нигдѣ форму дохмія, не говоря ужъ объ подозрительномъ обоюдномъ слогѣ въ серединѣ третьяго стиха.

Такимъ образомъ, оказывается, что у насъ нѣтъ ни одного вѣрнаго примѣра употребленія въ дохміи двухъ краткихъ слоговъ вмѣсто одного.

Соотвѣтствіе между дохмическимъ диметромъ и ямбическимъ триметромъ въ другихъ явленіяхъ, на которое ссылается Гольдманъ для подтвержденія своей теоріи или объясняется какъ случайность, или не выдерживаетъ строгой критики.

Въ самомъ дѣлѣ, между распущеніемъ арзисовъ въ дохмическомъ диметрѣ и ямбическомъ триметрѣ нельзя провести полной параллели, потому что въ первомъ одинаково подвергаются распущенію какъ не синкопированные, такъ и синкопированные арзисы; тогда какъ во второмъ синкопированные даже не являются. Поэтому Гольдманъ долженъ былъ бы указать такой ямбическій стихъ, въ которомъ были бы распущены синкопированные арзисы.

Замѣна третьяго и четвертаго краткаго слога посредствомъ ирраціональнаго долгаго въ дохмическомъ диметрѣ, какъ бы ее ни

ограничивалъ Гольдманъ, совершается съ большею свободой, тогда какъ въ ямбическомъ триметрѣ мы не найдемъ ни одного случая такой замѣны соотвѣтствующихъ краткихъ слоговъ.

Положеніе, занимаемое цезурой въ дохмическомъ диметрѣ, объясняется вовсе не тѣмъ, что диметръ произошелъ изъ ямбическаго триметра, а тѣмъ, что цезура, замѣняя діэрезисъ, должна стоять какъ можно ближе къ тому мѣсту, на которомъ является онъ.

Дѣленіе одного стиха между двумя дѣйствующими лицами у Софокла допускается не только по отношенію къ ямбическимъ триметрамъ и дохмическимъ диметрамъ, но и по отношенію къ анапестическимъ диметрамъ, ср. Trach. 977, 981, 991; O. C. 173, логаэдамъ, ср. O. C. 179, 180 и др.

Несостоятельными оказываются и остальныя доказательства Гольдмана.

Въ томъ, что диметръ представляетъ самую древнюю форму дохмическаго стиха, Гольдманъ, по своей вѣроятности, правъ; но зависитъ это отъ числа χρ. πρ., заключающихся въ диметрѣ, а не отъ того, что онъ произошелъ изъ ямбическаго триметра.

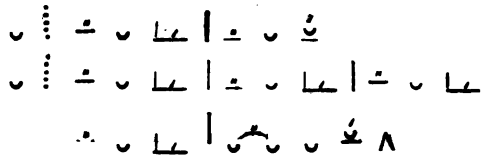
Такое тѣсное соединеніе ямбическихъ триметровъ съ дохмическими диметрами, какое мы находимъ въ Soph. Ant. 1271—1276=1294—1300 и Eur. Hipp. 817—829=836—847 могло бы служить нѣкоторымъ доказательствомъ въ пользу теоріи Гольдмана, еслибы мы не находили гораздо чаще въ такомъ соединеніи съ дохміями ямбическихъ диметровъ. Что касается Soph. Ant. 1275, то ритмическое значеніе этого стиха едва-ли такое, какое предполагаетъ Гольдманъ, потому что въ такомъ случаѣ онъ представлялъ бы изъ себя единственный въ своемъ родѣ примѣръ соединенія въ одно неразрывное цѣлое дохмія съ ямбической триподіей; скорѣе его слѣдуетъ объяснять съ Г. Шмидтомъ и Гледичемъ такимъ образомъ:

⏑ L _ ⏑ _ ⏑ _ ⏑ _ ⏑ _

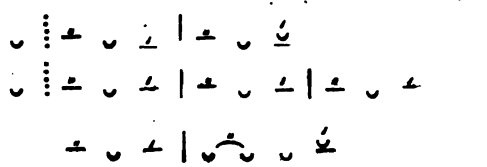
Стихи, въ которыхъ Гольдманъ находитъ ямбическую триподію, равную по своему ритмическому значенію дохмію, или невѣрно истолкованы имъ, или невѣрно прочитаны. Такъ, если мы Aesch. Sept. 167 (152 W) приведемъ въ связь съ предыдущимъ и послѣдующимъ

стихами, то увидимъ, что̀ естественнѣе всего принимать его или за синкопированный ямбическій триметръ:

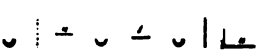
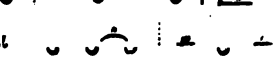
ἰὼ παναρκεῖς θεοί,
ἰὼ τέλειοι τέλειαί τε γᾶς
τᾶσδε πυργοφύλακες



или кретическій триметръ съ анакрузисомъ:



Впрочемъ это послѣднее объясненіе, принадлежащее Г. Шмидту, кажется мнѣ менѣе удачнымъ, такъ какъ предполагаетъ паузу въ четыре χρ. πρ. между первымъ и вторымъ стихомъ. Аналогіи между разсмотрѣннымъ стихомъ и Aesch. Agam. 1136—1146 (1129—1130—1142 и 1143 W) не оказывается никакой, потому что, какъ это видно изъ критическаго изданія Веклейна, въ M. этотъ послѣдній стихъ раздѣленъ на два и читается такъ:

ἰὼ ἰὼ ταλαίνας 
κακόπατμοι τύχαι 

Aesch. Suppl. 375=386 гораздо естественнѣе объяснять какъ логаэдическій триметръ:

въ соотвѣтствіи съ тремя пробрахикаталектическими ямбическими триметрами, которые предшествуютъ ему. Три примѣра чередованія одного изъ дохміевъ, составляющихъ диметръ въ строфѣ, съ ямбической триподіей въ антистрофѣ основаны на невѣрномъ чтеніи рукописей, которое исправляется при помощи самыхъ незначительныхъ измѣненій. Такъ слѣдуетъ читать O. R. 1360:

νῦν δ' ἄθεος μέν εἰμ(ι)

вмѣсто рукописнаго:

νῦν δ' ἄθλιος μέν εἰμ(ι)

хотя можно было бы удержать даже рукописное чтеніе, считая ἄθλιος за трибрахъ; ib. 1365, который въ L. читается такъ:

ἔφυι κακοῦ κακόν

исправленъ Германомъ слѣдующимъ образомъ:

ἔτι κακοῦ κακόν

id. Ant. 1340:

ἐκὼν κατέκτανον

слѣдуетъ измѣнить вмѣстѣ съ Мусграве въ ἑκὼν ἔκτανον

Наконецъ, опредѣленіе времени, когда дохміи появились въ греческой трагедіи, сдѣлано Гольдманомъ безъ достаточной основательности, такъ какъ связь между исчезновеніемъ трохаическаго тетраметра и появленіемъ дохмическаго размѣра остается у него недоказанной. Весьма возможно, что отсутствіе дохміевъ въ Персахъ представляетъ такую же случайность, какъ въ Ифигеніи въ Авлидѣ.

Шульце въ своей диссертаціи De dochmio (1877) соглашается съ Германомъ въ томъ, что характеръ дохмія выражается во встрѣчѣ двухъ тезисовъ, не раздѣленныхъ между собой арзисомъ, и слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ ритмическое значеніе этого размѣра: Dochmium... nihil aliud esse censemus nisi iambicam tripodiam asynartetum (стр. 36). Не входя въ разсужденіе о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ versus asynarteti, и сославшись на Вестфаля, который называетъ этимъ именемъ стихи съ усѣченіемъ внутри, онъ продолжаетъ такъ: Catalexin... tum esse post primam longam apertum est. Quod sic intellegendum ut, cum iambicus numerus more suo et natura in trochaicum transeat (quamobrem Hermannus numerum iambicum, anacrusi dempta, recte aequalem reddere trochaico videtur), pausa, quae alterius iambi arsi eiecta fit, post secundam syllabam ita incidat, ut syllaba brevis expulsa ad praecedentem longam pertinuisse videatur (стр. 36 и сл.). Правда, Вестфаль полагаетъ, что дохмій нельзя признать за прокаталектическую ямбическую триподію въ виду распущенія всѣхъ трехъ долгихъ слоговъ его, но Шульце въ оправданіе своего пониманія

дохмія ссылается на то, что и въ гликонеѣ послѣдній долгій слогъ. предшествующій прекращенію ритмическаго движенія, можетъ подвергаться распущенію; въ дохміи же, какъ это извѣстно изъ наблюденій надъ стихотворными текстами, послѣдній слогъ не бываетъ соединенъ съ послѣдующими ритмическими величинами болѣе тѣсно, чѣмъ въ гликонеѣ; точно также связь между большей и меньшей частью дохмія не оказывается болѣе тѣсной, чѣмъ связь между всѣмъ дохміемъ и примыкающими къ нему сзади размѣрами. Отсюда вытекаетъ, что мы можемъ допустить въ немъ распущеніе долгихъ слоговъ послѣ паузы и передъ нею. Важнѣйшимъ доказательствомъ того, что между первой, большей половинкой дохмія, и второю, меньшей, отсутствуетъ болѣе близкая связь, чѣмъ между концомъ одного ритмическаго члена и началомъ другого, служитъ допущеніе замѣны второго краткаго слога въ дохміи посредствомъ ирраціональнаго долгаго, которое мы встрѣчаемъ вообще только въ концѣ и въ началѣ стиха.

Переходя затѣмъ къ тому возраженію, что въ серединѣ дохмія, разсматриваемаго какъ ямбическая триподія, необходимо предполагать паузу, которая неудобна, Шульце замѣчаетъ, что эта пауза въ одинъ χρ. πρ. не можетъ лишить плавности дохмій, какъ это будетъ, если мы признаемъ его вмѣстѣ съ Вестфалемъ за усѣченную бакхическую диподію и опредѣлимъ длительность паузы въ концѣ его въ два χρ. πρ., потому что, во-первыхъ, большую разницу составляетъ, допускаемъ ли мы паузу въ одинъ χρ. πρ. или въ два, во-вторыхъ, важное значеніе имѣетъ и положеніе этой паузы, такъ какъ, если за трехсложной стопой (⏑ – –) слѣдуетъ двусложная (⏑ –), то пауза послѣ этой послѣдней бываетъ гораздо большей, чѣмъ, если за двухсложной стопой идетъ односложная (–), меньшая ея всего только на одинъ χρ. πρ., тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за этой послѣдней является полная ямбическая стопа. Въ значительной мѣрѣ сглаживаетъ появленіе паузы въ серединѣ дохмія также распущеніе перваго и второго долгаго слога, которое такъ часто встрѣчается въ дохміи.

Далѣе, замѣтивъ по поводу распущенія перваго долгаго слога, что только одно оно иногда сопровождается сокращеніемъ долгой гласной или дифтонга во избѣжаніе зіянія, Шульце выводитъ отсюда, что послѣ второго слога дохмія находилась пауза и восполня-

лась отчасти посредствомъ остатковъ долготы сокращаемыхъ долгихъ гласныхъ и дифтонговъ.

Замѣчательно, продолжаетъ Шулльце, по отношенію къ дохмію то, что никто почти изъ древнихъ ритмиковъ не упоминаетъ иной формы его кромѣ основной (⏑ – – ⏑ –), и что Аристоксенъ рѣшительно нигдѣ даже не намекаетъ на то, что ему знакомъ дохмій. Исходя изъ этого, Шулльце предполагаетъ, что дохмій подобно антиспасту и нѣкоторымъ другимъ размѣрамъ не былъ знакомъ древнимъ ритмикамъ, а былъ открытъ въ позднѣйшее время вслѣдствіе стремленія къ изобрѣтенію новыхъ размѣровъ.

Немаловажнымъ доказательствомъ, по мнѣнію Шулльце, правильнаго пониманія имъ ритмическаго значенія дохмія служитъ тотъ фактъ, что въ греческой трагедіи иногда является неусѣченная ямбическая триподія въ качествѣ самостоятельнаго члена, такъ какъ и дохміи часто встрѣчаются въ качествѣ самостоятельныхъ монометровъ.

Наконецъ, указавъ, что, по наблюденіямъ новѣйшихъ ритмиковъ, въ стихахъ входятъ въ сочетаніе между собой только родственные размѣры, и что это обстоятельство также подтверждаетъ принадлежность состава дохміевъ къ ямбамъ, съ которыми они особенно охотно соединяются, Шулльце дѣлаетъ относительно первыхъ такой выводъ изъ всего сказаннаго имъ: Dochmii igitur, quamquam eos principio esse iambos censeo, apparent tamen—id quod pausa atque asynartesi efficitur—aliter compositi atque a rhythmicis sic fere aut saepe adhibiti esse, quasi octo temporibus constarent, non novem (стр 40).

Но мы не можемъ признавать дохмій вмѣстѣ съ Шулльце за ямбическую триподію съ паузой между первымъ и вторымъ долгимъ слогомъ, во-первыхъ, въ виду того, что никто ни изъ древнихъ ритмиковъ, ни изъ метриковъ не относитъ дохмія по составу его стопъ къ γ. ἰαμβικόν; во-вторыхъ, въ виду того, что это заставляетъ насъ допустить въ дохміи девять χρ. πρ., тогда какъ, согласно ученію тѣхъ же древнихъ ритмиковъ и метриковъ, ихъ заключается въ немъ всего только восемь; въ-третьихъ, въ виду того что, предположивъ даже, что въ дохміи можетъ содержаться девять χρ. πρ., мы должны будемъ черезъ это признать возможнымъ для восполненія недостающаго χρ. πρ. или помѣщать паузу въ серединѣ слова, или распускать долгій слогъ, заключающій въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ.

Однихъ этихъ общихъ соображеній было бы совершенно достаточно для того, чтобы отвергнуть теорію Шулльце; но мы можетъ указать въ ней еще нѣсколько слабыхъ пунктовъ. То объясненіе возможной ирраціональной долготы второго краткаго слога въ дохміи, какое даетъ Шулльце, едва ли можетъ быть признано удовлетворительнымъ, такъ какъ усѣченіе въ серединѣ члена, какъ это показываютъ наблюденія, не влечетъ за собою ослабленія связи между отдѣльными частями его, выражающейся въ недопущеніи зіянія и безразличнаго слога (συναφεια). Далѣе, долгая гласная или дифтонгъ при сокращеніи передъ непосредственно слѣдующей гласной, во избѣжаніе зіянія, не превышаетъ по своей длительности обыкновеннаго краткаго слога, такъ какъ, по крайней мѣрѣ въ дифтонгѣ, неслоговая часть обращается въ соотвѣтствующій согласный звукъ. Наконецъ, изъ умолчанія Аристоксена о дохміи нельзя дѣлать никакихъ выводовъ въ виду очень авторитетнаго показанія объ этомъ размѣрѣ со стороны неизвѣстныхъ ритмиковъ схолій къ Гефестіону и Etym. M., а также другихъ извѣстій, идущихъ изъ древности.

Если не болѣе удачная, то во всякомъ случаѣ болѣе серьезная попытка отнести дохмій по его составу къ γένος ἰαμβικόν сдѣлана была *Пикелемъ* въ его диссертаціи De versuum dochmiacorum origine (1881).

Этотъ ученый замѣтилъ, что первый долгій слогъ дохмія подвергается распущенію гораздо чаще, чѣмъ второй, и заключилъ отсюда, что если дохмій дѣйствительно представляетъ изъ себя триподію, принадлежащую по составу своихъ стопъ къ γένος διπλάσιον, то за χρ. τρίσημος въ немъ надобно признавать не первый, а второй долгій слогъ. Но это заключеніе ставитъ Пикеля въ противорѣчіе съ Вестфалемъ, который, доказавъ возможность пропуска внутри члена части стопы, не находящейся подъ ритмическимъ удареніемъ, утверждаетъ въ тоже время, что недостающая часть стопы восполняется протяженіемъ долгаго слога, предшествующаго пропущенной части, а не слѣдующаго за ней какъ въ нисходящихъ, такъ и въ восходящихъ размѣрахъ. Поэтому Пикель, прежде чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію дохміевъ, дѣлаетъ попытку доказать слѣдующее необходимое для него общее положеніе: Arsis per syncopam sublata potest compensari productione theseos eiusdem pedis, in versibus trochaicis praecedentis, in iambicis sequentis

(стр. 9). При этомъ онъ упоминаетъ, что тоже самое положеніе уже ранѣе было высказано Гольдманомъ, который опровергалъ Вестфаля въ вопросѣ о мѣстѣ протяженія въ восходящихъ размѣрахъ, основываясь на томъ, что этотъ ученый не обращаетъ, по его мнѣнію, должнаго вниманія ни на восходящій характеръ ямбовъ, для сохраненія котораго мы должны восполнять пропущенный тезисъ (часть стопы, находящаяся подъ ритмическимъ удареніемъ по терминологіи Гольдмана) посредствомъ протяженія слѣдующаго за нимъ долгаго слога, а не предшествующаго, ни на самую стопу, которая остается неполной, такъ какъ вслѣдствіе того, что протягивается не ея арзисъ, а арзисъ предшествующей стопы, она содержитъ въ себѣ всего только два χρ. πρ. вмѣсто трехъ, тогда какъ предшествующая ей стопа заключаетъ ихъ четыре. Но Вестфаль не согласился съ возраженіями Гольдмана и въ предисловіи ко второму изданію своей метрики указалъ тѣ основанія, изъ которыхъ онъ исходилъ; основаній этихъ три: во-первыхъ, аналогія между ямбическими и соотвѣтствующими имъ трохаическими асинартетами (такъ онъ называетъ стихи съ недостающимъ арзисомъ какой-нибудь стопы), которая состоитъ въ томъ, что какъ неусѣченный ямбическій диметръ представляетъ изъ себя усѣченный трохаическій диметръ, распространенный посредствомъ анакрузиса:

⏑ – ⏑ – ⏑ – ⏑ –
– ⏑ – ⏑ – ⏑ –

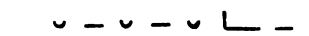
такъ и неусѣченный ямбическій диметръ съ синкопой представляетъ тотъ же усѣченный трохаическій диметръ, распространенный посредствомъ анакрузиса, также съ синкопой:

⏑ – ⏑ – – ⏑ –
– ⏑ – – ⏑ –

во-вторыхъ, недопущеніе замѣны одинаковыхъ по порядку долгихъ слоговъ посредствомъ двухъ краткихъ въ трохаическихъ и ямбическихъ стихахъ; въ-третьихъ, разстановка нотныхъ знаковъ въ дошедшихъ до насъ гимнахъ Месомеда, изъ которой видно, что въ концѣ стиха, имѣющемъ такую схему ⏑ – –, первый долгій слогъ заключаетъ въ себѣ три χρ. πρ., а второй два. Если же въ стихѣ, продолжаетъ Вестфаль, схема котораго такова:

⏑ – ⏑ – ⏑ – –

предпослѣдній слогъ заключаетъ въ себѣ три χρ. τρ.:



то отсюда ясно, что при отсутствіи выраженія для второго краткаго слога въ томъ же стихѣ:

этотъ слогъ долженъ быть возмѣщенъ посредствомъ протяженія предшествующаго ему долгаго слога, а не слѣдующаго за нимъ:

Изъ всего этого Вестфаль выводитъ слѣдующее правило о мѣстѣ протяженія въ ямбическихъ стихахъ: im Inlaute des iambischen Verses ist diejenige Länge, hinter welcher die Kürze unterdrückt (?) ist, eine 3-zeitige, nicht diejenige, vor welcher die Kürze fehlt (Gr. Metrik² стр. XI).

Но Пикель не соглашается съ доводами Вестфаля и въ опроверженіе перваго изъ нихъ указываетъ, что понятіе объ анакрузисѣ отдѣленіе котораго необходимо предполагается, если допустить въ ямбическихъ стихахъ протяженіе тамъ, гдѣ его дѣлаетъ Вестфаль, не существовало въ древности и было заимствовано изъ современной музыкальной ритмики, по ученію которой тактъ можетъ начинаться только съ ноты подъ удареніемъ, и что вслѣдствіе этого Вестфаль самъ себѣ противорѣчитъ, такъ какъ признаетъ неимѣющими подъ собой твердой почвы всѣ тѣ законы, которые не основы ни на показаніяхъ древнихъ ритмиковъ, и, особенно Аристоксена, ни на выводахъ изъ этихъ показаній. Совершенно иначе, чѣмъ теперь, продолжаетъ Пикель, дѣлили стихи древніе, которое начинали одни стопы съ тезиса, другія—съ арзиса. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ рядъ показаній древнихъ ритмиковъ и метриковъ, въ которыхъ указывается, что между трохеями и ямбами существуетъ διαφορὰ κατ' ἀντίθεσιν.

Послѣ этого Пикель обращается къ опроверженію третьяго довода Вестфаля и сначала разсматриваетъ гимнъ Месомеда къ Музѣ по codex Marcianus Venetus одиннадцатаго вѣка, основываясь на показаніяхъ объ этой рукописи, сдѣланныхъ Шёлемъ. Гимнъ Месомеда, говоритъ Пикель, состоитъ изъ неусѣченныхъ и усѣченныхъ ямбическихъ тетраподій; въ неусѣченныхъ тетраподіяхъ число сло-

говъ и нотныхъ знаковъ одно и тоже, а въ тѣхъ изъ усѣченныхъ, которыя не подверглись порчѣ, число нотъ превышаетъ число слоговъ, такъ что на два послѣднихъ слога такихъ тетраподій приходится четыре нотныхъ знака. Вестфаль три изъ этихъ четырехъ нотъ относитъ къ предпослѣднему долгому слогу, откуда заключаетъ, что этотъ слогъ содержитъ въ себѣ три χρ. πρ. Пикель же, указавъ на небрежность переписчика, которая обнаруживается уже въ томъ, что въ первомъ словѣ стиха гимна три ноты, которыя должны были бы быть помѣщены надъ каждымъ изъ трехъ слоговъ этого слова, всѣ отнесены къ одному третьему, и въ томъ, что надъ вторымъ словомъ, которое состоитъ изъ двухъ слоговъ, также двѣ ноты поставлены при одномъ послѣднемъ слогѣ, дѣлаетъ отсюда выводъ, что еслибы даже дѣйствительно въ усѣченной тетроподіи три ноты были написаны надъ предпослѣднимъ слогомъ, то это все-таки не могло бы служить надежнымъ доказательствомъ длительности этого слога въ теченіе трехъ χρ. πρ. Но на самомъ дѣлѣ, продолжаетъ онъ, этого нѣтъ, такъ какъ въ четвертомъ стихѣ, какъ это видно изъ показанія Шёлля, изъ четырехъ нотъ, относящихся къ двумъ послѣднимъ слогамъ, три расположены такъ, что мы съ одинаковымъ правомъ можемъ относить ихъ и къ послѣднему и къ предпослѣднему слогу. Что касается двухъ другихъ гимновъ Месомеда къ Солнцу и къ Немезидѣ, при разсмотрѣніи которыхъ Пикель основывается на codex Neapolitanus пятнадцатаго вѣка, то тотъ и другой изъ нихъ состоитъ изъ неусѣченныхъ и усѣченныхъ логаэдическихъ тетроподій съ тремя анапестическими стопами въ началѣ. Въ составѣ обоихъ гимновъ заключается шестнадцать усѣченныхъ стиховъ, но изъ нихъ имѣютъ значеніе для рѣшенія разсматриваемаго нами вопроса пять, такъ какъ только въ нихъ число нотъ двумя превышаетъ число слоговъ. Вестфаль и нѣкоторые другіе ученые, продолжаетъ Пикель, принимаютъ, что и здѣсь къ предпослѣднему слогу относятся три ноты; но изъ точнаго списка текста этихъ гимновъ, который приложенъ Беллерманомъ къ его Die Hymnen des Dionysius und Mesomedes, видно, что въ стихѣ 13 гимна къ Солнцу надъ предпослѣднимъ слогомъ совсѣмъ нѣтъ никакой ноты, а въ остальныхъ четырехъ стихахъ на послѣднемъ слогѣ стоитъ по двѣ ноты, хотя всѣ онѣ и поданы нѣсколько впередъ, такъ какъ переписчикъ, очевидно, боялся, что онѣ всѣ не умѣстятся надъ словами.

Важное доказательство въ пользу своей теоріи Пикель видитъ во второй половинѣ стиха Aesch. Eum. 390=398, которая въ рукописяхъ читается такъ:

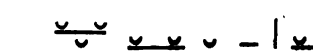
δυσοδοπαίπαλα
καίπερ ὑπὸ χθονός

Такъ какъ чтеніе всего этого стиха въ антистрофѣ не подаетъ никакого повода къ сомнѣнію относительно его вѣрности, то Пикель полагаетъ, что мы можемъ на основаніи его установить схему и для стиха строфы, который возбуждалъ сомнѣніе уже въ древности, какъ это видно изъ того, что въ M. при немъ сдѣланъ значекъ ζτ, и исправлять чтеніе его во второй половинкѣ слѣдующимъ образомъ:

δύσοδα παίπαλα

Будучи исправлена такимъ образомъ, эта часть стиха представляетъ изъ себя, по его мнѣнію, ямбическую триподію, въ которой недостающій арзисъ второй стопы необходимо долженъ быть восполненъ протяженіемъ въ χρ. τρίσημος не тезиса первой стопы, который распущенъ, а второй:

Однако не всегда арзисъ стопы, не выраженный особымъ слогомъ, восполняется протяженіемъ слѣдующаго за нимъ тезиса, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по мнѣнію Пикеля, это послѣднее можетъ быть замѣнено посредствомъ паузы. Пауза можетъ явиться только послѣ конца слова, хотя и тутъ ничто не мѣшаетъ вмѣсто нея допустить протяженіе долгаго слога въ χρ. τρίσημος. Только въ такихъ строфахъ или разрядахъ стиховъ мы можемъ съ большимъ правдоподобіемъ предполагать непремѣнно паузу, а не протяженіе, въ которыхъ наблюдается постоянное совпаденіе конца слова съ концомъ стопы, предшествующей пропущенному арзису. Таковы— встрѣчающіеся только у Плавта усѣченные ямбическіе диметры съ синкопой третьяго арзиса:



которые употребляются какъ сами по себѣ, такъ и въ соединеніи съ неусѣченными ямбическими диметрами (v. Reizianus). Недостающій

арзисъ въ такихъ стихахъ мы должны восполнять посредствомъ паузы, такъ какъ тезисъ той же стопы является въ распущенномъ видѣ. Такіе же стихи, думаетъ Пикель, существуютъ и въ греческой поэзіи, при чемъ пауза можетъ явиться въ нихъ не только тогда, когда тезисъ стопы, арзисъ которой не выраженъ слогомъ, бываетъ распущенъ, но и тогда, когда онъ бываетъ долгимъ слогомъ.

Послѣ этого Пикель переходитъ къ объясненію ритмическаго значенія дохмія; но мы, прежде чѣмъ приступить къ изложенію его взгляда на этотъ счетъ, разсмотримъ, на сколько надежны тѣ доводы, на которыхъ онъ основывается.

Общій отзывъ о первой части диссертаціи Пикеля сдѣланъ Клотцемъ въ рецензіи на нее, помѣщенной въ Jahresbericht f. Alterthumswiss. XXXVI (1883 III) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Einen durchschlagenden Grund für diese ganz verschiedene Behandlung der jambischen und trochäischen τονή kann Pickel nicht vorbringen (стр. 377). Если мы разсмотримъ въ частности каждое изъ тѣхъ основаній, которыми руководился Пикель, то найдемъ, что трудно не согласиться съ этимъ отзывомъ Клотца.

Соглашаясь съ первымъ доводомъ Гольдмана, Пикель неправъ, такъ какъ нисходящій или восходящій характеръ ритмическаго движенія въ стихѣ зависитъ отъ того, будетъ ли этотъ стихъ начинаться слогомъ безъ ударенія или подъ ударéніемъ, т. е. анакрузисомъ или нѣтъ, а не отъ того, гдѣ мы будемъ восполнять недостающій арзисъ стопы въ серединѣ его. Далѣе, если мы допустимъ справедливость этого довода Гольдмана, то черезъ это введемъ въ греческую ритмику такіе χρ. τρίσημοι, въ которыхъ ритмическое ударéніе является, начиная только со второго χρ. πρ., тогда какъ первый остается безъ ударенія. Но такихъ долгихъ слоговъ съ восходящимъ ритмическимъ ударéніемъ мы нигдѣ не находимъ въ другихъ случаяхъ при разборѣ стихотворныхъ текстовъ; ничего не упоминаютъ объ нихъ и древніе ритмики и метрики.

Не можемъ мы также согласиться и со вторымъ доказательствомъ Пикеля, заимствованнымъ имъ у Гольдмана. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ рядъ ямбическихъ стопъ:

..... ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ — .....

Нетрудно замѣтить при чтеніи, что каждый краткій слогъ въ этомъ ряду подчиняется ритмическому ударенію предшествующаго ему долгаго слога, а не слѣдующаго за нимъ, и что слѣдовательно въ случаѣ отсутствія краткаго слога онъ долженъ быть замѣняемъ протяженіемъ того долгаго слога, ударенію котораго онъ подчиненъ. Отсюда ясно, что мѣсто, занимаемое протяженіемъ въ ямбахъ, опредѣлено Вестфалемъ совершенно правильно.

Не болѣе удачны доказательства самого Пикеля: такъ показанія древнихъ ритмиковъ о διαφορὰ κατ' ἀντίθεσιν между ямбами и трохеями, на которыя онъ ссылается, не имѣютъ никакого значенія для опредѣленія мѣста занимаемаго протяженіемъ въ ямбическихъ стихахъ. Мало того, мы не имѣемъ даже права въ настоящее время дѣлить стихи на стопы по методѣ древнихъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ она оказывается совершенно несостоятельной. Несостоятельность ея и невозможность держаться ея и теперь, когда существуетъ болѣе совершенная, обнаруживается лучше всего въ томъ, когда на основаніи ея мы должны опредѣлить предѣлы каждой стопы въ стихѣ, состоящемъ изъ нисходящихъ іониковъ съ превращеніемъ. Держась старой методы, мы непремѣнно должны допустить, какъ это дѣлаетъ Гефестіонъ и его схоліастъ, въ такомъ стихѣ μεταβολὴ ῥυθμοῦ, которой на самомъ дѣлѣ нѣтъ:

… ⏑ ⏑ – ⏑ | – ⏑ – – | ⏑ ⏑ – – ….

тогда какъ, если мы выдѣлимъ два первыхъ краткихъ слога въ качествѣ анакрузиса, то все будетъ совершенно ясно:

⏑ ⏑ ⁞ – ⏑ – ⏑ | – – ⏑ ⏑ ….

Точно также несостоятельной оказывается древняя метода и тогда, когда мы должны, руководясь ей, дѣлить на стопы пеоническіе стихи съ анакрузисомъ въ одинъ χρ. πρ.:

⏑ – | ⏑ – | – ⏑ – | ….

тогда какъ по нашей и здѣсь намъ нѣтъ никакой необходимости предполагать μεταβολὴ ῥυθμοῦ:

⏑ ⁞ – ⏑ – | – ⏑ – | ….

Отсюда видно, что такъ какъ дѣленіе стиховъ на стопы по древней методѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывается совершенно ошибоч-

имъ, то странно было бы настаивать на сохраненіи ея, гдѣ бы то ни было.

Впрочемъ и въ древности сознавалось уже, что разница между восходящими и соотвѣтствующими имъ нисходящими размѣрами существуетъ только формальная, какъ это доказывается тѣмъ, что древніе метрики подводили такіе размѣры подъ одну ἐπιπλοκή, ср. Вестфаль, Gr. Rhythm³. стр. 212 и сл.

Не можемъ мы также согласиться и съ тѣмъ, что различіе между восходящими и нисходящими размѣрами, какъ это утверждаетъ Пикель, выражается въ томъ, что въ первыхъ главное ритмическое удареніе падаетъ на вторую стопу въ диподіи, а во вторыхъ — на первую. Напротивъ того, изъ слѣдующихъ словъ Аристида Квинтиліана можно заключить, что какъ въ тѣхъ, такъ въ другихъ оно падало одинаково на первую стопу: κρητικός, ὃς συνέστηκεν ἐκ τροχαίου θέσεως καὶ τροχαίου ἄρσεως, δάκτυλος κατ' ἴαμβον, ὃς σύγκειται ἐξ ἰάμβου θέσεως καὶ ἰάμβου ἄρσεως (стр. 26_{20-23} J); косвенно подтверждаютъ тоже самое и два латинскихъ грамматика: Діомедъ стр. 503_{33} и 504_{1} и Марій Викторинъ, стр. 81_{29}, 182_{14}, которые, повидимому, по греческому источнику называютъ нечетныя стопы ямбическихъ стиховъ dextri pedes; а такое названіе этихъ стопъ, какъ кажется, должно отмѣтить въ нихъ болѣе сильное ритмическое удареніе, чѣмъ въ четныхъ. Кромѣ этихъ показаній, идущихъ изъ древности, тотъ фактъ, что первый ударъ въ диподіи, будетъ ли она состоять изъ восходящихъ или нисходящихъ стопъ, представляется для слуха болѣе сильнымъ, чѣмъ второй, показываетъ, что какъ въ ямбическихъ, такъ и трохаическихъ стихахъ болѣе сильное ритмическое удареніе падаетъ на нечетныя стопы. Еще болѣе сильное доказательство того же мы найдемъ въ употребленіи ирраціональныхъ стопъ. Разсматривая ирраціональную стопу въ γένος διπλάσιον по формѣ ея, мы видимъ, что она состоитъ изъ двухъ равныхъ другъ другу χρόνοι ποδικοί, тогда какъ въ раціональной стопѣ тезисъ является вдвое большимъ арзиса; понятно, что если мы будетъ читать или пѣть такой рядъ стопъ, въ которомъ раціональныя стопы будутъ чередоваться съ ирраціональными, то намъ всегда будетъ слышаться, что тезисъ раціональной стопы носитъ на себѣ болѣе сильное ритмическое удареніе, чѣмъ тезисъ ирраціональной, по одному тому, что за тезисомъ раціональной сто-

ны слѣдуетъ вдвое болѣе короткій, чѣмъ онъ, арзисъ, тогда какъ за тезисомъ ирраціональной стопы слѣдуетъ арзисъ, равный ему по длительности. Такимъ образомъ, первое доказательство, которое выставилъ Вестфаль, не можетъ быть признано уничтоженнымъ Пикелемъ.

Что касается доводовъ Пикеля, приводимыхъ имъ для опроверженія третьяго доказательства Вестфали, то я ограничусь только тѣмъ, что приведу относящіяся сюда строки изъ упомянутой уже мною выше рецензіи Клотца: Ganz verfehlt, говоритъ этотъ ученый, aber ist der Beweis aus den alten Musiknoten. Verfasser schöpft dabei nur aus einer Quelle, nämlich aus dem von Rud. Schoell im Jahre 1867 verglichenen (obiter inspexit) codex Marcianus Venetus graecus VI 10 membran. fol. saec. XI. Weil in dieser Handschrift bisweilen in katalektischen Formen auf der letzten Sible zwei Notenzeichen stehen, soll bewiesen sein, dass die letzte Silbe τρίσημος sei, nicht die vorletzte. Aber Stellen wie hymn. in Solem V. 23, in Nemesin

ρμ ρσ μσ σφ
9 μόσχων und βαίνεις beweisen schon deshalb nichts, weil die vorletzte Silbe auch zwei Zeichen hat. Eine nähere Betrachtung und Vergleichung mit der sonstigen Ueberlieferung der Reihen zeigt vielmehr, dass am Schlusse nur deshalb sich die Noten häufen, weil der Schreiber für die ersten Zeichen, da er fast regelmässig über jede Silbe nur ein Zeichen setzte, zu viel Platz verbrauchte. Recht anschaulich lässt sich das machen an hymn. in Solem 21, einem Vers, den auch Westphal nicht richtig notiert. Die Ueberlieferung ist hier:

σ P μ μ μ σ ρ μ μ ιλμ
γλαυκὰ δὲ πάροιθε σελάνα

und

ρ
σρ M M M σς M M ι λM
γλαυκὰ δὲ πάροιθε σελάνα

Demnach ist zunächst klar, dass γλαυ- zwei Noten hat und die unbedeutenden Senkungen δὲ πα θε und σε sämtlich sehr passend mit M notiert sind, λανα aber auf der ersten Silbe ιλ d. i. die τρίσημος hat und auf der zweiten wieder M. Weshalb aber hat sich im Marcianus alles auf die letzte Silbe gehäuft? Offenbar, weil der

Schreiber das Zeichen ρ fälschlich auf die Senkung ϑε und dann folgerichtig das nächste M auf die Silbe σε- rückte und dann für λα noch ein M blieb, also die drei letzten Zeichen auf -να gedrängt wurden (ιλμ)... Doch genug, es erleidet gar keinem Zweifel, dass die alten Noten für die gewöhnliche Messung sprechen, man vergleiche nur Stellen, wie hymn. in Solem 2. 4 in Nemesin 3, wohl auch in Solem 7:

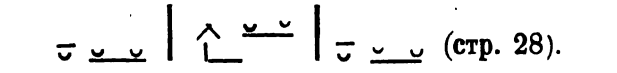
ιλ μ μ ζλ ζ ϵλ ρρ σ
πώλων. δίωκων. ϑνατῶν. παγάν u. a. (стр. 378 и сл.).

Ссылка на Aesch. Eum. 390=498, какъ можно догадываться, предназначена для опроверженія второго доказательства Вестфаля. Но въ такомъ случаѣ Пикель не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ мы не можемъ считать опровергнутыми первое и третье доказательство Вестфаля, и такъ какъ одинъ этотъ стихъ, ненадежный въ критическомъ отношеніи, не можетъ служить доводомъ въ пользу какого бы то ни было положенія. Кромѣ того этотъ же стихъ, допустивъ, что Пикель исправляетъ его правильно, можетъ быть принятъ за трохаическую триподію, которой въ антистрофѣ соотвѣтствуетъ логаэдическая съ первой стопой въ формѣ дактиля, ср. стр. 49.

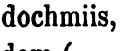
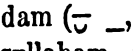
Такъ же мало, какъ и все предыдущее, можно одобрить попытку Пикеля доказать, что въ случаѣ пропуска арзиса ямбической стопы онъ можетъ быть восполненъ не посредствомъ протяженія тезиса ея въ χρ. τρίσημος, а посредствомъ паузы въ одинъ χρ. πρ. По крайней мѣрѣ Клотцъ слѣдующимъ образомъ отзывается въ своей рецензіи объ этой попыткѣ и о приложеніи ея на практикѣ: Verfasser... behauptet, eine solche τρίσημος im Jambus könne auch ausgefüllt werden dadurch, dass vor ihr eine einmorige Pause eintrete; ja er misst z. B. Aesch. suppl. 423 μηδ' ἴδῃς μ' ἐξ ἑδρᾶν πολυθέων so ⏑ – | ⏑ – | ⏑ ⏑ – u. ä., weil eine solche τρίσημος zugleich in zwei Kürzen und eine vorhergehende einmorige Pause aufgelöst sein könne. Diese Ansicht sucht er in § 6 und 7 durch eine grössere Zahl ganz unerhörter Messungen probabel zu machen, welche grosse Errungenschaften der Rossbach-Westphal'schen speciellen Metrik wieder in Frage stellen würden (стр. 379).

Вторая часть диссертаціи, посвященная уже исключительно дохміямъ, начинается прямо слѣдующимъ выводомъ изъ предыдущаго:

versus dochmiacos... nihil impedit quominus referamus in versuum iambicorum numerum, quibus et formae similitudine et crebra coniunctione sunt propinqui, statuentes dochmios esse tripodias iambicas arsi secunda syncopata conspicuas:

 (стр. 28).

Недостающій арзисъ второй стопы въ дохміи долженъ быть восполненъ посредствомъ протяженія слѣдующаго за нимъ тезиса. Частые случаи распущенія перваго долгаго слога на два краткихъ, нисколько не противорѣчатъ, по мнѣнію Пикеля, предлагаемому имъ объясненію дохмія, такъ какъ и въ ямбахъ нерѣдко является въ распущенной формѣ тезисъ стопы, арзисъ которой пропущенъ, особенно первой. Подтвержденіе справедливости своего сближенія дохміевъ съ ямбами Пикель усматриваетъ въ соотвѣтствіи между тѣми и другими, которое выражается, во-первыхъ, въ томъ, что у Эсхила какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ первый арзисъ особенно часто является въ формѣ ирраціональнаго долгаго слога, тогда какъ у другихъ драматическихъ поэтовъ какъ въ ямбическихъ стихахъ первый арзисъ бываетъ долгимъ гораздо рѣже, чѣмъ у Эсхила, такъ въ связи съ этимъ и въ дохміи первый краткій слогъ гораздо рѣже замѣняется посредствомъ долгаго слога; во-вторыхъ, въ томъ, что въ ямбахъ и дохміяхъ одинаково распущеніе тезиса стопы съ пропущеннымъ арзисомъ по большей части сопровождается распущеніемъ тезиса и предыдущей.

Однако какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дохміи бываютъ распущены оба первыхъ долгихъ слога, или даже одинъ второй? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ слѣдующее: Et in iis dochmiis, qui duabus thesibus solutis decurrunt, et in iis, in quibus thesis altera sola est soluta, si recta est opinio nostra dochmios esse versus iambicos syncopatos, arsis sublata non longa trisema, sed vacuo tempore potest esse compensata, cum thesis eius pedis, cuius arsin per syncopae artificium esse sublatam censemus, in duas breves sit soluta. Oportet igitur in iis fiat caesura ante thesin alteram: id est in iis dochmiis, qui hac thesi sola soluta insignes sunt, post syllabam secundam (), in iis, qui utramque solutam exhibent, post syllabam tertiam () (стр. 30). Хотя для

Пикеля важно доказать только то, что цезура въ дохміи постоянно является передъ распущеннымъ на два краткихъ слога вторымъ тезисомъ, однако онъ предварительно обращается къ тѣмъ случаямъ, когда она является въ формахъ дохмія съ нераспущеннымъ тезисомъ второй стопы, и дѣлаетъ относительно ихъ слѣдующій выводъ, основанный на статистическихъ данныхъ: Ex 1719 igitur dochmiis classium I (⏑ – – ⏑ ⏑⏑) et II (⏑ ⏑ ⏑ – ⏑ ⏑⏑) incisi sunt:

a. post primam thesin solam 391 id est non quarta pars sive 22,8%,

b. post secundam thesin solam 789 id est non dimidia pars sive 45,9%,

c. post primam et secundam thesin 389 id est non quarta pars sive 22,5%,

d. Caesura carent 150 id est non duodecima fere pars sive 8,7% (стр. 34).

Послѣ этого Пикель переходитъ уже къ разсмотрѣнію III (⏑̄ ⏑⏑ ⏑⏑ ⏑̄ ⏑ ⏑) и IV (⏑̄ – ⏑ ⏑ ⏑̄ ⏑ ⏑) класса дохміевъ, общее число которыхъ равняется 172 (170?); изъ этого числа въ третьемъ классѣ цезуру имѣютъ послѣ третьяго краткаго слога (III a) 69 дохміевъ, что составляетъ 39% (40?) общаго количества ихъ; послѣ третьяго и пятаго (III c)—64 дохмія, т. е. около 38% общаго числа; при этомъ къ числу стиховъ какъ съ одной, такъ и съ двумя цезурами присоединены и такіе, въ которыхъ цезура отдѣляетъ другъ отъ друга двѣ части сложнаго слова. Общій выводъ изъ всѣхъ этихъ данныхъ таковъ: Ergo, ut in classibus I et II, ita etiam in III numerus dochmiorum post primam thesin solam et dochmiorum post primam et secundam thesin incisorum idem fere est. Efficiunt autem in hac classe dochmii generum a (⏑ ⏑⏑ | ⏑⏑ ⏑ ⏑⏑) et c (⏑ ⏑⏑ | ⏑⏑ | ⏑ ⏑⏑) non, sicut in I pariterque in II fit, dimidiam non prorsus partem, sed fere $^4/_5$ vel 78%. Ii vero versus, qui caesura carent, et versus post thesin secundam solam incisi, quorum numerus in classibus I et II par est dochmiis generum a+c, omnino 22% tantum efficiunt; sunt enim 37 dochmii, 8 Aeschylei, 7 Sophoclei, 20 Euripidei, 2 Aristophanei.

Atque huius numeri exigui 37 plus quam dimidia pars (26) incisa est post syllabam quartam; quos dochmios si detraxeris de

summa (37), 11 tantum supersunt dochmii classis III b (⏑ – ⏑ – | ⏑ – –).

Ex his 37 versiculis autem 8 non sunt traditi tanquam dochmii, sed coniecturis virorum doctorum textui illati, alii falsa distributione mihi videntur esse orti. Inter ceteros sunt, qui etiam aliis difficultatibus laborent et facili modo, plerique transpositione verbi, possint sanari. Paucos qui restant alio modo posse explicari infra docebitur. (стр. 38).

Разбору этихъ стиховъ, не допускающихъ цезуры передъ распущеннымъ вторымъ долгимъ слогомъ дохмія, и посвящена остальная часть диссертаціи Пикеля. Сначала онъ разсматриваетъ тѣ изъ нихъ, въ которые внесена порча издателями или переписчиками вслѣдствіе излишняго повторенія одного и того же слова; всѣхъ случаевъ относящихся сюда Пикель насчитываетъ восемь: 1) Aesch. Sept. 204 (186 W), который въ M. читается такъ:

ἀκού-σασα τὸν ἁρματόκτυπον

Пикель исправляетъ слѣдующимъ образомъ:

ἀκού-σασα τὸν ἁρμάτων κτύπον ὄχων τ' ὄτοβον.

Но мы, мнѣ кажется, должны предпочесть поправку этого стиха, предложенную Веклейномъ, какъ болѣе консервативную, не смотря на то, что она не позволяетъ допускать паузы послѣ третьяго слога дохмія:

.... ἀκού-
σασα τὸν ἁρματόκτυπον ὄχων ὄτοβον.

2) Eur. Herc. 921 (919 N) въ рукописяхъ читается такъ:

λέγε, τίνα τρόπον ἔσυτο θεόθεν ἐπί

и исправляется Диндорфомъ для того, чтобы онъ представлялъ изъ себя дохмическій диметръ, слѣдующимъ образомъ:

<λέγε,> λέγε τίνα τρόπον ἔσυτο θεόθεν ἐπί

Пикель предлагаетъ исправлять иначе:

λέγε <τάχος, λέγε>, τίνα τροπον ἔσυτο θεό-
θεν. . .

не приведя ни одного вѣскаго довода, который заставлялъ бы насъ отказаться отъ простой поправки Диндорфа, тѣмъ болѣе, что она позволяетъ намъ сохранить рукописное дѣленіе на стихи.

3) Въ id. Ion. 776, который въ рукописяхъ читается такъ:

τόδ' ἐπὶ τῷδε κακὸν ἄκρον ἔλακες

Зейдлеръ удвоиваетъ слово ἔλακες для того, чтобы образовать изъ разсматриваемаго стиха дохмическій диметръ. Пикель также удвоиваетъ въ немъ слово ἔλακες, но вставляетъ его передъ ἄκρον:

τόδ' ἐπὶ τῷδε κακὸν ἔλακες ἄκρον ἔλακες

не смотря на то, что пропускъ гораздо естественнѣе предположить тамъ, гдѣ его допускаетъ Зейдлеръ.

4) ib. 790 и сл. которые въ рукописяхъ читаются такъ:

ὀτοτοτοῖ· τὸ δ' ἐμὸν ἄτεκνον ἄτεκνον ἔλαβεν
ἄρα βίοτον, ἐρημίᾳ δ' ὀρφανούς

Пикель предлагаетъ исправлять или слѣдующимъ образомъ:

τὸ δ' ἐμὸν ἄρα βίοτον ἄτεκνον ἄτεκνον ἔλαβεν ἐν ἐρημίᾳ

или слѣдующимъ:

τὸ δ' ἐμὸν ἄρα βίοτον ἄτεκνον ἔλαβεν ἄτεκτον ἐν ἐρημίᾳ

выдѣляя изъ стиха, вопреки рукописямъ, восклицаніе ὀτοτοτοῖ въ нѣчто самостоятельное. Но болѣе консервативную поправку этихъ же стиховъ предложилъ Г. Шмидтъ:

ὀτοτοτοῖ τὸ δ' ἐμὸν
ἄτεκνον ἄτεκνον ἔλαβ' ἄρα βίοτον, ἐρημίᾳ δ' ὀρφανούς

которая, мнѣ кажется, заслуживаетъ большаго довѣрія, чѣмъ обѣ поправки Пикеля.

5 и 6) Eur. Hel. 650, который въ рукописяхъ читается:

πόσιν ἐμὸν ἔχομεν ἔχομεν, ὃν ἔμενον

Зейдлеръ весьма просто обращаетъ въ дохмическій диметръ, повторяя слово ἐμόν; Пикель же предлагаетъ исправлять или слѣдующимъ образомъ:

πόσιν <πόσιν> ἔχομεν | ἔχομεν, ὃν ἔμενον

или слѣдующимъ:

ἔχομεν ἔχομεν ἐμὸν, | ὃν ἔμενον πόσιν.

Мнѣ кажется, что исправленіе этого стиха Зейдлеромъ слѣдуетъ предпочесть исправленію Пикеля въ виду большей консервативности.

7 и 8) Eur. Herc. f. 1059 (1060 и сл. N), который читается въ рукописяхъ такъ:

εὕδει; :: ναί, εὕδει
ὕπνον ὕπνον ὀλόμενον,
ὃς ἔκανεν ἄλοχον, ἔκανε, δὲ τέκεα, τοξήρει
ψαλμῷ τοξεύσας,

Пикель исправляетъ слѣдующимъ образомъ:

εὕδει; :: ναί, εὕδει | ὀλοὸν ὕπνον, ἄλοχον
ὃς ἔκαν' ἔκανε δὲ <τὰ> | τέκεα τοξήρει
ψαλμῷ τοξεύσας.

Но, по моему мнѣнію, заслуживаетъ большаго довѣрія та редакція этихъ стиховъ, которой держится Виламовицъ - фонъ - Мёллендорфъ, замѣняя вмѣстѣ съ Добрее второе ὕπνον, посредствомъ ἄυπνον, выводя изъ ἔκανεν два слова ἔκανε и μέν и уничтожая τοξεύξας, какъ явившееся изъ τοξήρει.

Къ числу этихъ восьми стиховъ Пикель присоединяетъ еще два, въ которыхъ также цезура не является послѣ третьяго слога вслѣдствіе неправильнаго исправленія различными издателями.

9) Aesch. Sept. 78, который въ M. читается такъ:

θρέομαι φοβερὰ μεγάλ' ἄχη

Пикель восполняетъ слѣдующимъ образомъ:

θρέομαι <ἄνι' ἄνια> | φοβερὰ μεγάλ' ἄχη,

Но мы получаемъ черезъ это такую форму дохмія, самое существованіе которой подвержено сомнѣнію (см. Rossbach. Gr. Metrik' стр. 776). Болѣе естественно предположить, что пропускъ въ этомъ стихѣ находится не послѣ θρέομαι, а передъ нимъ и восполнять его, если не словомъ νεόχοτα съ Диндорфомъ, то ὀρόμενα съ Приномъ.

10) Въ Aesch. Sept. 239 (225 W), который въ M. читается такъ:

ποταίνιον χλύουσα πάταγον ἄμμιγα

большинство новѣйшихъ издателей принимаетъ предложенную Гейм-сётомъ замѣну слова ποταίνιον посредствомъ ποτίφατον и слова ἄμμιγα посредствомъ ἀναμίξ. Но Пикель находитъ, что хотя эти поправки и возстановляютъ соотвѣтствіе между строфой и антистрофой, однако не могутъ быть признаны удовлетворительными въ виду того, что Гейм-сётъ удаляетъ изъ текста употребительное у Эсхила слова ἄμμιγα и замѣняетъ неупотребительнымъ ни у кого изъ трагиковъ словомъ ἀναμίξ. Если даже возраженіе Пикеля противъ введенія слова ἀναμίξ и справедливо, то это нисколько не мѣшаетъ намъ признать удачной первую поправку, которая не допускаетъ цезуры послѣ третьяго слога дохмія, и исправлять конецъ стиха какъ-нибудь иначе.

Затѣмъ Пикель переходитъ къ дохміямъ, въ которыхъ цезура не является послѣ третьяго слога вслѣдствіе того, что они образованы неправильнымъ дѣленіемъ текста на стихи. Случаевъ такого неправильнаго дѣленія онъ насчитываетъ девять:

1 и 2) Aesch. Agam. 1407=1426 (1406—1408=1426—1428 W), Пикель дѣлитъ на стихи, вопреки рукописямъ и нѣкоторымъ издателямъ, слѣдующимъ образомъ:

στρ. τί κακὸν, ὦ γύναι,
χθανοτρεφὲς ἐδανὸν ἢ ποτὸν
πασαμένα, ῥυτᾶς ἐξ ἁλὸς ὅρμενον.
ἀντ. μεγαλομῆτις εἶ.
περίφρονα δ' ἔλαχες· ὥσπερ οὖν
φονόλιβεῖ τύχᾳ φρὴν ἐπιμαίνεται

Признавая такое дѣленіе на стихи совершенно правильнымъ, мы не можемъ однако не замѣтить, что еще ранѣе, чѣмъ у Пикеля, точно такое же разграниченіе стиховъ другъ отъ друга дано въ изданіи Эсхила Paley.

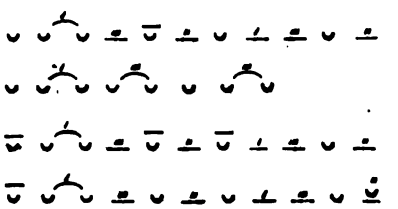
3) Soph. O. C. 1479 (1477—1481=1491—1495) Пикель отдѣляетъ отъ предыдущаго и послѣдующихъ стиховъ, слѣдуя Мейнеке, такимъ образомъ:

στρ. ἔα ἔα, ἰδοὺ μαλ' αὖθις ἀμφίσταται δια-
πρύσιος ὄτοβος <ὦ>

ἴλαος, ὦ δαίμων, | ἴλαος, εἴ τι γᾷ
ματέρι τυγχάνεις | ἀφεγγὲς φέρων.
ἀντ. ἰὼ <ἰὼ> πρόβαθι βᾶθ' <⏑ –> εἶτ' ἀκρᾶν ἐπὶ
γύαλον ἐναλίῳ
Ποσειδανίῳ | θεῷ τυγχάνεις
βούθυτον ἑστίαν | ἀγίζων, ἰχοῦ

Но неправильность такого разграниченія стиховъ другъ отъ друга доказывается тѣмъ, что, во-первыхъ, въ первомъ стихѣ синкопированная стопа является подъ главнымъ ритмическимъ ударені̇емъ; во-вторыхъ, тѣмъ, что, тотъ же стихъ въ антистрофѣ оканчивается безразличнымъ слогомъ, тогда какъ въ строфѣ съ концомъ его не совпадаетъ конецъ слова; въ-третьихъ, тѣмъ, что первый и второй стихъ представляютъ не имѣющее аналогіи соединеніе амбическаго тетраметра съ началомъ дохмія въ одномъ словѣ. Поэтому, мнѣ кажется, скорѣе можно остановиться на слѣдующемъ опредѣленіи границъ разсматриваемыхъ стиховъ, не смотря на то, что второй стихъ при немъ представляетъ такой дохмій, который не допускаетъ паузы послѣ третьяго слога:

στρ. ἔα ἔα, μάλ' αὖθις ἀμφίσταται [1])
διαπρύσιος ὄτοβος
ἴλαος, ὦ δαίμων, ἴλαος, εἴ τι γᾷ
ματέρι τυγχάνεις ἀφεγγὲς φέρων.
ἀντ. ἰὼ <ἰὼ>, παῖ, βᾶθι, βᾶθ', εἶτ' ἀκρᾶν [2])
ἐπὶ γύαλον <ἔμολες>, [3])
εἶθ' ἁλίῳ θεῷ Ποσειδανίῳ
βούθυτον ἑστίαν ἀγίζων κυρεῖς [4]).



[1]) ἔα ἔα Гледичъ: ἔα ἔα ἰδού. [2]) ἰὼ ἰὼ Германъ: ἰώ. [3]) γύαλον ἔμολες Гледичъ: ἔμολες. [4]) εἶθ' ἁλίῳ θεῷ Ποσειδανίῳ β. ἑ. ἀ. κυρεῖς Гледичъ: ἐναλίῳ Ποσειδαωνίῳ θεῷ τυγχάνεις β. ἑ. ἀ. ἰκοῦ.

4—7) Oed. R. 1313=1321, а также и два слѣдующихъ стиха Пикель разграничиваетъ другъ отъ друга слѣдующимъ образомъ:

στρ. ἰὼ
σκότου νέφος ἐμὸν ἀ|πότροπον, ἐπιπλόμενον
ἄφατον, ἀδάματόν | τε καὶ δυσούριστον ὄν.
ἀντ. ἰὼ
φίλος, σὺ μὲν ἐμὸς ἐπ|ίπολος ἔτι μόνιμος·
ἔτι γὰρ ὑπομένεις | με τὸν τυφλὸν κηδεύων.

такъ какъ, если сохранить рукописное дѣленіе на стихи, то въ первомъ стихѣ не окажется цезуры послѣ третьяго слога. Но согласившись съ дѣленіемъ на стихи, предлагаемымъ Пикелемъ, мы должны, во-первыхъ, допустить въ первой половинѣ перваго стиха дохмій въ такой формѣ, въ какой онъ засвидѣтельствованъ только однимъ надежнымъ примѣромъ (ср. Rossbach. Gr. Metrik[3] стр. 778), во-вторыхъ, признать возможнымъ слишкомъ тѣсное соединеніе посредствомъ энклитики между дохміемъ и ямбическимъ диметромъ, которое въ другихъ случаяхъ мы не находимъ и, въ-третьихъ, нарушить дѣленіе на стихи, находимое нами въ L. Поэтому гораздо удобнѣе сохранить въ данномъ случаѣ такое дѣленіе на стихи, какое мы находимъ въ рукописяхъ:

στρ. ἰὼ σκότου
νέφος ἐμὸν ἀπότροπον | ἐπιπλόμενον ἄφατον,
ἀδάματον τε καὶ | δυσούριστον <ὄν>.
ἀντ. ἰὼ φίλος,
σὺ μὲν ἐμὸς ἐπίπολος | ἔτι μόνιμος· ἔτι γὰρ
ὑπομένεις με τὸν τυφλὸν κηδεύων,

8 и 9) Eur. Iph. Taur. 871 и 872, которые не представляютъ никакого затрудненія по своему ритмическому строенію:

ἀπέφυγες ὄλεθρον ἀνόσιον ἐξ ἐμᾶν
δαϊχθεὶς χερῶν.

⏑ ⏑́⏑ ⏑⏑̄⏑ ⏑ ⏑⏑̄⏑ ⏑ ⏑́⏑ –̄ ⏑ –́
⏑̄ –́ –̄ ⏑ –̄

Пикель, измѣняя въ нихъ нѣсколько порядокъ словъ, предлагаетъ читать слѣдующимъ образомъ:

ὄλεθρον ἀπέφυγες ἀνόσιον ἐξ ἐμᾶν
δαϊχθεὶς χερῶν.

Но намъ нѣтъ никакой нужды отступать отъ совершенно естественнаго порядка словъ, какой данъ въ рукописяхъ.

Далѣе Пикель приводитъ пять случаевъ, когда цезуру послѣ третьяго слога въ дохміи можно возстановить при помощи небольшой перестановки словъ въ стихѣ:

1) Soph. El. 1266, который обыкновенно читаютъ такъ:

τᾶς πάρος ἔτι χάριτος, εἴ σε θεὸς ἐπόρισεν

онъ исправляетъ слѣдующимъ образомъ:

τᾶς πάρος ἔτι χάριτος, εἰ θεὸς ἐπόρισέν σ',

2) Eur. Herc. f. 745, который въ рукописяхъ читается такъ:

πάλιν ἔμολεν, ἃ πάρος οὔποτε διὰ φρενὸς
ἤλπισεν παθεῖν γᾶς ἄναξ

Пикель, согласно требованіямъ смысла, исправляетъ слѣдующимъ образомъ:

<ἔμολε> πάλιν ἔμολεν, | οὔποτ' ἃ διὰ φρενῶν
ἤλπισ' ἄν, ὁ | πάρος γᾶς ἄναξ.

3) Въ ib. 1023, который въ рукописяхъ читается такъ:

σὺ δὲ τέκνα τρίγονα τεκόμενος, ὦ δάϊε

совершенно ненужна перестановка, которую предлагаетъ Пикель, съ замѣной слова δάϊε посредствомъ τάλαν:

σὺ δὲ τρίγονα τέκνα τεκόμενος, ὦ τάλαν.

4) Тоже можно сказать и относительно Phoen. 299, который Пикель предлагаетъ читать:

τί μέλλεις ὑπώροφα περᾶν μέλαθρα

вмѣсто рукописнаго чтенія:

τί μέλλεις ὑπώροφα μέλαθρα περᾶν.

и 5) Eur. Bacch. 1007 и сл., которые въ рукописяхъ читаются такъ:

τὸ σοφὸν οὐ φθόνῳ χαίρω θηρεύουσα, τὰ δ' ἕτερα μεγάλα,

Пикель приводитъ въ такой порядокъ:

τὸ σοφὸν οὐ φθόνῳ χαίρω θηρεύουσα, τὰ δὲ μεγαλ' ἕτερα

Къ числу этихъ случаевъ Пикель присоединяетъ еще два, которые также подвергаетъ исправленію, такъ какъ и въ нихъ не является цезура послѣ третьяго слога въ дохміи:

1) Ar. Av. 1193 вмѣсто рукописнаго:

δν Ἔρεβος ἐτέκετο

онъ предлагаетъ читать:

δν Ἔρεβος τέκετο.

Но признать эту поправку правильной мы не можемъ уже потому, что едва-ли можно предполагать у Аристофана форму безъ приращенія.

2) Въ Eur. I. T. 877, который въ рукописяхъ читается такъ:

τίνα σοι πόρον εὑρομένα πάλιν ἀπὸ πόλεως
ἀπὸ φόνου πέμψω | πατρίδ' ἐς Ἀργείαν,

Пикель предлагаетъ замѣнить ἀπὸ πόλεως какъ неподходящее по смыслу или посредствомъ конъектуры Кёхли (ἀπὸ ξένης), или Веклейна (αὖ πάλιν ἀπ' ὀλέθρου); но Вейль не находитъ нужнымъ дѣлать этого, полагая, что ἀπὸ πόλεως въ данномъ случаѣ равно по смыслу ἀπὸ χθονός.

Теперь изъ третьяго класса остается Пикелю разсмотрѣть всего только 11 стиховъ, которые не имѣютъ цезуры послѣ третьяго слога; это даетъ ему поводъ сдѣлать изъ предыдущаго такой выводъ: Hic numerus exiguus... satis demonstrare mihi videtur poetas consulto et abstinuisse in dochmiis thesibus solutis decurrentibus hac caesura et incidisse omnes hos dochmios post primam thesin. Причина этого заключается будто бы въ томъ, что необходимо было восполнить посредствомъ паузы недостающій арзисъ стопы.

Что же касается тѣхъ одинадцати стиховъ, то, по мнѣнію Пикеля, нѣтъ нужды даже исправлять ихъ, такъ какъ тѣ изъ нихъ, которые

начинаются съ краткаго слога могутъ быть признаны за ямбическія триподіи съ паузой въ началѣ для восполненія недостающаго въ нихъ арзиса. Подтверждаетъ свое мнѣніе Пикель такими соображеніями: 1) такого рода триподіи часто встрѣчаются въ соединеніи съ дохміями и 2) первый слогъ каждаго изъ этихъ стиховъ представляетъ начало самостоятельнаго слова, такъ что ничто не мѣшаетъ поставить передъ нимъ паузу. Тѣ одиннадцать случаевъ, на которые указываетъ Пикель слѣдующіе:

1) вторая половинка стиха Aesch. Suppl. 691 (699 W):
πρόνομα δὲ βοτὰ τοῖς πολύγονα τελέθοι

2) первая половинка стиха Ag. 1173:
ἑπόμενα προτέροις τάδ' <ἐπ>εφημίσω

3) вторая половинка Eum. 256:
λάθῃ φύγδα βὰς ματροφόνος ἀτίτας.

4) первая половинка Soph. El. 1246:
ἀνέφελον ἐπ|έβαλες, οὔποτε καταλύσιμον

5) первая половинка Eur. Or. 177:
ἐρεβόθεν ἴθι, μόλε μόλε κατάπτερος

6) Eur. Hel. 694:
κακόποτμον ἀραίαν

7) первая половинка Ar. Ach. 390:
σκοτοδασυπυκνότριχά τιν' Ἄϊδος κυνῆν

8) вторая половинка Eur. Or. 150:
λόγον ἀπόδος ἐφ' ὅτι χρέος ἐμόλετέ ποτε

9) Hel. 627:
περί τ' ἐπέτασα χέρα

10) первая половинка Eur. Or. 150:
λόγον ἀπόδος ἐφ' ὅτι χρέος ἐμόλετέ ποτε

11) Hel. 696:
ὅτε μέλαθρα λέχεα τ' ἔλιπον οὐ λιποῦσ(α).

Не входя въ подробныя объясненія каждаго изъ указанныхъ случаевъ, мы сошлемся на рецензію Клотца, который замѣчаетъ въ ней, что большая часть изъ приведенныхъ Пикелемъ стиховъ находится внутри дохмическихъ строфъ и потому считаетъ невозможнымъ согласиться съ объясненіемъ ихъ, предлагаемымъ этимъ ученымъ, такъ какъ это нарушило бы въ такихъ строфахъ единство дохмическаго размѣра. Въ заключеніе Пикель перечисляетъ такіе дохміи, въ которыхъ распущенъ одинъ только второй долгій слогъ, и замѣчаетъ, что въ большинствѣ изъ нихъ послѣ перваго долгаго слога является цезура; не находитъ онъ ея только во второй половинѣ стиха:

Aesch. Eum. 840=873 (843=875 W):

πνέω τοι μένος ἄπαντά τε χότον,

и въ послѣдней части Eur. Hipp. 815:

ἀνοσίῳ τε συμφορᾷ σᾶς χερὸς πάλαισμα μελέας

Хотя оба эти стиха несомнѣнно дохмическіе, какъ это показываютъ тѣ стихи, которые предшествуютъ имъ и слѣдуютъ за ними, однако Пикель признаетъ ихъ за ямбическія триподіи съ усѣченіемъ въ третьей стопѣ.

⏑ – ⏑ ⏑̆ ⏑ ⌊–

Въ исправленіи второго изъ нихъ, которое дѣлаетъ Энгеръ, и которое Пикель готовъ признать правильнымъ, нѣтъ никакой нужды.

Принимая во второй части своей диссертаціи дохмій за ямбическую триподію съ усѣченнымъ арзисомъ второй стопы, Пикель впадаетъ въ противорѣчіе съ ясно выраженнымъ ученіемъ древнихъ, которые насчитываютъ въ дохміи всего только восемь χρ. πρ. и нигдѣ не упоминаютъ о томъ, чтобы дохмій состоялъ изъ однихъ только ямбическихъ стопъ.

Желая доказать, что во всѣхъ дохміяхъ съ распущеннымъ долгимъ слогомъ на два краткихъ передъ первымъ изъ этихъ краткихъ слоговъ является цезура, Пикель принужденъ подвергнуть различнымъ измѣненіямъ 37 стиховъ, изъ которыхъ одни, какъ мы видѣли, не подаютъ никакого повода къ сомнѣнію въ критическомъ отношеніи, другіе уже ранѣе исправлены были различными учеными болѣе удачно, чѣмъ Пикелемъ. При этомъ надобно замѣтить, что онъ

относитъ къ числу стиховъ съ необходимой для него цезурой и такіе, въ которыхъ она должна являться въ серединѣ сложнаго слова, напримѣръ, Aesch. Suppl. 646 (654 W):

. . . . Δῖον ἐπ|ιδόμενοι

Но мы, конечно, не можемъ признать возможнымъ допущенія паузы въ серединѣ слова, хотя бы и сложнаго.

Дѣлая общую оцѣнку второй части диссертаціи Пикеля, мы не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ Клотца, который отзывается объ ней въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Die Abhandlung bezeichnet keinen Fortschritt. Die vorgetragene Hypothese ist auf falsche Voraussetzungen gestüzt und zeigt sich auch bei einem speciellen Versuch im einzelnen als undurchführbar (стр. 381).

c) Теоріи, которыя относятъ дохмій къ разряду трохеевъ. Попытка доказать, что дохмій, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, представляетъ изъ себя усѣченную трохаическую триподію сдѣлана была *Брамбахомъ*, въ его Metr. Studien zu Soph. (1869), статьѣ Zur Lehre v. Dochm., помѣщенной въ Jahbb. f. Philol 101 Bd. (1870) и Rhythm. u. metr. Unters. (1871). Выводы, къ которымъ пришелъ этотъ ученый въ концѣ своихъ изслѣдованій, изложены имъ въ Rhythm. Vorbereit. къ его Die Soph. Gesänge² (1881).

Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи Брамбахъ указываетъ, что всѣ члены, состоящіе изъ стопъ одного какого-нибудь γένος ῥυθμοῦ, начиная отъ такихъ, которые заключаютъ въ себѣ 6 χρ. πρ., и кончая такими, въ которыхъ содержится ихъ 25, должны были быть построены такъ, чтобы дѣлиться на двѣ части, относящіяся другъ къ другу какъ 1 : 1, 2 : 1, 3 : 2. Такое число χρ. πρ., которое безъ дробей не можетъ быть подведено подъ одно изъ этихъ отношеній, напримѣръ, 7, 11, 13, не можетъ быть употреблено для образованія члена, состоящаго изъ однихъ какихъ-нибудь стопъ. Только мѣстами, по свидѣтельству древнихъ, встрѣчаются члены съ отношеніемъ 3 : 4 и 1 : 3.

Такъ какъ древніе ритмики не допускали, что стопа можетъ оканчиваться не вмѣстѣ съ цѣльнымъ слогомъ, то смѣшанные члены они могли подводить подъ одно изъ указанныхъ выше четырехъ отношеній только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда этому не препятствовало

расположеніе слоговъ въ словахъ, составлявшихъ данный членъ; въ остальныхъ же случаяхъ они довольствовались тѣмъ, что послѣдовательно отдѣляли отъ члена рядъ частей, между которыми въ отдѣльности все-таки должно было существовать одно изъ четырехъ извѣстныхъ отношеній. Но если мы попробуемъ дѣлить тѣ же смѣшанные члены на двѣ части съ точки зрѣнія современной ритмики, не обращая вниманія на то, будетъ ли одинъ и тотъ же слогъ всегда принадлежать къ одной стопѣ или нѣтъ, то найдемъ, что между частями всякаго изъ нихъ возможно установить одно изъ отношеній, которыя были обязательны для членовъ, состоящихъ изъ одинаковыхъ стопъ.

По терминологіи древнихъ, продолжаетъ Брамбахъ, тѣ изъ членовъ, которые подходили подъ одно изъ отношеній съ разностью между частями его, не большей единицы, назывались ῥυθμοὶ ὀρθοί, остальные—ῥυθμοὶ δόχμιοι. Кромѣ того къ числу этихъ послѣднихъ древняя ритмика относила всякій членъ, отношеніе между частями котораго не было ясно выражено съ ея точки зрѣнія. Но по преимуществу дохмическими назывались ритмическія величины въ двухъ формахъ: 1) ⏑ – – ⏑ – и 2) ⏑ – – ⏑ ⏑ – ⏑ –.

Выше мы показали, на какія основанія опирается Брамбахъ, распространяя названіе дохмій на такіе члены, которые ни у кого изъ древнихъ ритмиковъ и метриковъ не называются такъ (см. стр. 22 и сл.), и потому теперь уже не будемъ говорить объ этомъ.

Здѣсь мы только разсмотримъ, дѣйствительно ли древніе ритмики и въ томъ числѣ Аристоксенъ не допускали, чтобы конецъ стопы могъ приходиться на средину слога, отъ несовершенства своей методы нотописанія, какъ думаетъ Брамбахъ, или по какой нибудь другой причинѣ; но предварительно обратимся къ Einleitung въ его Metrische Studien zu Sophokles, гдѣ мы найдемъ болѣе подробныя свѣдѣнія по интересующему насъ предмету. Задавъ себѣ вопросъ, не удивительно ли, что Аристоксенъ не уразумѣлъ, что дохмій съ ритмической точки зрѣнія представляетъ нѣчто единое, Брамбахъ продолжаетъ такъ: Es zeigt sich überall in der Geschichte der Musik, wie abhängig die theoretische Auffassung und die herrschende Notirungs- und Theilungsart von einander sind. Indem der alte Rhythmiker die Zeitgrössen, wie sie durch die Silben verkörpert werden, zur Grundform der Messung macht, ist er abhängig von

festen Gestaltungen. Den Zusammenhang derselben ersieht er aus der Wiederkehr gleicher Grössen, und wo diese offen zu Tage liegt, da ist die Einheit nicht zu verfehlen. Wo aber die Formenbildung complicirt wird, da können wir an der höheren oder geringeren Vollkommenheit der Notirung ersehen, in wie weit die Theorie den einheitlichen Bau erfasst hat. Die alte Notirung vermag nur die Dauer der Töne, nicht aber die Urform und den dynamischen Werth der in einem Tone vereinigten Zeiteinheiten zu bezeichnen. In den gegebenen acht Zeiten drückt sie selbst mit Benutzung des Punktes als Ictuszeichen nicht aus, wie der dynamische Werth der Zeiteinheiten vertheilt ist. Denn

– ∪ – – ∪ ist gleich: 2, 1, 2, 2, 1,

wobei 2 betont wird, ohne dass wir wissen, wie diese Zeitgrösse und ihre Betonung entstanden ist. Der Theoretiker musste die Form der Notirung durchbrechen, wenn er die rhythmische Einheit hinter der kunstvollen Verschränkung erkennen wollte. Das haben die alten Rhythmiker nicht gethan. Die massgebende Vocalmusik bot zu geringe Führung für einen solchen Schritt; auch der grösste Theoretiker der Griechen ist nicht über die Anfänge der von ihm angebahnten abstracten Zeitmessung hinaus gekommen. Eine solche ist erst vollkommen ausgebildet worden, seit man die Zeichen für die Zeittheilung mit dem Zeichen für den dynamischen Werth eines Tons vereinigt und die in der Rhythmopoeie erscheinenden festen Zeitgrössen sammt und sonders in ihre einfachsten Bestandtheile zerschnitten hat. Das alles geschah erst in Folge der Erfindung des Tactstrichs, welcher in seiner jetzigen vollkommenen Anwendung einerseits gleiche oder proportionirte Zeitgrössen abtrennt, anderseits anzeigt, dass unmittelbar nach ihm der Sitz eines Accents ist. Der Tactstrich zeigt auf das einfachste an, wie jene acht Zeiten rhythmisch vereinigt sind, z. B.

– ∪ ∪ – ∪ ∪ = | ⏑ ∪ ∪ | ⏑ ∪ ∪ ἐν λόγῳ ἴσῳ
∪ ∪ – ∪ ∪ – = ∪ ∪ | ⏑ ∪ ∪ | ⏑ „ „ „
– ∪ – ∪ – = | ⏑ ∪ | ⏑ ∪ | ⏑ „ „ διπλασίῳ
– ∪ – – ∪ = | ⏑ ∪ | ⏑ ∪ | ∪ ∪

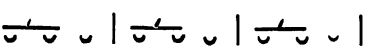
Im letzten Falle gibt die antike Notirung nicht an, ob die Länge entstanden ist aus einem auf der ersten oder zweiten Kürze betonten Pyrrhichius, – = ∪ ∪ oder ∪ – (стр. XXIX и сл.)?

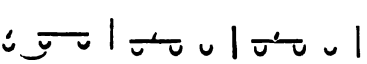
Хотя нельзя не согласиться съ Брамбахомъ, что вообще древняя метода обозначенія длительности нотъ значительно ниже современной, однако мы не можемъ думать, чтобы древніе ритмики, особенно Аристоксенъ, чувствовали себя до такой степени связанными порядкомъ слоговъ, какъ это предполагаетъ Брамбахъ. По крайней мѣрѣ слѣдующій отрывокъ изъ Аристоксена, сохраненный для насъ Пселломъ, показываетъ, что Аристоксенъ уже отрѣшился отъ воззрѣнія на слогъ какъ на единицу времени въ ритмикѣ и въ этомъ отношеніи стоялъ уже на высотѣ современной намъ ритмики: ὁ...Ἀριστόξενος οὐκ ἔστι, φησί, μέτρον ἡ συλλαβή. πᾶν γὰρ μέτρον αὐτό τε ὡρισμένον ἐστὶ κατὰ τὸ ποσὸν καὶ πρὸς τὸ μετρούμενον ὡρισμένως ἔχει. ἡ δὲ συλλαβὴ οὐκ ἔστι κατὰ τοῦτο ὡρισμένη πρὸς τὸν ῥυθμὸν ὡς τὸ μέτρον πρὸς τὸ μετρούμενον, ἡ γὰρ συλλαβὴ οὐκ ἀεὶ τὸν αὐτὸν χρόνον κατέχει, τὸ δὲ μέτρον ἠρεμεῖν δεῖ κατὰ τὸ ποσὸν καθὸ μέτρον ἐστὶ καὶ τὸ τοῦ χρόνου μέτρον ὡσαύτως κατὰ τὸ ἐν τῷ χρόνῳ ποσόν, ἡ δὲ συλλαβὴ χρόνου τινὸς μέτρον οὖσα οὐκ ἠρεμεῖ κατὰ τὸν χρόνον, μεγέθη μὲν γὰρ χρόνων οὐκ ἀεὶ τὰ αὐτὰ κατέχουσιν αἱ συλλαβαί, λόγον μέντοι τὸν αὐτὸν ἀεὶ τῶν μεγεθῶν· ἥμισυ μὲν γὰρ κατέχειν τὴν βραχεῖαν χρόνου, διπλάσιον δὲ τὴν μακράν (Westphal, Gr. Rhythm. u. Harm.[2] Suppl. 417—29). Изъ этого разсужденія ясно, что еслибы греческая метрика допускала, чтобы въ предѣлахъ одного и того-же слога заключались χρ. πρ., принадлежащіе къ различнымъ стопамъ, то Аристоксенъ не преминулъ бы отмѣтить этотъ фактъ. Между тѣмъ ни изъ отрывковъ его ритмики, ни изъ показаній другихъ ритмиковъ и метриковъ мы ничего не знаемъ о существованіи такихъ слоговъ, въ которыхъ одна часть носила бы на себѣ ритмическое удареніе, а другая нѣтъ. Это обстоятельство заставляетъ насъ задать себѣ вопросъ, возможенъ ли былъ такой фактъ, какой предполагаетъ Брамбахъ. Если мы примемъ въ соображеніе, что въ греческомъ языкѣ всѣ слоги бываютъ обязательно или долгими, или короткими, и что расположеніе ритмическихъ ударенiй въ извѣстномъ ряду долгихъ и короткихъ слоговъ обусловлено тѣмъ порядкомъ, въ которомъ находятся эти долгіе и короткіе слоги, то должны будемъ дать отрицательный отвѣтъ на заданный нами себѣ вопросъ, особенно принявъ въ соображеніе то, что стихотворный текстъ въ древней вокальной музыкѣ игралъ несравненно болѣе важную роль, чѣмъ въ современной.

По поводу дохмія, заключающаго въ себѣ весемь χρ. πρ., Брамбахъ говоритъ въ своемъ Rhythmische Vorbereitung, что это самая извѣстная форма дохмія, которую по большей части дѣлятъ на ямбъ и кретикъ. Рядомъ съ этой формой существуетъ еще другая, второстепенная, которая заключаетъ въ себѣ девять χρ. πρ.: ∪ – | – ∪ – ∪ и носитъ названіе гиперкаталектическаго дохмія, потому что усѣченная форма, которая встрѣчается чаще неусѣченной, считается обыкновенно первоначальной. Въ дѣйствительности же дохмій въ восемь χρ. πρ. не могъ бы явиться, еслибы не существовалъ предварительно дохмій въ девять χρ. πρ., такъ какъ и тотъ и другой представляютъ на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ трохаическую триподію, въ которой первая стопа съ слабымъ ритмическимъ удареніемъ является въ формѣ ямба. Въ виду того, что послѣдняя стопа въ дохміи неполна и имѣетъ послѣ себя паузу, послѣдній слогъ въ немъ бываетъ безразличнымъ и можетъ образовать зіяніе съ начальнымъ слогомъ слѣдующей ритмической величины. Дохмій въ такой формѣ встрѣчается часто и нерѣдко чередуется съ усѣченной трохаической триподіей въ чистой формѣ.

Доказательства того, что дохмій представляетъ изъ себя трохаическую триподію мы находимъ въ Metr. Studien zu Soph. Здѣсь Брамбахъ указываетъ слѣдующій способъ для того, чтобы открыть ритмическое значеніе дохмія: Entscheiden kann man die Art der Messung nur dadurch, dass man beobachtet, welchen rhythmischen Gliedern ein Dochmius in grösseren Compositionen gleich gesetzt wird, oder in welcher Weise er mit alloiometrischen Rheien verbunden wird (стр. 60) и согласно съ этимъ замѣчаетъ, что въ концѣ усѣченныхъ трохаическихъ триподій, являющихся въ строфахъ дохмическаго каммоса Soph. Ai. 394 и сл.=412 и сл., допускается безразличной слогъ и зіяніе, которыя заставляютъ предположить въ такихъ триподіяхъ паузу послѣ пятаго слога. Въ концѣ дохмія также является безразличный слогъ и зіяніе, которыя могутъ быть объяснены не чѣмъ инымъ, какъ паузой, составляющей одну стопу съ послѣднимъ слогомъ дохмія. Но этимъ еще сходство между усѣченной трохаичесной триподіей и дохміемъ не ограничивается, такъ какъ оба они заключаютъ въ себѣ одинаковое количество χρ. πρ. Съ внѣшней стороны они различаются другъ отъ друга только неодинаковымъ положеніемъ ямба, на самомъ же дѣлѣ эта разница заключается въ дѣйствитель-

ной или кажущейся перемѣнѣ счета, которая похожа на происходящую въ іоникахъ при превращеніи ихъ (ἀνάκλασις), потому что въ томъ и другомъ случаѣ краткій слогъ покидаетъ свое мѣсто и становится между двумя долгими слогами: _ _ ∪ ∪ = _ ∪ _ ∪ и ∪ _ _ ∪ _ = _ ∪ _ ∪ _. Но какъ объяснить такое превращеніе съ ритмической точки зрѣнія? Прежде чѣмъ сдѣлать это мы должны опредѣлить длительность паузы въ дохміи. Пауза въ концѣ дохмія не можетъ быть болѣе одного χρ. πρ.; за это ручается гиперкаталектическій дохмій, въ которомъ мѣсто паузы занимаетъ краткій слогъ. Правда, древніе метрики утверждаютъ, что въ дохміи заключается восемь χρ. πρ.; но такъ какъ, по ученію Аристоксена, это количество χρ. πρ. можетъ быть раздѣлено только на 4 + 4, тогда какъ дохмій не допускаетъ такого дѣленія, то отсюда слѣдуетъ, что въ концѣ дохмія должна находиться пауза въ одинъ или два χρ. πρ. Если мы допустимъ, что въ концѣ дохмія является пауза въ два χρ. πρ., то это заставитъ насъ признать, что два дохмія не могутъ составлять одного члена, такъ какъ они будутъ заключать въ себѣ двадцать χρ. πρ., между тѣмъ какъ число ихъ въ членѣ, принадлежащемъ къ γ. ἴσον, можетъ достигать только шестнадцати. Но никто не рѣшится сказать, что существуютъ одни только дохмическіе монометры, и отдѣлить отъ дохміевъ ямбическія диподіи, триподіи и т. п., которыя ихъ распространяютъ, въ самостоятельные члены, такъ какъ почти всѣ онѣ, за исключеніемъ только кретика и бакхія увеличатъ число χρ. πρ. въ дохміи сверхъ установленнаго предѣла. Еще менѣе возможна въ концѣ дохмія пауза, состоящая болѣе, чѣмъ изъ двухъ χρ. πρ., такъ что остается предположить только паузу въ одинъ χρ. πρ. Опредѣливъ такимъ образомъ длительность паузы въ дохміи и поставивъ ритмическое удареніе на каждомъ изъ его долгихъ слоговъ, Брамбахъ возвращается къ ямбической стопѣ, находящейся въ началѣ дохмія, и задаетъ себѣ по поводу ея слѣдующій вопросъ: Ist nun die bezeichnete Ictussetzung bei neunzeitiger Messung möglich? и отвѣчаетъ на него: Nicht ganz: denn wir haben hier nicht anderes, als eine Synkopirung des gewöhnlichen trochäischen Tactes,

statt 

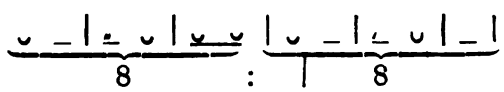
synkopirt 

Der Bequemlichkeit wegen mag man die Länge mit dem Ictus versehen, da sie ihn ja jedenfalls zum Theil hat und vielleicht durch eine Accentversetzung hervorgehoben wurde. Aber richtig ist nur die angegebene Betonung (стр. 64).

Но рождается вопросъ, на какомъ слогѣ надобно ставить ритмическое удареніе, когда первый долгій слогъ дохмія является въ распущенномъ видѣ. Брамбахъ полагаетъ, что съ одной стороны было бы ошибочно въ такихъ случаяхъ не допускать ударенія на первомъ краткомъ слогѣ дохмія, не смотря на извѣстную намъ близость этого послѣдняго съ усѣченной трохаической триподіей, съ другой стороны также было бы ошибочно и предполагать его вездѣ. При рѣшеніи вопроса объ этомъ мы должны руководиться: 1) положеніемъ ударенія въ словѣ, образующемъ дохмій съ распущеннымъ первымъ долгимъ слогомъ, 2) свойствомъ примыкающихъ къ такому дохмію стиховъ.

Вѣскимъ доказательствомъ въ пользу предлагаемаго имъ объясненія дохмія Брамбахъ считаетъ возможность показать, какимъ образомъ соединяются съ дохміемъ ритмическія величины, состоящія изъ ямбовъ, трохеевъ, кретиковъ и бакхіевъ, даже дактилей и анапестовъ. Приведя самыя разнообразныя комбинаціи, въ которыхъ можетъ являться рядъ долгихъ и короткихъ слоговъ, заключающій въ себѣ девять χρ. πρ., Брамбахъ показываетъ, что всѣ эти комбинаціи при посредствѣ синкопы могутъ быть сведены къ трохаической триподіи, которую представляетъ самъ дохмій.

Но возвратимся опять къ Vorbereitung. Показавъ, что дохмій есть не что иное, какъ усѣченная трохаическая триподія, содержащая въ себѣ вмѣстѣ съ паузой въ концѣ девять χρ. πρ., Брамбахъ дѣлаетъ оговорку и указываетъ, что есть случаи, когда дохмій заключаетъ въ себѣ всего только восемь χρ. πρ. Происходитъ это тогда, когда два дохмія бываютъ на столько тѣсно соединены другъ съ другомъ, что не только между ними не является ни безразличный слогъ, ни зіяніе, ни знакъ препинанія, но даже конецъ одного и начало другого приходятся на средину одного слова. Два такихъ дохмія образуютъ одинъ членъ, который заключаетъ въ себѣ шестнадцать χρ. πρ. и дѣлится на стопы слѣдующимъ образомъ:



Отсюда ясно, что дохмій, заключающій въ себѣ восемь χρ. πρ., употребляется двоякимъ образомъ: или въ концѣ его должна быть восполнена пауза въ одинъ χρ. πρ., и онъ представляетъ изъ себя членъ, принадлежащій къ γ. διπλάσιον:

⏑ – | –́ ⏑ ⏓ 3 : 6, ⏑ – – ⏑ ⏓ ∧ ⏑ – | – ⏑ – ∧ 12 : 6

или же пауза въ концѣ его не является, и онъ представляетъ изъ себя членъ, принадлежащій къ γ. ἴσον. Очевидно, что гиперкаталектическіе дохміи, точно такъ же, какъ и всѣ отдѣльно стоящіе монометры, въ концѣ которыхъ обязательно находится пауза, принадлежатъ къ γένος διπλάσιον.

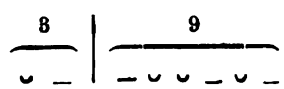
Соображенія, которыя заставили Брамбаха допустить, что дохмій въ извѣстномъ сочетаніи можетъ являться и безъ паузы въ концѣ, мы находимъ въ статьѣ Zur Lehre vom Dochmius. Здѣсь онъ приводитъ извѣстныя уже намъ слова схолій къ Aesch. Sept. 99: καὶ ταῦτα δὲ δοχμιακά ἐστιν καὶ ἴσα, ἐάν τις ὀκτασήμως βάινῃ и заключаетъ отсюда, что дохмическимъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ считать не весь диметръ, состоящій изъ двухъ дохміевъ, а только каждую изъ его составныхъ частей, но что весь онъ принадлежитъ къ γόνος ἴσον, если только принимать каждый изъ составляющихъ его дохміевъ за одну часть. Выводы изъ этого таковы: 1) dasz zwei dochmien in der that ohne innere pause vereinigt werden...; 2) dasz eine πρόσθεσις nicht notwendig ist (слѣдуетъ замѣтить, что въ своихъ Metr. Stud. zu Soph. Брамбахъ объяснялъ такіе диметры слѣдующимъ образомъ: ⏑ – | – ⏑ | – ⏑ | – ⏑ ⏑̂| ⏑ ⏑ ⏑ ⏑̂| ⏑ ∧̄); 3) dasz die 16 zeiten als eine der rhythmopöie eigene verbindung zweier dochmischer tacte zu betrachten sind und dem γένος δακτυλικόν (ἴσον) angehören (стр. 60).

Возвращаемся опять къ Verbereitung. Не слѣдуетъ думать, продолжаетъ Брамбахъ, чтобы дохмій непремѣнно долженъ былъ являться только въ тѣхъ двухъ формахъ, въ которыхъ онъ содержитъ въ себѣ восемь или девять χρ. πρ., такъ какъ онъ можетъ быть распространяемъ посредствомъ ямбическихъ и трохаическихъ стопъ, съ которыми онъ находится въ ближайшемъ родствѣ, а также посредствомъ произведенныхъ изъ нихъ пеонческихъ стопъ до восемнадцати χρ. πρ., наибольшаго количества, которое можетъ заключать въ себѣ членъ, принадлежащій къ γ. διπλάσιον.

Такъ какъ такое объясненіе ритмическихъ величинъ дѣлается возможнымъ только въ томъ случаѣ, когда мы принимаемъ дохмій за усѣченную трохаическую диподію, то Брамбахъ указываетъ на него въ Metr. Stud. zu Soph. какъ на доказательство того, что ритмическое значеніе дохмія опредѣлено имъ правильно.

Заключается рядъ параграфовъ, посвященныхъ дохміямъ въ Vorbereitung, разсмотрѣніемъ дохмія, содержащаго въ себѣ двѣнадцать χρ. πρ. Въ этомъ дохміи, говоритъ Брамбахъ, первая стопа, являющаяся въ формѣ ямба, служитъ замѣной трохея точно такъ же, какъ и первая стопа въ дохміи въ восемь χρ. πρ., а кретикъ, которымъ онъ оканчивается, точно такъ же представляетъ изъ себя усѣченную на слогъ трохаическую диподію. Если мы примемъ это въ соображеніе, то найдемъ, что дохмій въ двѣнадцать χρ. πρ. представляетъ не что иное, какъ самую часто встрѣчающуюся форму логаэдическихъ членовъ.

Но если это такъ, то почему же этотъ логаэдическій членъ попалъ въ число дохміевъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ у Брамбаха въ его Metr. Stud. zu Soph. Здѣсь онъ, объяснивъ, на чемъ основано у древнихъ ритмиковъ дѣленіе на ῥυθμοὶ ὀρθοί и δόχμιοι, указываетъ, что съ точки зрѣнія древней ритмики разсматриваемый членъ долженъ быть отнесенъ къ дохміямъ, такъ какъ, если дѣлить его на двѣ части слѣдующимъ образомъ:



то части, на которыя онъ распадается, по числу заключающихся въ нихъ χρ. πρ. будутъ находится между собой въ отношеніи 3 : 9 и далѣе послѣ сокращенія—1 : 3 съ разностью между ними равной 2. На самомъ же дѣлѣ между дохміемъ въ двѣнадцать χρ. πρ. и дохміемъ въ восемь χρ. πρ. общаго только то, что въ томъ и другомъ первая стопа является въ формѣ ямба вмѣсто трохея.

Признавая дохмій, заключающій въ себѣ восемь χρ. πρ., за усѣченную трохаическую триподію, Брамбахъ разрываетъ всякую связь съ показаніями объ этомъ размѣрѣ, дошедшими до насъ изъ древности, такъ какъ никто изъ древнихъ ритмиковъ и метриковъ не относилъ дохмія по его составу къ трохеямъ.

Далѣе, если дохмій есть усѣченная трохаическая триподія, то недостающая часть послѣдней стопы въ немъ должна быть восполнена протяженіемъ или паузой; а это влечетъ за собою увеличеніе общаго числа χρ. πρ. въ дохміи до девяти, между тѣмъ какъ, по единогласнымъ свидѣтельствамъ, идущимъ изъ древности, оно простирается только до восьми. Доказываетъ Брамбахъ необходимость допустить въ концѣ дохмія паузу, сопоставляя этотъ размѣръ съ усѣченной трохаической триподіей; но при этомъ онъ упускаетъ изъ виду слѣдующее: во-первыхъ, изъ допущенія зіянія и безразличнаго слога въ концѣ дохмія можно было бы сдѣлать выводъ относительно неполноты послѣдней стопы въ немъ, еслибы можно было доказать, что тѣ же самыя явленія не находятъ себѣ мѣста въ концѣ неусѣченныхъ ритмическихъ величинъ, напримѣръ, неусѣченныхъ пеоническихъ стиховъ; между тѣмъ изъ тщательнаго разсмотрѣнія стихотворныхъ текстовъ мы найдемъ, что зіяніе и безразличный слогъ въ дохміяхъ допускаются при такихъ же условіяхъ, какъ и въ другихъ размѣрахъ; во-вторыхъ, усѣченныя трохаическія триподіи въ греческихъ стихотворныхъ текстахъ встрѣчаются крайне рѣдко, тогда какъ дохміи представляютъ изъ себя такой размѣръ, безъ котораго не обходится почти ни одна греческая трагедія; въ-третьихъ, если Брамбахъ объясняетъ ритмическое значеніе дохміевъ правильно, то совершенно необъяснимо, почему мы не находимъ соотвѣтствія между трохаическими триподіями и дохміями подобно тому, какъ соотвѣтствуютъ другъ другу въ строфахъ и антистрофахъ логаэдическіе стихи съ базисомъ въ формѣ трохея и ямба; въ-четвертыхъ, мы не имѣемъ права дѣлать какихъ-либо выводовъ о ритмическомъ значеніи дохмія, основываясь на недошедшемъ до насъ текстѣ Аристоксена, при наличности показаній другихъ древнихъ ритмиковъ и метриковъ, которыя противорѣчатъ нашему выводу.

Не можемъ мы также согласиться съ Брамбахомъ и въ томъ, что при распущеніи перваго долгаго слога въ дохміи ритмическое удареніе можетъ стоять на какомъ-либо другомъ слогѣ кромѣ перваго и второго краткихъ слоговъ, являющихся взамѣнъ перваго долгаго. Мѣсто прозаическаго ударенія въ греческомъ стихѣ не можетъ оказать никакого вліянія на постановку ритмическаго, такъ какъ первое основано на высотѣ звука, а второе—на силѣ его. Свойствами стиховъ, находящихся въ связи съ извѣстными размѣ-

рами можно иногда руководиться при опредѣленіи мѣста, занимаемаго въ нихъ ритмическимъ ударѐніемъ; но въ данномъ случаѣ гораздо надежнѣе опираться на чередованіе другъ съ другомъ формъ дохмія съ распущеннымъ и нераспущеннымъ первымъ долгимъ слогомъ и на соотвѣтствіи ихъ между собой въ строфахъ и антистрофахъ и выводить отсюда, что никакого переноса ударенія въ дохміи не происходило. Примѣры чередованія различныхъ формъ дохмія можно легко найти въ любой дохмической строфѣ; примѣрами же соотвѣтствія дохміевъ съ распущеннымъ и нераспущеннымъ вторымъ долгимъ слогомъ могутъ служить слѣдующіе случаи:

Aesch. Sept. 405 δικαίως πόλεως=440 βέλος ἐπισχέσθαι
ib. 551 τριχὸς δ' ὀρθίας=614 ἀμετέρας τελεῖθ' [ὡς...
Suppl. 399 γάμου δύσφρονος=409 ὅσια δ' ἐννόμοις
Ch. 952 ὁ Παρνάσιος=963 χρόνος ἀμείψεται
Soph. Phil. 395 и 396 σὲ κἀκεῖ, μᾶτερ πότνι' ἐπηυδώμαν
=510 и 511 εἰ δὲ πικροὺς, ἄναξ, ἔχθεις Ἀτρείδας
Ai. 349 μόνοι ἐμῶν φίλων=357 ἀρωγὸν τέχνας
O. C. 1455 τὰ δὲ παρ' ἦμαρ αὖ[θις=1470 ἀφορμᾷ ποτ' οὐκ
Eur. Or. 146=159 φίλα φώνει μοι=159 φερομένῳ χάριν
ib. 1354 κτύπον καὶ βοὰν=1538 ἕτερον αὖ δόμος
ib. 1358 δόμοις κειμένου=1542 αἴ]θέρος ἄνω καπνός.

Для того, чтобы сблизить съ дохміями различныя ритмическія величины, входящія въ сочетаніе съ ними по ихъ составу, Брамбахъ дѣлитъ ихъ на стопы по три χρ. πρ. въ каждой, прибѣгая къ синкопѣ въ самой широкой мѣрѣ; между тѣмъ данныхъ для того, чтобы дѣлать это, мы не находимъ ни въ показаніяхъ древнихъ метриковъ, ни въ какихъ-либо особенностяхъ въ формахъ, принимаемыхъ стопами, на которыя естественнымъ образомъ распадаются эти ритмическія величины.

Противъ того, что дохмій при извѣстныхъ условіяхъ заключаетъ въ себѣ восемь χρ. πρ., становясь на точку зрѣнія Брамбаха и признавая, что онъ представляетъ изъ себя вообще усѣченную трохаическую триподію, можно возразить слѣдующее: если начало дохмія, когда онъ содержитъ въ себѣ восемь χρ. πρ. образуетъ двѣ трохаическихъ стопы, то въ послѣднемъ долгомъ слогѣ или въ заступающихъ его мѣсто двухъ краткихъ слогахъ мы оче-

видно также имѣемъ какую-то стопу, состоящую изъ двухъ краткихъ слоговъ; между тѣмъ, по ученію Аристоксена, стопа, состоящая изъ двухъ χρ. πρ., не допускается, ср. стр. 79. Не въ пользу того, что одни дохміи заключаютъ въ себѣ восемь χρ. πρ., другіе девять, говоритъ и тотъ фактъ, что дохміи съ различнымъ числомъ χρ. πρ. должны являться на ряду другъ съ другомъ, рѣшительно ничѣмъ не отличаясь между собой по формѣ.

Существованія дохмія въ двѣнадцать χρ. πρ., какъ мы выше показали (стр. 20 и сл.) очень сомнительно въ виду ненадежности тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ описывается. Но если мы даже допустимъ, что такой дохмій дѣйствительно существовалъ, то не можемъ признать, чтобы даваемое Брамбахомъ объясненіе, почему этотъ логаэдическій членъ попалъ въ число дохміевъ, отличалось особенной убѣдительностью.

Послѣдователемъ Брамбаха въ его взглядѣ на дохмій явился *Фогельманъ* въ своей статьѣ Ueber Taktgleichheit in der antiken Metrik, mit besonderer Rücksicht auf den Dochmius (1877). По мнѣнію этого ученаго, не позволяютъ признавать дохмій за усѣченную трахаическую триподію съ первой стопой въ ней въ формѣ ямба только три слѣдующихъ стиха:

ἔλακεν ἔλακεν ἀπό-φονον ὅτ' ἐπὶ τρίποδι (Or. 163).
πόσιν ἐμὸν ἐμὸν ἔχο-μεν ἔχομεν ὃν ἔμενον (Hel. 650).
παρὰ δ' ὀλίγον ἀπέφυ-γες ὄλεθρον ἀνόσιον (I. T. 871).

такъ какъ въ нихъ мы не можемъ дополнить недостающаго χρ. πρ. въ концѣ перваго дохмія ни посредствомъ паузы, которая пришлась бы въ этомъ случаѣ въ серединѣ слова, ни посредствомъ протяженія послѣдняго долгаго слога, который замѣненъ здѣсь посредствомъ двухъ краткихъ слоговъ.

Но Фогельманъ находитъ, что такъ какъ три вышеприведенные стиха принадлежатъ Еврипиду, который допускаетъ въ формѣ своихъ стиховъ много нововведеній, то это одно обстоятельство уже можетъ заставить призадуматься жертвовать теоріей Брамбаха, вообще очень удачной, изъ-за нихъ однихъ и поэтому предлагаетъ прибѣгнуть относительно ихъ къ слѣдующему предположенію: Die Neunzeitigkeit des Dochmius, welche Brambach durchführt, wird auch in diesen Versen gewahrt, wenn man annimmt, die Kürzen in ἀπο—, ἔχο—,

—ἐφυ— füllen den Zeitraum, der gleich drei χρόνοις πρώτοις ist, bleiben aber unter sich gleich, so dass jede $1^1/_2$ von einem χρόνος πρῶτος gilt. Sie sind also χρόνοι ἄλογοι und zwar jede ein χρόνος βραχέος μακρότερος, wovon Bacchius p. 23 spricht. Sonach steht diese Erklärung auch nicht im Wiederspruch mit der Lehre der alten Rhythmiker (стр. 47). Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ думаетъ Фогельманъ, мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ совершенно обратнымъ такъ называемой тріоли: при ней три момента времени исполняются какъ два, при чемъ одна лишняя частица времени исчезаетъ, благодаря ускоренію темпа; здѣсь же, наоборотъ, благодаря нѣкоторому замедленію два краткихъ слога исполняются въ такое же количество времени, какъ три.

Въ заключеніе авторъ замѣчаетъ, что тотъ, кому дохмій при такомъ взглядѣ на его ритмическое значеніе не кажется достаточно «крѣпкимъ», долженъ припомнить, что между нами и древними Греками, обладавшими чрезвычайной впечатлительностью, большая разница, вслѣдствіе которой тогдашнее искусство въ области мелодіи и гармоніи, не смотря на сравнительно слабыя средства, могло производить на этотъ народъ несравненно болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ оно могло бы произвести на насъ. Въ области ритма мы должны предполагать тоже самое. Поэтому такой ямбъ, какой является въ дохміяхъ, съ удареніемъ на краткомъ и долгомъ слогѣ долженъ былъ казаться древнимъ Грекамъ чѣмъ-то чрезвычайно необыкновеннымъ.

Мы не можемъ согласиться съ предположеніемъ Фогельмана, во-первыхъ, такъ какъ ритмическая величина, заключающая въ себѣ полтора χρ. πρ., всегда выражается долгимъ слогомъ и, во-вторыхъ, такъ какъ, если второй краткій слогъ дохмія будетъ замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, то окажется, что въ двухъ рядомъ стоящихъ стопахъ, изъ которыхъ каждая заступаетъ мѣсто трохаической стопы, слогъ съ длительностью въ полтора χρ. πρ. одинъ разъ является долгимъ, въ другой разъ—краткимъ.

d) Теоріи, которыя относятъ дохмій къ разряду бакхіевъ. Первый, кто сдѣлалъ предположеніе, что дохміи возникли изъ усѣченныхъ бакхическихъ диметровъ, былъ *Бергкъ*. Опровергая мнѣніе Шпенгеля, который утверждалъ, что бакхическіе стихи не бываютъ усѣченными, онъ указываетъ на дохмій какъ на примѣръ такого

усѣченнаго бакхическаго стиха и говоритъ объ немъ такъ: dochmiacus versus et ipse a principio fuit dimeter bacchiacus catalecticus. Затѣмъ въ подстрочномъ примѣчаніи онъ прибавляетъ къ этому слѣдующее: quamvis dochmiaci numeri origines a baccheis sint repetendae, tamen peculiaris quaedam postea fuit illius numeri ratio, neque videtur varietas ac licentia, qua dochmii sunt insignes ad baccheos propagata esse, quamvis utraque species saepius consocietur (Ind. schol. aest. in Univ. lit. Frid. Hal. 1862, стр. X).

Вестфаль также считаетъ дохмій за усѣченный бакхическій диметръ. Замѣтивъ, что, несмотря на показаніе неизвѣстныхъ ритмиковъ схолій къ Гефестіону и Etym. M., дохмій нельзя дѣлить на двѣ части, изъ которыхъ одна содержитъ въ себѣ три χρ. πρ., а другая пять, Вестфаль продолжаетъ такъ: so müssen wir nothwendig annehmen, dass die Dochmien auf der griechischen Bühne nach einem anderen Rhythmus als demjenigen vorgetragen wurden, welchen ihnen jene späteren Berichterstatter (Quintilian u. s. w.) vindicirеn. Die Dochmien sind häufig genug mit baccheischen Dimetern gemischt und können, wenn wir uns an Aristoxenus halten, schwerlich etwas anderes als katalektische Dimeter gewesen sein:

⏑ ⏓ –, ⏑ ⏓ – Dimetron akatalekton.

⏑ ⏓ –, ⏑ ⏓ Λ̄ Dimetron katalektikon (Dochmius).

Am Ende eines Dochmius haben wir daher eine einzeitige Pause oder Dehnung zur Dreizeitigkeit anzunehmen, ja nachdem Wortbrechung vorliegt oder nicht:

μέγα βροτοῖσι φέγ- γος Ἀσκληπιοῦ
⏑ ⏑ ⏑ – ⏑ ⏓ | ⏑ ⏓ – ⏑ ⏓ Λ

Ist die letzte Länge in eine Doppelkürze ohne folgende Caesur aufgelöst, so ist dies ebenso zu beurtheilen, wie wenn bei Pindar oder Euripides eine Auflösung am Schlusse des Glyconeions u. s. w. vorkommt (Gr. Rhythm. ³ стр. 182).

Не смотря на великій авторитетъ Вестфаля въ области греческой ритмики и метрики, тѣмъ не менѣе мы не можемъ признать взглядъ его на дохмій правильнымъ.

Не говоря уже о томъ, что никто изъ древнихъ писателей не принимаетъ дохмія за усѣченный бакхическій диметръ, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы возможна была бакхическая стопа съ удареніемъ на первомъ долгомъ слогѣ, какъ это допускаетъ въ данномъ случаѣ Вестфаль.

Далѣе, въ концѣ дохмія для восполненія недостающей части второй стопы необходимо предполагать паузу не въ одинъ χρ. πρ., какъ думаетъ Вестфаль, а въ два, или протяженіе послѣдняго долгаго слога не въ χρ. τρίσημος, а въ τετράσημος. Вслѣдствіе этого въ тѣхъ случаяхъ, когда два краткихъ слога, заступающихъ мѣсто послѣдняго долгаго слога, во второмъ бакхіи приходятся на средину слова, мы должны или раздѣлить паузой два слога одного и того же слова, или допустить, что долгій слогъ, заключающій въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., можетъ подвергаться распущенію. Ссылка Вестфаля на то, что у Пиндара и Еврипида также подвергаются распущенію долгіе слоги, находящіеся въ концѣ гликонеевъ и содержащіе въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., не совсѣмъ правильна, потому что, еслибы даже такіе случаи и существовали въ дѣйствительности, то оказалось бы, что въ гликонеяхъ два такихъ краткихъ слога составляютъ цѣлую стопу и заключаютъ въ себѣ по полтора χρ. πρ., тогда какъ въ дохміяхъ они составляютъ одну стопу съ предшествующимъ имъ краткимъ слогомъ, вдвое меньшимъ по своей длительности, чѣмъ они, и заключаютъ въ себѣ по два χρ. πρ.

Наконецъ, предполагая, что послѣдній долгій слогъ въ дохміи содержитъ въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., мы отступаемъ отъ показанія древнихъ метриковъ, которые учатъ, что въ дохміи содержится всего только восемь χρ. πρ.

в) Теоріи, которыя относятъ дохміи къ разряду пеоновъ. Попытка доказать, что дохмій по своему составу принадлежитъ къ γ. παιωνικόν до сихъ поръ сдѣлана была однимъ только *Штейгеромъ* въ сочиненіи, состоящемъ изъ двухъ частей и озаглавленномъ De versuum paeonicorum et dochmiacorum apud poetas graecos usu ac ratione (1887).

Разсмотрѣвъ въ первой части своего сочиненія формы и употребленіе пеоновъ въ тѣхъ родахъ поэзіи, въ которыхъ они встрѣчаются, Штейгеръ приходитъ къ слѣдующему заключенію относительно дохмія: Iam via videtur munita esse, qua ad dochmii natu-

ram certius cognoscendam pergamus. quem quidem nihil aliud iudicamus esse quam monometrum paeonicum cum anacrusi iambica (part. I, стр. 52). Во второй части, посвященной спеціально дохміямъ, онъ замѣчаетъ, что пеоническому монометру въ такой формѣ было присвоено названіе дохмія, и продолжаетъ такъ: hoc iam inde ab initio usitatissimum tragoediae metrum fuit, in qua proprium et quasi sui iuris genus est. hinc libertas quaedam nata, qua in condendis versibus dochmiacis poetae usi sunt, finibus vero tam artis circumscripta, ut inde quidem argumenta contra paeonicam dochmii naturam petere vix deceat (part. II, стр. 5).

Послѣ этого Штейгеръ переходитъ къ разсмотрѣнію тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ дохмій отъ пеоническаго монометра въ чистомъ видѣ съ ямбическимъ анакрузисомъ. Здѣсь прежде всего онъ останавливается на χρόνος ἄλογος, который допускается взамѣнъ краткаго слога анакрузиса.

Замѣна эта, по мнѣнію Штейгера, вполнѣ объясняется тѣмъ, что анакрузисъ, хотя и составляетъ часть размѣра, но не подчиняется такъ строго законамъ его, какъ остальныя части.

Что касается допущенія χρόνος ἄλογος взамѣнъ краткаго слога кретика: ⏑ ⏑̲ ⏑̲ | – ⏑̄ –, то его объяснить также возможно. Для этой цѣли Штейгеръ предварительно дѣлаетъ слѣдующій разсчетъ употребленія дохміевъ со вторымъ краткимъ слогомъ, замѣненнымъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго: въ древнѣйшей изъ дошедшихъ до насъ трагедій Эсхила, Просящихъ защиты, нѣтъ ни одного такого дохмія; въ Промеѳеѣ онъ встрѣчается одинъ только разъ (ст. 574); въ остальныхъ трагедіяхъ Эсхила за исключеніемъ Персовъ на двадцать дохміевъ со вторымъ краткимъ слогомъ не приходится даже одного, въ которомъ этотъ слогъ былъ бы замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго; у Софокла пропорція увеличивается до одного на двѣнадцать; въ раннихъ трагедіяхъ Еврипида — до одного менѣе, чѣмъ на семь, а въ болѣе позднихъ—до одного почти на каждые четыре стиха; Аристофанъ въ дошедшихъ до насъ комедіяхъ замѣнилъ второй краткій слогъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго всего только въ трехъ случаяхъ. Отсюда затѣмъ дѣлается слѣдующій выводъ: primo eam т. е. thesin irrationalem ut in ceteris ordinibus paeonicis, ita in dochmio quoque vitatam esse, deinde cum carmina dochmiaca usitatissima iam ac paene necessaria

pars tragoediarum et tamquam sui iuris fieri coepissent, paulatim irrepsisse et singillatim hic illic admissam esse, denique vergente iam et labente artis metricae severitate magis magisque frequentatam adeoque crebro usurpatam esse, ut strophae sint vel systemata, in quibus theses irrationales ceteras numero aut aequent aut superent (part. II, стр. 6). Впрочемъ Штейгеръ полагаетъ, что и въ другихъ кретическихъ стихахъ иногда краткій слогъ бываетъ замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго; примѣры такой замѣны онъ указываетъ въ Eur. Phoen. 321:

ἦ ποθεινὸς φίλοις _ ◡ _ _ ◡ _
ἦ ποθεινὸς Θήβαις _ ◡ _ _ _ _

id. Jon. 676=695:

ὁρῶ δάκρυα καὶ πενθίμους ◡ _ ◡ ◡ ◡ _ _ ◡ _
φίλαι, πότερ' ἐμᾷ δεσποίνᾳ ◡ _ ◡ ◡ ◡ _ _ _ _

id. Hel. 661:

ἔ ἔ· πικρὰν ἐς ἀρχὰν βαίνεις ◡ ◡ ◡ _ ◡ _ _ _ _
ἔ ἔ· πικρὰν δ' ἐρευνᾷς φάτιν ◡ ◡ ◡ _ ◡ _ _ ◡ _

id. Or. 145=157:

ἆ ἆ σύριγγος ὅπως πνοὰ _ _ _ _ ◡ ◡ _ ◡ _
ὀλεῖς, εἰ βλέφαρα κινήσεις ◡ _ _ ◡ ◡ ◡ _ _ _

id. 168=189:

θωύξασ' ἔβαλες ἐξ ὕπνου _ _ _ ◡ ◡ ◡ _ ◡ _
οὐδὲ γὰρ πόθον ἔχει βορᾶς _ ◡ _ ◡ ◡ ◡ _ ◡ _

два послѣднихъ стиха, по свидѣтельству самаго Штейгера, допускаютъ и другое объясненіе. Цѣль употребленія ирраціональныхъ слоговъ онъ видитъ въ слѣдующемъ: retardatio quidem et mitigatio si in logaoedicis ordinibus sedatiore et leniore numero decurrentibus locum habebat, nonne dochmiaco generi omnium concitatissimo multo etiam magis apta debebat et conveniens videri? itaque saepissime thesis illa irrationalis in fine et periodorum et versuum occurrit, quamquam in quibusdam carminibus maximeque Euripideis identidem repetita legitur quasi augendi et cumulandi effectus causa (part. II, стр. 7).

Далѣе Штейгеръ переходитъ къ распущеніямъ долгихъ слоговъ въ дохміи и указываетъ, что какъ въ пеонахъ, такъ и въ дохміяхъ каждый долгій слогъ можетъ быть распущенъ на два краткихъ за исключеніемъ послѣдняго, когда онъ стоитъ въ концѣ періода или системы.

Послѣ этого Штейгеръ затрогиваетъ вопросъ о томъ, допускается ли въ концѣ дохмія пауза или нѣтъ, и рѣшаетъ его отрицательно:... in fine dochmii, quem monometrum paeonicum acatalectum agnovimus, non magis ad numerum ordinis explendum pausa statuenda est, quam in ceteris omnibus versibus paeonicis acatalectis. quod ita esse cum ratio rhythmi docet, tum ipse usus poetarum, qui haud ita parvum numerum dochmiorum talium adsciverunt, ut finali syllaba soluta verbum finitum non sit, ut neque pausa statui, quippe quae in medium verbum incideret, neque tone, quam vocant, pausa expleri possit finali longa in duas breves soluta. (part. II, стр. 8).

Исходной точкой для Штейгера служитъ, какъ мы видимъ, общность формъ въ пеонахъ и дохміяхъ. Посмотримъ же, на столько ли она велика въ дѣйствительности, что позволяетъ отождествлять дохміи съ пеонами.

Часть дохмія, предшествующая второму долгому слогу его или явившимся изъ распущенія этого долгаго слога двумъ краткимъ, не имѣетъ ничего общаго съ ямбомъ или трибрахомъ, встрѣчающимися въ началѣ пеоническихъ стиховъ, такъ какъ въ дохміи первый краткій слогъ можетъ быть замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, тогда какъ въ пеонахъ онъ всегда остается краткимъ. Объяснять допущеніе этой замѣны тѣмъ, что мы находимъ ее въ анакрузисѣ, нельзя: во-первыхъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ представляется необъяснимымъ, почему она возможна въ дохміяхъ и невозможна въ пеонахъ; во-вторыхъ, такъ какъ болѣе двухъ χρ. πρ. подъ понятіе анакрузиса не подходятъ въ силу того, что даже три χρ. πρ. не могутъ оставаться безъ ритмическаго ударенія.

Переходя далѣе къ допущенію замѣны второго краткаго слога дохмія посредствомъ ирраціональнаго долгаго, мы должны замѣтить, что какъ бы рѣдко первоначально она ни являлась, но все-таки она является, тогда какъ у насъ нѣтъ ни одного болѣе или менѣе надежнаго пеоническаго стиха, въ которомъ бы мы находили ее. Что касается тѣхъ стиховъ, въ которыхъ Штейгеръ видитъ пеоны съ такимъ ирраціональнымъ долгимъ слогомъ, то они или должны

быть исправлены, или не принадлежать по своему составу къ пеонамъ. Относительно Eur. Phoen. 321 и 322 мы уже выше имѣли случай замѣтить, почему они нуждаются въ исправленіи, и показали, какъ ихъ слѣдуетъ исправлять (см. стр. 89). Eur. Ion. 676= 695 не представляетъ, какъ это думаетъ Штейгеръ, пеоническаго триметра, а есть особая форма дохмія, распространенная посредствомъ трехъ слоговъ, точно также, какъ id. Or. 145=157 и 168=189 (ср. стр. 85).

Въ Eur. Hel. 660 и 661 Г. Шмидтъ читаетъ ἐή вмѣсто рукописнаго ἓξ, что даетъ уже извѣстную форму дохмія съ предшествующей ей ямбической диподіей. Если же кто нибудь будетъ настаивать на сохраненіи рукописнаго чтенія, то въ такомъ случаѣ къ этимъ стихамъ слѣдуетъ примѣнить тоже объясненіе, что и къ предыдущимъ. Такимъ образомъ, оказывается, что по отношенію къ замѣнѣ обоихъ своихъ краткихъ слоговъ посредствомъ ирраціональныхъ долгихъ дохмій не имѣютъ ничего общаго съ пеонами, такъ что объ общемъ происхожденіи тѣхъ и другихъ и принадлежности ихъ къ одному и тому же γ. ῥυθμοῦ не можетъ быть и рѣчи.

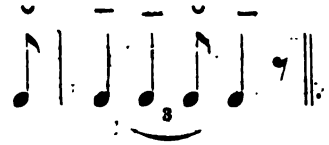
Что касается свободы распущенія, являющейся въ долгомъ слогѣ неполной пеонической стопы и въ первомъ долгомъ слогѣ дохмія, то она ничего не доказываетъ, такъ какъ вообще каждый долгій слогъ, заключающій въ себѣ два χρ. πρ., за рѣдкими исключеніями, свободно можетъ быть замѣняемъ двумя краткими слогами.

Далѣе, признавая, что пауза между двумя дохміями недопустима, Штейгеръ показываетъ этимъ, что онъ считаетъ ту часть второго дохмія, которая предшествуетъ его второму слогу или двумъ краткимъ слогамъ, заступающимъ мѣсто этого долгаго, за анакрузисъ, между тѣмъ какъ внутри періода послѣ слога подъ ритмическимъ удареніемъ невозможно принимать за анакрузисъ даже одного слога (ср. стр. 68 и сл.).

Наконецъ, не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ взглядъ Штейгера на дохмій по тому, что этотъ ученый не можетъ связать его ни съ однимъ болѣе или менѣе авторитетнымъ показаніемъ, идущимъ изъ древности.

f) **Теоріи, которыя признаютъ дохмій за самобытную стопу.** Первый, кто призналъ дохмій за ритмическую величину, принадлежащую по своему счету къ ⁴/₄ такта былъ Мейсснеръ со своимъ

послѣдователемъ М. Шмидтомъ. Позднѣе тотъ же взглядъ на дохмій въ болѣе совершенномъ видѣ, хотя и не свободномъ отъ ошибокъ, мы находимъ у Криста, Древеса и Клотца.

Мейсснеръ въ своей статьѣ Zur Metrik, Philol. V. (1850), опредѣляетъ ритмическое значеніе дохмія такимъ образомъ: Der dochmische vers in seiner gewöhnlichsten form (⏑ – ⏑ – ⏑ –) stellt nach einleitendem aufschlage von einem achtel den C (4/4) takt dar und zwar so, dass sein letztes viertel pausirt auftritt und mit dem aufschlage sich ergänzt. Characteristisch für diesen vers ist die figur der triole im zweiten viertel, aber nicht unter der regelmässigen form von 3 einzelnen achteln sondern so, dass die beiden ersten zu einem viertel sich verbinden (стр. 88). Такимъ образомъ современными нотными знаками дохмій можетъ быть изображенъ, по мнѣнію Мейсснера, такъ: C 

Ритмическое удареніе въ обыкновенной тріоли падаетъ на первую ноту; еще явственнѣе оно будетъ слышно на первой же нотѣ при томъ особенномъ видѣ тріоли, которой мы находимъ въ дохміяхъ. На послѣднемъ долгомъ слогѣ дохмія также будетъ лежать удареніе такое, какое мы находимъ при счетѣ C на третьей четверти, но по своей силѣ это удареніе будетъ болѣе слабымъ, чѣмъ ритмическое удареніе, лежащее на первой четверти. Изъ возможныхъ тридцати двухъ формъ дохмія на основаніи сказаннаго легко объясняются тѣ, въ которыхъ ни одинъ изъ краткихъ слоговъ не замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, и тѣ, въ которыхъ замѣненъ только первый; для этого стоитъ только въ случаѣ распущенія долгаго слога, если мы отожествимъ его съ четвертью ноты, изобразить два краткихъ слога посредствомъ двухъ восьмыхъ.

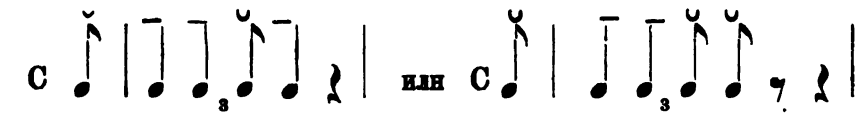
Затѣмъ Мейсснеръ переходитъ къ тому случаю, когда предпослѣдній слогъ дохмія бываетъ дологъ: ⏑ – – – – и высказываетъ мысль,

что ритмическія ударенія въ такомъ дохміи будутъ падать ⏑ ˊ – ˊ –, а не ⏑ ˊ ˊ – ˊ, основываясь, на слѣдующемъ: Wenn 4 hintereinander folgende zeitabschnitte von gleicher länge (♩ ♩ ♩ ♩ = – – – –) vom gehör als rhythmische verbindung aufgefasst werden sollen, so ist dies nur möglich durch die natürliche accentuation des ⁴/₄ takts | ♩̂ ♩ ♩ ♩ ‖; ohne eine solche ist innerer zusammenhang und rhythmisches leben der bezeichneten reihe ungedenkbar (стр. 90). Такое объясненіе допускаютъ тѣ формы дохмія, въ которыхъ второй краткій слогъ замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога, а третій долгій не подвергнутъ распущенію; при этомъ въ подтвержденіе своего объясненія авторъ указываетъ, что въ большинствѣ примѣровъ на предпослѣднемъ долгомъ слогѣ лежитъ прозаическое ударенie, которое усиливаетъ лежащее на томъ же слогѣ ударенie ритмическое.

Остаются еще такія формы дохмія, въ которыхъ второй краткій слогъ замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога, а третій долгій распущенъ на два краткихъ слога, но эти формы представляютъ повтореніе предыдущихъ, только съ распущеннымъ на два краткихъ слога послѣднимъ долгимъ.

Въ заключеніе Мейсснеръ разсматриваетъ три слѣдующихъ случая:

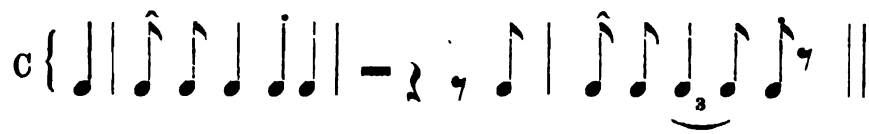
1) Мѣсто послѣдняго долгаго можетъ заступать краткій слогъ; но правильность такта нисколько не нарушается отъ того, будемъ ли мы имѣть:



der taktische accent hat einen völlig ausreichenden stützpunkt in dem sylbenlaut, welcher zu gehör gebracht wird, ohne dass die grössere oder mindere breite desselben von entscheidung ist (стр. 93).

2) Между двумя словами: однимъ, на которое оканчивается дохмій, и другимъ, которымъ начинается другой, иногда является зіяніе. Здѣсь могутъ быть два случая: если первый дохмій по своему образованію таковъ, что въ концѣ его находится пауза, то она доста-

точно объясняетъ допущеніе зіянія, если же такой паузы нѣтъ, то для объясненія зіянія мы должны допустить уже цѣлый рядъ паузъ между обоими дохміями:



такое долгое молчаніе находитъ себѣ полное оправданіе въ крупномъ знакѣ препинанія, раздѣляющемъ оба дохмія.

3) Мѣсто одного перваго краткаго слога въ дохміи могутъ занимать два краткихъ слога; въ началѣ такого дохмія мы должны предположить паузу въ одну восьмую, которая, составляя вмѣстѣ съ послѣдующими нотами, вынесенными за тактъ (онѣ выражаются двумя краткими слогами) тріоль, будетъ соотвѣтствовать одной четверти ноты такихъ формъ дохмія, въ началѣ которыхъ мы ее находимъ.

Разсматривая теорію Мейсснера мы должны прежде всего отмѣтить тотъ фактъ, что она построена исключительно на основахъ, заимствованныхъ изъ явленій современной намъ музыки. Что касается свидѣтельствъ древности, то объ нихъ Мейсснеръ ничего не говоритъ и не принимаетъ ихъ въ соображеніе, какъ будто бы ихъ вовсе и не существовало.

Далѣе, мы видимъ, что Мейсснеръ дѣлитъ формы дохмія на двѣ категоріи: на такія, въ которыхъ второй краткій слогъ не замѣняется посредствомъ ирраціональнаго долгаго, и на такія, въ которыхъ онъ замѣняется, и къ каждой изъ этихъ категорій прилагаетъ различное объясненіе. Но такое дѣленіе, влекущее за собою различное положеніе ритмическаго ударенія въ каждой изъ нихъ, недопустимо въ виду многочисленности примѣровъ чередованія другъ съ другомъ формъ, принадлежихъ къ разнымъ категоріямъ.

Признавая ритмическое удареніе, лежащее на первой четверти дохмія, за главное, Мейсснеръ нарушаетъ естественный порядокъ ударенiй въ дохміи, обусловленный извѣстнымъ расположеніемъ въ немъ долгихъ и короткихъ слоговъ, и сверхъ того отступаетъ отъ показаній древнихъ ритмиковъ (ср. стр. 49 и сл.).

Въ концѣ каждаго дохмія, принадлежащаго къ первой категоріи, Мейсснеръ предполагаетъ остановку, равную четверти ноты, одна восьмая которой можетъ быть занята анакрузисомъ въ одинъ

χρ. πρ. въ началѣ слѣдующаго дохмія; но какъ мы должны восполнять недостающую восьмую ноты въ томъ случаѣ, если послѣдній долгій слогъ перваго дохмія и анакрузисъ второго дохмія приходятся на средину одного и того же слова, этого авторъ не объясняетъ ни однимъ словомъ, не смотря на то, что мы оказываемся въ безвыходномъ положеніи, если послѣдній долгій слогъ въ первомъ дохміи замѣняется двумя краткими слогами.

Что касается второй категоріи формъ дохмія, то объясненіе, даваемое имъ авторомъ, находится въ прямомъ противорѣчіи съ ученіемъ древнихъ метриковъ и данными, извлекаемыми изъ дошедшихъ до насъ стихотворныхъ текстовъ, о числѣ χρ. πρ. въ дохміи, такъ какъ дохміи этой категоріи у него заключаютъ не восемь, а девять χρ. πρ.

Для объясненія зіянія, являющагося въ одномъ случаѣ между двумя дохміями, у Мейсснера допущена между ними пауза въ семь χρ. πρ., въ оправданіе которой указывается на крупный знакъ препинанія, раздѣляющій оба дохмія; но какъ бы ни былъ крупенъ этотъ знакъ препинанія, едва ли возможна такая продолжительная пауза въ предѣлахъ періода.

Наконецъ, формъ дохмія, въ которыхъ предполагается замѣна перваго краткаго слога двумя, при ближайшемъ разсмотрѣніи совершенно не оказывается, ср. стр. 112 и сл.

Послѣдователемъ Мейсснера является *М. Шмидтъ*, который въ своей статьѣ Dochmien, помѣщенной въ Jhrbb. f. Phil. 101 (1870) старается обосновать теорію своего предшественника, хотя ни слова не упоминаетъ объ немъ, связавъ ее съ показаніями древнихъ метриковъ, и только въ нѣкоторыхъ пунктахъ отступаетъ отъ его взглядовъ.

Въ началѣ своей статьи Шмидтъ, опираясь на показанія Аристида Квинтиліана, Марціана Капеллы и Бакхія, допускаетъ кромѣ дохмія въ восемь χρ. πρ. еще другой дохмій въ двѣнадцать χρ. πρ.; при этомъ по поводу послѣдняго замѣчаетъ, что хотя онъ по своей схемѣ и ничѣмъ не отличается отъ гликонея съ базисомъ въ формѣ ямба, но что Аристидъ не отожествляетъ его съ гликонеемъ, какъ это видно изъ того, что гликоней у него приведенъ отдѣльно. Причина, по которой то и другое сочетаніе отнесено къ числу дохміевъ, заключается, по мнѣнію Шмидта, въ томъ, что въ обоихъ ихъ число χρ. πρ. тезиса превышаетъ число χρ. πρ. арзиса двумя еди-

ницами: такъ, дохмій, заключающій въ себѣ двѣнадцать χρ. πρ., распадается на тезисъ въ семь χρ. πρ. и на арзисъ въ пять χρ. πρ. $\underbrace{\breve{} \breve{} \breve{} - \breve{} \breve{}}_{7} \mid \underbrace{- \breve{} -}_{5}$.

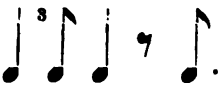
Такъ какъ, по ученію Аристоксена, части ритмической величины не могутъ находиться между собой ни въ отношеніи 3:5, ни въ отношеніи 7:5, то Шмидтъ предполагаетъ, что Аристоксенъ относилъ δόχμιος ὀκτάσημος къ разряду δακτυλικοί, и опирается при этомъ на извѣстное показаніе схолій къ Aesch. sept. 128.

Въ соотвѣтствіи съ дохміемъ въ восемь χρ. πρ. и дохмій въ двѣнадцать χρ. πρ. долженъ принадлежать по отношенію двухъ своихъ частей, какъ думаетъ Шмидтъ, или къ γ. ἴσον, или къ διπλάσιον. Установивъ эти общія основанія, Шмидтъ переходитъ къ разсмотрѣнію каждаго вида дохмія въ отдѣльности.

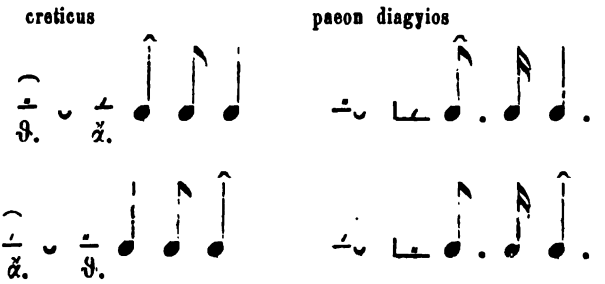
Дѣлить элементы сочетанія $\breve{} - - \breve{} \breve{} - \breve{} -$ такъ, чтобы они по своему отношенію принадлежали къ γένος διπλάσιον, невозможно; слѣдовательно, остается установить между ними такое отношеніе, по которому они будутъ принадлежать въ γ. ἴσον. Въ гликонеѣ данное сочетаніе дѣлится или такъ:

$\breve{} - - \breve{} \mid \breve{} - \breve{} -$, или такъ: $\breve{} - - \breve{} \breve{} \mid \breve{} \breve{}$,

если въ послѣднемъ случаѣ принимать дактиль за киклическій и вслѣдствіе этого равный по своей длительности трохею. Но, называя данное сочетаніе дохміемъ, Аристидъ, очевидно, не имѣлъ въ виду ни того, ни другого дѣленія его на части; другими словами, дактиль въ дохміи не былъ киклическимъ. Это заставляетъ насъ предположить, что тезисъ разсматриваемой ритмической величины представляетъ изъ себя ῥυθμὸς κατὰ σοζυγίαν σύνθετος: $\breve{} \breve{} \breve{} \breve{} \breve{}$ т. е. іоникъ ἀπὸ μείζονος съ анакрузисомъ (говоря языкомъ современной музыки $^3/_4$ тактъ съ анакрузисомъ, а по терминологіи древней ритмики πους ἑξάσημος διπλάσιος). Въ томъ случаѣ, когда за однимъ такимъ δωδεκάσημον слѣдуетъ другой, то анакрузисъ второго восполняетъ недостающее количество времени въ первомъ, благодаря чему арзисъ этого послѣдняго имѣетъ форму трохаической диподіи, которая съ точки зрѣнія метрика, не опирающагося на ритмику представляетъ ῥυθμὸς ἴσος, что соотвѣтствуетъ нашему $^6/_8$ такту, а для ритмика и ὁ συμπλέχων она есть тотъ же

іоникъ, который нашъ музыкантъ изобразилъ бы нотами слѣдующимъ образомъ: а древній въ виду того, что краткій звукъ всегда бываетъ вдвое короче долгаго,—такъ: или въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ:  Такимъ образомъ, дохмій Аристида и Бакхія, заключающій въ себѣ двѣнадцать χρ. πρ., можетъ быть изображенъ современными нотными знаками слѣдующимъ образомъ:

Описываетъ ритмическое значеніе этого сочетанія самъ M. Шмидтъ въ такихъ выраженіяхъ: nach einem auftackt folgen zwei ³/₄ tacte, deren letzter durch anaklasis in eine unruhigere bewegung übergeht— и изъ существованія его дѣлаетъ два вывода: 1) die seltenere form des dochmius, obwol von ihr nur in einer etwas anrüchigen partie des Aristeides die rede ist, die Bakcheios und Martianus Capella auch anführen, besteht zu recht und läszt scheinbar nach dem verhältnis von 7 : 5, in wahrheit nach dem verhältnis von 6 : 6 eine gliederung sehr wol zu. die einzelnen hexasemen können διπλάσιοι sein. 2) wir haben bisher nicht gewust was ein παιὼν διάγυιος sei, und haben ihn zur ungebühr den cretikern gleichgestellt. Aristeides erklärt ihn falsch. im creticus ist das verhältnis der tactteile 3 : 2, im παιὼν διάγυιος ist es das normale, 2 : 3. wir können uns den unterschied durch folgende tabelle klar machen:



Въ доказательство правильности такого объясненія παιὼν διάγυιος съ точки зрѣнія ритмики Шмидтъ указываетъ: 1) на то, что трохаическая диподія соединяется съ пеонами и сама пользуется названіемъ кретика; такую трохаическую диподію онъ обозначаетъ такимъ образомъ: ⏑ – | ⏑ –, указывая этимъ, что вторая стопа въ ней по своей длительности равняется только двумъ χρ. πρ. первой; 2) на то, что παιὼν ἐπιβατός въ виду его сопоставленія съ παιὼν διάγυιος у Аристида Квинтиліана долженъ быть признанъ за удвоеніе послѣдняго ⏑ – ⏑ – ⏑. Правда, описаніе παιὼν διάγυιος въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, не подтверждаетъ высказанной мысли; но происходитъ это, по мнѣнію Шмидта, отъ того, что Аристидъ Квинтиліанъ дѣлаетъ въ данномъ случаѣ ошибку, которая будетъ исправлена, если мы въ описаніи этой стопы у него разставимъ слова слѣдующимъ образомъ: παιὼν διάγυιος ἐκ μακρᾶς θέσεως καὶ μακρᾶς καὶ βραχείας ἄρσεως; изъ Марія Викторина сюда слѣдуетъ добавить для полноты еще seu contra. Такимъ образомъ, метрическая схема въ кретикѣ и въ παιὼν διάγυιος одинакова, но по своему ритмическому значенію эти стопы различны между собой: въ первой изъ нихъ краткій слогъ равняется цѣлому χρ. πρ., а каждый изъ двухъ долгихъ — двумъ; во второмъ же второй долгій слогъ содержитъ въ себѣ три χρ. πρ., первый есть ἄλογος, а краткій — brevi brevior.

Послѣ этого Шмидтъ занимается опредѣленіемъ мѣста главнаго ритмическаго ударенія въ дохміи, заключающемъ въ себѣ двѣнадцать χρ. πρ. Если мы, говоритъ онъ, въ этомъ послѣднемъ вынесемъ за тактъ въ качествѣ анакрузиса одинъ только краткій слогъ, то главныя ритмическія ударенія въ дохміи будутъ расположены слѣдующимъ образомъ:

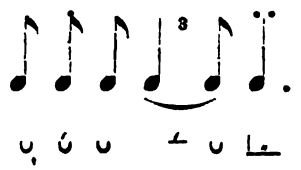
⏑ ⋮ ⏑ ⏑ – ⏑ ⏑ | – ⏑ |–

Возражать съ формальной точки зрѣнія противъ такого расположенія ритмическихъ удареній нельзя; но оно не совсѣмъ удобно въ виду того, что на χρ. ἀσύνθετοι въ такомъ случаѣ приходятся только второстепенныя ритмическія ударенія. Если же мы вынесемъ за тактъ въ качествѣ анакрузиса краткій и долгій слогъ или два краткихъ слога, замѣняющихъ его, то расположеніе ритмическихъ удареній будетъ таково:

⏑ ⏑ ⏑ ⋮ – ⏑ ⏑ – ⏑ | –

Въ пользу его свидѣтельствуетъ между прочимъ тотъ фактъ, что древніе дѣлятъ дохмій въ двѣнадцать χρ. πρ. на ямбъ, дактиль и пеонъ, а такое дѣленіе возможно только тогда, если главныя ритмическія ударенія падаютъ на второй и на послѣдній долгій слоги дохмія. Особенно ярко выступаютъ достоинства второго способа расположенія главныхъ ритмическихъ ударенiй передъ первымъ, когда соединяются другъ съ другомъ два дохмія.

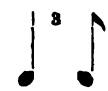
Покончивъ съ вопросомъ о ритмическомъ значеніи дохмія, заключающаго въ себѣ двѣнадцать χρ. πρ., Шмидтъ переходитъ къ дохмію въ восемь χρ. πρ. и разсуждаемъ такъ: если мы выкинемъ изъ дохмія въ двѣнадцать χρ. πρ. дактиль, то получимъ дохмій въ восемь χρ.. πρ., ритмическое значеніе котораго вслѣдствіе этого опредѣлится слѣдующимъ образомъ:



Такъ какъ дохмій въ двѣнадцать χρ. πρ. принадлежитъ по своему счету къ $^6/_4$ такта, то для опредѣленія того, къ какому счету относится дохмій въ восемь χρ. πρ., мы должны изъ $^6/_4$ вычесть $^2/_4$, откуда получится $^4/_4$. Изъ этого ясно, что дохмій долженъ принадлежать по отношенію своихъ χρ. ποδικοί къ γένος ἴσον.

Справедливость даннаго объясненія ритмическаго значенія дохмія, по мнѣнію Шмидта, не измѣнится, если мы вынесемъ за тактъ не одну восьмую ноты, а три восьмыхъ.

Къ тому же объясненію дохмія въ восемь χρ. πρ., по мнѣнію Шмидта, мы придемъ, и не прибѣгая къ помощи дохмія въ двѣнадцать χρ. πρ. Для этого мы должны въ дохміи, заключающемъ въ себѣ восемь χρ. πρ., первый краткій слогъ вынести за тактъ, недостающій въ концѣ одинъ χρ. πρ. восполнить посредствомъ анакрузиса слѣдующаго дохмія и разсуждать такимъ образомъ: по Аристоксену сочетаніе, заключающее въ себѣ восемь χρ. πρ., можетъ принадлежать только къ γ. ἴσον, что соотвѣтствуетъ нашему счету C и $^2/_4$; поэтому восемь χρ. πρ. дохмія мы должны дѣлить на части такимъ образомъ: $\breve{}^2\ \breve{}\ \breve{}^2\ \breve{}\ |\ \breve{}^3\ \breve{}\ \breve{}\ \breve{}^1$, что не представляетъ затрудненія не только тогда, когда каждый изъ нихъ выраженъ отдѣльнымъ слогомъ, но и тогда: 1) когда четыре

краткихъ слога въ первой половинкѣ, которая является тезисомъ всего сочетанія, замѣняются двумя долгими слогами, и 2) когда во второй половинкѣ этого сочетанія мѣсто перваго краткаго слога заступаетъ ирраціональный долгій, который съ слѣдующимъ за нимъ краткимъ слогомъ можетъ быть изображенъ современными нотными знаками слѣдующимъ образомъ: 

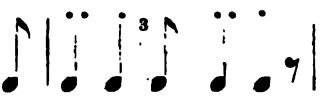
Но дѣлить такимъ образомъ дохмій возможно только при нѣкоторыхъ формахъ его; поэтому Шмидтъ задается вопросомъ, какъ объяснить ритмическое значеніе дохмія, когда онъ, напримѣръ, является въ своей нормальной формѣ ⏑ – – ⏑ – или съ распущеннымъ вторымъ долгимъ слогомъ: ⏑ – ⏑⏑ ⏑ –. Такія формы, по мнѣнію Шмидта, поддаются объясненію только въ томъ случаѣ, если мы допустимъ, что либо второй долгій слогъ дохмія, либо долгій слогъ, являющійся взамѣнъ второго краткаго слога, съ послѣдующимъ краткимъ по своей длительности равняются двумъ χρ. πρ. Разсмотрѣвъ въ отдѣльности каждую изъ относящихся сюда формъ дохмія, Шмидтъ дѣлаетъ касательно ихъ слѣдующій общій выводъ: so erhellt auf den ersten blick dasz 1) die thesis des ersten tacts mit der voraufgehenden anakrusis immer die form eines iambus ergibt ⏑ –; 2) die triolenform entweder der arsis des ersten oder der thesis des zweiten ³/₄ tacts angehört; nach dem gesetze dasz, wenn sie a) die arsis des ersten tacts bildet, der ganze zweite tact durch eine trisemos mit leimma gefüllt wird, b) wenn sie dagegen die thesis des zweiten bildtet, die arsis des ersten ein aus zwei reinen χρόνοι πρῶτοι bestehender σύνθετος oder ἀσύνθετος ist. es ist jedoch nicht nöthig, dasz im zweiten tacte immer triolenform herrscht, wenn die arsis des ersten aus solchen reinen χρόνοι πρῶτοι besteht; vielmehr kann 3) in diesem falle der zweite tact ebenfalls durch drei reine χρόνοι πρῶτοι ausgedrückt und das letzte achtel durch pause ergänzt werden. wol aber scheint es regel gewesen zu sein, dasz a) die arsis vom ersten tacte niemals in reinen χρόνοι πρῶτοι ausgedrückt wurde, wenn der folgende tact mit der trisemos begann; b) eben diese arsis niemals selbst triolenform haben konnte, wenn die thesis des zweiten tacts in triolenform auftrat; 4) die anakrusis konnte

irrational sein, so dasz auch alle möglichen formen des iambus erschöpft werden, der den päon diagyios einleitet (стр. 472).

Теперь остается разсмотрѣть только такіе случаи, когда дохмій вмѣсто кретика оканчивается либо на такое сочетаніе слоговъ: ⏑ ⏑ _ ⏒, либо на такое _ _ ⏒. Современными нотными знаками это сочетаніе можетъ быть изображено слѣдующимъ образомъ: . Замѣна въ такихъ случаяхъ послѣдняго краткаго слога посредствомъ ирраціональнаго долгаго съ точки зрѣнія ритмики, по мнѣнію Шмидта, не имѣетъ важнаго значенія, такъ какъ въ этомъ случаѣ долгій слогъ, являющійся взамѣнъ краткаго, вмѣстѣ съ послѣдующимъ кратким, который будетъ brevi brevior, составляетъ такое сочетаніе, которое можетъ быть выражено современными нотными знаками такъ: . Кромѣ того, тотъ фактъ, что могутъ встрѣтиться такимъ образомъ даже два долгихъ слога, когда одинъ дохмій кончается однимъ долгимъ слогомъ, а другой начинается другимъ, показываетъ, что съ точки зрѣнія ритмики оба такихъ долгихъ слога являются не болѣе, какъ только χρόνοι πρῶτοι.

Въ подтвержденіе своего объясненія дохмія Шмидтъ указываетъ на то, что у трагическихъ поэтовъ въ соединеніи съ дохміями встрѣчаются такіе элементы, которые исключаютъ всякій другой счетъ кромѣ C или 2.²/₄.

Въ заключеніе Шмидтъ задается вопросомъ, слѣдуетъ ли относить дохмій къ счету C или 2.²/₄; разница между ними та, что ⁴/₄ тактъ имѣетъ два σημεῖα, а 2.²/₄ тактъ—четыре. Такъ какъ древніе дѣлили дохмій на ямбъ и пеонъ, и такъ какъ пеонъ одинъ уже имѣетъ 2 σημεῖα, то это заставляетъ насъ допустить, что дохмій представляетъ изъ себя 2.²/₄ тактъ:



Прежде чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ этого объясненія того и другого дохмія, которое предлагаетъ Шмидтъ, мы должны замѣтить, что существованіе дохмія въ двѣнадцать χρ. πρ. подвержено большему сомнѣнію, ср. стр. 20 и сл.

Но допустивъ даже, что онъ дѣйствительно существуетъ, мы не можемъ признать, чтобы ритмическое значеніе его было опредѣлено Шмидтомъ безукоризненно.

Во-первыхъ, какъ въ лирической, такъ и въ драматической поэзіи Грековъ мы находимъ іоники только съ анакрузисомъ въ два χρ. πρ., и ничто не указываетъ на то, чтобы они существовали съ анакрузисомъ въ одинъ безразличный слогъ.

Во-вторыхъ, существованіе παιὼν διάγυιος съ тѣмъ ритмическимъ значеніемъ, какое ему приписываетъ Шмидтъ, едва-ли можетъ быть допущено. Судя по описанію этой стопы у Аристида Квинтиліана, онъ ничѣмъ не отличается ни по схемѣ, ни по своему ритмическому значенію отъ кретика. Исправлять же текстъ Аристида Квинтиліана у насъ нѣтъ никакихъ основаніи. Правда, Шмидтъ указываетъ на то, что существуетъ аналогичная съ παιὼν διάγυιος трохаическая диподія, въ которой вторая стопа равняется двумъ χρ. πρ.; но такъ какъ подтверждаетъ онъ это только тѣмъ, что такая трохаическая диподія называется кретикомъ и больше ничѣмъ, то мы не можемъ считать Шмидта правымъ въ объясненіи ея ритмическаго значенія. Ссылки на παιὼν ἐπιβατός нельзя признать вѣскимъ доводомъ уже потому, что описаніе этой ритмической величины не безъ основанія заподозрѣно Кристомъ со стороны его надежности, ср. Christ, Metrik² стр. 290.

Въ-третьихъ, если мы представимъ себѣ два рядомъ стоящихъ дохмія въ двѣнадцать χρ. πρ. каждый, то замѣтимъ въ серединѣ его двѣ трохаическихъ стопы, которыя при одинаковой схемѣ имѣютъ разное ритмическое значеніе, что также представляется очень подозрительнымъ.

Не соглашаясь съ Шмидтомъ въ объясненіи имъ дохмія въ двѣнадцать χρ. πρ., мы также мало можемъ признать его правильно понявшимъ ритмическое значеніе и дохмія въ восемь χρ. πρ. прежде всего потому, что этотъ ученый не можетъ сослаться въ оправданіе своего взгляда ни на одно свидѣтельство, идущее изъ древности.

Далѣе, передвиженіе ирраціональнаго долгаго слога въ дохміи и короткаго brevi brevior внушаетъ подозрѣніе потому, что требуетъ очень совершенной системы нотописанія, которой древніе не обладали; въ противномъ случаѣ такое передвиженіе легко могло вводить въ заблужденіе исполнителей.

Кристъ, прежде чѣмъ приступить къ объясненію ритмическаго значенія дохмія и опредѣленію положенія въ немъ удареній, обращаетъ вниманіе на два слѣдующихъ пункта, которые имѣютъ важное значеніе при рѣшеніи этихъ вопросовъ: во-первыхъ, такъ какъ всѣ формы дохмія не только являются въ строфахъ другъ около друга, но даже взаимно соотвѣтствуютъ другъ другу, то въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣсто второго краткаго слога въ дохміи занимаетъ долгій слогъ (⏑ – – (⏑) – и – ⏑ ⏑ – (⏑) –), никакъ нельзя принимать его за μακρὰ τρίσημος въ виду того, что этому долгому слогу въ строфѣ можетъ соотвѣтствовать краткій слогъ въ антистрофѣ и наоборотъ; во-вторыхъ, соотвѣтствіе такихъ формъ какъ ⏑ – – ⏑ – и – ⏑ ⏑ – ⏑ –, хотя и рѣдкое, служитъ доказательствомъ того, что мы не имѣемъ права допускать въ нихъ различнаго положенія удареній, а соотвѣтствіе такихъ ⏑ ⏑⏑ – ⏑ – и ⏑ – – ⏑ – показываетъ, что мы не можемъ, принимать первый долгій слогъ дохмія за μακρὰ τρίσημος.

Разсмотрѣвъ затѣмъ показанія о дохміи, идущія изъ древности, и найдя, что положиться на нихъ нельзя въ виду ихъ неопредѣленности и шаткости, Кристъ дѣлаетъ попытку опредѣлить ритмическое значеніе дохмія собственными силами. Дохмій, по его мнѣнію, представляетъ изъ себя совершенно самобытную стопу:... erscheint uns der Dochmius als ein einziger rhythmischer Fuss, der wohl eine gewisse Verwandschaft mit dem Jambus und Päon hat, aber doch als ein eigener Rhythmus für sich zu betrachten ist (Metrik², стр. 435). Главное ритмическое ударение Кристъ кладетъ на второй долгій слогъ дохмія: Wir lassen, говоритъ онъ, die 3 ersten Kürzen oder den beginnenden Jambus die Stelle der Thesis oder der Anakrusis vertreten.... Gegenüber dem Hauptictus scheinen die Nebenicten ganz zurückgetreten zu sein, so dass sie sogar in den verschiedenen Formen des Dochmius verschieden fallen konnten:

⏑ ⏑ – ⏑ – ⏑ ⏑ – ⏑ – ⏑ – ⏑ – ⏑ ⏑ – ⏑ –

(стр. 434 и сл.).

Полагая, что главное ритмическое ударение въ дохміи находилось на второмъ долгомъ слогѣ, Кристъ основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ: во-первыхъ, только такимъ положеніемъ ритмическаго ударенія можно объяснить очень частое распущеніе пер-

ваго долгаго слога и сравнительно рѣдкое—второго долгаго; во-вторыхъ, на такое же положеніе ударенія указываетъ и возможность замѣны формы ⏑ – – ⏑ – формой – ⏑ ⏑ – ⏑ –. Кромѣ того, при такомъ положеніи ударенія объясняются будто-бы показанія ритора Діонисія объ мелодіи пародоса Ореста (De corpm. verb. c. 11).

Къ сказанному Кристъ прибавляетъ относительно второстепенныхъ удареній слѣдующее: Wie die Nebenicten des Dochmius, namentlich im Falle der Auflösung der ersten Länge, zu vertheilen sind, ob man ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ – oder ⏑ ⏑⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ansetzen soll, darüber wage ich mich nicht mit Zuversicht auszusprechen. Beachtung aber verdient der Umstand, dass in Dochmien mit beginnendem Päon oft die erste Sylbe den Wortaccent hat... Umsomehr werden wir in Dochmien mit beginnendem Daktylus der ersten Länge ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ – nicht der ersten Kürze – ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ – den Nebenictus zu geben berechtigt sein (стр. 435).

Опредѣляя число χρ. πρ. въ дохміи, Кристъ высказываетъ мысль, что оно находится въ зависимости отъ темпа, съ какимъ исполняется этотъ размѣръ: Bei langsamem Tempo, говоритъ онъ, kann die zweite oder letzte Länge über den Umfang einer einfachen Länge hinaus anwachsen, so dass, wenn in einer dochmischen Periode die Auflösung der Längen durchweg vermieden ist, man den betreffenden Längen geradezu den Werth von 3 Zeiten geben kann:

– ⏑ ⏑ | – ⏑ | ⌊– | – ⏑ ⏑ | – ⏑ | ⌊– oder
– ⏑ ⏑ | – ⏑ | – ∧ | – ⏑ ⏑ | – ⏑ | – ∧ |
⏑ | ⌊– | – ⏑ | – ⏑ | ⌊– | – ⏑ | – | oder
⏑ ⏑⏑ | – ⏑ | – ⏑ | ⌊– | – ⏑ | – ∧ |

Da aber in der Regel die Dochmien in raschestem Tempo vorgetragen wurden, und in keinem Rhythmus häufiger die Längen sich aufgelösst finden, so bleibt als Norm für den Dochmius die achtzeitige Messung (стр. 436).

Въ вопросѣ о ритмическомъ значеніи дохмія Кристъ совершенно правильно указываетъ, что дохмій представляетъ изъ себя особый γένος ῥυθμοῦ съ главнымъ ритмическимъ удареніемъ на своемъ второмъ долгомъ слогѣ. Только относительно переноса второстепеннаго ритмическаго ударенія и количества χρ. πρ. въ дохміи мы не можемъ согласиться съ Кристомъ. Что касается перваго пункта, то

онъ уже былъ выясненъ нами ранѣе, см. стр. 153 и сл. Относительно же второго мы должны замѣтить слѣдующее.

Исполняя одну и ту же ритмическую величину въ разныхъ темпахъ, мы не можемъ ни увеличивать, ни уменьшать число χρ. πρ. въ ней, потому что оно остается неизмѣннымъ, а измѣняется только длительность каждаго χρ. πρ. Слѣдовательно, еслибы дѣйствительно послѣдній долгій слогъ дохмія протягивался въ χρ. τρίσημος, то это могло бы одинаково происходить какъ при медленномъ, такъ и при быстромъ темпѣ. Далѣе, допуская возможность такого протяженія, Кристъ разрываетъ связь съ преданіемъ, идущимъ изъ древности, по которому дохмій заключаетъ въ себѣ восемь χρ. πρ.

Древесъ высказалъ свой взглядъ на ритмическее значеніе дохмія въ статьѣ Theorie des Dochmius, помѣщенной въ Neue Jahrbb. f. Phil. N. F. 121 Bd. (1880) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: er, т. е. dochmius, besteht meiner meinung nach nicht aus zwei zusammengezwungenen versfüssen oder tacten, sondern er ist ein einfacher fusz oder tact mit eigenartigem rhythmus, dessen leichter und schwerer tacttheil ebenso wenig auf den namen besonderer füsze (grundtacte) anspruch hat, wie etwa die des päon (trochäus und pyrrichius) oder des choriambus, den schon die alten metriker fälschlich aus choreus und iambus zusammengesetzt sein lieszen; er ist aber ein fusz, der wegen seiner ausdehnung zugleich als μέτρον und κῶλον und wegen der eigenthümlichkeit des verhältnisses von arsis und thesis als besonderes rhythmengeschlecht erscheint. und da kann es denn nicht zweifelhaft sein, dasz dieses γένος ῥυθμικόν einfach eine unterart (die dritte) des γένος ἄνισον ist: denn wie man auch sonst den dochmius in seine (nicht zwei halbtacte, sondern) tactteile (den schweren und den leichten, tragenden und getragenen) zerlegen mag, immer wird man auf das verhältnis 5 : 3 kommen, und zwar wol am richtigsten, indem man diesen eminent lyrischen rhythmus musikalisch betrachtet, in der weise dasz die beiden ersten längen (die nach H. Schmidt zuweilen zusammengezogen werden) mit einer kürze den schweren, die letzte länge mit einer kürze den leichten tactteil bilden, also

. von dieser in besonderm sinne schiefen teilung

(da ein achtzeitiger tact gar nicht ungerade geteilt zu werden braucht, sondern die gerade teilung in 4+4 viel näher und bequemer liegt) hat der dochmius sicherlich seinen namen bekommen (стр. 410 и сл.).

Мы должны признать справедливымъ основное положеніе автора, что дохмій представляетъ изъ себя простую стопу съ тезисомъ въ пять χρ. πρ. и арзисомъ въ три, хотя оно теряетъ до нѣкоторой степени свою цѣну оттого, что является ничѣмъ не подтвержденнымъ. Что же касается опредѣленія состава тезиса и арзиса, то оно сдѣлано у него совершенно неправильно, такъ какъ находится въ противорѣчіи съ естественнымъ расположеніемъ ритмическихъ ударенiй и тѣмъ дѣленіемъ дохмія на составныя части, которое мы находимъ у древнихъ метриковъ (см. стр. 49 и сл.).

Взглядъ *Клотца* на ритмическое значеніе дохмія намъ извѣстенъ только изъ рецензіи его на ритмику Вестфаля въ третьемъ изданіи ея, помѣщенной въ Jaheresber. f. Alterthumswiss. XLVI (1886, III). Указавъ, что Вестфаль ошибочно полагаетъ, будто ритмическія величины, состоящія изъ восьми χρ. πρ., могутъ дѣлиться только на 4+4, Клотцъ продолжаетъ такъ: Und doch haben wir im achtzeitigen Dochmius ein derartiges μέγεθος in ausnahmweise schräger Gliederung und zwar nach einer Ueberlieferung schol. ad Aesch. sept. 99, 120, die auch Westphal... als gut und alt anerkennt. Dass dieselbe auf einen erfahrenen alten Rhythmiker zurückgeht, beweist für Ref. der Satz καὶ ταῦτα δὲ δοχμιακά ἐστιν καὶ ἴσα ἐάν τις αὐτὰ ὀκτασήμως βαίνῃ, d. h. wenn man den Dimeter als 8 : 8 d. i. 1 : 1 taktiert. Der achtzeitige Einzeltakt (ὀκτάσημος ῥυθμός) ist schräg gegliedert, indem man ihn ähnlich wie den Päon – ⏑ | ⏑ ⏑ zerlegte, etwa in ⏑ ⏝ und ⏝ ⏑ –. Überhaupt kommt die alte Überlieferung bei diesem Rhythmus durch Verfasser nicht zum Verständnis. Zwei Thatsachen, die diese verbürgt, bleiben ihm reine Rätsel, nämlich die zweite, aber seltenere Art des zwölfzeitigen Dochmios, die Aristeides überliefert und die auch nicht leicht, wie Verfasser will, auf einen Fehler der Handschrift zurückgeführt werden kann, da ein Beispiel das Schema bezeugt, und die Angabe des schol. Hephaest., dass einige als Grundform des Dochmios nicht ⏑ – – ⏑ –, sondern ⏑ – – – ⏑ ⏑ ⏑ annehmen. Gerade diese beiden Thatsachen aber erklären sich bestens bei der Annahme des Refe-

renten, ...dass der schräg gegliederte achtzeitige Takt (ῥυθμὸς ὀκτάσημος δόχμιος) durch eine Art von Anaklasis oder Hyperthesis aus dem gerade gegliederten achtzeitigen Takte (ῥυθμὸς ὀκτάσημος ὀρθός d. i. anapästischer oder daktylischer Monometer) entstanden sei. Gehen wir z. B. vom anapästischen Monometer aus, der ja in seinem Ethos und hypermetrischen Gebrauch in Klagegesängen dem Dochmios so nahe steht, so nahm man, um eine Steigerung der gewöhnlichen Klage zur erschütternden Klage eines haltlosen, dem Geschick erliegenden Helden zu kommen, dasselbe vor, wie um vom iambischen Monometer zum ionischem Rhythmus zu kommen. Dort gliederte man statt ⏑ – ⏑ – | ⏑ – ⏑ –, indem man die beiden Hebungen vereinigte ⏑ ⏑ – – | ⏑ ⏑ – – ionicus a minore, oder – – ⏑ ⏑ | – – ⏑ ⏑ ionicus a maiore ohne Auftakt einem Ditrochäus gleich, oder auch – ⏑ ⏑ – | – ⏑ ⏑ – im Choriamb mit Hebung am Anfang und Ende; oder endlich ⏑ – – ⏑ | ⏑ – – ⏑ im Antispast, der nur in diesem Sinne als Abart des ionischen Rhythmus eine gewisse Berechtigung hat,... indem man die Senkung am Anfang und Ende verteilte. Ähnlich machte man es mit dem Anapäst; man vereinigte die beiden Hebungen, denn die erste beiden Hebungen im Dochmius hatten die Icten, die letzte war tonlos, wie uns Dionysios den Dochmios beschreibt,... also –́ –̄ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ und nahm statt der zwei Kürzen der Anapästen nur eine tonlose Kürze als Auftakt vor, also

$\frac{8}{8}$ ⏑, –́ –̄, ⏑ ⏑⏜⏑ | ⏑, –́ –̄, ⏑ ⏑⏜⏑ u. s. w.,
θέσις ἄρσις θέσις ἄρσις

dann hat es einen guten Sinn, wenn τινὲς οὕτω μετροῦσιν ⏑ –́ –̄ ⏑ ⏑ ⏑. So oder ähnlich erklärt sich nach alter Überlieferung und Analogie des ionischen Rhythmus der dochmische Monometer durch Anaklasis aus dem Monometer des γένος ἴσον, dem anapästischen (daktylischen) Monometer, der dochmische Dimeter ganz so aus dem anapästischen Dimeter. Und wollte man die selten gebrauchte anapästische oder daktylische Tripodie ähnlich brechen oder schräg zergliedern, so musste man auf den von Aristides beschriebenen zwölfzeitigen Dochmios ⏑ ⏑⏜⏑ – ⏑ ⏑ – ⏑ – kommen. Dass es aber nur diese beiden Dohmioi gab und keinen andern, erklärt sich nun ganz

natürlich, ebenso dass dieser letzte Dochmios so gut wie nicht in der Praxis vorkam (стр. 59 и сл.).

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ общемъ взглядъ Клотца на дохмій правиленъ; однако въ частностяхъ этотъ ученый дѣлаетъ нѣсколько ошибокъ.

Такъ: второстепенное ритмическое удареніе въ дохміи, по всѣмъ вѣроятіямъ, падало не на первый долгій слогъ его, а на третій, ср. стр. 50 и сл. Извѣстное свидѣтельство Діонисія Галикарнасскаго объ исполненіи трехъ стиховъ Eur. Or. 140—142 (De comp. verb. гл. 11) не можетъ помочь намъ рѣшить вопросъ о томъ, было ли на послѣднемъ слогѣ дохмія ритмическое удареніе или нѣтъ, потому что Діонисій Галикарнасскій въ данномъ мѣстѣ сообщаетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мелодіи, а не о ритмѣ разсматриваемыхъ имъ стиховъ.

Аналогія между іониками и дохміями проведена слишкомъ смѣло, такъ какъ стопа іоника (но не хоріямба и антиспаста, самое существованіе которыхъ сомнительно, особенно послѣдняго даже въ томъ смыслѣ, въ какомъ его допускаетъ Клотцъ) можетъ чередоваться даже въ предѣлахъ одного и того же члена съ трохаической диподіей, тогда какъ дохміи ни съ дактилическими, ни съ анапестическими диподіями не чередуется такимъ образомъ.

Что касается дохмія, заключающаго въ себѣ двѣнадцать χρ. πρ., то относительно его остается совершенно непонятнымъ, почему онъ, имѣя такое ритмическое значеніе, какое приписываетъ ему Клотцъ, не употреблялся на практикѣ и какимъ образомъ тѣмъ не менѣе оказался упомянутымъ у Аристида Квинтиліана, Марціана Капеллы и Бакхія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Показанія древнихъ о дохміи. Схема дохмія.—Общая характеристика показаній древнихъ о дохміи.—*Дохмій въ теоріяхъ краснорѣчія*: Цицеронъ.—Квинтиліанъ.—Руфинъ.—*Дохмій у ритмиковъ и музыкантовъ*:—Схоліи къ Эсхилу.—Ритмики схолій къ Гефестіону и Etym. M.—Аристидъ Квинтиліанъ и Марціанъ Капелла.—Бакхій.—*Дохмій у грамматиковъ и метриковъ*: Гефестіонъ и схоліи А.—Etym. M.—Триха.—Димитрій Триклиній.—Схоліи къ „Птицамъ" Аристофана.—Цезій Бассъ.—Марій Викторинъ.—Марій Плоцій Сацердотъ.—Діомедъ..... 1—35

Названіе и ритмическое значеніе дохмія. Общій обзоръ теорій дохмія у древнихъ.—Названіе дохмія.—Число моръ въ дохміи.—Число и расположеніе удареній.—Тезисъ и арзисъ дохмія.—Дохмій съ современной точки зрѣнія ..... 35—56

Теорія дохмія, выставленныя въ новое время. Общая характеристика теорій, посвященныхъ объясненію ритмическаго значенія дохмія въ новое время.

A. Теоріи, которыя, допуская въ дохміи перемѣну ритмическаго движенія, *дѣлятъ его* a) *на бакхій и ямбъ*: Россбахъ.—Беллерманъ.—Грабовъ.—Диндорфъ.—Г. Шмидтъ.—b) *на ямбъ и кретикъ*: Бёкъ.—Мункъ.—Лортцингъ.—Лёшгорнъ.—c) *признаютъ возможнымъ дѣлить его тѣмъ и другимъ способомъ*: Цезарь.

B. Теоріи, которыя, не допуская въ дохміи перемѣны ритмическаго движенія, *относятъ его къ разряду* a) *антиспастовъ*: Германъ.—Зейдлеръ.—Е. Фонъ-Леутшъ.—Фритче.—b) *ямбовъ*: Гольдманъ.—Шуллье.—Пикель.—c) *трохеевъ*: Брамбахъ.—Фогельманъ.—d) *бакхіевъ*: Бергкъ.—Вестфаль.—e) *пеоновъ*: Штейгеръ.—f) *признаютъ за самобытную стопу*: Мейсснеръ.—М. Шмидтъ.—Кристъ.—Древесъ.—Клотцъ.....57—179

3 2044 022 598 791